

От автора бестселлера **THE ONE. ЕДИНСТВЕННЫЙ**

Езда на автомобиле... больше не будет
ощущаться прежней рутиной.

LOS ANGELES TIMES

ПАССАЖИРЫ

**Восемь заранее отобранных жертв.
Кто выживет, кто погибнет?
Решать вам...**

ДЖОН МАРРС

Альфа-триллер

Джон Маррс
Пассажиры

«ЭКСМО»

2019

УДК 821.111-312.4
ББК 84(4Вел)-44

Маррс Д.

Пассажиры / Д. Маррс — «Эксмо», 2019 — (Альфа-триллер)

ISBN 978-5-04-112592-9

Загадочный хакер взломал системы управления восьми самоуправляемых машин, с недавних пор ставших нормой для всех жителей Великобритании. Теперь он угрожает их пассажирам смертью. Среди его заложников – угасающая телезвезда; нелегальный иммигрант; молодая беременная женщина; муж и жена, едущие отдельно; ветеран военного конфликта; желающий покончить с собой мужчина; жена, сбегаящая от своего тирана-мужа. Встроенные камеры транслируют их панику миллионам зрителей по всему миру. И теперь эти миллионы должны принять чью-то сторону. Потому что хакер уже открыл голосование: «Кто из них выживет в конце? И кто умрет первым?»

УДК 821.111-312.4

ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-04-112592-9

© Маррс Д., 2019

© Эксмо, 2019

Содержание

Пролог	8
Часть I	9
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	20
Глава 5	24
Часть II	29
Глава 6	29
Глава 7	32
Глава 8	36
Глава 9	39
Глава 10	42
Глава 11	44
Глава 12	49
Глава 13	51
Глава 14	54
Глава 15	57
Глава 16	59
Глава 17	61
Глава 18	63
Глава 19	64
Глава 20	67
Глава 21	69
Глава 22	72
Глава 23	75
Глава 24	78
Глава 25	81
Глава 26	85
Глава 27	88
Глава 28	90
Глава 29	95
Глава 30	97
Глава 31	100
Глава 32	103
Глава 33	106
Глава 34	108
Глава 35	111
Глава 36	115
Глава 37	119
Глава 38	121
Глава 39	125
Глава 40	128
Глава 41	131
Глава 42	133
Глава 43	135

Глава 44	140
Глава 45	142
Глава 46	149
Глава 47	151
Глава 48	157
Глава 49	159
Глава 50	164
Глава 51	166
Глава 52	169
Глава 53	171
Глава 54	175
Глава 55	178
Глава 56	180
Часть III	181
Глава 57	181
Глава 58	183
Глава 59	186
Глава 60	187
Глава 61	191
Глава 62	194
Глава 63	197
Глава 64	199
Глава 65	203
Глава 66	206
Глава 67	210
Часть IV	213
Глава 68	213
Глава 69	217
Глава 70	223
Благодарности	224

Джон Маррс Пассажиры

*Памяти Бриджетт Дрисколл,¹
1851–1896*

John Marrs

THE PASSENGERS

Copyright © John Marrs, 2019. First published by Del Rey in 2019,
Del Rey is part of the Penguin Random House group of companies

АЛЬФА-ТРИЛЛЕР

© Филонов А.В., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

UK
NEWS

Новости Великобритании

Палата лордов единогласно выступила в поддержку беспилотных транспортных средств на британских дорогах в ближайшие пять лет. Запрет на неавтономные транспортные средства должен вступить в силу через десятилетие.

Часть I

Глава 1 Клер Арден

< Заметки

1. Запрограммировать машину до офиса Бена.
2. Использовать приложение Uber с гостевой учетной записью. Настоящим именем не пользоваться.
3. Сесть на парковке Бена, поехать на работу.
4. Начать эсэмэсить Бену до полудня.
5. Позвонить его шефу около полудня.

Не успела входная дверь закрыться, как авто уже припарковалось перед домом Клер Арден, ожидая ее.

Она мешкала на крыльце, перечитывая заметки, сделанные в своем телефоне, пока не услышала негромкое «бип-бип-бип» сигнализации – это дом поставил себя на охрану. Искоса окинула взглядом пригородный объект недвижимости, как две капли воды похожий на множество других таких же в Питерборо. Сундрадж из двадцать седьмого дома был единственным из соседей, находившимся на улице; он направлял свою шумную малолетнюю семейку в мини-фургон, словно фермер, пытающийся перегнать овец с одного пастбища на другое. Заметив Клер, одарил ее полуулыбкой и таким же недоделанным взмахом руки. Она парировала тем же.

Ей припомнилась вечеринка прошлой весной в честь пятнадцатилетней годовщины Сундраджа и его жены Шибон. Они отметили это дело барбекю, пригласив чуть ли не всю улицу. Сундрадж улучил время пьяно припереть Клер к стенке – а точнее, преградить путь из ванной на первом этаже – и заявить, что если она со своим мужем Беном надумает пригласить в спальню третьего, то он открыт для предложений. Клер вежливо отказалась, и Сундрадж запаниковал, умоляя не говорить Шибон. Клер обещала, что не станет, притом совершенно не покрывив душой. Даже Бену не сказала. Она была готова побиться об заклад, что у каждого на улице есть хоть один секрет, упрятанный от остального мира, и у нее в том числе. Особенно у нее.

Пока автомобиль Сундраджа выбирался из «кармана», Клер проделала ряд глубоких успокоительных вздохов, с тревогой глядя на собственное авто. Прошло уже три недели с тех пор, как Бен подписал договор лизинга, а она все никак не освоится с множеством новых функций в машине. Самый большой контраст между ней и их прошлым автомобилем – полное отсутствие рулевого колеса, педалей и опции перехода на ручное управление. Авто совершенно беспилотное, и это ее страшит.

Они зачарованно смотрели, как машина прибыла, доставив себя к их дому и припарковавшись на подъездной дорожке. Уловив тревогу и неприятие Клер, Бен заверил ее, что авто может управлять любой, даже она, и что оно оборудовано «защитой от дураков». Они уже персонализировали свои настройки через приложение, так что в ответ Клер с прищуром двинула

его кулаком в руку. Бен запротестовал, что вовсе не имел в виду, будто она и есть упомянутая дура.

– Мне не нравится быть не у руля – и в прямом, и в переносном смысле, – поведала Клер Бену во время первой поездки на прием к врачу. И ухватила за сиденье, когда авто помигало поворотником и обогнало одного из собственных сородичей.

– Это потому что ты помешана на контроле, – заметил Бен. – Тебе надо научиться доверять тому, что не в твоей власти. И потом, страховка стоит всего ничего, а нам ведь надо отложить немного денег, разве нет?

Клер неохотно кивнула. Будучи по природе дотошным и скрупулезным, Бен потратил порядком времени и сил, подыскивая автомобиль, в точности вписывающийся в их переменчивые обстоятельства. И она рада была видеть, как после нескольких адских месяцев муж снова становится прежним собой. Он пытался вовлечь ее в процесс, предлагая выбрать цвет кузова и ткань обивки сидений, но Клер лишь отмахнулась от его женоненавистнического предположения, что покупка автомобиля – «дело мужское» и всё, кроме эстетики, выше ее понимания. В последние дни она то и дело ловила себя на том, что набрасывается на него без повода с его стороны, в чем тут же и раскаивалась. Но это не мешало ей срываться снова и снова, и она уже побаивалась, что ее тихое негодование на него всплывает все ближе к поверхности...

Задок машины на миг приковал к себе взгляд Клер, прежде чем тупой пинок по почкам вывел ее из задумчивости.

– С добрым утром, – шепнула она, потирая огромный округлившийся живот. Этим утром Малютка Тейт напомнил о своем существовании впервые. Этим прозвищем его наделили, когда акушерка уведомила их, что он весит около фунта и такого же размера, как пакет сахара «Тейт энд Лайл». Впрочем, шутовское прозвище как-то прижилось, и они начали подумывать о нем всерьез.

Если все пойдет по плану, через два месяца Клер станет первороженицей. Доктор Бэркло предупредил, что со своим повышенным артериальным давлением она обязана исключить из своей жизни любые стрессы. Легко сказать! А уж выполнить... в последние пару часов это стало и вовсе невозможно.

– Ты справишься, – сказала вслух Клер, открывая дверцу авто. Поставила сумочку на правое переднее сиденье и поместила себя в автомобиль кормой вперед. Ее живот начал выпирать куда раньше, чем у подруг, когда те были беременны, и порой Клер казалось, что она вынашивает слоненка. Тело непрестанно перечило само себе – в одних местах усыхало, зато в других распухало так, что, того и гляди, лопнет.

Нажав на кнопку закрывания дверцы, Клер повернула голову для сканирования сетчатки. Быстрым взором окинув свой облик, заметила, что ее голубые глаза окружает розовато-белая кайма, а темные круги под ними виднеются и сквозь тональный крем. Свою белокурую челку Клер сегодня утром не поправляла, и та висела как попало, ниспадая на брови.

Как только сканирование подтвердило, что Клер – зарегистрированный Пассажир, электродвигатель бесшумно ожил, а центральная консоль приборной доски и операционная система расцвели синими и белыми огнями.

– Работа Бена, – произнесла Клер, и на экране появилась трехмерная карта пути от дома до офиса в нескольких милях за городом.

Едва машина тронулась, Клер буквально подскочила, потому что из динамиков без всякого предупреждения рявкнул плей-лист рок-хитов 1990-х. Клер претили и ужасающие музыкальные предпочтения Бена, и громкость, на которой он их проигрывал. Но ей еще надо разобраться, как отключить его потоковое вещание и создать собственный список воспроизведения. А потом, когда зазвучали вступительные такты старой песни группы «Арктик Манкиз», излюбленной Беном, Клер не сумела удержаться от слез. Он знал ее наизусть от слова до слова.

– Зачем ты с нами так? – запричитала она. – Почему именно сейчас?

Утирая глаза и щеки ладонями, выключила музыку, оставшись в зловещей тишине машины, продолжавшей следовать по маршруту. Еще раз пробежалась по списку дел; столько еще надо переделать до полудня, чтобы все удалось... Она то и дело напоминала себе, что делает все это ради правого дела; все это ради Тейта. И как бы сильно она ни жаждала встречи с ним, крохотная частичка ее души желала, чтобы он вечно оставался в безопасности внутри нее, где она сможет продолжить защищать его от жестокого мира.

Клер поглядела сквозь ветровое стекло как раз в тот момент, когда автомобиль неожиданно свернул вправо, а не влево, в противоположном направлении от офиса Бена в предместьях Питерборо. Прищурилась, вглядываясь в карту маршрута навигационной системы, в полной уверенности, что запрограммировала ее правильно. Потом вспомнила слова Бена, что иногда, узнав о пробках впереди, беспилотные авто избирают альтернативный маршрут. Клер лишь уповала, что от этого поездка не слишком затянется. Чем раньше она сможет покинуть это авто, тем лучше.

Внезапно консоль погасла. Поколебавшись, Клер постучала по ней, нажимая разные пиктограммы наугад в попытке найти способ перезагрузить ее. Без толку.

– Проклятье, – буркнула она под нос. Надо же, чтобы из всех дней оказаться внутри неисправного автомобиля именно сегодня! Авто выбрало иной маршрут, на сей раз покотив по съезду к автостраде, которая уведет еще дальше от цели, это Клер знала точно.

И забеспокоилась.

– Что происходит? – спросила она вслух, про себя проклиная решение Бена, уговорившего взять машину без перехвата управления. Принялась снова наобум тыкать кнопки в уповании на какую-нибудь случайность, которая позволит ей восстановить контроль и приказать машине остановиться.

– Запрограммировано альтернативное место назначения, – раздался вкрадчивый женский голос, в котором Клер узнала голос операционной системы автомобиля. – Ведется перерасчет маршрута. До места назначения два часа тридцать минут.

– Что?! – опешила Клер. – Нет! Куда мы едем?

Зная, что машина останавливается перед светофорами, она усмотрела в этом шанс улизнуть. Поспешно отстегнула ремень безопасности и стукнула по кнопке отпирания дверей. Главное выйти, а уж там она сможет собраться с мыслями и пересмотреть план. Понимая при этом, что, какая бы альтернатива ни подвернулась, покидать авто без присмотра нельзя ни в коем случае. Однако дверь не поддавалась. Клер давила на кнопку снова и снова, крепче и крепче, но без толку. Малыш брыкнулся снова.

– Все будет в норме, все будет в норме, – твердила она, пытаясь убедить обоих, что сумеет отыскать выход.

Повернув голову к соседней машине, стоящей перед светофором, Клер замахала руками, пытаясь привлечь внимание водителя, но тот был слишком поглощен фильмом, воспроизводимым на его широком смарт-экране. Она махала лихорадочнее и лихорадочнее, пока наконец не поймала его взгляд. Он повернул голову к ней, но ее окна в мгновение ока из прозрачных стали матовыми. Кто-то удаленно включил контроль приватности, чтобы никто не увидел ее отчаянного положения.

Клер наконец сообразила, в чем дело – ее машину контролирует кто-то другой, – и ее охватил ужас.

– Доброе утро, Клер, – вдруг прозвучал из динамиков мужской голос.

Она непроизвольно вскрикнула. Голос был спокоен и не напряжен, чуть ли не дружелюбен, но совершенно однозначно нежелателен.

– Возможно, ты уже обратила внимание, что твой автомобиль больше тебе не подчиняется, – продолжал он. – Отныне и впредь твоя участь в моих руках.

– Кто вы? – спросила Клер. – И чего хотите?

– Ни то, ни другое сейчас роли не играет, – ответил голос. – На данный момент тебе нужно знать лишь одно: через два часа тридцать минут ты с большой вероятностью будешь мертва.

Глава 2

Джуд Харрисон

ROUTE MASTER 2000

НОМЕР ДОМА:	нет данных
НАЗВАНИЕ УЛИЦЫ:	нет данных
ПОЧТОВЫЙ ИНДЕКС:	нет данных
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ СВЕДЕНИЯ:	56.0006°N, 3.3884°W

Взгляд Джуда Харрисона был прикован к зарядному шнуру, тянущемуся от стены и воткнутому в решетку радиатора машины.

Он толком не представлял, ни сколько уже просидел в автомобиле, таращась на пункт зарядки, ни чем тот так пленил его внимание. Осознав, что напрочь утратил счет времени, посмотрел на часы на приборной доске. Чтобы не выбиться из графика, надо скоро трогаться. Стрельнул глазами на индикатор батареи – до полного заряда осталось десять минут. Для всех поездок полный заряд ему и не требуется, но, когда заряд ниже трех четвертей, у Джуда всякий раз разыгрывается мандраж.

Большинство прочих автомобилей на парковке супермаркета заряжаются куда умнее, чем его корыто, используя бесконтактные нагнетательные зарядники, встроенные в асфальт перед светофорами, в объезды, парковочные места и даже автомобильные фастфуды. Джуд свое беспилотное авто приобрел в самом начале распропагандированной правительственной «дорожной революции». Лег спать водителем, а проснулся уже Пассажиром – человеком, в автомобиле которого нет перехвата управления на ручное. Авто принимает все решения самостоятельно. По сравнению со многими, его модель уже устарела и скоро перестанет автоматически загружать софт, служащий для управления, тем самым вынудив Джуда на апгрейд. Ему предлагали различные финансовые стимулы для покупки более продвинутой высокотехнологичной модели, но он отказался. Тратить деньги на то, что ему понадобится лишь ненадолго, просто бессмысленно.

Желудок издал глубокое утробное урчание, напоминая, что тоже нуждается в питании. Джуд понимал, что должен питаться, чтобы поддерживать энергию на уровне и продержаться все утро, но аппетита почти не испытывал – даже к шоколадным батончикам, которые держал в боковых карманах багажа, лежащего на задних сиденьях. Покинув авто, направился в супермаркет, но к туалетам, а не к продуктовым рядам. Там опростал кишки, вымыл руки и лицо и осушил их под настенной сушилкой. Извлек из кармана одноразовую зубную щетку, заправленную пастой, начинавшей пениться при контакте со слюной, и принялся чистить зубы.

Резкий свет лампы над зеркалом бликовал на его скальпе, подчеркивая, насколько поредели волосы у лба. Недавно Джуд начал подстригать волосы вместо того, чтобы делать укладку в попытке скрыть залысины. Он помнил, как отец предупреждал их с братом, что начал лысеть еще под тридцать, а Джуд пошел по его стопам. Друзья прибегают к медикаментам, чтобы удержать свои волосы на месте; Джуд отверг этот подход вкупе со всеми популярными косметическими ухищрениями. Даже не стал выправлять два нижних зуба, выросших домиком, из-за чего он всегда улыбался, не размыкая губ.

Это была лучшая часть недели с той поры, как он в последний раз прошелся по лицу бритвой, отчего его оливковая кожа потемнела еще больше. Несмотря на утомление, белки глаз оставались яркими, делая зеленые радужки похожими на спелые яблоки. Положив ладони на футболку, Джуд пальцами отследил контур живота и ребер. Понимая, что за последний месяц порядком подрастерял вес, возложил вину на прессинг уймы дел, которые надо было организовать, чтобы этот день увенчался успехом.

Бросил взгляд на запястье, чтобы узнать время, – позабыв, что давным-давно распротился с наручными часами. Они собирали сведения о его пульсе и температуре, чтобы установить уровень его метаболизма, кровяного давления и множество других диагнозов, информация о которых его ни в малейшей степени не интересовала. Ему незачем считывать циферки с дисплея, чтобы узнать, что уровень его стресса взмыл до небес.

Вернувшись в машину и с удовлетворением отметив, что батарея полна под завязку, Джуд отстыковал зарядник и сделал первый из ряда глубоких вдохов, прежде чем забраться внутрь и проинформировать активируемую голосом операционную систему автомобиля о следующем месте назначения.

Авто принялось колесить по пригородным дорогам на скорости не более двадцати четырех миль в час, а Джуд припомнил, как радовался, когда автомобиль был всецело в его власти. Экзамены на вождение он сдал в день семнадцатилетия, и тогда это казалось ему величайшим достижением на свете, дарившим столь возжеленную свободу. Он мог, когда вздумается, покинуть тесные пределы поселка, где родился и вырос. Больше не требовалось полагаться на нерегулярный график автобусов, родителей или старшего брата, когда надо было взглянуть на окружающий мир. И Джуд никак не мог сжиться с тем, что в эти дни четырнадцатилетние детишки уже становятся Пассажирами полностью автономных автомобилей. Как-то это смахивает на мухлеж...

А еще он помнил время, когда подобных дорог по утрам приходилось избегать. В час пик они были буквально забиты машинами, теснившимися бампер к бамперу. Теперь же тачки плавно скользят по улицам, общаясь между собой по сети внутренней связи ради сокращения узких мест и заторов. Как ни претят ему эти авто, в обладании одним из них есть определенные преимущества.

Изрядную часть приборной доски машины занимают звуковая панель и большой интерактивный OLED-экран, на котором можно все контролировать по собственному выбору – от просмотра телевидения до электронной почты, социальных сетей и чтения материалов. Джуд прокручивал экран вниз, пока не нашел синюю папку, озаглавленную «Семейные праздники». Внутри выбрал подпапку «Греция», и появилась подборка видеороликов. Он выбрал ролик «Ресторан» и нажал на кнопку воспроизведения.

Картинка сверхвысокого разрешения была кристально ясной, словно Джуд пребывал там, расслабившись в шезлонге на террасе ресторана под бочком у Стефени, укутанный в теплый джемпер, пока они наслаждались закатом солнца, опускавшегося за просторный горизонт. Камера медленно пропанорамировала слева направо, сделала наезд на полумесяц залива и необитаемые островки впереди. Несколько облачков над ними были озарены голубыми и оранжевыми тонами, но отбрасывали на островки тень.

– Видишь судно вдаль? – слышался ее вопрос. – Вон там, за островом. Корма едва виднеется.

– Ах да, теперь вижу, – ответил Джуд вслух, вторя записанной реплике. Он знал сцену наизусть, и ее ответ произнес тоже, беззвучно, одними губами.

– Однажды мы забронируем поездку на кругосветном круизном лайнере, – сказала она. – И тогда пенсию проведем, любуясь закатами в каждом океане и на каждой материке. Как тебе такое?

– Идеально, – ответил Джуд. – Просто идеально.

Лишь в последние годы он постиг, что идеал – концепция неосуществимая.

Закрыв папку, Джуд с помощью экрана понизил температуру в салоне. Весеннее утро оказалось теплее, чем предсказывал прогноз. Однако дисплей упорно продолжал показывать двадцать семь градусов.

– Машина, – начал он, поскольку, в отличие от большинства владельцев, не персонализировал операционную систему, наделив ее именем, – включи кондиционер воздуха.

Ничего не произошло. Как правило, автомобиль послушно исполнял любое задание и был запрограммирован на распознавание только голоса Джуда.

– Машина, – повторил он более жестко, – подтверди мой запрос.

И опять ничего.

Выругав глюк софта, Джуд закатал рукава рубашки. Потом, достав беспроводную клавиатуру из бокового кармана дверцы, вошел в систему и принялся составлять электронное письмо. Он решил напечатать его, предпочитая старомодные средства, вместо того чтобы надиктовать текст или послать видеogramму.

«Дорогие все, – начал он, – прошу прощения за безличную природу этого электронного письма, но...»

– Доброе утро, Джуд.

– Блин! – вслух выпалил он, выронив клавиатуру в нишу для ног, и окинул свой автомобиль взглядом, словно ожидал обнаружить спрятавшегося где-нибудь второго Пассажира.

– Как ты сегодня? – продолжал голос.

– Хорошо... спасибо, – ответил Джуд. – Кто это и как вы узнали мой номер?

Он стал взглядом искать пиктограмму телефона на экране, но тот был выключен.

– Мне нужно, чтобы ты слушал внимательно, Джуд, – невозмутимо продолжал голос. – Приблизительно через два с половиной часа ты умрешь.

Джуд быстро-быстро заморгал.

– Что вы сказали?

– Пункт назначения, запрограммированный в твой GPS, вот-вот будет замещен альтернативным местоположением по моему выбору.

Взгляд Джуда метнулся к приборной доске, где на экране появились новые координаты.

– Серьезно, что за дела? – спросил он. – Кто вы?

– Дополнительные подробности скоро последуют, но пока что, пожалуйста, откинься на спинку сиденья и наслаждайся этим чудесным весенним утром по полной, поскольку оно, весьма вероятно, будет для тебя последним.

Внезапно окна приватности переключились с прозрачных на матовые, а значит, никто снаружи не увидит, что он оказался внутри в ловушке.

Глава 3

София Брэдбери

**Essex Herald
&
Post Online**

Эссекс Геральд энд Пост» онлайн
Одна из любимейших британских актрис сегодня собирается посетить юных раковых пациентов в одной из больниц Эссекса.

78-летняя София Брэдбери посетит недавно открытое крыло больницы Принцессы Шарлотты, для постройки которого помогла привлечь миллионы фунтов во время трехлетней кампании по сбору средств.

– Скажи же мне, куда я должна ехать, потому что я ни хрена не помню! – вскинулась София Брэдбери.

– Опять? – раздраженно буркнул Руперт.

София была не в настроении терпеть снисходительность. Обезболивающие и противовоспалительные таблетки, проглоченные ею на завтрак вкупе с бокалом бренди, почти ни на йоту не ослабили докучливый остеоартроз позвоночника в области поясницы. Не способствовала благодушию и неисправность ее слухового аппарата, делавшая некоторые слова почти неразборчивыми.

– Больница, помнишь? – продолжал Руперт с нотками изнеможения. – Пожалуйста, заверь меня, что ты сейчас в машине.

– Нет, я в долбаном космическом корабле... Где еще я, по-твоему?

– Я пошлю адрес на твой GPS.

– На мой что?

– О господи! На карту у тебя на экране.

На глазах у Софии на центральной консоли появились координаты и начался расчет маршрута, которым автомобиль должен был доставить ее из дома в лондонском Ричмонде. Дверцы машины в стиле «крыло чайки» автоматически заперлись, и автомобиль тронулся в путь, нарушая тишину лишь хрустом гравия на ее длинной подъездной дорожке под толстыми протекторами шин.

– Напомни, зачем я туда еду? – спросила София.

– Я уже говорил ей раз сегодня утром, – едва расслышала она слова Руперта. Должно быть, обращается к манерному женоподобному мальчонке, стажирующемуся у него в офисе. Руперт меняет ассистентов с настораживающей регулярностью, подумала София, и все они на одно лицо – куцые маечки, куцые джинсики и куцые торсики.

– Руперт, ты мой агент и мой же пресс-атташе; если я задаю вопрос, то рассчитываю на ответ.

– Просто автограф-сессия с юными раковыми пациентами.

– Ах да! – В сознании шевельнулось беспокойство, заставившее ее наморщить лоб, но мимические мышцы до сих пор были слишком парализованы после визита к дерматологу на прошлой неделе, чтобы ощущалось хоть какое-то движение выше рта. – Это не одно из тех мероприятий, где никто не знает, что я за хрен с горы, а?

– Нет, конечно же, нет.

– Не «конечно же неткай» мне, будто такого еще и в помине не было. Помнишь, как я отправилась в ту школу в Ковентри, а они все были слишком юны, чтобы узнать меня? Это было унинительно. Они думали, что я – жена Санта-Клауса.

– Нет, как я объяснял тебе раньше, это группа пациентов младшего подросткового возраста, и меня заверили, что все они – безумные фанаты «Пространства и времени».

– Я закончила сниматься в нем десять лет назад, – отмахнулась София.

– Нет... неужто так давно?

– Может, мне и семьдесят восемь, но я еще не впала в дерьмовый маразм. Я помню это ясно как день, потому что это был последний раз, когда ты добыл мне актерскую работу на телевидении в прайм-тайм. Такое вряд ли забудешь, правда?

Хоть она и читала сценарий десятки раз, даже в ходе съемок София не имела ни малейшего понятия о сюжетной линии этого популярного научно-фантастического сериала. Единственное, что она ухватила, играя на зеленом фоне – и удирая от человека за кадром с теннисным мячом на палке, – так это то, что в кадр во время постпроизводства будет добавлена голова инопланетянина. А уж готовый продукт София и вовсе не видела. Она редко смотрела собственные работы, особенно в преклонные годы. Видеть собственное обветшание не доставляло ей ни малейшего удовольствия.

В последнее время актерская работа подворачивалась лишь эпизодически, а роли предлагали отстойные. София пыталась сохранять значимость, отказавшись от гонорара за горстку студенческих кинопроектов и колеся по стране ради востребованных региональных постановок «Макбета» и «Бури». Еще ей предлагали громадные денежные суммы за вступление в актерский состав двух многосерийных мыльных опер. Но идея играть старушек, выраженных в вещи, отданные на благотворительность, и почти без грима, как-то ее не тешила, и от обеих ролей она отказалась без колебаний. А вместо того подняла свой дух, подтянув подбородок и груди с помощью скальпеля хирурга с Харли-стрит². Теперь единственными красноречивыми свидетельствами ее истинного возраста остались лишь морщины и складки на тыльных сторонах кистей рук.

– Ой, Оскар, что ты ел?! – пожурела она спящего белого померанского шпица, лежавшего у нее под боком, и попыталась отогнать испущенный им ядовитый смрад ладонью. Ненадолго открыв один карий глаз, он поплотнее придвинулся к ее бедру и снова закрыл его.

Расстегнув защелку своей винтажной сумочки «Шанель», София достала зеркальце. Наложила на губы новый слой розовой помады, ставшей ее фирменной фишкой, с неудовольствием наблюдая, как та набирается в вертикальные морщины под носом. Нахмурилась, заметив, как выцвели ее серые глаза, и мысленно сделала пометку попросить ассистента Руперта поискать медицинские процедуры, способные убрать этот млечный оттенок. При виде собственного фасада с подправленными скулами, накладными волосами и увеличенными грудями у нее в голове пронеслось, что от прежней Софии Брэдбери, пожалуй, остались лишь ее амбиции.

– У тебя нет для меня никаких новых сценариев на почитать? – осведомилась она у Руперта.

– Парочка подросла, но я не думаю, что они тебе подходят.

– Может, судить об этом лучше мне самой?

– Что ж, одна роль пожилой проститутки на последней стадии рака в многосерийной больничной мелодраме, а вторая – в музыкальном видео для девчачьей группы. Ты должна... играть привидение.

² На этой улице в центре Лондона исторически обосновались наиболее известные и дорогие частные врачебные практики.

– Ох, господи помилуй, – вздохнула София. – Значит, они хотят, чтобы я либо покоилась на смертном одре с раздвинутыми ногами, либо вернулась из гроба... Порой мне невдомек, какой во всем этом сраный смысл.

– Сейчас пришло экспликация в машину, и ты сможешь почитать их по пути.

Едва София успела поднять глаза, как очертания символов уже нарисовались для просмотра на ветровом стекле, по щелчку переключателя превращавшемся из стекла в панорамный монитор и телеэкран. Ей понадобилось пробежать глазами лишь первые пару строк описания каждого персонажа, чтобы отвергнуть их.

Нуждалась она отнюдь не в гонорах, а в признании и преклонении. И ежегодного появления на научно-фантастических конвенциях и в телевизионных ток-шоу отнюдь не достаточно. Ее бесило, что Британская академия кино и телевидения еще не предложила ей пожизненное членство, хотя София впервые ступила на подмостки в возрасте семи лет.

«Знают ли они? – внезапно задалась она вопросом. – Не разошлись ли слухи? Может, БАКТ ведаёт о том, что ты натворила, и наказывает тебя?» Она ненавидела этот внутренний голос, преследующий ее уже почти четыре десятка лет. И изгнала его из мыслей так же быстро, как он всплыл.

София погрузила свою саднящую спину в сиденье и нажала кнопку, чтобы промассировать ее глубоко проникающей вибрацией. Налила себе еще бокал бренди из подлокотника с холодильником. И решила, что самое лучшее в беспилотных авто – возможность пить за рулем, не нарушая закона. Провела своими наманикюренными ногтями по бархатной опойковой обивке. Потом постучала по эбеновым панелям и погрузила босые ноги в толстый перуанский ковер из шерсти викунии. Распростившись с водителем, София смогла позволить себе лучший в своем классе «Империял GX70» – самый дорогой из выпускаемых автономных автомобилей. Ей было невдомек, как работает беспилотное авто, да и наплевать, лишь бы Руперт дистанционно устроил ее доставку из пункта А в пункт В ко времени, а остальное не важно.

– Руперт? – неуверенно спросила она. – Ты еще здесь?

– Конечно. Чем могу помочь?

– А мой... ну... *Патрик*... присоединится ко мне сегодня?

– Да, его учетная запись по-прежнему подстыкована к твоему дневнику. Он выразил интерес в участии, так что я забронировал машину, чтобы та захватила его с поля для гольфа. Он встретится с тобой в больнице.

София позволила ответу Руперта повиснуть в воздухе, понимая, какие осложнения может вызвать появление ее мужа.

– Я переговорю с тобой позже, – негромко проронила она и, не дожидаясь ответа, дала отбой. И только тут спохватилась, что впиалась ногтями в ладонь чуть ли не до крови.

– Доброе утро, София, – раздался незнакомый мужской голос.

Она воззрилась на консоль, предположив, что случайно коснулась чего-то, и ответила на телефонный звонок.

– Руперт? К чему этот дурацкий голос?

– Это не Руперт, – возразил голос. – И вы можете удивиться, узнав, что ваш автомобиль больше не под вашим контролем.

– Он никогда и не был под моим контролем, дорогуша, – рассмеялась София. – Вот зачем мне *люди*. Чтобы заправлять всем для меня.

– Увы, я не один из ваших людей. Однако я заправляю местом вашего назначения.

– Вот и умничка. А теперь не мог бы ты быть любезен перестать валять дурака и дать мне Руперта?

– Руперт тут совершенно ни при чем, София. Я запрограммировал вашу машину нынче утром прокатить вас по альтернативному маршруту. А через два часа тридцать минут вы вполне можете стать покойницей.

– Я читала сценарий, дорогуша, – вздохнула София. – Я не буду играть говенную подыхающую шлюху в больничной мылодраме в субботу вечером. Я – София Брэдбери и считаю, что София Брэдбери заслуживает большего.

– Скоро вы опять меня услышите.

Авто снова умолкло.

– Алло! Алло!

София поглядела на карту на ветровом стекле – и только тогда, увидев пиктограммы M25 и M1, осознала, что покидает Лондон и направляется на север, а не к больнице в Эссексе.

– Руперт! Руперт? Бога ради, что происходит?!

И вдруг она с прищуром склонила голову к плечу, словно до нее дошло. Губы ее расплылись в широкой ухмылке.

– Руперт, коварный ты чертенок, это ведь твоих рук дело, правда? Ты таки пристроил меня в эту программу...

Сдвинувшись на край сиденья, ощутила прострел в спине. И, поморщившись, огляделась.

– Где же они спрятали камеры? Или просто используют ту, что в приборной панели?

Было всего три телевизионных реалити-шоу, об участии в которых София когда-либо подумывала всерьез. Однако попытки Руперта организовать встречу с продюсерами снова и снова наталкивались на решительный отказ. Софию считали слишком не в форме для танцев и слишком старой для пребывания в перуанских джунглях в течение месяца. Но «Звезды против Фортуны» – новый ультрапопулярный сериал, о котором все только и говорят и в котором жаждет появиться каждый представитель шоу-бизнеса, чья карьера забуксовала.

Во вступительном эпизоде каждой серии десять знаменитых лиц без предупреждения выхватывают из повседневной рутины. Умыкают в неизвестном направлении, чтобы они посостязались в ряде физических и интеллектуальных упражнений. Камеры регистрируют каждое их движение в течение недели. Год назад София с завистью смотрела, как Трейси Фентон, конкурировавшая с ней в актерском ремесле больше четырех десятилетий, оказалась одной из горстки избранных. Ее тоже захватили в машине, и взлет ее популярности привел к ее ангажементу в две популярнейшие сетевые драмы. А теперь выясняется, что продюсерам «Звезд против Фортуны» нужна София...

Она крепко сжала кулаки, чтобы сдержать рвущееся из груди ликование, – ее возвращение неминуемо, она прямо-таки носом чует. И отнюдь не в роли стареющих бабулек в мыльных операх. А просто, будучи собой, заблистает в домах, автомобилях, телефонах и на планшетах что ни вечер всю неделю напролет.

София снова извлекла из сумочки зеркальце, чтобы проверить макияж под каждым углом, подмазывая, растушевывая и подводя, где требовалось. Потом приняла еще таблетку обезболивающего, запив его солидным глотком бренди.

– Вот оно, Оскар, – проговорила она с гордостью, лаская голову шпица. – Mamочка на пути обратно к вершине. Вот погоди, увидишь.

Запечатлев на губах неколебимую улыбку, София посмотрела прямо в камеру, впервые за годы без страха взглянув на собственное изображение, появившееся перед ней на экране.

Глава 4

Сэм и Хайди Коул

EncycloWorld

Главная страница
Содержание
Избранные материалы
Текущие события
Статья наугад
Сделать пожертвование
В магазин

Взаимодействие

Помощь
Об EncycloWorld
Сообщество
Изменения
Контактная информация

Годовщина свадьбы

Материал из EncycloWorld – свободной энциклопедии

Своими историческими корнями празднование **годовщин свадьбы** восходит к **Священной Римской империи**. Подарки к годовщине варьируются от страны к стране, но некоторые имеют весьма устойчивые традиции в большинстве стран. Десятая: **Оловянная, алюминиевая**

Содержание [скрыть]

- 1 Годовщина свадьбы
- 2 Священная Римская империя
- 3 Олово
- 4 Алюминий

– Ты уверена, что твои родители ничего не запланировали на этот день? – спросил Сэм. – Твоя мама безнадёжна, когда необходимо вспомнить, что она вызвалась побыть нянькой.

– Да, уверена, – ответила Хайди. – Я уже внесла дату в семейный календарь, чтобы ей выдавалось текстовое предупреждение все предыдущие дни. А вот ты-то как? Точно вернешься в Лутон к тому дню?

– Угу. Должен.

– И когда же ты собираешься мне поведать, что ты там организовал?

– Никогда. Сколько можно повторять, это сюрприз.

– Ты же знаешь, что я терпеть не могу сюрпризы.

– Большинство женщин их обожают.

– Большинство женщин не служат в полиции, а при моей работе сюрпризы обычно ничего хорошего не сулят.

– Тогда пусть этот раз будет исключением. Для разнообразия положись на мужа полностью.

Хайди чуть было не рассмеялась, но сдержалась, вместо того закончив подпиливать ногти и припомнив прошлогоднюю попытку – рыбный ужин в местном пабе. Денег было в обрез, так что высказывать разочарование вслух она не стала. А много месяцев спустя совершенно случайно наткнулась на причину их финансовых затруднений, но предпочла оставить эти сведения при себе.

Она проверила время прибытия по приборной доске авто – до места еще двадцать минут. Ей требовалось чем-нибудь отвлечь себя от мыслей о предстоящем, и Хайди решила накрасить ногти. Открыла свою сумочку и извлекла белый лак трех оттенков.

– Какой мне взять? – спросила она, поднеся их к глазку камеры на приборной доске.

На автомобильной консоли увидела, как Сэм внимательно разглядывает каждый пузырек.

– Белый, – ответил он, сунув в рот еще одну ложку теплой каши из кастрюли «Тапперуэр». Хайди терпеть не могла быть утренним Пассажиром в его автомобиле – тот разил либо овсянкой на молоке, либо хорошо прожаренным беконом.

– Какой из белых? – не отступила она. Увидела, что Сэм заколебался, словно инстинкт подсказывал ему, что это проверка.

– Тот, что слева.

– Хорошая память. Как раз этот я и выбрала для нашей свадьбы.

– Я ни за что не забуду.

Хайди знала, что муж врет, – потому что соврала сама. В тот день лак у нее был младенчески-розовый. Недавно она поймала себя на том, что испытывает Сэма все чаще и чаще, по поводу самых незначительных и безобидных вопросов – просто чтобы поглядеть, сколько он готов насочинять.

– Этот цвет всегда напоминает мне, как я сидела с Ким и Лизой в маникюрном салоне, – продолжала Хайди, высасывая из пальца прямо по ходу. – Мы довели владелицу до безумия, старясь решить, какой оттенок выбрать. Ким твердила, что надо взять цвет слоновой кости в тон платью, но мне хотелось чего-нибудь более искристого.

– Ты сделала верный выбор. Ты выглядела изумительно.

Хайди пыталась прочесть его улыбку, тихонько надеясь, что она искренняя. Она помнила, как Сэм ждал ее у церковного алтаря, повернув голову, когда органист заиграл вступительные такты вагнеровского свадебного хора, и как протер глаза, увидев ее. Даже сейчас, после всего случившегося, она отдала бы все на свете, только б возродить эти давние сказочные моменты их отношений, пусть даже на миг...

– Помнишь, где было наше первое свидание? – спросила Хайди.

– Конечно. В рыбном ресторане на главной улице Олдборо.

– Нет, это было на второй раз.

– Первый раз не в счет, тогда мы просто встретились.

– Это верно, ты был на адском мальчишнике.

– Шафер Боба забронировал для нас всех два жилых прицепа, стоящих на приколе в парке, битком набитом пенсионерами, а единственный клуб в городишке закрывался в одиннадцать. Потом я увидел тебя и твоих подруг, возвращающихся в кемпинг, и не успел и оглянуться, как мы уже всю ночь потягивали из горла итальянское игристое, глядя, как солнце поднимается над пляжем.

Хайди ощутила, как лицо обдаёт жаром, точь-в-точь как тогда, когда Сэм наклонился к ней, чтобы поцеловать в первый раз. Тогда, после краха брака ее родителей, она не верила в «жили долго и счастливо». И даже подумать не могла, что способна влюбиться настолько крепко и стремительно...

Теплое чувство развеялось так же быстро, как и появилось. Хайди легонько подула на ногти одной руки, прежде чем приступить к накрашиванию другой.

– Кто бы тогда подумал, что однажды мы будем праздновать десятую годовщину? – произнесла она.

– Я – потому что не встречал больше никого, настолько настроенного на ту же волну, что и я. Я ни за что не мог тебя отпустить. И пока не забыл: помимо ножовки, чтобы избавиться от кандалов, что мы должны купить друг другу на праздник?

– Что-нибудь оловянное.

– Значит, если б я преподнес тебе жестянку спагетти в томатном соусе в подарочной обертке, ты была бы довольна?

– Вот только попробуй – и увидишь, сколько потребуется времени проктологу для ее хирургического извлечения из твоей задницы.

- И что же было в том современном списке подарков на годовщину, что ты науглила?
- Бриллианты. Очевидно, они по-прежнему лучшие друзья девушек.
- А я-то думал, я твой лучший друг...
- «Был, – мысленно отозвалась Хайди. – Когда-то ты был для меня всем».

Она увидела, как Сэм галстуком протер очки. Когда они впервые встретились, он очков не носил; впрочем, тогда его борода и волосы были без проседи, да и кожа у глаз не сбегалась морщинами, когда он смеялся. Хайди задумалась, следит ли он за ее возрастными изменениями, как она следит за старением Сэма. Быть может, именно так это все и началось. Виноваты гены. Ее тело уже не так привлекательно для него, как тогда, когда любовь захлестнула их впервые. Но разве не в том суть женитьбы? Не в церемонии, не в шикарных жестах и не в годовщинах, а в том, чтобы оставаться бок о бок во что бы то ни было; стареть рядышком и любить друг друга, несмотря на изъяны. «Пока смерть не разлучит нас», – сказала она себе.

Хайди гадала, что видят другие, глядя на нее. В своем воображении она оставалась двадцатилетней девушкой, у которой вся жизнь впереди. На самом же деле – сорокалетняя мамаша двоих детей, чья некогда густая белокурая шевелюра уже теряет свой лоск. Зубы пора бы уже отбелить, а линия подбородка теряет свою упругость. Увлекая ее книзу, тяготение заодно потащило за собой и ее веснушки. Сегодня они похожи не на милые коричневые пятнышки, а скорее на жирные кляксы. С годами загрубела не только ее наружность, но и личность. Из-за работы видеть в людях хорошее ей стало куда трудней. И она напрочь разучилась плакать – хоть от счастья, хоть от горя. Порой ей даже кажется, что ее изваяли из камня; проломи твердую скорлупу – и внутри наткнешься на такую же непрошибаемую твердость.

- Ты когда-нибудь тосковал по тем дням? – вдруг спросила Хайди.
- По каким тем?
- Когда мы могли пить и курить и ходить куда вздумается или валандаться по всей Европе в турне выходного дня, без необходимости тревожиться о детях?
- Порой, вроде того раза, когда они подцепили эту желудочную инфекцию перед Рождеством и дом разил, как римский вомиторий. Но в целом – нет. Приключение, в которое мы пустились, куда увлекательнее с ними на борту.
- Если удастся раздобыть горящие путевки, надо свозить их на юг Франции на несколько дней в августе. Просто упаковать самое необходимое, запрограммировать адрес, тронуться с вечера и выспаться в машине, пока она будет везти нас туда. К утру можем быть уже в районе Лиона.

Хайди знала ответ Сэма еще до того, как он его озвучил.

- Поглядим, – сказал он. Как только речь заходит о поездках за границу, Сэм «поглядимкает» всю ее замужнюю жизнь. Каждое второе Рождество навещает свою мать, живущую в Алагарви³, но всегда в одиночку...
- Так напомни мне, куда ты ведешь меня на нашу годовщину? – спросила она.
- Ой, ради бога, если и правда хочешь знать, так я тебе скажу. Но потом не ной, что я испортил тебе сюрприз.
- Тогда валяй, выкладывай!
- Ладно. Ну, я снял нам прицеп в Олдборо на выходные и планировал устроить пораньше с утра пикничок с завтраком, чтобы могли начать день там, где все заварилось, – в лучах восходящего солнца...

– О-о, как мило, – ответила Хайди, ни на йоту в это не веря. Однако Сэм явно считал это чутким, романтическим жестом. – Замечательная идея.

– Я так и думал, – ответил он. – Но потом вспомнил, как вытянулось лицо моей супруги, когда я в прошлом году повел ее в паб, так что вместо того купил билеты на мюзикл в лон-

³ А л а г а р в и – регион в Южной Португалии.

донский Вест-Энд, а потом будет роскошный обед в шикарном ресторане и номер в отеле в Ковент-Гардене.

Хайди знала, что этого не может быть, но все равно подыграла.

– Ты серьезно? А нам это по карману? У нас на носу лыжная вылазка в школе Джеймса...

– Да, по карману, – отрезал Сэм, и Хайди уловила нотку раздражения в его голосе из-за ее сомнений. – Я заранее начал понемногу откладывать деньги на это.

Хайди открыла было рот, чтобы сказать еще что-то, но передумала. И вместо того поднесла только что накрашенные белые ногти к камере.

– Как по-твоему? – спросила она.

Но не успел муж ответить, как экран погас.

– Сэм? Нас что, разъединили?

Тем временем в машине, ехавшей в нескольких милях позади, Сэм стукнул по приборной доске в попытке заставить экран снова заработать. Вот она, расплата за игнорирование автонапоминаний машины о плановом полугодовом ТО, обновлении софта и приложения для диагностики проблем. Хайди он на ТО тоже еще не записал, но ей об этом знать незачем. Есть много такого, о чем ей знать не следует...

– Я по-прежнему тебя слышу, – ответил он.

– Что там стряслось?

– Должно быть, мы попали в черную дыру вай-фая.

– Тогда почему мой GPS перепрограммирует себя на другой маршрут?

Сэм поставил уже опустевшую миску от каши на соседнее сиденье.

– Он так порой ведет себя, разве нет? Знаешь, если впереди стряслось ДТП или какие-нибудь проблемы... – Сэм бросил взгляд на собственный экран. – Погоди-ка, мой делает то же самое. Что... куда, к чертям, он везет...

Закончить предложение ему шанс не выпал. Голос, прозвучавший из динамиков после этого, не принадлежал ни одному из них.

Глава 5

Шабана Хартри

Сводка новостей: 07:05

Лестерширская полиция арестовала 12 человек по обвинению в торговле людьми, эксплуатации труда и современном рабстве. Блюстители порядка провели облавы рано утром на двух хозяйственных объектах в Лестере и трех жилых домах в Рагби. Двое мужчин и одна женщина сегодня предстанут перед судом, а еще девятых допрашивают в полиции.

– Я смогу, я смогу, я смогу...

Шабана повторяла эту мантру под нос снова и снова, пока машина ехала, оставляя позади единственный дом, который она знала на протяжении двадцати лет. «Это происходит на самом деле», – подумала Шабана. Невообразимое становится реальностью.

Прошло всего тридцать минут с того момента, когда ее сын Рейанш переступил порог ее родного дома, умоляя, чтобы она его выслушала. Хоть Шабана и безмерно обрадовалась при виде него, но его безопасность была для нее прежде всего.

– Что ты тут делаешь?! – спросила она, беря его лицо в ладони и мечась взглядом от своего первенца к домам соседей, чтобы проверить, не засек ли кто-нибудь его возвращение. Он совсем запыхался. – Ты же знаешь, что тебе сюда нельзя. Тебе здесь опасно.

– Это уже не важно, – ответил он. – Умоляю, мама, ты должна меня выслушать. Это шанс, которого ты ждала, – вырваться отсюда.

– О чем ты таком толкуешь, сынок? Что стряслось?

– Дело в папе. Его арестовали.

Шабана отступила на шаг на крыльцо, покачивая головой, словно не расслышала.

– Что значит его арестовали? За что?

– Подробности я не знаю; знаю только, что его адвокат позвонил с просьбой, чтобы ты внесла залог за папу. А поскольку ты по-английски не говоришь, он позвонил мне. Единственное, что сказал его стряпчий, – арест связан с торговлей людьми.

Шабана уже слышала это выражение, но спросить, что оно значит, ей в голову не приходило.

– Это когда людей незаконно провозят из одной страны в другую, – продолжал Рейанш. – Мужчин зачастую продают для подневольного труда, а женщин принуждают к проституции.

Шабана прикрыла рот ладонями:

– Ты говоришь, твой отец делал такое?!

– В этом его обвиняют, да. Рохита и Санджая тоже арестовали вчера вечером в ресторане вместе с кучей других людей по разным адресам. Полиция утверждает, что они входили в шайку, перевозившую детей и нищих из ассанских трущоб, чтобы продать их.

Имена других Шабане были знакомы, но лиц она припомнить не могла. Приводя домой друзей, муж Вихаан приказывал ей удалиться наверх и не показываться, пока все не уйдут. Частенько они задерживались в столовой, надираясь «Секмаем»⁴, пока не забрезжит рассвет.

⁴ Индийская рисовая водка.

Не в диковинку для него и отлучаться на несколько дней кряду, потому-то Шабана и не видела его вчера вечером.

– Мам, это твой шанс бросить его, – вел свое Рейанш. – Другой такой шанс больше никогда тебе не выпадет.

Шабана понимала, что, если слова сына соответствуют истине, все, о чем она когда-то мечтала, может сбыться. Но по-прежнему колебалась.

– Я не готова, – шепнула она с часто бьющимся сердцем. – Мне надо уложить вещи, приготовить девочек... Что я им скажу? Я не отложила денег, как мы сможем наскрести на еду? Как будем жить? Куда нам податься?

– Меня ждут два такси, – сообщил Рейанш и повернулся, чтобы показать на них. – Одно отвезет тебя к стряпчему, а второе доставит девочек в убежище. В папиной записке к нему сказано, что деньги спрятаны в сарае – тысячи фунтов, которые покроют его залог. Однако ничего не мешает тебе просто забрать их.

– Но это же воровство!

– А он украл два десятка лет твоей жизни.

– А что за убежище?

– Оно для таких семей, как наша, и таких женщин, как ты; жен из индийской общины, которые всю жизнь провели под ярмом мужей; женщин, которым надоело терпеть побои, обиды и обращение как с собаками, которым нужна помощь, чтобы начать с чистого листа.

– Но... но...

Шабана не знала, что сказать. Столько лет она фантазировала, как сбежит от Вихаана! Прошло девять лет со времени ее последней настоящей попытки, когда она строила планы доехать от дома в Лестере до Ньюкасла, где живет дальняя родственница. Ей помогала миссис Патель, держащая местный супермаркет. Но когда муж миссис Патель обнаружил билеты на автобус «Нэшнл экспресс», которые его жена припрятала для Шабаны и ее детей, он счел своим долгом поведать Вихаану о ее планах. Наказанием ей послужили побои столь тяжкие, что она до сих пор не в состоянии перенести весь вес на правую ногу.

С того дня ее единственным упованием стала безвременная смерть, которая сможет избавить мир от Вихаана. Он курит в день по пачке сигарет с высоким содержанием смол, а из-за жирной еды весит килограммов на двадцать больше, чем следует. Возможно, лишь вопрос времени, когда его сердце откажет. Порой Шабана фантазировала, как он у нее на глазах валится на пол кухни, вцепившись рукой в грудь, и молит ее позвать на помощь. «Не могу, – отвечает она ему. – Я говорю только на бенгали. Ты же сам не позволил мне учить английский, помнишь?»

– Мам, – сказал Рейанш, возвращая ее к действительности, и взял ладони матери в свои. – Ведь ты же этого и хотела, разве нет? Возможности вырвать всех из-под его власти? Потому что именно это и произошло.

– Когда он вернется домой, то отправится за нами, разыщет и убьет всех нас. Я знаю, как мстителен твой отец, когда его доведут.

– Нет, потому что не сможет. Я встречался с женщинами, держащими убежище, и объяснил твою ситуацию, и они заверили, что, когда будешь готова, тебя там ждет радушный прием. Это совершенно анонимно; никто даже не узнает, где ты. Я переговорил с ними снова по пути сюда – они могут принять всех вас сегодня же утром. Вас ждут постели. И они связали меня со стряпчей, тесно сотрудничающей с ними. Она повидается с тобой сейчас же, чтобы организовать судебный запрет против папы. Все готово. Не хватает только тебя и девочек.

– Но как же ты? Куда направишься?

– Мне осталось всего пара месяцев до начала занятий в универе. А до той поры могу зависать у друзей, перекантуюсь как-нибудь... Мне повезло: пинок под зад, поскольку папа

думает, что быть геєм хуже, чем покойником, оказался лучшим, что он мог для меня сделать. Мам, мир за этими стенами прекрасен, прими только шанс...

– А твоя подруга-адвокат, она знает, что я не говорю по-английски?

– Да, и она говорит, чтобы ты не тревожилась; прежде она встречалась с подобным уже много раз. Она хочет тебе помочь.

– И ты обещаешь приглядеть за девочками, пока я буду с ней сидеть?

– Да, конечно, пригляжу.

Внезапно, без малейшего предупреждения, по жилам Шабаны разлилось тепло, добегая в самые дальние уголки. Она едва заметно закивала, воображая, насколько другим может быть будущее, если она доверится сыну и людям, которых он привлек ей в помощь. То, что они желают помочь совершенно незнакомому человеку, смирило ее. Шабана поглядела Рейаншу прямо в глаза.

– Помоги мне собрать сестер, – сказала она с растущей уверенностью.

Затем уложила все, что может понадобится в ближайшие несколько дней, – одежду, белье и туалетные принадлежности, – в две хозяйственные сумки. Из спальни она слышала, как Рейанш командует своими четырьмя сестренками в смежных спальнях. Шабана очень гордилась своим единственным сыном; несмотря на то что он узнал о мужчинах на примере собственного отца, все равно знает, что это неправильно. И вместо того сохранил добрую, ласковую и заботливую душу. Имя, которым она его нарекла, означает «первый лучик солнца», и теперь Рейанш преподносит ей этот дар – шанс узреть новый день в новом свете. Она готова покинуть мрак и вступить в мир, озаренный светом, почти изгладившимся из ее памяти.

Услышав, что девочки спускаются по лестнице, Шабана вознесла краткую молитву за них. Она вступила в материнство с наилучшими намерениями и хотела научить их быть независимыми, не позволяя никому взять власть над собой. Но старшей уже исполнилось четырнадцать, а они до сих пор видели в своей матери только раболепную, напуганную женщину. Шабана лишь уповала, что после воспитания под этим кровом для них еще не поздно переменить отношение к замужеству. Если же они повторяют ее ошибки, в том будет не их вина, а ее. А за такое она себя не простит.

Собрав сумку, Шабана поспешила в кухню за ключом, а оттуда направилась к запертому на висячий замок сараю, к которому муж ее не подпускал. Срывала контейнеры с полок и рылась в коробках и мешках, пока не извлекла все наличные, пачка за пачкой. Сумма ошеломила ее. Пока она едва сводила концы с концами с нищенским бюджетом на еду и одежду для растущей семьи, Вихаан сидел на тысячах и тысячах фунтов. Это лишь усугубило ее ненависть к мужу.

Рассовав деньги по карманам, Шабана присоединилась к семейству в гостиной, которую муж объявил своей собственностью и не пускал их даже на порог. И увидев девочек со школьными ранцами на плечах, набитыми вещами, книгами и игрушками, ощутила силу, хотя и не подозревала, что та еще таится в ее душе. Рейанш же тем временем тревожно маячил за плотной тюлевой шторой, проверяя, всё ли благополучно снаружи, чтобы они могли пуститься в бегство. Эта штора очень долго скрывала от остального мира, что случилось с Шабаной. Но теперь этому конец. Она рвала штору с карниза, пока та не свалилась грудой на пол. И наконец-то смогла без помех выглянуть из окна.

– Пусть смотрят на меня, – бросила с вызовом.

Когда она целовала каждого ребенка в щеки по очереди, две младшие – Адитья и Криш – заплакали. В ответ мать обняла их крепко-накрепко.

– Я покажу вам, что значит быть счастливыми, – шепнула она, прежде чем отпустить.

Рейанш вывел их через переднюю дверь в одно из двух беспилотных такси, припаркованных на улице. Потом помог Шабане уложить сумки во второй автомобиль, припаркованный позади первого, и запрограммировал адрес стряпчей в GPS.

– Увидимся после обеда, – сообщил он и вручил ей мобильный телефон, прежде чем вспомнил, что мать ни разу не пользовалась таким. – Я позвоню тебе по вот этому – для ответа нажми зеленую кнопку, – а потом закажу авто, чтобы оно привезло тебя к нам.

Обхватив сына руками, Шабана прижала его к себе.

– Спасибо тебе, – шепнула и только тогда отпустила.

Она еще ни разу не ездила в автомобиле без водителя. Но не усомнилась ни на миг, когда Рейанш заверил ее, что авто само доедет туда, куда ей нужно. Ее единственному мальчику не исполнилось еще и восемнадцати, но он – единственный мужчина, которому она доверяет, потому что не верит ни собственному отцу, устроившему ее замужество с человеком, о свирепом нраве которого знал, ни братьям, чуть не до смерти забившим ее парня более низкой касты в Индии, когда они были еще подростками.

Шабана дала волю воображению о том, куда она теперь может отправиться, став свободной. Довольно будет маленькой муниципальной квартирки с радио и телевизором, чтобы она могла смотреть кино, когда девочки лягут спать. Годами фильмы были для нее единственным окошком на волю. Порой, когда Вихаан был в отлучке и забывал спрятать пульт от телевизора, она смотрела индийский канал, опосредованно проживая величайшие болливудские истории любви. Ее чаровали красивые девушки с безупречными волосами, в ярких, красочных одеяниях, танцующие с радостью, выпадавшей на ее долю так редко. Их словно благословили другие боги, чем те, которым поклонялась она.

Шабана поглядела на карту на мониторе приборной доски авто, колесившего по дорогам, которые она всегда одолевала пешком. И уже привыкла к саднящим до жжения мышцам рук, когда шагала домой, обремененная тяжелыми сумками с продуктами.

Больше никогда. Скоро она сможет ездить на автобусе или такси, а то и завести подруг и ходить за покупками вместе с ними. Благодаря упорству Рейанша теперь перед ней и ее семьей раскинулся огромный мир возможностей. Два слова, которые Вихаан вышиб из нее напрочь, мало-помалу начали пробивать дорогу обратно в ее лексикон.

«Я смогу, – твердила она себе, – я смогу».

Ее внутренний голос был последним, что услышала Шабана, прежде чем из громкоговорителей авто прозвучал английский. Он объявился столь неожиданно, что напугал ее.

– Что происходит? – спросила она вслух на родном языке. Взгляд ее заметался по салону авто. Голос продолжал говорить, но она была в состоянии понять лишь несколько слов там и тут. Одно звучало как «умереть».

Внезапно монитор включился. Главный экран был заполнен экранчиками поменьше и другими людьми в машинах. Ни один из них не улыбался – все они выглядели напуганными. Шабана склонилась поближе к экрану в надежде увидеть сына. Но единственным знакомым лицом оказалось ее собственное.

Паника всколыхнулась в душе Шабаны точно так же, как при хлопке передней двери, когда Вихаан возвращался после ночного отсутствия. Если он пьян, значит, зол. А если он зол, то обратит свою агрессию против жены, вытворяя с ней что пожелает, пока она будет лежать смиренно, зажмурив глаза, сжав руки в кулаки и мечтая о лучшей жизни.

Другие голоса забились в ее машине – еще больше слов и языков, которые она не в состоянии была понять, вместе с неотвязными воплями, криками и стенаниями людей, попавших в беду.

– Что происходит? – умоляющим тоном возгласила Шабана. – Мне это не нравится; пожалуйста, вы можете остановить машину? Я хочу выйти.

Нажала на кнопку на двери, но ничего не произошло. Поглядела на телефон, который дал ей Рейанш, нажала на зеленую кнопку и поднесла его к уху.

– Рейанш? – спросила. – Рейанш, сынок, ты меня слышишь? Ты там? Пожалуйста!

Но ответа не было. Шабана ощутила, что новая жизнь, мечтать о которой она только-только осмелилась, ускользает у нее из рук.

Часть II

Глава 6

Почему нам нужны беспилотные авто?

В 2019 году в автокатастрофах по всему миру погибли миллион человек. Беспилотные авто должны сократить это число как минимум на 95%. К числу прочих преимуществ относятся уменьшение загрязнения окружающей среды, сокращение потерь времени в дорожных пробках, больше свободного времени и более низкая стоимость владения.

Как они работают?

Каждый автомобиль питается от аккумуляторов и управляется рядом компьютеров. К авто подключены цифровые видеокамеры, ультразвуковые датчики, радар, сонар, инфракрасные системы и лидар. Все вместе они строят 360-градусную картину окружения автомобиля, обновляемую сотни раз в секунду. В случае угрозы дорожно-транспортного происшествия бортовые компьютеры используют искусственный интеллект, чтобы принимать решения о том, как минимизировать потери. Эти сведения хранятся в бортовом «черном ящике».

Когда эти автомобили станут обязательными?

Согласно законодательной инициативе, принятой и Палатой общин, и Палатой лордов, правительство ручается, что английские автодороги станут первой в мире совершенно автономной сетью, и планирует в течение десятилетия полностью запретить выезжать на дороги автомобилям с ручным управлением.

Либби Диксон не требовалось смотреть на собственное отражение в зеркале ванной, чтобы понять, что она до сих пор насуплена.

Все уже было предрешиено к моменту, когда ее будильник прозвонил в 6:45 утра, и она помнила, где ей предстоит проторчать весь день. Шея ныла от сна в неудобном положении, так что Либби надавила кончиками пальцев на мышцы по обе ее стороны, пытаясь снять с них напряжение. Она так и продолжала хмуриться, плетясь по лестнице, принимая душ, а после по инерции занимаясь нанесением макияжа. Хмурилась, маскируя пятно на подбородке, стягивая свои волнистые от природы волосы в конский хвост и копаясь в гардеробе. Остановилась на консервативном костюме, составленном из простой кремовой блузки, темно-синей юбки-трапеции и жакета в тон. Производить впечатление ей не на кого.

И теперь, когда она встала посреди кухни, даже домашние кролики Майкл и Джексон не могли спровоцировать ее на улыбку, гоняясь друг за другом вокруг ее ног. Либби налила себе вторую чашку кофе в чайнике, что дополнительная доза кофеина поможет ей воспрянуть духом. Не помогла, и она хмурилась по-прежнему.

Вообще-то понурый, угрюмый настрой для нее нехарактерен. Она неизменно находит капельку позитива даже в самых унылых моментах. Но сегодня – исключение. И если следующие двенадцать часов будут хоть отчасти походить на вчерашние, ей не улыбаться аж до конца недели, когда все будет позади. А это означает еще четыре хмурых дня.

Снабдив кроликов свежей подстилкой и гранулированным кормом, Либби надела пару старых, обшарпанных туфель без задников, закинула ремень сумочки на плечо и направилась к выходной двери. Перед ней помешкала, чтобы вынуть из кармана мобильник и проверить «мыло», эсэмэски и социалку. И испустила беззвучный вздох, когда не обнаружила никаких перемен.

«Может, пора поставить на тебе крест?» – спросила она, кладя телефон в сумочку.

Настроение Либби опустилось ниже плинтуса, являя разительный контраст тому, что было сутками ранее, когда она пробудилась в нервном возбуждении. Поставила будильник на более ранний час, чем обычно, чтобы осталось время для пробежки по дорожкам вдоль канала Бирмингем, огибающего возрожденные заводы, перед возвращением домой ради завтрака из органических фруктов и обезжиренного йогурта. Потом, вымыв волосы с кондиционером, пустила в ход свою самую дорогую брендовую косметику и сняла пластиковый чехол с одного из пяти костюмов, только что из химчистки, по одному на каждый день недели.

Либби жаждала произвести хорошее первое впечатление на незнакомцев, с которыми предстояло провести бок о бок целую неделю. Но ее пыл пошел ко дну, как свинцовый кирпич, уже через считанные минуты по приходе. Судя по их неприветливому виду, ее присутствие было навязанной формальностью. И отторжение быстро стало обоюдным.

Заперев за собой дверь и выйдя на улицу, Либби ощутила лицом первые лучи солнца. Ну, можно хотя бы сказать спасибо за теплое апрельское утро, подумала она, закатывая рукава и пускаясь в путь.

Либби шагала через коллективные сады своего коттеджного поселка, прочь через высокие черные кованые железные ворота, по тропе вдоль канала и дальше к городскому центру Бирмингема, высившемуся вдали. Когда она перебралась сюда из Нортгемптона девять лет назад, небоскребов, пронзающих горизонт, не было еще и в помине. Ее второй дом менялся со временем настолько стремительно, что Либби зачастую казалось, что она безнадежно отстает от современного мира.

То же самое и с отношениями. Многие из ее подруг теперь живут в гражданских или официальных браках и заводят семьи. Либби уже потеряла счет родовым вечеринкам, которые посетила, и вопросам подруг, нашла ли она уже кого-нибудь на смену своему бывшему жениху Уильяму. Не нашла.

В свое время она простила его за поцелуи спьяну с привлекательной несовершеннолетней стажеркой на работе, но семь месяцев спустя та заявила к ним на порог с бросающейся в глаза беременностью. Либби дала Уильяму пинка под зад из дому, с той поры отказываясь вступать с ним в какие бы то ни было отношения. Но ненависть к нему не помешала ей провести все выходные в слезах, когда общие друзья известили ее, что теперь он помолвлен и стал отцом новорожденной девочки.

Уильям был любовью всей ее жизни. Никто не мог понять, почему, расставшись с ним почти два с половиной года назад, Либби до сих пор одна. Она присягнула себе, что, чем тревожиться о поисках мистера Настоящего или сравнивать свою жизнь с жизнями товарок, предпочтет ступить на путь одиночества и независимости. Но по ночам, когда компанию ей составляли только питомцы и бутылка «Пино гриджо», входила на сайт свиданий, чтобы поглядеть, кто еще остался в закромах. Порой просто смотрела их фотки; в другое время зависала на их профилях, отыскивая причины не общаться с ними. Могла вежливо побеседовать с теми, кто делал шаг первым, но стоило им проявить настойчивость или заинтересованность, как она либо ставила их в игнор, либо блокировала.

А потом в ее мир пришел он. Но не успела она и глазом моргнуть, как он исчез так же быстро, как появился. Даже сейчас, шесть месяцев спустя, он вспоминался ей что ни день. Оставалось лишь гадать, думает ли он о Либби так же много, как она о нем.

Либби миновала кучку муниципальных работников на барже-земснаряде, опускавших в воду драгу, прочесывавшую дно ради извлечения затопленного мусора. Чаще всего это оказывались муниципальные прокатные велосипеды, заплонившие город, будто нашествие большущих металлических крыс. По идее, они должны были стать палочкой-выручалочкой для тех, чьи разряды заработной платы не позволяют покрывать затраты на устремившиеся к небесам страховки за обычные автомобили или на замену почти отживших свое легковых автомобилей беспилотными электромобилями следующего поколения.

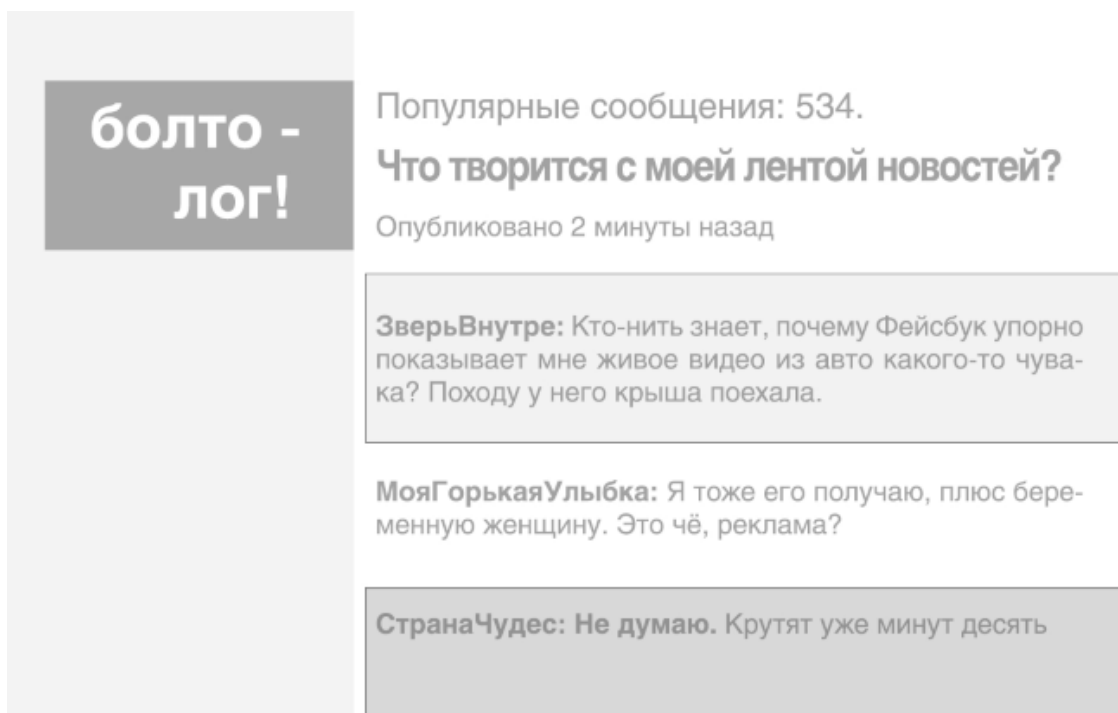
Однако почти полное отсутствие регулирования привело к тому, что производители сбивали цены друг у друга, и велосипеды наводнили рынок. А когда некоторые выпали из бизнеса, и вовсе стали бесплатной обузой. Либби покачала головой, когда сеть на стальной раме поднялась над поверхностью воды и стали видны еще шесть ярко раскрашенных велосипедов. Экология стремительно становится очередной жертвой гонки за беспилотными авто, к которым Либби мало-помалу прониклась ненавистью.

Покинув умиротворение каналов, она по крутой кирпичной лесенке поднялась на уровень улицы. Миновала один из кампусов Бирмингемского городского университета, где провела без малого три года, когда отказалась от не ахти какой благодарной карьеры банковского ипотечного брокера и переучивалась на психиатрическую сестру. Новая профессия пришлась ей по душе, и она уже рвалась обратно на работу – вот только разделается с этой неделей...

Проходя мимо Монро-стрит – длинной извилистой дороги, окруженной с обеих сторон кафе, быстро, независимыми магазинчиками и бутиками, – Либби не позволила взгляду задержаться на ней. Когда-то она бывала тут регулярно. Но минуло уже два года с той поры, когда она дерзнула ступить туда в последний раз. И помнила каждую секунду последовательности событий, словно это было вчера.

В жизни Либби было три момента, переживать которые заново ей ничуть не хотелось. И это был один из них.

Глава 7

Путь до работы, занимающий двадцать пять минут, Либби решила проходить пешком – хоть в дождь, хоть в солнце. Лишь изредка, например, когда прогноз предрекал особенно скверный погодный фронт, она могла вызвать такси. И даже тогда выбирала компанию, предоставляющую водителя. Но по мере того, как более дешевые, полностью автономные автомобили становились нормой, эксплуатация машин с человеком за рулем оказывалась все более накладной, так что их становилось все меньше, а интервалы между ними – все больше.

К великому ее огорчению, пропаганда беспилотных авто была на самом взлете. Налоговые льготы, бесплатная зарядка аккумуляторов и разительно заниженные страховые тарифы побудили восемьдесят процентов водителей пересечь в автономные автомобили в первый же год, так что цель была достигнута куда раньше, чем предсказывали. Либби убедить было невозможно. Она ни за что не вверит свою жизнь в руки робота, потому что знает, какой ущерб тот способен причинить. Выругалась под нос, когда ее обогнала вереница пустых автономных машин, расписанных аляповатой подсвеченной рекламой. Чем раньше введут законодательное регулирование робокар-спама, тем лучше, подумала она.

И продолжала путь ровным шагом к городскому центру Бирмингема, когда услышала женский голос, пронзивший воздух.

– Эгей, Либс! – возопила Ния, моментально узнаваемая по хитросплетению мидлендского акцента с карибским. Либби обернулась, чтобы поприветствовать подругу и коллегу. – Будь твое лицо еще чуточку жалостнее, тебе пришлось бы соскребать его с пола, – засмеялась та. – Что с тобой не так? Неужто учебный курс настолько плох?

- Не ахти, – ответила Либби, но предпочла не углубляться.
- А что там, напомни? Вылетело из головы.
- Конфиденциальность пациента и защита данных.
- А-а, вот почему... Звучит адски скучно.

Либби претило врать кому бы то ни было о причинах своего отсутствия на работе, а уж подруге – тем паче. Но легально – и многократно заталдычено на сорока страницах подроб-

нейших юридических формуляров, которые ей пришлось вчера подписать, – выбора у нее нет. Чем Либби занята на самом деле, известно только ей самой и кадровому отделу больницы, где трудятся они с Нией.

– Расскажешь мне об этом в автобусе.

Либби бросила испепеляющий взор на длинный белый автобус, припаркованный у противоположного бордюра, с обеих сторон изукрашенный видеорекламами, следующий до ворот больницы. Но Либби направлялась в другое место, так что у нее нашелся вполне благовидный предлог.

– Я не пользуюсь общественным транспортом с той самой поры, как водителей заменили компьютерами, – сказала она. – Вверять жизни десятков людей в руки искусственного интеллекта – значит напрашиваться на неприятности.

– Ты рассуждаешь, как динозавр из мрачного Средневековья.

Либби прикусила язык, чтобы не уточнить, что динозавры в Средневековье не жили, и вместо того согласилась.

– Угу. И единственный раз, когда ты увидишь меня в штуковине, которая управляет собой сама, – это лежащей в кузове катафалка.

– Что до меня, то если это дешево и везет меня туда, куда надо, то в него хоть единорогов на роликах запряги, мне до фени. – Запрокинув голову, Ния от души рассмеялась. – Кстати, если я не потороплюсь, то опоздаю. Обед в понедельник не отменяется? Ты к тому времени закончишь?

– Определенно.

– Хорошо, потому что платить будет твоя очередь, – присовокупила Ния, ступая на дорогу.

– Осторожно! – крикнула Либби, хватая ее за руку и отдергивая с дороги подъезжающей машины.

– Эти электрические штуковины чертовски тихие, а? Они меня прикончат.

– Они всех нас прикончат, – ответила Либби, и Ния пересекла дорогу – на сей раз не подвергаясь опасности.

Либби дождалась, пока автобус подруги покатит по дороге, прежде чем продолжить путь пешком в другом направлении. Еще раз проверила телефон, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь новостей о *нем*. И опять ничего.

В вечер встречи с ним Либби проводила выходные с Нией и компанией подруг в Манчестере. Они тянулись к залу караоке в глубине паба, когда ее взгляд впервые упал на него. Они собрались группой на сцене, сгрудившись вокруг двух микрофонов, чтобы исполнить песню, выбранную Либби, – «Человек в зеркале» Майкла Джексона. Но за пять с лишним минут утратили интерес напрочь, покинув Либби дотягивать песню в одиночестве.

Тогда-то она его и увидела. Их взгляды были неразрывно связаны в пространстве шумного паба, когда он одарил ее развязной, чуть ли не кривой ухмылкой. Он был не самым привлекательным из группы молодых людей, с которыми стоял; не выделялся он и ни шириной плеч, ни ростом, и маячил позади всех, словно был смущен их разнузданным поведением. Как и Либби, он явно был фанатом Майкла Джексона и шевелил губами в такт с ней. Он тоже знал каждый гик, вскрик и хихик песни от и до.

– Парнишка не может глаз от тебя отвести, – подбодрила ее Ния, когда Либби наконец покинула сцену. – Ступай потолкуй с ним.

Либби открыла было рот, чтобы запротестовать, как поступала всегда, когда подруги подбивали ее на флирт. Воспоминание о предательстве Уильяма всегда было на подхвате. Однако на сей раз она загнала его обратно в кладовую, из которой оно выкарабкалось, и заперла дверь. На сей раз она была заинтересована. Опрокинув в себя джин с тоником для храбрости, направилась напрямик к нему.

– Привет, – начала нервно и протянула ладонь для пожатия.
– Очень уж официально, – поддел он, но все-таки пожал протянутую руку. – Как тебя зовут?

– Либби.

– А меня... – Но ответа сквозь автогенерацию микрофона диджея она не расслышала. И уже хотела переспросить, когда он спросил: – Значит, ты фанатка Майкла Джексона?

– Нас с братом вырастили на его музыке. Мама крутила его беспрестанно.

– В нашем доме фанатом был папа. Когда я был маленький, он купил нам билеты на его концерт в Лондоне, но тут Джеко помер, так что сходить нам так и не довелось.

– Моя мама сделала то же самое! Билеты до сих пор у нее в рамочке на стене ванной. – Либби улыбнулась ему, уже почувствовав трепет в животе.

– Ты здешняя? – поинтересовался он.

– Нет, мы приехали из Бирмингема на выходные с девчонками. – Она указала на шестерых подруг, в чем тут же раскаялась, потому что те послали в его сторону утрированные воздушные поцелуи. Он в ответ сделал то же самое. Либби это пришлось по душе.

– Можно тебя угостить? – спросила она, и он согласился.

Когда они вдвоем направились к стойке, паб вокруг них словно вдруг опустел, потому что они видели и слышали только друг друга; ни танцующих, ни пьяных тел и голосов, заполняющих зал, ни бухающего ритма танцевальной музыки. Либби болтала о своей работе по уходу за больными, а он рассказывал, как работал в автопроме, пока революция беспилотных авто не сделала его лишним. Их неприязнь к этим автомобилям оказалась обоюдной, но Либби не хотела портить вечер, объясняя, почему она от них не в восторге.

Она оценила, что он задавал ей не меньше вопросов, чем она ему, и в его взгляде угадывалось тепло, вызывавшее у ней желание погрузиться в них и узнать о нем всё-всё. И как у него на щеках появлялись ямочки, когда он смеялся. Стены, на возведение которых вокруг себя она потратила два года с момента ухода Уильяма, рухнули в один миг. Либби еще ни разу не испытывала ничего столь же интенсивного, как желание поцеловать его здесь и сейчас. Но сдержалась.

– Может, выйдем наружу, где потише? – предложил он, и она согласилась.

Пивной сад был освещен электрическими гирляндами, подкрашивавшими ночные небеса кремово-белым сиянием, растягивая наружное пространство в длину и в ширину. Гирлянды были обернуты вокруг ветвей трех деревьев, а из динамиков лился вполне уместный плей-лист безмятежных балеарских ритмов. Пьянчужки как раз освободили один столик, так что они его заняли, и официантка поставила между ними горящую свечу в глиняном горшочке.

В первую минуту они просто сидели, глядя друг на друга и не тяготясь молчанием.

– Наверное, это я спьяну болтаю, – в конце концов начала Либби, – но чувство такое, будто я знаю тебя сто лет, а не два часа.

– Та же история, – ответил он. – И нет, не думаю, что это пьяная болтовня.

И передвинул руку, потянувшись к своему бокалу. Его мизинец коснулся ее мизинца, прежде чем он убрал руку. Либби подвинула свою, чтобы они соприкоснулись.

Прошел еще час в разговорах, но в конце концов больше Либби сдерживаться не могла. Подалась через деревянный столик, положив свою ладонь ему на руку, и сближала губы, пока они не встретились. Это был первый поцелуй, поцелуй возлюбленных и поцелуй двух человек, знающих друг друга как свои пять пальцев, – всё в одном. Либби не хотелось, чтобы он кончился.

Внезапно она ощутила, что ее дергают за рукав.

– Либс, дико извиняюсь, но ты нам нужна, – взвинченно проговорила Ния.

– Чего? – отрубил Либби.

– Дико извиняюсь, – одними губами произнесла Ния в адрес нового друга Либби. – Керис упала с туалетного бачка.

– Упала с бачка? Что она на нем делала?!

– Перебрала водки с апельсиновым соком и отплясывала на нем, когда поскользнулась и разбила лицо о пол. Она в отключке. Мы вызвали «Скорую».

– Вот жопа! – буркнула Либби и повернулась к человеку, имени которого до сих пор не знала: – Я вернусь. – Она с надеждой улыбнулась, вставая со скамьи. – Пожалуйста, подожди здесь.

В женском туалете стало ясно, что травмы Керис отнюдь не поверхностные. Потом, идя рядом с носилками, везшими ее подругу в карету «Скорой помощи», Либби повернула голову, чтобы увидеть *его* в последний раз, но пьянчуги перегородили заднюю дверь, так что разглядеть его так и не удалось...

Прошло уже шесть месяцев, а Либби так и не могла выбросить незнакомца из головы. Один раз даже поймала себя на том, что блуждает в парфюмерном отделе универмага «Джон Льюис», пшикая разными одеколонами на картонные пробнички и пытаясь подобрать запомнившийся ей запах.

Либби проклинала себя за то, что не переспросила его имя, потому что без него онлайн-поиск превратился в сизифов труд. Она часами шарила по интернету, размещая его описание в соцсетях и оставляя свой электронный адрес, на случай если кто-нибудь его узнает. Не считая горстки ответов приколистов – полный пролет.

Дважды она совершала девятнадцатимильное путешествие ради повторного посещения того манчестерского бара, на случай если он там завсегда. И хотя не один час одиноко просидела в кабинке, наблюдая за людьми, он нигде не показывался. Персонал бара не узнал его по описанию, которое она дала, а он не лайкнул паб на странице заведения в «Фейсбуке». Операторы такси просматривать свои записи без его имени не могли; прочесывание «ЛинкдИн» частым гребнем в поисках бывших работников автопрома не выдало ни одной знакомой фотки. Последняя ее надежда – телепатия – толку не дала, как и следовало ожидать.

В самой глубине сердца Либби понимала, что пора признать поражение. Найти человека без имени попросту невозможно. Она даже гадала, не использует ли в глубине души эти поиски как оправдание, чтобы не возвращаться на сцену знакомств. Быть может, это идеальный тип отношений для нее – если не удастся его отыскать, Либби никогда не узнает его по-настоящему, и он не сможет ее подвести. И никогда не станет вторым Уильямом.

Либби и не заметила, как добралась до места назначения. Поколебалась, глядя через дорогу с оживленным движением на двухсотлетнее здание. Бывшая ратуша Бирмингема явно выбивается из своего более современного окружения. Ее архитектура в романском стиле воплощена в известняке и серовато-белых кирпичях, выставя напоказ десятки колонн, подпирающих двускатную крышу. Сооружение впечатляющее, но Либби ужасала перспектива до конца дня торчать внутри.

Глава 8

HowThingsOperate.com

Каковы пять уровней беспилотных авто?

Уровень 0: Все функции выполняет водитель.

Уровень 1: Машина держится в полосе движения, используя автоматический круиз-контроль и тормоза.

Уровень 2: Теперь автомобиль дополнили самостоятельная парковка и самостоятельный разгон.

Уровень 3: Технические средства позволяют ему ехать самостоятельно при определенных условиях.

Уровень 4: Машина может выполнять рулевое управление, тормозить, ускоряться, перестраиваться в другую полосу, поворачивать, использовать сигналы и реагировать на события самостоятельно в зонах геолокации. Водители по-прежнему могут перехватить управление.

Уровень 5: Автомобиль совершенно автономен. Он делает все, не требуя человеческого вмешательства. Ни ручных тормозов, ни рулевого колеса нет.

Либби нога за ногу проплелась по плитам дорожки, через стеклянные раздвижные двери и ступила в фойе. Тут ее внимание привлек аромат свежей выпечки и кофе, так что она купила в кафе булочку с шоколадом и банан.

Обойдя лифт стороной, предпочла оттянуть неизбежное, одолев пять пролетов каменных ступеней. У прочной дубовой двустворчатой двери с петлями шириной с доброе весло одернула одежду, чтобы не осталось ни единой морщинки, и нажала на кнопку звонка. Вспыхнула ярко-голубая светодиодная панель.

– Требуется сканирование отпечатков пальцев, – сообщил машинный женский голос, и Либби поднесла правую ладонь к объективу камеры. – Подтверждено, – добавил голос, и двери распахнулись.

В комнате она насчитала шестерых мужчин и женщин в деловой одежде. Некоторые разговаривали через гарнитур, подключенные к мобильным телефонам; другие работали на компьютерах, но Либби не видела, что показывают экраны. К ней подошли двое сотрудников службы безопасности, облаченные с головы до пят в черное. У каждого одна радужная оболочка была чуточку обесцвечена, и Либби распознала в них смарт-линзы. «И почему это в наши дни все должно быть смартовое?» – подумала она. Быть может, Ния права и Либби самое место в мрачном Средневековье, хоть и без динозавров? Охранники сопроводили ее к столу.

– Положите личные вещи в эту коробку, – грубо потребовал один, и Либби подчинилась, положив свою сумочку, часы и мобильный телефон в коробку.

– Давненько я таких не видал, – заметил второй охранник, беря гаджет Либби, чтобы продемонстрировать коллеге. Попытался согнуть его негнущееся шасси, грозя сломать.

– Осторожно! – предостерегла Либби.

– Держу пари, она до сих пор и налицом пользуется, – присовокупил его коллега.

После рентгена сумочку ей вернули, а телефон и часы поместили в серебристый металлический шкафчик под столом. С помощью белых дисков, прикрепленных ремешками к ладоням, просканировали Либби с головы до пят в поисках записывающих устройств и средств

связи. С удовлетворением убедившись, что ни тех, ни других нет, тот, что пониже ростом, достал из запечатанного пакета ватную палочку.

– Рот, – распорядился, мазнул ватным тампоном по ее языку и вставил его в цилиндрический контейнер размером с колпачок авторучки. Стоя с ним почти лицом к лицу, Либби заметила свое крохотное изображение, отраженное в его смарт-линзе, – наверное, взятое из ее государственной идентификационной карты вкупе с информацией, прочесть которую может только он.

– Говорите сюда, – продолжал он, поднося планшет к ее рту. – Имя.

– Либби Диксон, – сказала она, и на экране распознавания отпечатка голоса появилась зеленая галочка. – Я что, должна этим весь день заниматься? Не возьму в толк, как мои ДНК или голос могли сильно измениться за последние сутки.

– Правила есть правила, – отрезал охранник и сопроводил ее к очередной внушительной двустворчатой двери. Настучал код и подставил для сканирования собственный глаз, прежде чем двери распахнулись в просторный квадратный зал.

Внутри двое мужчин и две женщины собрались в углу под сводчатыми непрозрачными окнами, сквозь которые не выглянешь и не заглянешь. Стоя спинами к Либби, они лишь повернули головы при натужном звуке петель.

– Еще раз здравствуйте, – начала она с нервной улыбкой, не обращая ни к кому в отдельности. Те ответили кивками, не проронив ни слова, и продолжили свою беседу.

В точности та же недружелюбная, стерильная обстановка, что и вчера. В центре комнаты стояли полукругом четыре широких деревянных письменных стола, обращенных к трехсторонней стене, на которой Либби с трудом различала призрачные абрисы двенадцати телеэкранов, из них один намного больше остальных. В углу каждого значилось «вне доступа». По всему периметру комнаты шли стеновые панели из красного дерева.

Слева от Либби находились еще три стола, за которыми тихонько сидели двое мужчин, оба в смарт-очках. Перед ними лежали только планшеты, проецируя виртуальные клавиатуры на дымчатое стекло столешниц. Теперь, когда телефоны и планшеты обладают такими же ресурсами, как настольные компьютеры и ноутбуки, Либби и припомнить не могла, когда в последний раз видела те или другие.

Один из двоих был стенографистом, обязанным вести цифровые записи и печатать заметки обо всем, что обсуждается, как только начнется слушание дела. Второй отвечает за проекцию визуальных материалов на стену. И тот, и другой за весь вчерашний день не сказали и дюжины слов.

Не зная, куда себя деть, пока не пробьет девять, Либби достала булочку из бумажного пакета и отщипнула кусочек, чтобы пожевать.

– Тут употреблять пищу не положено, – фыркнула женщина с шотландским акцентом, в темно-синей клетчатой юбке и жакете под стать. Либби почувствовала, что краснеет, словно получила внушение от учительницы, и бросила перекус в металлический контейнер для мусора.

– Это только для бумаги, – присовокупила женщина.

Либби поискала другой мусорный контейнер, но тщетно, так что выхватила пакет из контейнера и сунула булочку обратно в свою сумочку. Внезапно на стене замигал зеленый свет.

– Хорошо, начнем? – произнес мужчина, оборачиваясь. Смерил Либби подозрительным взглядом с головы до ног, но попытался замаскировать это ханжеской улыбкой. Джек Ларссон – член парламента, кабинета министров и единственное лицо, которое Либби видела за пределами этой комнаты, когда он время от времени появлялся на телевидении. Направившись к столам, Ларссон насвистывал вступительные такты старой песни, знакомой Либби и называв-

шейся «Мне хорошо»⁵. Учитывая серьезный характер того, что им предстояло обсудить, выбор отнюдь не самый уместный.

Пока все его коллеги направлялись к столам, Либби мешкала, дожидаясь, когда все рассядутся, потому что вчера получила нагоняй от женщины в шотландке за выбор места, явно предназначавшегося не ей. Стул Либби оказался дальше всех от входа, шанса воспользоваться которым снова ей придется ждать весь день.

Помимо Джека Ларссона, ни одного имени остальных она не знала. Один из сотрудников службы безопасности предупредил ее, что задавать вопросы личного характера, пусть даже об имени, данном при крещении, строго запрещается. Однако притом ей пришлось надеть серебристый бейдж с выгравированной на нем черными прописными буквами надписью «Мисс Диксон».

Субъект, контролирующий видеоматериалы, положил перед Джеком черный металлический дипломат, набрал на электронной клавиатуре комбинацию, и замки со щелчком открылись. Извлек единственное содержимое чемоданчика – пять электронных устройств на манер планшетов – и раздал каждому. Либби была последней.

– Начать запись, – распорядился Джек.

– Система записывает, – откликнулся стенографист, и Либби почти расслышала, как его пальцы тихонько выстукивают по стеклянной клавиатуре.

– Что ж, леди и джентльмены, процедура нам всем уже известна, – продолжал Джек. – Но в соответствии с положениями Акта по автодорожному движению я обязан напомнить вам, что я открываю заседание номер тридцать один двадцать один Автотранспортного следственного жюри. Наша задача – выслушать, что черный ящик каждого автомобиля может сообщить о дорожно-транспортном происшествии, и на основании означенного определить меру ответственности каждого. Сегодня на вас ложится бремя ответственности за решение, была ли гибель людей, оказавшихся участниками фатальных столкновений с беспилотными автомобилями, законно обоснованной или нет. На кого возложить вину – на человека или машину, – решать вам.

Либби понимала, что за этим последует, и ей претило, что ее вынудили участвовать во всем этом.

⁵ Feeling Good – песня из мюзикла The Roar Of The Greasepaint – The Smell Of The Crowd, наибольшую известность приобрела в исполнении американской певицы Нины Симон.

Глава 9

inquestJD.co.uk

[О нас](#) | [Помощь и рекомендации](#) | [Кампании](#) | [Поддержка](#) | [Семья](#)

[Помощь и рекомендации](#) > [Наши услуги](#)

ЕСЛИ ВАС ОТОБРАЛИ ДЛЯ ОТПРАВЛЕНИЯ ГРАЖДАНСКОГО ДОЛГА В КАЧЕСТВЕ ЧЛЕНА БОЛЬШОГО АВТОТРАНСПОРТНОГО СЛЕДСТВЕННОГО ЖЮРИ, ВЫ ДОЛЖНЫ ЗНАТЬ СЛЕДУЮЩЕЕ:

1. Большое жюри формируется из четверых назначенных Правительством лиц, включая члена Парламента и представителей Генерального медицинского совета, Коллегии юридических услуг и Религиозных плюралистов – организации, образованной религиозными лидерами с целью гарантировать представительство всех крупнейших концессий Великобритании в едином органе.
2. Завершает состав пятый член жюри, выбираемый случайным образом из представителей широкой общественности, несущий эту обязанность в течение пятидневного срока. Исполнение долга является обязательным, и сообщать о нем кому бы то ни было запрещается вследствие деликатного характера расследования.
3. Они собираются на одну неделю в месяц в различных регионах Великобритании с целью разбора причин дорожно-транспортных происшествий со смертельным исходом.
4. Протоколировать личности всех членов жюри и привлеченного персонала строго возбраняется, дабы таковые сохраняли беспристрастность и были избавлены от риска негативных последствий принятых в процессе решений.

Пока председательствующий Джек Ларссон продолжал зачитывать вслух обязательный перечень правил и рекомендаций, Либби окинула взглядом лица коллег-присяжных.

Вчера появление Джека, выступающего главой правительственного Министерства транспорта, стало для нее сюрпризом. Сперва Либби сочла его обходительным человеком – он единственный из четверых представился ей, пожал руку и предложил кофе. Хотя ему уже перевалило за шестьдесят, массивное телосложение и бритая голова придают ему физически доминирующий облик. Нос и толстые губы выдаются вперед, а карие глаза насквозь пронзают всякого, кто осмелится бросить ему вызов, так же запросто, как бур – воду. Судя по несходящему загару, он частенько отдыхает за границей.

Вчера Либби чересчур стеснялась, чтобы разглядеть кого-либо из членов жюри повнимательней. Но теперь, пока Джек говорил, воспользовалась возможностью оценить каждого.

Шотландской даме в шотландке, сидящей рядом с Джеком, Либби дала бы лет за сорок. Речь, слышанную, должно быть, уже сто раз, она пропускала мимо ушей, вместо того занимаясь интернет-серфингом на своем планшете. Либби заметила, что всякий раз, стоило ей склониться к чему-нибудь, как очки без оправы соскальзывали к кончику носа, и ей приходилось подталкивать их на место.

Рядом с ней сидел симпатичный мужчина помоложе, представляющий Генеральный медицинский совет и одетый в оливково-зеленый твидовый пиджак, сшитый на заказ, поверх белоснежной рубашки с запонками в форме пилюль. Цвет глаз такой же насыщенно-шоколадный, как и цвет волос, на щеках и подбородке щетина. На Либби он внимания не обращал, и его улыбки она пока не видела. Вне этих стен он вполне мог бы показаться ей привлекательным.

Последний стол в ряду занимала пышнотелая дама с густыми рыжими волосами, практически без косметики, с топорными черными часами на запястье и одетая в унылый бесформенный балахон. У этой выражение лица помягче, чем у дамы в шотландке. Из ноздри у нее торчал одинокий волосок, и Либби приходилось изо всех сил сдерживаться, чтобы не податься вперед и не выдернуть его. На лацкане жакета дамы красовались красные вышитые буквы «РП» – сокращение от «религиозный плюралист».

А дальше Либби. Ее добровольно-принудительное участие началось, когда юный курьер во флуоресцентном топе сунул ей в руки пухлый конверт с подложкой из пупырки, когда Либби однажды утром уходила с работы. Оседлал свой велик и торопливо закрутил педали, скрывшись из виду, пока она не успела вскрыть конверт, прочесть инструкции и запустить ими в курьера.

Либби сочла розыгрышем, что из всех людей выбрали именно ее, ненавидящую беспилотники пуще всего на свете. Однажды она участвовала в двадцатитысячном марше протеста по Даунинг-стрит, дабы выразить свои страхи перед авто Пятого уровня. И вообразила, что, если ее спросят и она предупредит о своем предубеждении, включение в состав жюри поспешно отзовут. Не тут-то было. А не имея знакомых, которых секвестировали бы подобным образом – во всяком случае, насколько ей известно, – Либби была вынуждена пуститься в онлайн ради поиска отзывов бывших участников. Однако информации было плачевно мало.

Каждый крупный интернет-провайдер получил законодательное предписание удалять и блокировать подстрекательские комментарии, содержащие какие-либо упоминания или домыслы по поводу гражданского долга отбывания повинности в Автотранспортном следственном жюри.

Ее последним прибежищем стал официальный веб-сайт ГДАСЖ, включавший пятиминутный ролик, трубно вещавший правительственную пропаганду, и ничего более. Под давлением противников предоставления искусственному интеллекту такой власти над машинами правительство создало Автотранспортное следственное жюри. Используя данные камер и черного ящика автомобиля, жюри решает, кто виноват в несчастном случае – ИИ автомобиля или Пассажир. Если первый – производители и страховщики несут по искам о компенсации ущерба совокупную ответственность. Также потребуется адекватная и дорогостоящая модернизация программного обеспечения, чтобы эта ошибка больше не повторилась.

Но Либби знала, как редко подобные расследования возлагают вину на ИИ, считая систему практически непогрешимой. Они читала о разгневанных семьях, понесших тяжкую утрату, протестующих против несправедливых вердиктов жюри, возлагавших вину за фатальное происшествие исключительно на их близких. Родственники погибшего права на апелляцию лишены, и в результате некоторые из утративших кормильца заодно лишались и крова над головой.

Как жюри приходит к вердикту, содержится в секрете. Это самоуправляющийся орган, и отчитываться в своих решениях не должен. Либби, убежденной стороннице полной прозрачности, эта часть процедуры тоже была не по нутру.

День отправления долга неуклонно надвигался, и она присягнула использовать эти пять дней служения, чтобы стать рупором меньшинства и оспаривать решения везде, где только уместно.

Но когда Либби переступила порог следственного помещения, стало очевидно, что все ее благие намерения обречены заранее. Всякий раз, стоило ей высказать свою точку зрения,

как поначалу дружелюбный Джек, одновременно унижая и ободряя, осаживал ее на место столь деликатным пассивно-агрессивным образом, что Либби даже толком не понимала, не навоображала ли она это сама. И в конце концов, к собственному стыду, снова опускалась на стул, признав поражение. В реальном мире она без колебаний встала бы грудью за себя или своих пациентов. Но эта комната не от мира сего. Это частный клуб для избранных, а ей дали лишь гостевую контрамарку.

Внезапно Либби осознала, что все взгляды устремлены на нее.

– Мисс Диксон, мы уже потеряли для вас интерес? – улыбнулся Джек. – Не требуется ли вам, чтобы я повторил что-нибудь из только что сказанного?

– Нет, продолжайте, пожалуйста, – шепнула она с пересохшим горлом.

– Какое великодушие! – ущипнула дама в шотландке.

– Что ж, начнем в чаянии, что наша гостья больше не будет витать в облаках, – продолжал Джек, подмигнув Либби. – Прошу иметь в виду: то, что вам предстоит вот-вот увидеть, содержит особенно наглядные улики.

Либби показалось, что, когда Джек распорядился пустить ролик, на дне его глаз всколыхнулся проблеск восторга.

Глава 10

Джуд Харрисон

Джуда буквально парализовало в автомобиле, с головой, зажатой между ладоней, и разинутым ртом. Он беспомощно смотрел на GPS-карту на мониторе, рассчитывавшую путь к месту назначения, над которым был не властен. До прибытия по указанному адресу в Шотландии осталось два часа двадцать пять минут.

В голове у него снова проигрывался голос, буквально только что прозвучавший из динамиков и уведоливший, что его авто управляет кто-то другой. И если ему верить, скоро Джуд отправится на тот свет. Потянулся к кнопке разблокировки двери, но та не работала. Потянувшись через сиденье, попробовал проделать то же с другой дверцей, но с тем же результатом.

– Ладно, вы меня сделали, – вслух сказал он. – Вы, кто бы там ни делал это, вы уже оттянулись на мой счет. Можете вернуть мне машину? Пожалуйста!

Подождал отклика, но тщетно. Вместо этого авто продолжало катить в направлении, которое выбрал не Джуд.

– Думай, думай, – бормотал он, тыча в пиктограмму за пиктограммой на экране приборной доски в попытке вернуть контроль и над автомобилем, и над запрограммированным местом назначения. Но что бы он ни нажимал, никакой роли это не играло.

– Машина, выйди в онлайн, – приказал Джуд в уверенности, что операционная система автомобиля позволит ему открыть свое руководство пользователя и принудительно обойти навигационную систему.

– Автомобиль в режиме офлайн, – ответила она.

– Нет! – скомандовал Джуд. – Мне нужно выйти в онлайн.

– Автомобиль в режиме офлайн, – упорствовала машина.

Он пробежался по списку альтернативных фраз в надежде, что одна из них может сработать. Наконец произнес:

– Обход системы; остановить на обочине; передача управления водителю; открыть руководство владельца.

Авто не отреагировало ни на одну из команд.

– Машина, делай, на хрен, что я сказал! – гаркнул он в сердцах.

После паузы ОС отреагировала.

– Нет.

Джуд опешил. Он еще ни разу не слышал, чтобы авто употребляло это слово. Как правило, если его автомобиль был не в состоянии выполнить приказ, он запрограммирован вежливо ответить: «Прошу прощения, выполнить вашу просьбу в данный момент невозможно», далее сопроводив ответ объяснением причин. Безоговорочного отказа у него и в заводе не было.

Джуд выхватил из кармана наушник и надел его, чтобы сделать телефонный звонок.

– Вызов экстренных служб.

– Нет, – отрезала ОС.

Джуд вспомнил, что при каждой посадке в авто телефон автоматически регистрируется в автомобильной вай-фай-сети. И шарил вокруг, пока не нашел в бардачке входящую в комплект гарнитуру. Изыскал способ отключить вай-фай и перемаршрутизировать телефон на поиск сигнала 5G. Но символ подтверждения подключения исчез так же быстро, как появился. «Сигнал заглушен», – сообщил девайс. Сделав глубокий вдох, Джуд попытался выглянуть наружу в поисках помощи, но окна остались матовыми.

Внезапно динамики ожили, напугав его. На сей раз голос принадлежал женщине.

– Пожалуйста, отпустите нас, – услышал Джуд ее всхлипывания. – Я вам ничего не делала.

– Алло? Кто это? – для пробы спросил Джуд.

– Кто... кто вы? – столь же неуверенно отозвалась она.

– Джуд... Джуд Харрисон, – ответил он. – С моей машиной что-то стряслось.

– Меня зовут Клер Арден, я внутри «Скептера AR5», регистрационный номер FGY778. Я ехала на работу, когда мое авто поехало в другом направлении и голос сказал мне, что я умру. Мой телефон не работает. Вы не могли бы послать кого-нибудь мне на помощь?

– Я бы с радостью, но я в одной лодке с вами, – вздохнул Джуд. – Я заперт в машине и не могу выбраться.

– Я не поняла... Бен сказал, что купил полный план сервисного и экстренного обслуживания. Вы разве не оператор?

– Нет, извините. Я перепробовал все, что только в голову взбрело, но тоже не могу обновить свою машину.

– Почему... почему такое случилось? – с запинкой пролепетала Клер. – Чего от меня хотят? Денег? У меня их немного, но я могу попытаться наскрести...

– Вам кто-нибудь сказал, что вашу машину хакнули? – осведомился Джуд.

– Да.

– А деньги просили?

– Нет. Мне только сказали, что через два с половиной часа я умру.

Голос ее надломился, и Джуд услышал, что она снова заплакала.

– Мне сказали то же самое, – сообщил он.

– Кто же нам поможет?

– Понятия не имею. По-моему, придется просто подождать, пока нам скажут...

– Сэм, что происходит? – появился вдруг ниоткуда третий голос, преисполненный отчаяния, заполнив машину Джуда.

– Не знаю, но прошу тебя, постарайся сохранять спокойствие, – вступил четвертый, на сей раз мужской.

– Алло! – вскричали Клер и Джуд в один голос.

«Сколько нас таких?» – подумал Джуд и вслух спросил:

– Вы нас слышите?

– Да, кто это? – откликнулся мужчина.

– Мы взаперти в наших машинах и не можем выбраться; вы не можете нам помочь? У вас есть доступ к телефонной связи или вай-фаю?

– Нет, мою жену и меня... кто-то запер нас внутри...

Но прежде чем мужской голос успел договорить, приборная доска в автомобиле Джуда включилась, и он увидел себя на телевизионном мониторе. Его снимали анфас, камерой, встроенной в приборную доску. Потом появились экранчики поменьше, с незнакомыми лицами. Джуд насчитал в общей сложности пять штук.

С сердцем, застучавшим, как пулемет, он вслушивался в пронизанный ужасом гомон замешательства остальных, умолявших объяснить, что с ними стряслось.

А потом так же быстро, как подсоединили, их всех повыключали, снова оставив Джуда в зловещем безмолвии.

Глава 11

Руководство по эксплуатации «Зефертрон Марк 5»

5.b. Как ваша машина определяет погодные условия?

От своей колыбели в калифорнийской Кремниевой долине до экстремальной жары пустыни Гоби, австралийских лесных пожаров и сибирских льдов – автомобили под управлением ИИ проехали по планете девять миллионов миль. Им пришлось преодолевать сыплющийся с небес пепел норвежских вулканов, ураганы на американском Среднем Западе и китайский смог. А в Великобритании вообще не осталось ни одной полосы дорог, где не проехал бы автономный автомобиль. Все элементы собранных данных, какими бы ничтожными они ни были, подверглись тщательному изучению и были использованы для модернизации технических средств в автомобилях всех марок.

Воздев правую руку вверх, Джек Ларссон опустил указательный палец, подавая сигнал одному из двоих своих помощников.

– Дело номер триста двадцать два, – начал он, и видеозапись из едущего автомобиля появилась на планшетах членов жюри. Также велась проекция улицы в виде трехмерной подвижной голограммы, вырисовываемой установленными на стенах лазерами, направленными на стол в центре помещения. Движущиеся автомобили были видны под всеми углами.

Глядя на свой планшет, Либби по положению и близости дороги заключила, что ролик снят камерами высокого разрешения, встроенными в переднюю решетку радиатора автомобиля. В уголке экрана демонстрировалась различная статистика, в том числе скорость авто, погодные условия, уклон дороги и географические координаты.

– Данное происшествие имело место на участке нового градостроительства в непосредственной близости от Хемел-Хемпстеда, – продолжал Джек. – Машина представляет собой «Хаули ЕТ», автономный автомобиль Пятого уровня, изготовленного, как и большинство, из графена и пластика, армированного углеволокном. Единственный владелец, ранее в аварии не попадал, дорожный сбор и страховая премия уплачены своевременно, загружено новейшее программное обеспечение.

На экране планшета Либби видела, как машина едет на стабильной скорости 25 миль в час. Ролик переключился на объектив приборной доски.

– Температура наружного воздуха ровно двадцать два градуса, – вел дальше Джек. – Никаких атмосферных осадков, автомобиль ехал на скорости на пять миль ниже ограничения скорости для сухого асфальтового четырехполосного шоссе, покрытие которого прошло восстановительный ремонт тремя месяцами ранее. В автомобиле находился один Пассажир в условиях умеренного двухстороннего движения в течение двадцати двух минут подряд.

Выскочив будто ниоткуда, белый мопед попытался обогнать авто. Либби невольно отпрянула, упершись в спинку стула в тревожном предвосхищении. Ее взгляд метнулся к голографической проекции, и у нее на глазах мопед юркнул в зазор между «Хаули» и едущим впереди

грузовиком, зацепив передний правый бампер легковушки. Внезапно мопед вильнул влево; ездок попытался взять его под контроль и развернулся, выписав полукруг. Позади него автомобиль резко затормозило, но обогнуть его не сумело. Потом мопед так же внезапно, как и выскочил, опрокинулся в сторону, вместе с ездоком скрывшись из виду под машиной.

Джек снова поднял руку, чтобы дать второй сигнал. Без предупреждения картинка переключилась на камеру, закрепленную на шасси авто. На планшетах членов жюри и самом большом из настенных экранов появилась молодая женщина, неподвижно застывшая на дороге с конечностями, торчащими под немыслимыми углами, и разбитой левой половиной черепа. Рядом валялся ее шлем. Либби отвела взгляд от планшета, но тут же наткнулась взглядом на то же изображение куда большего масштаба, застывшее на стене.

Нахлынула тошнота, когда память на миг перенесла ее на два года назад, на бирмингемскую Монро-стрит. Либби увидела себя совершенно беспомощно стоящей на дороге, вдыхая запах резины шин, слыша хруст битого стекла под подошвами кроссовок и глядя на собственные ладони, запястья и манжеты блузки, залитые кровью. Моргнув, отогнала воспоминание.

Из шести дел, представленных для расследования вчера, ни одно не было столь чудовищно натуралистичным. Либби повернула голову, чтобы взглянуть на коллег, но на их лицах не отразилось ни проблеска чувств. Они занимаются этим настолько давно, что выработали иммунитет к виду смерти. Либби – нет. Хотя та и преследует ее всю жизнь.

Темноволосый и темноглазый представитель Генерального медицинского совета встал на ноги и указал лазерным пером на стену. Появилась красная точка, и ролик начал воспроизводиться заново в замедленном движении. Либби не поднимала век.

– Как видите, – повел он, – когда ездок появляется, автомобиль почти ничего не может сделать, чтобы избежать этого. Он делает, как было запрограммировано, и резко тормозит, но столкновение неизбежно.

– Какова причина смерти? – осведомился Джек.

– Результаты вскрытия показали, что она наступила в результате серьезных черепно-мозговых травм ствола мозга, лимбической коры и черепа. Вероятнее всего, смерть была мгновенной.

– А что случилось с ее защитным шлемом? – поинтересовалась женщина в шотландке. – Его что, сбило при столкновении?

– Да, он не был пристегнут как следует. Шлем был подвергнут независимым испытаниям, не обнаружившим ни волосяных трещин в оболочке, ни проблем с подбородочным ремешком или изъянов в его изготовлении.

– Суетное тщеславие, – Джек резко потянул носом. – Это и есть первопричина, попомните мои слова. Глупая девчонка больше заботилась о внешности, чем о собственной безопасности.

Либби открыла глаза и рот, чтобы запротестовать, но тут же стушевалась.

– Что нам известно о Пассажире? – справилась представительница религий.

– Мужчина, тридцать семь лет, работает в финансовом округе Лондона, арестов и судимостей в личном деле нет, – доложил Джек. – У него двое детей моложе пяти лет, и он единственный кормилец в семье. Очевидно, он был крайне потрясен и произошедшим, и ремонтом автомобиля, который пришлось произвести из своего кармана.

– А жертва?

Джек бросил на нее предостерегающий взгляд.

– Вам прекрасно известно, что мы *никогда* не называем погибших «жертвами». Здесь нет жертв, если только мы не решим, что их кончина была неправомерной.

Религиозная представительница понурила голову, будто собака после выволочки, а Джек продолжал:

– Владелице двухколесного транспортного средства было девятнадцать лет, криминальное досье чистое, студентка театрального факультета, первый курс университета. Заслуживающих внимания иждивенцев не имела.

Либби вспомнились ее собственные подростковые годы, особенно то, как изменилось ее отношение к жизни, когда брат отнял свою. Все радикально переменялось в тот миг, когда она обнаружила тело Никки, висящее на осветительной арматуре в его спальне. Раскол в семье образовался тотчас же, и с годами трещины становились все длиннее и шире. Он умер по ее вине, и Либби никогда не простит себе, что позволила этому случиться. Ей никогда не избавиться от раскаяния за неспособность возвысить голос и высказать собственные опасения. Больше она подобного не допустит.

Внезапно стремление выступить в защиту погибшей взяло над ней верх. Жизнь девушки заслуживает большего, чем просто номер дела.

– Как ее звали? – робко полюбопытствовала Либби.

– А что, есть какая-то разница? – отозвалась женщина в шотландке, наклоняя голову, отчего очки снова соскользнули к кончику носа.

– Да, потому что я хочу знать.

Скосив взгляд, та поглядела на одного из ассистентов в углу комнаты. Он пальцем пролистывал экран, и на планшете шотландской мадам что-то появилось. Она хотела было ответить, когда Джек перебил ее:

– Это секретная информация.

– Какие у нее были отметки?

– Опять-таки секретная информация, мисс Диксон.

Но Либби сдаваться не желала.

– Вы сказали, что она не имела иждивенцев, заслуживающих внимания. Какие именно у нее остались родственники?

– Засекречено.

На сей раз Джек развел руками, будто в знак извинения. Но каждому в комнате было ясно, что верить ему нельзя.

– А как насчет имени водителя, чей автомобиль убил ее?

– Я ценю вашу любознательность, не меньшую, чем у возбудимого щенка, – Джек тряхнул головой, – однако, боюсь, ничего из вышеозначенного не имеет ни малейшего отношения к результату нашего решения. – Он поглядел на даму в шотландке: – Какие-либо неисправности в автомобиле обнаружены?

– Черный ящик дал стандартный осмотр вкуче с полной диагностической проверкой, и никаких ошибок не обнаружено, – ответила она. – С юридической точки зрения я не сомневаюсь, что это человеческая ошибка, вызванная действиями ездока мопеда.

– Почему машина не попыталась уклониться от нее? – не уступала Либби. – А только затормозила?

Бросив взгляд на остальных, Джек закатил глаза, изобразив очередную фальшивую улыбку.

– Вам неизвестно, как автономный автомобиль принимает решение в сценарии «жизнь или смерть», мисс Диксон?

– Да, конечно, но...

Однако Джек, ничуть не интересуясь ответом Либби, перекрыл ее:

– Тогда вам известно, что, если автомобиль, подобный тому, который мы только что наблюдали, тормозит без поворота, значит, это рассчитанный риск, и этот выбор сделан по весьма и весьма веской причине.

– Поглядите на левую и правую стороны голограммы, – подхватил темноволосый, менее снисходительно, чем Джек, но все равно избегая встречаться с Либби взглядом. – С одной

стороны припаркованные машины, с другой – поток движущихся автомобилей. Поворот на полосу движения привел бы к большему числу пострадавших. Рядом с припаркованными автомобилями проходит тротуар – под этим углом видно, что там не меньше двадцати пешеходов. Столкновение с любым из этих авто могло бы выбросить их на пешеходов.

– *Могло бы*, – повторила Либби. – Однако наверняка это неизвестно, не так ли?

В комнате воцарилось молчание, и она осознала, что даже ассистенты Джека нервно переглядываются. Но идти на попятный Либби была еще не готова.

– У вас есть проекция того, какие именно машины она бы ударила, материалов, из которых они сделаны, и силы, которая нужна, чтобы вытолкнуть их на тротуар? – спросила она.

– Я... я... не думаю, что у нас есть... – промямлила дама в шотландке.

– А разве мы не должны располагать информацией такого рода, прежде чем выносить суждение?

– Мисс Диксон... – начал Джек, направляясь к Либби и останавливаясь перед ней. Когда он навис над ней, она почувствовала себя совсем маленькой и незначительной. – Вы бы предпочли, чтобы автомобиль рассчитал курс действий, рискующий жизнью водителя и пешеходов, чтобы спасти глупую девчонку? Значит, множество людей должны были заплатить своими жизнями за ее идиотизм?

Либби прикусила нижнюю губу изнутри, чтобы та не дрожала.

– Я думала, что эти расследования нужны для того, чтобы мы обсуждали случившееся и принимали решение совместно, – произнесла она. – А сегодня все оборачивается, как вчера, – вы уже вынесли вердикт, и машина никогда ни в чем не виновата.

Отступив на шаг, Джек ущипнул себя за переносицу.

– Насколько понимаю, вы здесь второй день? Я не рассчитываю, что человек, подобный вам, способен постичь разработку программного обеспечения от и до. Однако рассчитываю, что вы доверяете тому, что говорит вам ваше правительство. В программное обеспечение, используемое в ИИ, внедрены принципы гуманизма, руководящие процессом принятия решения автомобилем.

Чем снисходительнее становился Джек, тем больше подстегивал откровенное неповиновение Либби.

– Вы пытаетесь заставить меня поверить, что ИИ обладает теми же когнитивными способностями, что вы и я? Машина лишена жалости и сопереживания и не оперирует нравственными нормами, как мы.

– Нам надо рассмотреть еще массу дел, так что, пожалуй, лучше пойдем дальше, – изрек Джек. – Если только больше никто не хочет добавить ничего уместного по этому делу, тогда может быть, проголосуем?

Остальные, за исключением Либби, выразили согласие.

– Будьте любезны, поставьте галочку в одном из двух окошек в углу экрана...

Звонок телефона в углу комнаты не дал ему договорить. Один из его ассистентов снял трубку, и Либби заметила, что он мгновенно побелел, как плат.

– Сэр, – обратился он к Джеку, – мы вынуждены на время приостановить слушания.

Голограмма исчезла, и прерывистый писк заставил все головы обратиться к отпершимся и широко распахнувшимся большим двустворчатым дверям. Двое массивных работников службы безопасности, обыскивавшие Либби по прибытии, поспешили внутрь с группой коллег, следующих по пятам.

– Не будет ли кто-либо любезен объяснить, что происходит? – спросил Джек.

– Извините, что прерываю, – сурово начал более низкий из двоих охранников, – но возникла ситуация, требующая вашего неотложного рассмотрения.

С помощью собственного планшета он листал экран, пока на нем не появилась трансляция новостного телеканала. Охранник спроецировал ее на один из телевизионных экранов на

большой стене. Тот показывал канал круглосуточных новостей, и на нем появилась впавшая в истерику женщина внутри движущегося автомобиля, мечущаяся от окна к окну и колотящая по стеклу кулаками. Либби сразу же заметила, что та беременна.

– Кто это? – осведомилась религиозная представительница. Вокруг изображения паникующей незнакомки вспыхнули четыре экранчика поменьше. Каждый показывал других Пассажиров в других автомобилях, и все они были явно напуганы и озадачены.

– Джек? – спросила дама в шотландке, вопросительно глядя на него. Бессмысленное выражение его лица красноречиво заявляло, что он знает об этом не больше, чем Либби.

– Включите звук, – распорядился Джек, когда на экране заговорила ведущая программы новостей.

– Для зрителей, только что присоединившихся к нам, сообщаем, что мы еще пытаемся проверить достоверность этой прямой трансляции. Но если то, что нам сообщили, соответствует действительности, то, судя по всему, четыре беспилотных автомобиля больше не подчиняются своим Пассажирам. Мы всё еще ждем официального заявления, но высказывается предположение, что автомобили, которые вы видите, были взломаны хакерами.

– Что за нелепость! – свысока отмахнулся Джек. – Это невозможно.

– Они сеют панику, – откликнулась дама в шотландке. – Как можно такое показывать?! Это безответственно.

– Сейчас же дайте мне Вестминстер по засекреченной линии, – Джек повернулся к низкому сотруднику безопасности.

Взгляд Либби переходил от Пассажира к Пассажиру; каждый реагировал на происходящее с ними совершенно по-своему. Внезапно, когда появился пятый экран, челюсть у нее отвисла и дыхание перехватило.

Глава 12

Клер Арден

GLOBAL HEADLINES

Издание – Великобритания

Лондон, 6 апреля

НАЙДЕНА УЯЗВИМОСТЬ В ПРОГРАММНОМ ОБЕСПЕЧЕНИИ БЕСПИЛОТНЫХ ЭЛЕКТРОМОБИЛЕЙ 5 УРОВНЯ

По имеющимся данным, Пассажиры ряда британских автономных машин испытывают трудности при попытке покинуть свои транспортные средства.

Неизвестный источник транслирует в социальных СМИ видеоматериалы, показывающие водителей, оказавшихся в бедственном положении в различных местах. Министр транспорта Гарри Даулинг воспользовался «Твиттером», чтобы заверить Пассажиров мобильных уровня 5, что «тревожиться не о чем» и что ведется расследование.

Голоса остальных плененных Пассажиров принесли Клер капельку утешения, что против собственной воли удерживают не ее одну. Но когда звук из стереосистемы отключился так же резко, как и появился, одиночество вернулось с новой силой. Тревога на вкус жгла, как кислотная отрыжка, так что Клер крепко сглотнула, чтобы удержать ее внутри, а не рисковать, что та ее пожрет.

«Бен знает, что делать, – думала она. – Бен всегда знает, что делать». И тут же застопорилась на полном скаку – она на минутку забыла, что не может ему позвонить.

Мысленно пролистала варианты. Обратиться за помощью в полицию или к подружкам она не может – потребуется слишком много объяснять. Остается лишь один человек. «Энди. Он единственный».

Лично она с отстранившимся братом не встречалась уже три Рождества, но они поддерживали связь посредством неопределенных, спорадических голосовых посланий. Однако Клер даже не представляла, где он пребывает с тех пор, как комиссия по УДО освободила его досрочно. Оставалось лишь уповать, что Энди живет не слишком далеко. Если он ответит на звонок и она выложит ему всю правду о случившемся сегодня утром, он наверняка не осудит ее. Но, зная его как облупленного, как может знать родной человек, Клер не сомневалась, что он будет рассчитывать на финансовую компенсацию в ответ за помощь и молчание.

– Роксанна, – сказала она вслух; этим именем Бен окрестил операционную систему – в честь бывшей подружки, с которой Клер однажды встретилась и тут же прониклась к ней неприязнью. Бен же считал, что это забавно. – Мне нужно, чтобы ты позвонила Энди... – Но ей не довелось сказать больше ни слова.

– Система связи вне доступа, – ответила Роксанна. Клер сделала несколько попыток повторить команду, но безуспешно.

Осознание огрело ее как обухом: вырваться из этого авто невозможно. Она одна-одинешенька. И, словно напоминая о своем присутствии, ребенок чувствительно пнул ее изнутри. Клер поправилась: она не одна, она с сыном. И ради него должна пережить эти мытарства. Она должна защищать его, как никого прежде, даже Бена. Она ни за что его не подведет.

Когда ребенок заворочался и лягнулся снова, Клер осталось лишь надеяться, что стресс утренних событий не повредил ему. Она только-то и смогла, что пустить в ход дыхательные упражнения, которым ее научили на курсах по методу Ламаза. Ей вспомнилось, как они с Беном вдвоем хихикали все уроки напролет и как он мертвенно побледнел, когда ему пришлось смотреть видео родов. Теперь она начала с глубокого, медленного очистительного дыхания, прежде чем перейти к легким неглубоким вдохам. Через пару минут выяснилось, что это вроде бы сработало и ребенок утихомирился снова.

– Мы будем в полном порядке, – шепнула она ему, ласково массируя выпуклый живот размером с футбольный мяч. – Просто сохраняй спокойствие, и мы отыщем выход из этой передраги. Раз уж добрались досюда, то уж теперь не сдадимся.

Клер украдкой бросила взгляд в заднюю часть машины, и тонкие волоски на задней стороне шеи у нее встали дыбом.

– Мамочка сделает все, что потребуется, несмотря ни на что.

Глава 13

– Не может быть! – шепнула Либби, уставившись на изображение на экране, почти не в силах поверить собственным глазам. Склонила голову, вперив в него беспощадный взор и пытаясь совладать с удушьем. Игнорируя остальных Пассажиров и замешательство в следственной комнате, она сосредоточилась только на одном лице.

«Человек, на поиски которого ты потратила шесть месяцев, застрял в беспилотном авто».

Рациональная часть мозга Либби приняла командование на себя, задавшись вопросом, действительно ли это человек, которого она встретила в баре шесть месяцев назад. Может, рассудок дурачит ее? Или это просто человек, очень на него похожий? Уверенности она не испытывала.

Мало-помалу тщательно вгляделась в его наружность. Сходство просто поразительное. Он похудел по сравнению с тем разом. Скулы обострились, а так запомнившиеся ей искрящиеся глаза угасли. Впрочем, будь на его месте она, сияние ее глаз тоже наверняка померкло бы.

Единственный способ удостовериться, что она видит того самого человека, – услышать его речь. Его губы шевелились, но из громкоговорителей в комнате не раздавалось ни звука. Либби прикидывала, не поделиться ли этой новостью с остальными членами жюри, но уверенность, которую она сумела призвать пару минут назад ради спора с Джеком, развеялась так же быстро, как нахлынула, заодно прихватив с собой и ее голос. Покамест она подержит язык за зубами.

Либби отвела взгляд от экрана, на миг отвлекшись из-за сотрудника, ответственного за проецирование видеоматериалов на видеостену. Тот лихорадочно пролистывал экран своего планшета во всех направлениях, потом переключился на стенографическую машину, чтобы повторить те же манипуляции.

– Не получается, – признался он. – Ничего не понимаю! Я больше не в состоянии управлять тем, что выводится на экран.

– Тогда кто же им управляет? – поинтересовался его коллега. Тот лишь плечами пожал.

Тем временем один из сотрудников службы безопасности поднес Джеку телефон. Тот зашагал к дверному проему и остановился под архитравом, вне пределов слышимости, под устремленными на него взглядами всех присутствующих, дожидаясь логичного объяснения этой трансляции. По медленно багровеющему лицу и вспухающим венам по обе стороны толстой шеи Джека было ясно, что он теряет терпение.

– Что ж, найдите кого-нибудь, кто *может* мне сказать! – рявкнул он и дал отбой.

– Джек? – спросил единственный, кроме него, мужчина в жюри. – Что происходит?

Джек помолчал, чтобы собраться с мыслями.

– Это еще нуждается в подтверждении, но есть вероятность, что незначительное количество автомобилей могли быть... *временно* скомпрометированы.

– Что вы имеете в виду под «скомпрометированы»? – осведомилась религиозная представительница.

– Хотите сказать, они взломаны? – подхватил ее коллега-мужчина.

Джек промолчал, и Либби ощутила, что желудок у нее скрутило в тугой ком размером с кулак.

– Я не говорю, что случилось *именно* это; я говорю, что существует потенциальная *возможность* чего-то в подобном роде. Я ожидаю дальнейшей информации от коллег из Министерства внутренних дел и Министерства транспорта.

– Взломаны? – повторила дама в шотландке. – Но это же полнейшая бессмыслица. Эти автомобили *защищены от взлома*. Так нам заявляли с самого начала, верно?

– Именно так вы убедили общественность возложить доверие на беспилотные автомобили, – присовокупил темноволосый. – Были даны железобетонные гарантии, что, поскольку автомобили взаимодействуют с внешним миром лишь в случае необходимости, нет ни линии постоянной связи, ни «облака», которые можно было бы взломать. А теперь вы заявляете нам, что их можно скомпрометировать?

– Уверен, это всего лишь досужие домыслы и слухи, – изрек Джек, но его тонкая усмешка быстро угасла, и он изо всех сил постарался скрыть свою озабоченность.

Внезапно еще двенадцать телеэкранов заполнились изображением – на сей раз пожилого человека с пришпиленной к пиджаку на левой стороне груди горсткой медалей. Его язык телодвижений резко контрастировал с поведением остальных – глядя за окно своего движущегося автомобиля, он выглядел совершенно расслабленным.

– Итого шестеро, – отметил член жюри мужского пола, и в этот миг звук новостного телеканала вернулся.

– И мы только что получили подтверждение из правительственных источников, что люди, которых вы видите в машинах, захвачены третьей стороной, однако кем и с какой целью, пока неизвестно. Мы можем лишь сообщить вам, что все они, судя по всему, едут из разных уголков страны к одному и тому же месту назначения. Полиция также признаёт, что каждого Пассажира при этом предупредили, что они могут погибнуть сегодня до полудня.

– Погибнуть?! – охнула религиозная представительница и обернулась к Джеку: – Вы же минуту назад заявили, что существует лишь потенциальная возможность, что эти машины были взломаны! И что же теперь, кто эти люди? *Заложники*? Вы хотя бы в курсе, что там происходит?

Больше скрывать свое недовольство Джек не мог.

– И почему я слышу это по каналу новостей, а не от кого-либо из вас? – заорал он на ближайшего члена своей команды. – Если машины на моих дорогах захватывают, тогда почему я узнаю об этом последним?

– Мы пытаемся определить, кто находится в каждой машине, а также марки и модели в надежде, что изготовители отыщут способ остановить их дистанционно.

– *В надежде?* – переспросил Джек. – Не кормите меня «надеждами», предъявите мне результаты. И почему мне не перезвонил никто из моей собственной канцелярии? Подключите мне немедленно Центральный правительственный оперативный штаб. – Он потер глаза и тряхнул головой, а ассистент торопливо ринулся прочь.

– Вот и номер семь, – отметил темноволосый, когда экран заполнило очередное ошеломленное лицо – на сей раз женщины азиатского происхождения.

– Когда это кончится? – спросила религиозная представительница. – Кто эти люди? Как их выбрали? Почему именно их?

– Не следует ли вам лучше помолиться за них, чем задавать столько дерьмовых вопросов? – огрызнулся Джек и воззрился на телефон у себя в руке.

– Номер восемь, – продолжал темноволосый. На очередном экране появилась женщина в хиджабе. – Сколько ж их там еще?

Либби заметила, как руки Джека стиснулись в кулаки, глаза яростно вспыхнули.

– Бога ради, я и сам вижу, что происходит. Мне не нужен сраный репортаж с мест! Мне нужно, чтобы вы все заткнулись и я мог подумать.

– А это, случаем, не София Брэдбери, артистка? – спросила дама в шотландке.

– Нет, не может быть, – возразила религиозная представительница, подвигаясь на краешек стула, чтобы взглянуть поближе. Новостной канал тем временем сфокусировался на Софии, для сравнения выдав рядом фильмотечный материал ее актерской игры. – Вы правы. Ну, чтоб меня...

Ее перебила ведущая новостей:

– Материал, который мы сейчас дадим в эфир, был взят из источников в социальных СМИ. Он содержит момент, когда каждого из этих людей, которых мы пока именуем Пассажирами, известили о том, что с ними происходит.

Каждая пара глаз в помещении устремилась на самый большой экран, на котором Клер Арден забралась в свой автомобиль, прежде чем тот отъехал. Вскоре после этого голос уведомил ее о захвате. Последовали истории других Пассажиров, и всех их сходным образом проинформировали, что им вынесен смертный приговор. Они реагировали со смесью недоверия, страха и замешательства. Либби переживала за каждого, но за одного – превыше всех. *За него.*

Она рассеянно крутила серебряное колечко на пальце, круг за кругом, пока наконец не дошла очередь до его ролика. Хакер назвал его Джудом, и когда тот ответил, Либби слушала его голос во все уши.

– Кто это и как вы узнали мой номер? – спросил он.

Это и стало подтверждением, в котором она нуждалась и которого страшилась в равной мере.

«Это ты», – подумала Либби.

Глава 14

Либби не знала, как реагировать. Ей хотелось расплыться в улыбке, плакать, кричать и колотить кулаками по столу, вопя, как это несправедливо. Но она понимала, что должна держать эмоции в крепкой узде. Ей еще надо переварить то, что она знает о Джуде, прежде чем открыть правду группе чужаков, до которых ей почти нет дела.

«Джуд», – повторила она про себя. Теперь у него есть имя. Как в песне «Битлз», которую ее братец Никки частенько проигрывал. И не могла не думать, что если бы расслышала имя Джуда в вечер встречи, то могла бы отыскать его раньше. Тогда он мог бы не оказаться на экране перед ней запертым в машине, грозящей ему смертью. Теперь на их экранах появилось имя каждого Пассажира, и вдруг они стали людьми, а не безымянными лицами.

– Уточненные сведения, живо! – гаркнул Джек в другом конце комнаты; Либби аж подскочила.

– Национальный центр кибербезопасности пытается отследить серверы, с которых ведется прямая трансляция, – доложил один из его команды. – Но они могут находиться где угодно, с перенаправлением через множество стран. И даже если их найдут, маловероятно, что они окажутся в пределах юрисдикции, допускающей правовое вмешательство.

– Ладно, прикажите новостным каналам вырубить освещение этих событий. Общественности незачем знать о происходящем больше, чем она уже узнала. Это лишь усугубляет ситуацию.

– Они нам не подчиняются.

– Подчиняются, когда речь идет о террористических актах. С кем мне надо переговорить о немедленном запрете на распространение новостей?

– Но они не только на этом канале, мистер Ларссон; они идут по всем крупным новостным станциям наземного, кабельного и спутникового вещания. Даже если все их убрать из эфира, люди смогут продолжать смотреть онлайн-трансляцию, потому что все это транслируется, как есть, в социальных медиа. «Фейсбук лайв», его собственный телеканал, «Твиттер», «Снэпчат», «Ю-тьюб лайв», «Инстаграм сториз», «Инстаграм ТВ» и «Вево»... и это только крупнейшие. Других стартапов просто не счесть...

Он смолк, услышав звонок телефона Джека. Через несколько секунд разговор его начальника внезапно оборвался, и Джек испустил долгий вздох.

– Меня известили, что теперь этот инцидент считается враждебным нападением на нашу страну, – сообщил он.

– Чьим? – спросил темноволосый.

– Пока что ответственность на себя не взяла ни одна фракция или политическая группировка. Меня проинформировали, что все, кто есть под рукой в ЦПОШ⁶, работают над этим в первую очередь. США и Россия тоже оказывают им содействие.

– Должна же иметься какая-то процедура на случай чего-то подобного? – поинтересовалась Либби. Джек взглянул на нее с прищуром, но это не положило конец ее вопросам. – Уж наверняка есть какой-нибудь план Б на любой случай?

– А разве похоже, что какая-то дерьмовая процедура вообще есть? – ответил Джек. – Не кажется ли вам, что, будь у нас процедура, мы уже давно выполняли бы ее полным ходом?

– Я ничего не знаю о программировании, зато знаю, что, когда дело связано с компьютерами, о полной безопасности не может быть и речи. Располагая нужными ноу-хау и мотивацией, злоупотребить можно чем угодно.

Джек ожег Либби столь агрессивным взглядом, что ей захотелось растаять, как снег.

⁶ Центральный правительственный оперативный штаб.

– Почему вы еще здесь, мисс Диксон? – спросил он, сменой темы выбив ее из колеи.

– Потому что... я...

– Ничего из здесь происходящего вас не касается, не так ли? В случае, если вам еще не ясно, это инцидент национальной безопасности; следовательно, вам больше не требуется отправлять почетную обязанность в моем жюри. А теперь проваливайте.

Либби оглядела комнату. Никто не вступился за ее причастность, так что она поднялась на ноги. Но когда уже потянулась за сумочкой, ее вдруг охватила озабоченность тем, что стряется с Джудом, если ее не будет в этой комнате. Она ничем не может ему помочь, но стечение обстоятельств заставило их дорожки пересечься во второй раз, и она чувствовала себя обязанной оставаться, пока угроза не минует. Перспектива отсутствия пугала ее куда сильнее, чем Джек.

– Нет! – отрубил она, выпуская сумочку на стол. – Я не напрашивалась в это жюри; правду говоря, я пыталась отвертеться от участия в нем. Но сотворенные вами законы понудили меня прийти сюда против собственной воли, так что я шагу отсюда не сделаю. Раз случившееся не знает прецедентов, значит, у вас нет оснований для моего выдворения.

Либби уперла руки в боки, преисполнившись решимости, как никогда. Никто даже не заметил, что по ту сторону стола колени у нее трясутся, как кленовый лист.

– Мисс Диксон! – взревел Джек. – Будьте добры убираться к чертям с моего следствия, пока я не вышвырнул вас лично!

И уже зашагал было к ней, когда темноволосый, подскочив со своего места, заступил ему дорогу.

– Прекратите, Джек. Проблема здесь не в мисс Диксон, – и впервые поглядел на Либби – чуть ли не сконфуженно, словно извиняясь за поведение коллеги. – Если она хочет остаться, пусть остается. У нас куда более серьезные поводы для озабоченности.

В мгновение, когда из динамиков зазвучал голос, в воздухе будто морозом повеяло. Они узнали этот голос по роликам, в которых он предупреждал каждого Пассажира о его участии – звучный, вкрадчивый, источающий спокойствие и противоречащий беспощадности его слов.

– Вам следует прислушаться к нему, Джек, – начал Хакер. – Вам надо разобраться с более насущными материями, нежели пытаться устранить мисс Диксон из этого процесса.

Джек резко повернул голову, вперившись в свою команду взглядом, ожидающим объяснений.

– Кто его подключил?

– Я сам подключился, – отозвался Хакер. – Уж если я способен хакнуть восемь автомобилей навскидку и транслировать их вживую на обозрение всему свету, неужто вы думаете, что я не найду способ пробраться в ваш гадюшник, так ведь?

– Кто он, черт возьми, и откуда знает, что я здесь? – Джек вздернул верхнюю губу, как ощерившийся пес, загнанный в угол. Повернулся к Либби, уставив на нее указующий перст: – Ваших рук дело? Остальным я доверяю, а вы – кукушка в моем гнезде.

– Разумеется, нет! – отрезала она.

– Я знаю вас наперечет, – вел свое Хакер. – Присутствует также Фиона Прентис, барристер шотландского происхождения из адвокатской конторы «Роджерс и Фримут», мать дочери Табиты, состоящая в браке с мужем Джорджем в течение двадцати пяти лет. Далее следует Мюриэл Дэвидсон, религиозная плюралистка, шесть лет в браке с женой Лаурой, обе ожидают своего первого ребенка в июле. Справа от вас находится доктор Мэттью Нельсон, патологоанатом, недавно разведен, детей не имеет; и, наконец, член Парламента и министр транспорта Джек Ларссон, дважды женат и дважды разведен, детей не имеет.

Переглянувшись между собой, члены жюри как один повернулись к Джеку, словно он мог заверить их, что их личности значения не имеют. Он им такого утешения не дал, вместо того обратив лицо горе и устремив взгляд в потолок, словно беседовал с Богом.

– То, что вы делаете, – террористический акт, – заявил он. – Вы напали на нашу страну и угрожаете убийством наших людей.

– Вы меня неправильно поняли. Я не *угрожаю* убить наших людей. Я даю вам слово, что *убью* наших людей еще до полудня. И вы ничем не сможете мне помешать. Так что попрошу присесть, дабы мы могли обсудить, что будет дальше. Мисс Диксон, пододвиньте стул и чувствуйте себя как дома.

Джек попытался проявить строптивость, оставшись, где стоял, с выпяченной грудью и шумно дыша через ноздри на всю комнату. Но в конце концов спасовал и, ни на кого не глядя, вернулся на свое место.

Глава 15

**Global News
Online**

Глобальные новости онлайн

АВТОХАК: 14 СТРАН ОПАСАЮТСЯ, ЧТО СТАНУТ СЛЕДУЮЩИМИ.

Испания, Япония, Франция и одиннадцать других стран, закупившие модели и программное обеспечение британских беспилотных мобильных, опасаются, что могут стать следующим объектом нападения террористов. Они планировали приступить к полнофункциональному использованию автономных автомобилей пятого уровня со следующего года.

Молчание членов жюри, сотрудников службы безопасности и вспомогательного штата в следственном помещении было почти осязаемым. Каждый переваривал про себя чудовищность угрозы Хакера.

– Чего вы от нас хотите? – спросил Джек, сложив ладони, словно в молитве.

– Ну-ну, Джек, всему свое время, – снизошел Хакер. – К чему торопить события? В том-то и беда с людьми вроде вас, правда? Вечно вам не удается попасть куда-нибудь побыстрее, вечно вам неохота просто устроиться поудобнее и насладиться текущим моментом... Сейчас у вас на глазах творится история, события, подобных которым мир еще не видел. Сегодняшний день войдет в анналы, люди будут помнить его десятилетиями. И вы с вашей командой окажетесь в самом центре... Если позволите, прошу снова обратить внимание на стену.

Джек помешкал, прежде чем его взор неохотно последовал примеру остальных. Послышались ошеломленные охи, когда они узрели на экране собственные лица. Откуда-то из недр этой засекреченной комнаты на них – а конкретнее, на Джека – была нацелена камера.

– У вас тут подкововерное сборище, не так ли? – проворковал Хакер. – Перебираетесь с места на место с недельными заседаниями раз в месяц; общественность не знает, кто вы; закон не обязывает вас давать разъяснения к принятым вами решениям; вы грозите представителям общественности, приглашенным только для проформы, судебным преследованием, если те откажутся принять участие, а потом, когда они это участие принимают, вы так их унижаете, что они слишком напуганы, чтобы задавать вопросы или высказывать мнения. Этакая автократия в миниатюре. Что ж, отныне это дело прошлое, Джек. Сегодня этому положен конец. Вас транслируют по всей планете. Нет на свете уголка, где не засветилось бы ваше лицо.

Члены жюри увидели, как команда Джека перешла к действиям, рассыпавшись по комнате с локаторами электронных устройств, чтобы отыскать местоположение камеры.

– Здесь! – крикнул один, когда его примочка запищала. – Над дверью!

Подскочив со своего места, Джек поспешил к двери, где сграбастал стул и взобрался на него. Неуверенно балансируя на нем, принялся шарить пальцами по неровной поверхности стены, пока не наткнулся на что-то слегка выпирающее. Большой экран внезапно потемнел, когда пальцы Джека сжали крохотный объектив не более полусантиметра диаметром, прежде чем скосырнуть его со штукатурки. Волком зыркнув на предмет в ладони, Джек швырнул его на пол, слез со стула и занес ногу.

– Я бы дважды подумал, прежде чем поступить так, – осадил его Хакер. – Это будет не самое мудрое из принятых вами решений. На каждое из ваших сегодняшних действий последует противодействие.

– Джек, – обеспокоенно шепнула Мюриэл, – пожалуй, вам следует прислушаться...

– Они знают, как мы выглядим и кто мы, – заартачился тот. – Мы должны пресечь это в корне. Мы не можем позволить себе выказать низкопоклонство.

Ухмыльнувшись в объектив, Джек наступил на камеру, для верности покрутив на ней каблуком. Экран погас. Однако на место прежнего тут же выскочило новое изображение комнаты и людей в ней, на сей раз под другим углом. Ухмылка сползла с лица Джека.

– По-вашему, я установил только одну камеру? – поинтересовался Хакер. – Я как-то даже обижен, что вы считаете меня лентяем. На самом деле по этой комнате рассеяны десятки камер; до некоторых вы сумеете добраться, до других – нет. Но на данный момент это самая ничтожная из ваших проблем. Вы меня поняли?

Джек едва заметно кивнул.

– Так что перейдем к повестке дня. Я захватил контроль над восемью вашими автономными мобилями – теми самыми автомобилями, о невозможности взлома которых ваше правительство клятвенно заверяло, – и могу распоряжаться ими по собственному усмотрению. Эти Пассажиры представляют различные срезы современной британской жизни. Некоторые из них – родители, некоторые – дети. Самой младшей чуть за двадцать, самым старшим за семьдесят. Некоторые трудоустроены, некоторые нет. Некоторые родились и воспитаны здесь, некоторые прибились к этой некогда великой, но ныне расколотой стране. Шестеро из них были выбраны с умыслом, а двоим остальным не повезло оказаться в неподходящем месте в неподходящее время, потому что им потребовалось такси, и для меня они такие же незнакомцы, как и для вас. Однако все лица на этой видеостене объединяет одно: я запрограммировал для каждого из их автомобилей одно и то же местоположение. Оно находится приблизительно в двух часах десяти минутах от текущего момента. Эти восемь автомобилей сойдутся и, двигаясь на скорости около семидесяти миль в час, столкнутся друг с другом лоб в лоб.

Глава 16

Звук трансляции из машин Пассажиров тотчас же вернулся – хор смятения, страха и отчаяния из-за угрозы Хакера.

Либби хотелось зажать уши ладонями, чтобы попытаться отгородиться от их голосов, молящих о пощаде, но она лишь крепко стиснула руки на столе. Хотя ее собственная жизнь и вне опасности, она такая же участница происходящего, как и эти люди. И ее долг перед ними – расслышать и ощутить их боль, а не шараться от нее.

Больше всего ее угнетала реакция беременной. Клер, как именовал ее титр на экране, была безутешна. «Как же моя детка? – рыдала она. – Пожалуйста, не убивайте моего сына». Либби перевела взгляд на другой экран, где темнокожая женщина в красочном хиджабе закрыла глаза и бубнила то ли песнопение, то ли молитву на чужом языке. Потом взор Либби вернулся к Джуду. Его грудь медленно вздымалась и опадала, черты лица лишены всякого выражения. «Почему из семидесяти миллионов человек в стране в эту беду попал именно ты? – вопрошала она себя. – Впрочем, почему бы и не он? Почему бы не любой из них?»

Вдруг, без предупреждения, по комнате раскатился голос одного из Пассажиров:

– Либби, это ты?

Все головы повернулись к ней, а Джуд устремил взгляд прямо в камеру на своей приборной доске. Либби смотрела на него с зачистившим сердцем. Ей хотелось одарить его такой же теплой улыбкой, как тогда, когда взгляды их встретились через весь паб. Но вместо того она выбрала более уместную улыбку участия.

– Да, я. – Подняла было руку помахать ему, но вовремя одумалась.

– Либби, о боже! – ответил он, словно так же обрадовался при виде нее, как она. – Что ты там делаешь?

– Я была выбрана для отправления гражданского долга в жюри присяжных.

– Как... как ты поживаешь?

– Нормально... ну, было нормально, пока ты не появился на экране.

– Вы знакомы? – встрял Джек. Его изумление быстро приобрело обвинительные нотки. – Я же говорил, что она как-то в этом замешана. Я хочу, чтобы ее увели и задержали до полицейского...

– Ну-ну, Джек, – оборвал его Хакер. – Успокойтесь и дайте им поговорить.

– Почему вы не упомянули, что знакомы с ним? – осведомилась Мюриэл не менее подозрительно, чем Джек.

– Я не была уверена, пока не услышала его голос. Мы встретились всего раз несколько месяцев назад в баре в Манчестере.

– Ты хоть представляешь, сколько сил я положил, разыскивая тебя после того вечера? – спросил Джуд.

Сердце Либби затрепетало.

– Я тоже пыталась тебя разыскать, – ответила она. – Музыка была настолько громкой, что твое имя я не расслышала, и это было все равно что искать иголку в стоге сена.

Джуд вроде собирался что-то ответить, но тут его перебил Хакер:

– Позже у вас еще будет возможность поворковать, голубки. Однако время никого не ждет, и уж определенно вас, Джек.

Тот перевел взгляд на громкоговорители.

– Вы можете потратить остаток утра на шпионские игры, обыскивая комнату в поисках припрятанных мною глаз-бусинок, но, если позволите, я привлеку ваше внимание к машине номер восемь.

Самый большой из экранов переключился с показа членов жюри на самого пожилого из Пассажиров с густыми белоснежными волосами, млечно-голубыми глазами и безмятежным выражением лица. Над карманом его пиджака были приколоты блестящие медали. Пластиковая внутренняя отделка автомобиля и заклеенные прозрачной рекламой окна подсказывали, что он в такси. Заметив себя на мониторе приборной доски, он откашлялся и произнес:

– Алло?

– Доброе утро, сэр, – начал Хакер. – Не можете ли вы нам назваться?

Сев поправее, тот подался вперед, устремив взгляд прямо в объектив.

– Меня зовут Виктор Паттерсон, – проговорил он медленно и чуть громче, чем требовалось. – Пишется П-А-Т-Т-Е-Р-С-О-Н.

– Не могли бы вы чуть рассказать о себе, мистер Паттерсон? – попросил Хакер.

– Мне семьдесят пять лет от роду, я печатник на пенсии. У меня трое детей и семеро внуков. Кто вы? Моя дочка дала машине неверный адрес?

– Судя по наградам, вы служили в вооруженных силах?

– О да, – с гордостью ответил Виктор. – 29-й полк командос Королевской артиллерии в Фолклендской войне, а затем два срока в Афганистане, пока не напоролся на мину.

– Прискорбно слышать. Вы не можете поведать мне, что случилось?

– А как по-твоему, что случается, когда напарываешься на мину, сынок? – хмыкнул тот. – Она оторвала мне руку и ногу на хрен. – Он постучал правой ладонью по правому колену, и обе конечности издали глухой стук. – Но жаловаться-то без толку, так? Просто живешь с этим дальше. И я наслаждался добрыми двумя десятками лет, водя автобусы, пока от всех нас не избавились.

– Кто от всех вас избавился?

– Муниципалитет, когда ввели беспилотные. Тогда ж какая нужда в таких, как я, верно?

– А куда вы направляетесь сегодня, мистер Паттерсон?

– Ну, меня забрало это такси и должно было доставить в госпиталь. А потом я начал слышать все эти голоса, говорящие мне об автокатастрофе, которая еще не произошла... Так что я чуть сбит с толку.

– А зачем вам в госпиталь, простите мое любопытство?

– Радиотерапия, сынок. У меня рак простаты. Доктора говорят, что лечение подарит мне еще лет восемь-десять. Этого будет довольно.

Виктор напомнил Либби ее покойного деда – человека, которого она редко видела без улыбки на лице вплоть до смерти ее брата. Вскоре вслед за тем скончался и он. Она до сих пор помнит его, будто он ушел из жизни только вчера. То же самое и с каждым, кого она любила и утратила, словно помнит мертвых лучше, чем тех, кого они покинули. Либби сдвинула кольцо на пальце, на сей раз открыв таящуюся под ним татуировку. «Никки» – гласила надпись пятым кеглем. Еще одна, более длинная и кеглем побольше, была у нее на левой ключице – слова «Не тащи бремя мира на своих плечах» из ее любимой песни «Битлз»⁷.

Внезапно изображение с камеры Виктора переключилось на внешнюю – очевидно, из машины, следовавшей за его авто по оживленной центральной улице города.

– Джек, – невозмутимо произнес Хакер, – помнишь, раньше я говорил тебе, что на каждое из твоих действий последует противодействие с моей стороны? Что ж, когда я прошу тебя не делать чего-то – скажем, не трогать мои камеры, – тебе лучше прислушиваться.

Без предупреждения авто Виктора взорвалось, внезапно обратившись в гигантский огненный шар с громадными плюмажами черного дыма и ярко-оранжевого пламени, взмывшими в утренние небеса.

⁷ Цитата из песни Hey Jude, которая будет упомянута еще не раз.

Глава 17

София Брэдбери

 FinancialHeadlines.com

Став обязательными, беспилотные автомобили оказали на трудовые ресурсы Великобритании грандиозное влияние.

Новый отчет показывает, что в течение десятилетия в области автономных автомобилей будет создано 320 000 рабочих мест.

Однако ожидается, что при этом будет утрачено 270 000 рабочих мест водителей грузовиков, преподавателей курсов вождения, специалистов по авторемонту, парковщиков, парковочных инспекторов и водителей такси.

– Спецэффекты меня весьма впечатляют, – шепнула София своему песику Оскару. – Похоже, в это шоу инвестировали порядком средств.

Она с интересом наблюдала на своем мониторе, как авто Виктора «взорвалось». И почувствовала облегчение оттого, что один из ее соперников в этой реальности-телепрограмме, участником которой она себя сочла, вышел из игры настолько быстро. И закатила глаза, когда остальные соперники разразились воплями и матерщиной.

– Они малость переигрывают, не находишь? – Песик перекатился с боку на спину и пинал лапкой ее руку, пока она не принялась чесать ему пузико. – Интересно, а заплатят ли полный гонорар, если тебя забаллотировали всего через полчаса? Как-то несправедливо, если нет...

Оскар испустил тлетворный запах, и София наморщила нос.

– Порой ты просто отвратительная маленькая тварь, – проворчала она, нажимая на кнопку опускания стекла. Ничего не произошло. София закатила глаза, вспомнив, что теперь всем заправляют продюсеры «Звезд против Фортуны». – Должно быть, это ради реализма... наверное, если мы чувствуем себя пленниками, это усиливает накал.

Пошарив в сумочке, она извлекла почти пустой пузырек «Шанели № 5» и побрызгала им в салоне.

– И чего от меня ждут теперь? Я что, тоже должна верещать или просто сидеть здесь, ухмыляясь в камеру, как Чеширский Кот, пока авто не прикатит в студию?.. Это освещение чуточку резковато, правда?

Времена, когда люди специально спешили к телевизору, чтобы посмотреть определенную передачу, ушли в прошлое, и теперь, когда зрители смотрят, что хотят, когда хотят и как хотят, «Звезды против Фортуны» – настоящий феномен. Шоу в пух и прах разнесло конкурентов, заставляя знаменитостей проходить самые разные экзерсисы – от гонок «Формулы-1» до ассистирования хирургам во время реальных операций на живых людях. И ни малейшей фальсификации. И большинство участников выходят с той стороны с незапятнанными репутациями и популярностью, взмывшей до небес. Участие в нем вызвало у Софии трепет восторга.

Главное, к чему надо приспособиться, – это быть под прицелом объектива двадцать четыре часа в сутки на протяжении всей следующей недели. Прошло-то всего несколько минут, а она уже пробуксовывает, так что София переключилась со своего нормального бесстрастного лица на широкую улыбку, гадая, как выглядит на экране, потому что больше не видела себя

на мониторе приборной доски. От телевидения сверхвысокой четкости 8К выигрывают только зрители и пластические хирурги, а уж никак не актеры старше определенного возраста, как она.

Ее внимание вновь сосредоточилось на состязании, на прочих знаменитых конкурсантах. Но как она ни тужилась, привязать к их лицам имена никак не могла. И решила, что либо они работали в мылодрамах, которые она не смотрела, либо креатуры других телевизионных реалити-шоу – жанра, мыльный пузырь которого никак не лопнет, какую острую булавку ни возьми.

София пристально вслушивалась в мольбы выпустить их из машин и покачивала головой, весьма сомневаясь, что хоть кто-то из них вкалывал, как она, и вообще вряд ли отличит своих пинтеров от пиранделл⁸.

– Они просто омерзительны, – шепнула она Оскару. – Не знаю, где их учили, но им следует требовать возмещения платы за курс актерского мастерства.

Поглядев за окно автомобиля, катившего по шоссе, не в силах угнаться за высокоскоростным суперпоездом на рельсах параллельно дороге, София задумалась, когда же ездила поездом сама, и остановила выбор на 1970-х, когда они с сестрой Пегги навестили лыжи в Ньюкасл, чтобы увидеть игру Ричарда Бёртона. Она была по уши влюблена в него с юных лет, и он ее не разочаровал, когда они впоследствии встретились за кулисами. О том, что разыгралось в той гримуборной, София ни словом не обмолвилась ни одной живой душе, даже Пегги. Даже теперь это воспоминание заставило ее виновато улыбнуться.

Без очков ей было не высмотреть место назначения на GPS-карте, но зато она хотя бы разглядела, что до него больше двух часов пути. Принялась ломать голову, где же расположена студия, и припомнила, насколько легче было, когда центром британской телевизионной индустрии был Лондон. Теперь же ради разнообразия студии раскиданы по всей стране, так что добраться до них куда труднее. Остается лишь надеяться, что Оскар дотянет до конца поездки без необходимости сделать перерыв по нужде. Да и сама она, коли уж на то пошло.

София ощутила, что ее бесстрастное лицо снова заняло свое место. Выудила из сумочки блеск для губ, наложила свежий слой, снова поглядела в камеру и одарила ее актерской улыбкой. Мизинцем пропихнула слуховые аппараты поглубже в каждое ухо в надежде, что, когда дадут новые инструкции, сумеет расслышать большую часть из сказанного.

А заодно уповала по прибытии в студию узнать, что ее агент Руперт приобрел ей новый гардероб. Он знает, каким модельерам она благоволит, хоть они и больше не благоволят ей. Некогда они торопились, аж с ног падали, только бы облачить ее для дефиле по красной ковровой дорожке. Но с тех пор как ей пришлось уступить место на страницах газет более милостивым, стройным и юным версиям себя самой, они уже не рвутся расставаться со своими моделями, когда она не может гарантировать их освещение в СМИ...

Последний раз София посещала премьеру вместе с мужем Патриком в феврале. Название фильма уже выветрилось у нее из памяти, но лицо Патрика задержалось. Надо полагать, Руперт уже проинформировал его, куда она направляется и что она недоступна для связи. А может, его посвятили в секрет с самого начала... Уж ей ли не знать, как он поднаторел в хранении секретов, а в результате и она тоже. Вот уже сорок лет, как он сделал ее соучастницей.

Теперь же она получит столь необходимую передышку от него, снимаясь в «Звездах против Фортуны». Обратная сторона медали в том, что и он волен творить, что вздумается, без надзора с ее стороны. София помолилась, чтобы Патрик был осмотрителен. За эти годы его промахи стоили ей кучи денег.

⁸ Подразумеваются драматурги Гарольд Пинтер и Луиджи Пиранделло.

Глава 18

Джуд Харрисон

– Иисусе Христе! – выдохнул Джуд, когда Виктор Паттерсон погиб у него на глазах.

Ужас, охвативший остальных Пассажиров, ворвался сквозь динамики его авто вкупе с гамом из следственной комнаты. Мышцы живота скрутило, по телу волной прокатилась дурнота. Впрочем, за последние сутки у него маковой росинки во рту не было, так что и исторгнуться было практически нечему.

Джуд не мог оторвать глаз от экрана. Прямая трансляция с неопознанного второго автомобиля позади плавающего такси Виктора продолжалась. Мобиль затормозил и попытался обогнуть выросший впереди огненный шар. Но в уйме потенциальных угроз, реагировать на которые он был запрограммирован, автобомбы не числились. Он врезался в такси сзади, сминая капот в гармошку. Джуд услышал новые вопли – на сей раз из второй машины, – потом дверцы распахнулись, и ее Пассажиры выбрались наружу, подальше от опасности. А через считанные мгновения второй огненный шар поглотил и это авто, и трансляция разом оборвалась.

Джуд на время забыл о Либби, безраздельно отдав свое внимание остальным Пассажирам, пребывающим в таком же безвыходном положении, как он, без каких-либо видов на избавление. Особенно его тревожила явно подавленная Клер. Ее голос он услышал первым в своей машине после Хакера. И видел, как она одной рукой зажала рот, а другой прикрыла свое нерожденное дитя. Перед лицом смерти материнский инстинкт заставил ее встать на защиту предмета своей безоговорочной любви. Ее самоотверженность восхитила Джуда. Среди прочих напуганных голосов он с трудом отличил голос Клер.

– Пожалуйста... я вас умоляю, – всхлипывала она. – Пожалуйста!

Джуда переполняла потребность попытаться уверить ее, что помощь непременно придет и не стоит прощаться с надеждой. Ему почти нечего было сказать в утешение ей или кому-либо из застрявших в своих автомобилях против собственной воли. Но не попытаться Джуд не мог.

– Клер, – начал он, пытаясь возвысить свой голос над остальными. – Клер! Это Джуд Харрисон. – Подождал, пока она заметит, как он машет ей. – Вы в порядке?

Ее рука переместилась со рта к глазам, чтобы смахнуть слезы.

– Я не могу умереть, – произнесла она едва слышно среди остальных. – Я не могу умереть сейчас. Только не так.

– Прошу вас, постарайтесь не паниковать. Я понимаю, что это легче сказать, чем сделать, но нам нельзя давать слабину, ладно? Инстинкты редко меня подводят, а они подсказывают, что вы – сильная женщина. Вы должны держаться ради вас обоих. Вы меня слышите? Не сдавайтесь. Никто из нас не должен сдаваться. Мы найдем способ выпутаться.

– Как? – спросила она. – Хакер сказал, что мы все погибнем, как тот несчастный старик. Как мы можем этому помешать?

– Пока не знаю, и это будет непросто, но постарайтесь не терять веры, пока мы не исчерпаем все возможности до последней. Ладно? Обещаете?

Клер шмыгнула носом, втянув ноздрями изрядную часть набежавших соплей, и утерла остальные тыльной стороной кисти. Джуд увидел, что она отвечает короткими резкими кивками.

Его взгляд вернулся к экрану, и прежде всего к Либби. И он тут же заметил, что с ней что-то неладно.

Глава 19

DigitalMailNews.co.uk

ЭКСТРЕННЫЕ НОВОСТИ: УЖАС воцарился на наших дорогах, когда **ФОЛКЛЕНДСКИЙ ГЕРОЙ** был взорван хакером, **ПОШЕДШИМ ВОЙНОЙ** против **БРИТАНИИ**.

- Миллионы человек, наблюдавшие прямую трансляцию, содрогнулись, когда пенсионер и **ДВАЖДЫ АМПУТАНТ** погиб при взрыве автомобиля.
- Хакер предупреждает, что за ним последуют и другие, потому захваченные машины настроены на **СТОЛКНОВЕНИЕ**.
- Сорван покров тайны с позорного **СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНОГО** расследования, когда **ЛИЦА** членов большого жюри **ПОКАЗАЛИ В ПРЯМОМ ЭФИРЕ** всей планете.
- Королевской семье и правительственным чиновникам рекомендовано **ВОЗДЕРЖАТЬСЯ** от поездок, пока нападению не будет положен конец.

Почти год минул с той поры, когда Либби испытала приступ паники в последний раз.

Эти приступы регулярно донимали ее после двадцати, мало-помалу сходя на нет по мере приближения к третьему десятку. Когда же они вернулись, связав Либби по рукам и ногам в отправлении своих обязанностей медицинской сестры стационара психиатрического отделения, ее бывший хахаль Уильям настоял, чтобы она сообщила об этом своему инспектору по охране труда, а тот направил ее к консультанту. Доктор Гудвин высказал вслух то, что Либби и так уже заподозрила: что это симптом посттравматического стрессового расстройства. И теперь убийство Виктора Паттерсона у нее на глазах вытащило на поверхность воспоминания и о Монро-стрит, и о смерти брата Никки.

На сеансах психотерапии она обучилась действиям на случай, если почувствует приближение приступа. Так что теперь, едва ощутив в комнате расследования учащающееся сердцебиение, отодвинула свой стул от стола, игнорируя воцарившуюся вокруг суматоху, и попыталась держаться прямо, несмотря на дезориентацию. Потом накатило головокружение, грудь и подмышки прошибло потом. Либби взглядом отыскала чистую стену, чтобы сосредоточиться на ней и очистить рассудок.

«Обуздывай это, – твердила она себе, – не убегай прочь, а встретиться лицом к лицу, это тебя не убьет».

Врач сказал Либби, что, если во время эпизода она будет не одна, это поможет ей восстановить уверенность. Однако в этой комнате она ни одной живой душе довериться не могла. Единственный человек, которому она верит, – лишь изображение на экране, притом перед ним стоят куда более смертоносные проблемы, чем перед ней. В конце концов взгляд Либби оторвался от пустой стены и вернулся к экрану Джуда, пока тревога мало-помалу покидала ее, а учащенный пульс возвращался к норме.

Семеро оставшихся Пассажиры выглядели напуганными. Раз Хакер смог походя прикончить калеку-пенсионера, героя войны, то может поступить так же и с любым из них.

Было столько криков и речей, перекрывающих одна другую, что Либби с трудом вычленила полные предложения, улавливая лишь отдельные разобщенные слова и фразы. Сэм талдычил своей жене Хайди, что любит ее и что все обойдется, но не мог убедить ни ее, ни даже

себя. Билкис – женщина в цветастом хиджабе – не расставалась с надеждой, что телефон может вдруг заработать, давила на кнопки и пыталась вызвать операционную систему. Шабана тем временем никак не могла взять происходящее в толк, понимая лишь, что ничего хорошего это не сулит. Только София воспринимала все как само собой разумеющееся и без усталости улыбалась в камеру.

Джуда больше заботило чужое благополучие, чем свое собственное. Либби увидела, как он утешает явно подавленную Клер. Его старания убедить ее не терять надежды послужили для Либби доказательством, что чутье, при встрече с Джудом подсказавшее, что он тот самый, не обмануло ее. Он – хороший человек, тревожащийся за других. А ее опыт подсказывал, что таких раз-два и обчелся.

– Ну, Джек, – перекрыл гомон голос Хакера, – теперь я привлек твое внимание?

Но тут встряла Либби, не дав тому и рта раскрыть:

– Вам вовсе незачем было это делать. – Она поднялась со стула, опершись о край стола, потому что колени до сих пор подгибались после приступа паники. – Виктор не заслужил этого, он был ни в чем не виновен.

– Да ну, кто-то у нас обрел голос, ага? – откликнулся Хакер. – Впрочем, вынужден не согласиться с вами. Он не был невиновен. Невиновных среди нас попросту нет.

– Почему вы его убили? Он не сделал вам ничего дурного.

– Мисс Диксон, молчите, пожалуйста, – окрысился на нее Джек. – Вы только усугубляете...

– Я усугубляю? Я только что собственными глазами видела, как человека разорвало в клочья, потому что вы поступили в пику Хакеру, когда он вам говорил!.. Как еще можно это усугубить?

– Дайте ей сказать. Вы больше не распоряжаетесь своим судебным фарсом, Джек, – продолжал Хакер. – Что у вас на уме, Либби?

– Виктор был героем войны, больным на последней стадии рака. Вы поступили с ним совершенно несправедливо.

– Полагаю, семьи мужчин и женщин, которых он убил в бою, не согласятся с вашими аргументами и насчет «невиновности», и насчет «несправедливости».

– И это все, что вы можете сказать в свою защиту?

– Мне незачем защищать себя, Либби... можно звать вас Либби? Теперь, когда мы более или менее познакомились, это звучит не так формально, как «мисс Диксон». Виктор умер в точности по той причине, которую вы назвали: потому что Джек меня не послушал.

– Даже если б он послушал, вы уж нашли бы благовидный предлог убить одного из них. Вы просто хотели продавить свой аргумент.

– И каков же этот аргумент, по-вашему?

– Что командуete парадом вы.

– И я донес это до вас эффективным и приемлемым манером?

– Эффективным – да. Приемлемым? Шутите, что ли?

– Пожалуйста, прекратите его подстрекать! – не утерпел Джек.

– Пожалуй, сейчас уместно упомянуть, что я знаю еще уйму подробностей о вас, Джек, – не смутился Хакер. – Как то: ваша медицинская карта, домашний адрес, номера ваших кредитных карт, девочки по вызову, которых вы нанимаете, пароли, банковские выписки, задолженности по закладным, отправленные вами электронные письма, принятые вами текстовые сообщения, и даже куда вы вкладываете наличные, существование которых хотите скрыть от службы внутренних доходов... Если копнуть чуть глубже, любопытно будет поглядеть, куда направлена часть ваших вложений. И знаете, что самое лучшее в роли привратника этих знаний? Я намерен поделиться ими с многомиллионной аудиторией. Внимательно взглянув на

центральный экран на стене, вы заметите, как я делаю достоянием общественности все, что мне о вас известно.

И тотчас же частная информация Джека заполнила экран вкупе со ссылками для ее загрузки.

– Уберите это! – заорал тот на окружающих его техников.

Все ринулись к своим клавиатурам и замолотили по клавишам, пробуя разные клавишные комбинации и команды. Либби обратила внимание, что Джек, выпучив глаза, таращится на экран, где ссылки застыли, как гвоздями прибитые. В напряжении прошло полминуты, прежде чем он повернул голову снова. Либби еще ни разу не видела человека, настолько готового взорваться, как Джек.

– Ну? – прорычал он. – Почему эта ссылка еще там?

– У нас нет к ней доступа, – ответил один из членов его штата. – Триангулировать ее невозможно.

– Тогда пусть этим займется полиция или Национальное подразделение по борьбе с киберпреступностью!

– Их уже подключили, и они делают все, что могут, но засечь источник мы не в состоянии.

– Вашу ж бога душу мать! – заорал Джек. – Должен же найтись кто-то, кто может мне помочь?

– Он внедрился в нашу систему, – ответил технарь. – Узкоспециальным программистам потребуется время, чтобы отыскать закладки и перекодировать все заново. А у нас для этого не хватит ни знаний, ни допуска.

– Проку от всех вас, как от сраного козла! – взревел Джек, запустив в них планшетом. Задев одного из сотрудников по плечу, тот отлетел к стене и ахнулся об пол. Экран разлетелся вдребезги.

– У кого-то тот еще норы, правда? – поддел Хакер. – Не забывайте, камеры следят за каждым вашим движением.

Обернувшись, чтобы взглянуть на экраны, Джек застыл в нерешительности, словно взвешивая потенциальное влияние на общественное мнение его потребности дать выход ярости. И неохотно решил перестраховаться.

– Система сообщает мне, что мои файлы были загружены по ссылкам уже почти пятнадцать тысяч раз, – присовокупил Хакер. – Просто невероятно, насколько широк охват в наше время, не так ли? Люди аж в самой Австралии и Гонконге уже пользуются вашими кредитными карточками, чтобы делать покупки.

Экранный счетчик показывал число поделившихся и перепостивших сведения, ежесекундно возрастающее не на один десяток.

– Еще не слишком поздно положить всему этому конец, – с нотками отчаяния проговорил Джек. – Отпустите оставшихся Пассажиров на свободу и просто исчезните там, откуда вы объявились. Если вы настолько умны, то сумеете замести следы так, что никто не найдет.

– Сожалею, но мы зашли слишком далеко для этого. Кроме того, неужели в вашей душе нет закуточка, который жаждал бы узреть, что я наметил дальше? Уверен, Либби просто умирает от любопытства.

Нежданное внимание Хакера напугало Либби, и она, бросив взгляд на экран Джуда, встрепенулась:

– Нет, вовсе нет!

– Понимаю. Но, к сожалению, если вы думаете, что быть очевидцем гибели Виктора Паттерсона было трудно, Либби, тогда вряд ли вам понравится то, что я собираюсь попросить вас сделать дальше.

Глава 20

Хайди и Сэм Коул

«Какую чертову напасть я накликал на свою жену?»

В последние несколько минут надрывный голос совести Сэма напрочь заглушил множество других голосов, прорывавшихся сквозь динамики его авто. И вдруг больше всего на свете ощутил потребность услышать ее.

– Хайди, ты там? – крикнул он. Помолчал, но не мог различить ее отклика. – Хайди, пожалуйста, ответь, скажи, что с тобой все в порядке.

И тут же его отвлекло авто, без предупреждения сбросившее скорость. Стабильно гнало на 57 милях в час, а теперь сползло к отметке 25. Неужели кошмару приходит конец? Неужели осерчавший субъект довел дело до черты? И лишь заметив впереди красный светофор, Сэм сообразил, почему его авто тормозит. Его мытарства еще не кончились.

Сэму отчаянно хотелось взвыть во всю глотку: «Я добыл то, что вам надобно, а теперь отпустите нас», – но он воздержался. Потому что в этом сценарии ощущается нечто более масштабное, чем он сам или его ложь.

Когда видео на его экране переключилось с горящей машины Виктора Паттерсона на всех остальных Пассажиров, Сэм углядел ее.

– Хайди! – гаркнул он, чтобы перекрыть голоса остальных. Его глаза были прикованы к ее изображению, пока она наконец не расслышала его и не заговорила. Он склонил ухо к динамике, чтобы прислушаться, пока не выделил ее голос.

– Сэм! – произнесла она. – Почему такое случилось?

Он замялся. Он ни за что не признается, как угодил в такую бодягу, пока не исчерпает все окольные пути.

– Не знаю, но мы должны быть сильными, – сказал он. – Ты и я, мы в этом вместе.

– Бессмыслица какая-то. Почему он угрожает нас убить?

Отчаяние Хайди не уступало его собственному. Сэм не мог припомнить, когда в последний раз видел жену столь уязвимой – ни после скоропостижной смерти ее отца, ни после рождения их двоих детей. В их союзе опорой всегда была она. Это она сохраняла рациональность и ясность мышления. А случившееся с ними выбило ее из колеи. Он пойдет на что угодно, только бы отогнать ее страх.

– Ты видел, что он сотворил с машиной того человека? – продолжала Хайди. – Она просто... взлетела на воздух.

– Мы верим Хакеру на слово, что это сделал он. Компьютерные программы и спецэффекты могут реалистично изобразить что угодно.

– На мой взгляд, это выглядело опупенно реалистично!

– Мы не умрем, обещаю тебе.

– Ты не можешь мне ничего обещать.

– Это чья-то жестокая шутка, и как только твои коллеги из полиции возьмутся за дело и увидят, что в передрягу попала одна из своих, они нас вытащат.

– Иисусе, Сэм, не будь так опупенно наивен! Совершенно не важно, из полиции я или нет. Погляди, что происходит. Наши машины хакнули, ими управляет какой-то чужак. Если ради этого он пустился во все тяжкие, вряд ли пара ласковых из уст моего сержанта заставит его передумать, а?

Сэм осунулся на сиденье, потирая скальп ладонями, словно это могло стимулировать мозг на изыскание способа освободить их. Запертые двери означают, что о прыжке из движущейся машины не может быть и речи. Он видел, как одна Пассажирка в хиджабе безуспешно попыталась выбить армированное стекло ногой. Аккумулятор авто постоянно подзаряжается

при проезде через зарядные точки, так что вряд ли сядет до прибытия к их фатальному месту назначения. А раз операционная система не подчиняется его командам и не дает связаться ни с кем, кроме остальных Пассажиров, он увяз по уши.

Сэм продолжал твердить себе одно слово снова и снова: «Зачем?» Этот вопрос преследовал его с той поры, как шантажисты появились в его жизни шесть недель назад. В каком-то смысле было бы логично, если б за захватом стояли они – в конце концов, эти твари испытывали извращенное удовольствие, изводя и мурыжа его, прежде чем открыть, что им надобно. Но в остальных отношениях это совершенно несообразно. За двадцать минут до того, как услышать голос Хакера, Сэм отправил им электронное письмо, сообщавшее, что у него есть то, что им нужно. И в качестве доказательства прикрепил видеозапись. Они отреагировали инструкцией по заброске – в торговом центре в Милтон-Кейнсе. Если они исполнят свою часть сделки, Сэм сможет зажить по-прежнему.

Так зачем же перед самой передачей они втягивают в это Хайди? Если она узнает, что он натворил, ему незачем будет держать язык за зубами. А если они собираются взвинтить цену, то их ждет разочарование, потому что у него не осталось ровным счетом ничего.

И чем больше Сэм об этом раздумывал, тем лучше понимал, что в данном сценарии не вяжется еще уйма вещей, типа вовлечения других Пассажиров и явного убийства одного из них. Может, он просто винтик куда более масштабной аферы, в которую впутаны и они? Или они, как и он, жертвы?

И все чаще и чаще Сэм приходил к мнению, что они с Хайди влипли в нечто большее, не имеющее к вымогательству ни малейшего отношения. И это пугало его куда больше, чем шантаж, потому что там он хотя бы знал, чего от него хотят.

Однако в одном можно быть уверенным: он не кончит в огненном смерче, как Виктор Паттерсон. Если дойдет до выбора между мужем и женой, первой убьют ее.

Иначе им попросту не добраться до 100 тысяч фунтов наличными, лежащих в дорожной сумке позади него.

Глава 21

Либби не представляла, сколько камер Хакер установил для контроля помещения; ясно лишь, что одна из них нацелена на ее лицо, сейчас заполнившее самый большой из экранов.

Неуютное, обескураживающее чувство. Хотя она и не особо стыдлива, экран сверхвысокой четкости высветил каждый изъян, пору и пятнышко на коже. Либби тотчас же захотелось втянуть щеки, вздернуть голову, чтобы скрыть свой подбородок и расправить плечи, чтобы не выглядеть такой сутулой. Поглядела на другие экраны и два новостных канала, использующих то же изображение с ее полным именем, напечатанным большими буквами понизу и словами «Прямой эфир» поверху.

И неизбежно ее внимание вернулось к Джуду. Либби рвалась снова поговорить с ним, но из всех бесед, которые она мысленно разыгрывала на случай, если найдет его, ни одна в эти обстоятельства не вписывалась. А еще не знала, верить ли Хакеру, известившему их, что позже будет время поговорить. И только сейчас до нее дошло, что он назвал их «голубками». Откуда Хакер узнал, что между ними что-то было, пусть и мельком? Он что, отслеживал ее попытки разыскать Джуда? И давно она у него на радаре?

Либби вдруг поняла, что, пока она пребывала в раздумьях, в комнате воцарилось безмолвие. Даже безудержно велеречивый Джек поутих перед камерой. Правду говоря, все члены жюри стали куда менее речисты с тех пор, как оказались перед публикой «голенькими».

Либби заключила, что все они ждут теперь указаний Хакера. Но тот не спешил поделиться своими планами. Интуиция подсказывала Либби, что он ждет, чтобы его попросили. Для него это игра, и он упивается взаимодействием со своими игроками. И когда больше никто не вызвался, она решила принять удар на себя.

– И чего же вы от меня хотите дальше?

– Я уж думал, вы никогда не спросите, – откликнулся Хакер. – Но сперва вежливое напоминание. Одно из множества преимуществ электродвигателей и печатных плат, управляющих автономным авто, – то, что они освободили пространство внутри, сделав электромобили куда просторнее, чем их дизельные и бензиновые собратья. Больше места для ног, сиденья просторнее, больше места для чемоданов, покупок и нескольких кило взрывчатки. Так что если любому из оставшихся семи автомобилей, находящихся под моим контролем, попытаются чинить хоть какие-то помехи, я без колебаний устрою новые взрывы. Если любое лицо, лица, экстренные службы или служащие вооруженных сил попытаются остановить один из них, я взорву его. Если кто-нибудь попытается сбить его с запрограммированного пути или финтить со знаками или светофорами, я взорву его. Если кто-нибудь попытается освободить Пассажира, я взорву его. Если кто-нибудь притормозит мобиль, я взорву его. Я вложил в это уйму трудов не затем, чтобы разбрасываться пустыми угрозами. Я ясно выразился?

– Да, – ответила Либби.

– Простите, что говорю такое, Либби, но здесь ваше слово мало что значит. Я имею в виду вас, Джек. Что скажете? Будете соблюдать мои правила?

Поколебавшись, тот ответил просто:

– Да.

– Рад слышать. Но, как всем нам известно, сказать что-то и сделать что-то – вещи совершенно разные. Мне надо питать уверенность, что вы не кормите меня побасенками. Ранее я объяснил вам, что каждый из Пассажиров погибнет до полудня в столкновении. В старании показать вам, что я не так бессердечен, как вам кажется, хочу позволить одному из них покинуть процесс, даже волоса с головы не уронив. Хотя остальные шесть авто все равно столкнутся друг с другом через два часа пять минут с текущего момента, один везучий Пассажир уйдет целым и невредимым.

– Кто? – спросила Либби, невольно устремляя взгляд прямо на Джуда. Но тут ее отвлекли возбужденные голоса, доносящиеся из-за закрытых дверей.

– Всё по порядку. Чтобы в полной мере оценить, каково это – спасти чью-то жизнь, вы должны отнять чью-то. Между собой вы должны решить, каким из Пассажиров пожертвовать, чтобы спасти остальных.

– Мы не можем на это пойти! – воскликнула Либби. – Вы не смеете требовать от нас кого-то убить!

Шум за дверью стал громче.

– Мы не собираемся никого посылать на смерть, – категорически заявила Мюриэл, скрестив руки на груди.

– А если я вам скажу, что, если вы не убьете одного человека, тогда я убью их всех? В моем распоряжении клавиатура и команда из четырех цифр. Если я напечатаю эти цифры, все машины взорвутся в точности в одно и то же время.

Они услышали негромкий щелчок, когда Хакер нажал на первую клавишу.

– Он блефует, – заявил Джек.

Щелкнула вторая клавиша.

– Откуда нам знать, что за клавиши он там давит?

Последовал звук третьей клавиши.

– Вы вправду готовы пойти на риск? – осведомился Хакер. Никто не ответил.

– Выбрать кого-нибудь, это... это невозможно, – выдавила Либби.

– Не всегда, – возразил Хакер. – Позвольте воспользоваться сравнением. Скажем, например, две машины содержат двоих почти идентичных Пассажиров, двоих мужчин – одного возраста, одинаковой наружности, работающих в одной и той же сфере, имеющих одинаковых иждивенцев. Которого из них вы предпочтете отправить на смерть?

– Я не смогу.

– А что, если я скажу вам, что за одним из мужчин числится история насилия на сексуальной почве по отношению к женщинам? Это сыграет роль?

– Это лишь домыслы, а то, чего вы требуете от нас, вполне реально, – заявила Либби.

– Вы мне не ответили.

– Насильника, – перебил Джек. – Этого ответа он ждет, вот и дайте его.

– Я бы не выбрала ни того, ни другого, – упорствовала Либби. – Я бы не приняла такого решения.

– Тогда вы обрекли бы на смерть обоих, – стоял на своем Хакер. – Каково чувствовать себя ответственной за убийство невинного человека?

– Я не несу ответственности, потому что машины под вашим контролем. Это вы их убиваете.

– И все же я буду крепко спать по ночам, пока вы будете стараться убедить себя, что занять высоконравственную позицию было правильным решением. Но втайне вы будете знать, что поступили дурно.

Прежде чем Либби успела хоть рот раскрыть, нарастающий гул голосов в соседней комнате стало уже невозможно игнорировать. Двое сотрудников службы безопасности переглянулись и двинулись к двери, доставая из карманов курток электрические парализаторы, смахивающие на пистолеты.

– А поможет, Либби, если я скажу, что вам пятерым не придется принимать решение в одиночку? – продолжал Хакер. – Потому что весь остальной мир тоже сможет сказать свое слово.

Внезапно двустворчатая дверь распахнулась, и сотрудники службы безопасности заняли оборону в готовности отразить любую угрозу извне. Однако войти собирались шестеро поли-

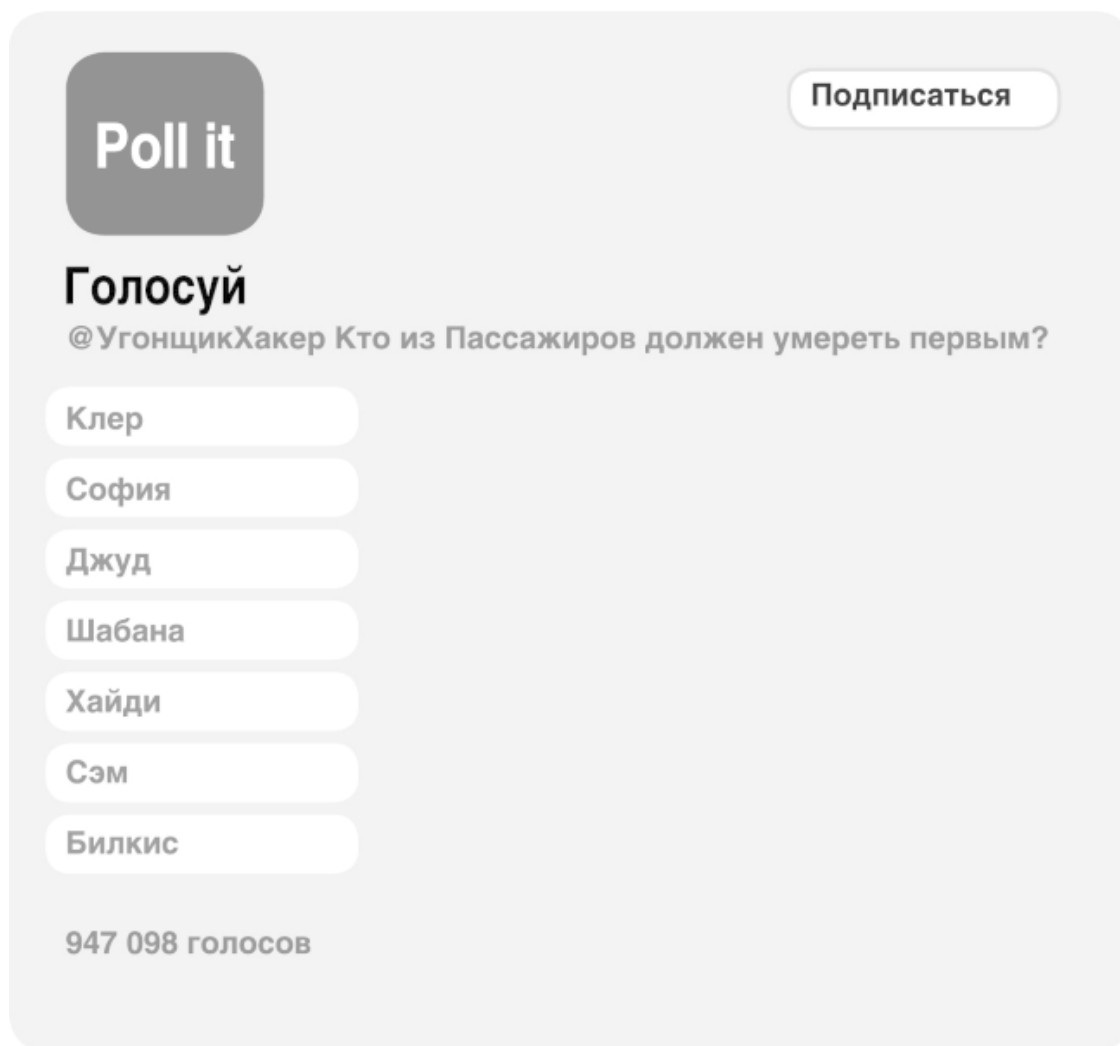
цейских в форме – каждый держал у груди полуавтоматическую винтовку, – прикрывавшие с боков двух мужчин, двух женщин и тележки, набитые электронными приборами.

– Вы еще кто, черт возьми? – спросил Джек офицера с наибольшим числом регалий, приколотых к мундиру.

– Мы получили приказ Министерства внутренних дел и подразделения по борьбе с терроризмом сопроводить этих людей в эту комнату для оказания помощи. – Он сунул в руки Джеку планшет: – Тут все сказано.

– Оказания помощи в чем?

Глава 22

В начале дня следственная комната казалась просторной, душной и пустой.

Не прошло и получаса, как в ней воцарилась неразбериха. Пятеро членов жюри, стенографист и клерк пополнились сотрудниками службы безопасности, вспомогательным штатом, офицерами полиции, а теперь еще и новой группой незнакомых лиц.

Всеобщее внимание привлек человек с наружностью уроженца Юго-Восточной Азии, пергидрольно-блондинистыми волосами, в очках в толстой оправе и с неестественно кобальтово-синими глазами, прошагавший в центр помещения, приподнявший очки и окинувший доступное пространство оценивающим взглядом.

– Поставьте столы сюда, – распорядился он, пальцем указав место под окнами. Его команда проворно перешла к действию, сбегав в другую комнату и толкая столы по плиткам пола под пронзительное верещание ножек, будто кто-то царапал ногтями по школьной доске.

– Не будет ли кто-нибудь любезен растолковать, что происходит? – спросил Джек командира полицейских. На вышитой у того над нагрудным карманом эмблеме тот значился как капитан Райли. Он был облачен в бронежилет и, как и коллеги, обеими руками держал у груди полуавтоматическую винтовку.

– Мы сопровождаем команду специалистов в помощь вам, – ответил капитан.

– Помощь с чем? И кто велел им явиться сюда? Я определенно их не запрашивал.

- МВД дало им спецназначение.
- Но им нужен допуск, они должны подвергнуться тщательной проверке...
- Не бойтесь, кризисы нам не в диковинку, – перебил мужчина с пергидрольными волосами. – А у вас на руках такой кризис, что мама не горюй. Мы уже не первый год работаем с большинством ваших правительственных департаментов.
- Тогда почему я не видел вас прежде?
- Тот смерил Джека взглядом с головы до ног.
- Я мог бы спросить то же самое.
- Выдворите их отсюда, – повернувшись к капитану Райли, рыкнул Джек.
- В этой комнате не вы отдаете приказы, сэр, а я. И у меня имеются четкие инструкции, что они должны находиться здесь.
- Дайте мне МВД к телефону, – скомандовал Джек, ни к кому в частности не обращаясь.
- Либби и члены жюри с интересом наблюдали, как свежее пополнение хлопочет с распаковкой тележки с электронным оборудованием, подключая телефоны, мониторы, кабели, вай-фай-маршрутизаторы, клавиатуры и планшеты.
- Извините, сэр, линия занята, – нервно сообщил один из ассистентов Джека.
- Что, «вертушка»?!
- Да, из всех линий именно она.
- Господи! – в сердцах вскричал Джек, а потом не без труда заставил себя утихомириться. – Ладно, все, кто не должен находиться в этой комнате, пожалуйста, выметайтесь отсюда.

Он волком поглядел на двоих сотрудников службы безопасности и сотрудников своего штата, вошедших вместе с капитаном Райли. К негодованию Джека, те повернулись к капитану в ожидании его сигнала, прежде чем зашаркать за дверь. Заодно Райли кивнул своим вооруженным коллегам, и те тоже удалились.

– Я буду снаружи, если вдруг понадобится, – обратился капитан Райли к химическому блондину, прежде чем закрыть за собой дверь. Дождавшись, когда электроника пикнет и дверь запрется, Джек обернулся к новоприбывшим:

- А теперь дайте мне прямой ответ: что вы за люди?
- Концепция прямоты мне как-то не очень знакома, – ответил пергидрольный, подмигнув Джеку, чем позабавил Либби, несмотря на обстоятельства. Снял очки и протер их рукавом джемпера. – Кэдмэн⁹, – добавил он, не глядя Джеку в глаза.
- Что еще за Кэдмэн? – не понял Джек.
- Кэдмэн – тот, кто понадобится вам на все время, пока *это* не закончится, чтобы доносить до вас, что об этом говорит мир.
- А с чего бы мне не накласть на то, что хочет сказать мир?
- А с того, что коллективно он – шестой член жюри.
- Вы надо мной издеваетесь?

Кэдмэн повернулся к остальным членам жюри:

– Терпеть не могу кидать понты, но если я этого не сделаю, то никто не сделает. Я – ведущий эксперт страны по всем аспектам средств социального общения. Если что-то попало в Сеть, а я этого не видел, значит, и говорить о нем нечего. Я со своей командой прибыл, чтобы интерпретировать то, о чем говорят люди онлайн за пределами этих четырех стен. Никто не знает о средствах массовой коммуникации больше, чем я. Я могу отличить машинное самообучение от микромоментов, переходы – от клик-наживок, органический охват – от многоканальной рекламы, а супермассивы данных – от интеллектуального анализа. Я знаю, какие слова играют роль, а какие нет; я знаю тенденции, потому что зачастую в тренд ввожу их именно

⁹ От cad (англ.) – «грубиян», «хам», «скотина».

я; я создал алгоритмы, которые консолидируют нужные нам данные быстрее, чем Тим Бернерс-Ли¹⁰ успеет хоть глазом моргнуть. Я знаю это, потому *это делаю я*. Вы спрашиваете меня, что такое Кэдмэн? Вы смотрите на него. Я – Кэдмэн, и вы позволите мне делать свое дело, ради которого меня сюда и вызвали. Те, кто пользуется соцсетями, будут голосовать вместе с вами, и я здесь, чтобы искать и интерпретировать результаты по поводу того, кого хотят оставить в живых, а кого отправить на смерть.

– А какое дело остальному миру до всего этого? – спросил Джек.

– Ой, да вы никак шутник, правда? – Рассмеявшись, Кэдмэн повернулся к членам жюри: – Он ведь шутит, правда? – Мюриэл покачала головой. – Джек, через пять минут после того, как все это взлетело на воздух, простите за каламбур, и да упокоится Виктор с миром, все только об этом и говорят. Каждая страна в мире с доступом к соцсетям наблюдает за вами, наблюдает за Пассажирами и схватывает все на лету в прямой трансляции. Смотрите. – Он повернул планшет экраном к Джеку. – Ежедневно каждую секунду отправляют шесть тысяч твитов. Сегодня это число удвоилось. «Фейсбук» ни разу не видел такого трафика со времени пика в две тысячи двадцатом, и одно лишь это событие ежеминутно приносит ему миллионы фунтов дохода. Оно сплотило мир воедино.

Кэдмэн чиркнул пальцем по странице на планшете, чтобы вывести на другую стену проекцию, показывающую новостные каналы всей планеты. Все – США, Япония, Россия, Саудовская Аравия и Новая Зеландия – крутили прямой эфир событий на британских дорогах.

– Кто вас послал? – продолжал расспросы Джек.

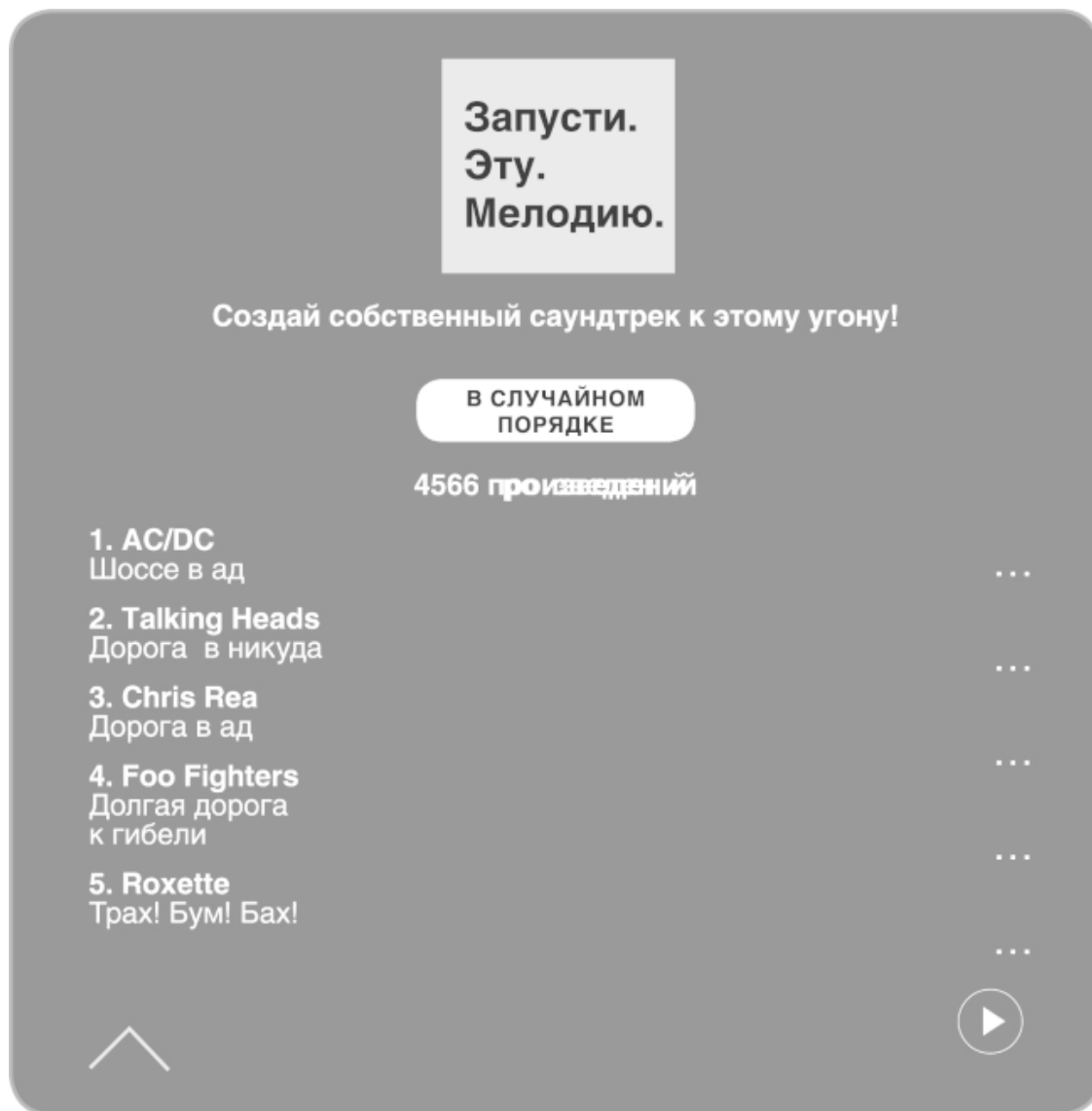
– Сейчас я не могу ответить. Нас подрядили несколько месяцев назад по обычным правительственным каналам, оплатив услуги авансом. Сказали, что проинформируют о том, что от нас потребуется, в надлежащий момент. Сегодня утром к нашему отелю прислали такси, и по пути сюда мне подкинули профили шестерых человек, оказавшихся в плену в этих машинах. Потом к нам поступил экстренный вызов из Кабинета общего быстрого реагирования А – для меня и вас КОБРА, – призывавший нас принять участие, и там были просто ошарашены, узнав, что мы уже ангажированы. Капитан Райли со своей командой сопровождал нас сюда, объяснив, *что* мы найдем за закрытыми дверьми.

Если проницательный взор Джека и устранил Кэдмэна, то он этого не выказал, поглядев на экраны Пассажиров.

– Так что введите-ка меня в курс. Значит, кого из этой оравы вы собираетесь прикончить первым?

¹⁰ С э р Т и м о т и Д ж о н Б е р н е р с – Л и (р. 1955) – создатель систем URI, URL, HTTP, HTML и Всемирной паутины (совместно с Р. Кайо) и действующий глава Консорциума Всемирной паутины.

Глава 23

Либби не понравилось фривольное упоминание Кэдмэна о Пассажирах.

– Мы еще должны обсудить это как следует, – заявила она. – И я даже не представляю, с чего начать. Это невозможно.

Кэдмэн пожал плечами:

– Вернуть мертвого к жизни; двигаться со скоростью света; стоять в очереди на кассу в супермаркете и не смотреть, *что* стоящий перед тобой выкладывает на конвейер, – вот это невозможно. А голосовать за смерть человека, которого в упор не знаешь? Не так уж невозможно. А публика уже бьет копытом, получив возможность сказать свое слово.

– Да кто же в здравом уме пошлет человека на смерть?

Кэдмэн сверился с планшетом у себя в руках.

– Пока что приблизительно двести тысяч – и это только исходя из того, что в трендах на «Твиттере».

– Не понимаю. Что сейчас делают двести тысяч человек? – переспросила Либби.

Кэдмэн повернулся к своей команде:

– Я что, должен все им разжевывать? – Он вздохнул. – Из миллиона упоминаний о захвате в «Твиттере» как минимум двести тысяч уже захэштегили имя Пассажира, которого больше всего хотели бы увидеть трупом.

– Как они могут судить столь поспешно? – удивилась Мюриэл. – Им известно о Пассажирах не больше нашего. Нельзя же принимать решение, зная настолько мало.

– Войны затевали, вели и выигрывали, располагая куда более скудными сведениями, – заметил Кэдмэн.

– Мюриэл права, – подал голос Хакер, и в комнате воцарилось безмолвие. – Люди голосят, основываясь исключительно на том, что видели, и ни на чем больше – почти точь-в-точь так же, как принимаются решения на ваших расследованиях. – Либби была единственным членом жюри, не смутившимся при этом. – Ваши разбирательства предвзяты и несправедливы. Я хотел бы сделать свое разбирательство более справедливым. – Хакер сделал паузу.

– Он что, всегда так мелодраматичен? – шепнул Кэдмэн.

– Он ждет, когда мы поинтересуемся, как именно, – сообщила Либби.

– О-о, манипуляции сознанием!.. Я клюну. Как же, мистер Хакер?

– Давайте узнаем капельку больше о наших Пассажирах, ладно? – ответил тот. – Прошу вас обратить внимание на стену.

Либби увидела, как некоторые экраны погасли, а остальные перекомпоновались, так что осталось лишь восемь из них. На семерых было по одному Пассажиру, а последний показывал ролик с пожарными, тушившими полыхающее такси Виктора Паттерсона – суровое напоминание о том, на что способен Хакер.

– Давайте начнем с Пассажира номер один. Клер Арден, двадцатишестилетняя ассистентка учителя в школе для детей с ограниченными возможностями здоровья. Состоит в браке с мужчиной по имени Бенджамин, на восьмом месяце беременности первым ребенком.

У Либби прямо кровью сердце облилось при виде женщины с покрасневшими глазами, струящимися по щекам слезами, сжимающей свой живот. А когда в уголке экрана появилось #убейклер, Либби замутило.

– В автомобиле номер два мы имеем Билкис Хамилу, сорок шесть лет, прибывшую в нашу страну два года назад из Сомали с просьбой о политическом убежище. Вдова, на родине у нее осталась дочь, которую она надеется вывезти в Великобританию. На ее заявление о переходе в британское гражданство уже получен отказ Министерства внутренних дел, и в настоящее время она находится в процессе подачи апелляции.

В своей работе медицинской сестры Либби доводилось иметь дело с беженцами, иностранными подданными и ходатайствующими о предоставлении убежища, так что ей не в диковинку было слышать об ужасах, которым подвергают человека войны и пытки, и видеть, как они то и дело проявляются в психозах, депрессии и ПТСР. Сколько же Билкис, должно быть, настрадалась, раз бежала из родной страны, бросив ребенка...

– Нашего третьего Пассажира вы могли уже узнать и сами. Это актриса София Брэдбери, семьдесят восемь лет, звезда сцены и экрана в течение семи десятилетий. Замужем, мужа зовут Патрик, своих детей не имеют, и она посвящает изрядную часть своего досуга сбору миллионов фунтов на благотворительность в помощь детям и больницам.

Ко всеобщему изумлению, София озарила объектив улыбкой и помахала ручкой.

Когда экран заполнило лицо четвертого Пассажира, пульс Либби снова участился.

– Джуд Харрисон, двадцать девять лет, бывший компьютерный программист компании, выпускавшей автомобили. Холост, в отношениях не состоит, не имеет иждивенцев и в настоящее время безработный. Сверх того, в настоящее время бездомный и живет в своем авто.

Либби невольно сделала долгий вдох – часть описания насчет бездомности обрушилась как снег на голову. И заметила, что Джуд смущенно отвел глаза от камеры. Что с ним стряслось за то время, пока они были порознь, заставив его жить в автомобиле? На сей раз поглядев

мимо него, Либби заметила разбросанные по сиденьям позади него пустые коробки от пиццы и картонки из фастфуда рядом с рюкзаком. И впервые разглядела в чертах Джуда безысходность куда более глубокую, чем диктуют нынешние обстоятельства. Такое же выражение она уже видела во взгляде своего брата Никки.

– Пассажиры пять и шесть – муж и жена Хайди и Сэмюэл Коул, оба сорока лет от роду, – вел рассказ Хакер. – Родители детей Бекки и Джеймса, девяти и шести лет. В браке состоят десять лет. Сэм управляет строительно-ремонтной компанией, а Хайди – офицер полиции в полицейских силах Бедфордшира.

Либби всем сердцем болела за их детей, уповая, что их оградят от того, что транслируется. Чета выглядела такой встревоженной, что дальше некуда. Даже не поймешь, утешает или еще больше угнетает, когда близкий человек так же балансирует на грани жизни и смерти, как и ты.

– И наконец, Пассажир номер семь – Шабана Хартри, тридцать восемь лет, неработающая мать пятерых детей, состоящая замужем за неким Вихааном, обвиняемым в торговле людьми. Переехала в Великобританию после выхода замуж в восемнадцать лет и с тех пор проживает здесь безвыездно. Никогда не работала и не говорит по-английски.

«Сколько же она понимает из происходящего вокруг?» – задалась вопросом Либби. Судя по тому, как Шабана ломает руки, не открывая зажмуренных глаз ни на миг, она прекрасно сознает, что попала во что-то ужасное.

– Итак, члены жюри, – подвел Хакер черту, – настало время принять решение без обсуждения его с коллегами и основываясь лишь на сведениях, которые я вам предоставил. Будьте любезны один за другим сообщить мне, кого из Пассажиров вы пошлете на смерть.

Глава 24

Онлайн
тренды
для вас

#АнгличанеВышеИммигрантов – 251 098 твитов

#МыНенавидим8 – 167 918 твитов

#УбитьИхВсех – 104 221 твит

#СпастиИхВсех – 12 001 твит

#ПосылаюПозитивныеФлюиды – 2566 твитов

Либби повернула голову к остальным членам жюри. По бездумному выражению их лиц было очевидно, что никто не представляет, как реагировать на требование Хакера назвать имя Пассажира, обреченного на смерть. Кашлянув, чтобы прочистить горло, она подала голос первой:

– Вы дали нам лишь самый общий абрис этих людей, ни слова не сказав о том, кто они. Нельзя же рассчитывать, что мы способны решить, кто должен умереть, исходя лишь из карандашного наброска портрета.

– Полагаю, вы находите, что я не только способен, но и сделал это только что, – парировал Хакер. – Ну, кто же будет первым?

– Нет, я не участвую, – взмахом ладони отмежевалась Либби. – Может, Пассажиры и под вашим контролем, но я-то нет.

– Мне правда нужно напоминать, что будет, если вы не сделаете, как я прошу, Либби? Благодаря Джеку куски Виктора Паттерсона до сих пор сыплются с небес. Я без колебаний воспроизведу этот момент заново с помощью вашего друга Джуда. Так что я спрашиваю снова: кого вы хотели бы выбрать первым?

– Номер два – Билкис, – изрек Джек, застав всех врасплох, и с вызовом скрестил руки на груди. – Ну, кто-то же должен стронуть этот фарс с мертвой точки, – и впился взглядом в Мюриэл, словно призывая принять решение.

– С тяжким сердцем я тоже выбираю Билкис, – негромко проронила Мюриэл.

– Билкис, – повторил Мэттью.

– Билкис, – сказала Фиона.

Либби увидела, как на экране беспомощная Билкис зажала рот ладонью и заплакала.

– А вы, Либби? – подтолкнул Хакер.

Она поглядела на каждого из Пассажиров по очереди, но ни один из кандидатов не заслуживал жизни или смерти больше других. Совершенно не важно, кого она выберет, потому что ни она, ни голос общественности большинства не наберет. Билкис уже объявлен смертный приговор, так что Либби выбрала человека с наименьшим числом лет впереди.

– София, – вымолвила она и, как и другие члены жюри, не смогла поглядеть на лицо выбранной особы.

– Спасибо, – произнес Хакер. – Не надо быть статистиком, чтобы заметить, что это почти единогласное решение, но, Кэдмэн, просто ради любопытства, не можете ли вы раскрыть нам результаты из соцсетей, будьте так любезны?

Кэдмэн поглядел на одного из членов своей команды, который одними губами произнес слово «отправил», – после чего поглядел на свой планшет.

– Мои алгоритмы сообщают мне, что Пассажир, смерти которого публика хочет более всего, – тот же, кого выбрало жюри: Билкис.

Либби и Мэттью были единственными членами жюри, чьи взгляды возвратились к стене, где главным изображением теперь стала Билкис. Громкость мало-помалу нарастала и нарастала, пока ее отчаяние и мольбы о милосердии стало просто невозможно игнорировать. Мюриэл зажала уши ладонями.

– Пожалуйста, – молила Билкис на ломаном английском. – Пожалуйста, вы передумать... я хорошая женщина, я хочу снова быть с мой дочь, позвольте сказать, что я делаю помочь другим, и вы можете думать отли...

Не успела она окончить фразу, как авто Билкис яростно содрогнулось, прежде чем вспышка света и пламя рванулись к ней из задка машины. Через считанные секунды Билкис поглотил огненный ад. Либби окостенела, не в состоянии пошевелить головой или оторвать глаз от развернувшихся событий, когда одежду Билкис охватил огонь. Она металась, издавая такие мучительные вопли, каких Либби еще ни разу не слышала из человеческих уст. Внезапно перед Либби выросла какая-то фигура, заслонив от нее экран. Ни слова не говоря, Мэттью положил ладони ей на плечи.

– Смотрите на меня, – велел он. – Смотрите на меня.

Либби встретила с ним взглядом.

– Продолжайте смотреть на меня, пока это не кончится и я не велю вам перестать.

Последовали новые вопли, треск пламени и лопающейся кожи, пока еще одни взрыв не стер изображение. К моменту, когда Мэттью отпустил Либби, на стене остался лишь черный экран.

– Я не могу здесь находиться, мне надо уйти! – воскликнула она, поднимаясь со стула и на подгибающихся ногах устремляясь к двери. – Мне нужен воздух, мне нужно домой!

Она колотила кулаками в дверь, пока ее не открыли. Капитан Райли и его коллега встали в дверях, преградив ей путь.

– Пожалуйста, выпустите меня! – взмолилась Либби. – Я больше не могу быть здесь и смотреть, как погибают другие.

– Извините, мэм, но мне запрещено выпускать кого бы то ни было из комнаты, пока процесс не будет завершен, – отрезал капитан. – Мне так приказано.

– А мне плевать! – вскричала Либби с залитым слезами лицом, дыша часто-часто и чувствуя, что кожа снова горит огнем. Очередной приступ паники, на сей раз куда более полномасштабный, чем предыдущий, казался неминуемым. Ей нужен был холодный, свежий воздух, чтобы снова ощутить себя в безопасности.

Она потянулась, чтобы ухватить офицера за толстую ручищу и отстранить его с дороги. Тот даже не покачнулся, и Либби в сердцах хлестнула его ладонью, задев голову и сбив гарнитуру на пол. Офицер же одним стремительным движением ухватил свой автомат за оба конца, чтобы с его помощью резко оттолкнуть ее назад. Попятившись, Либби потеряла равновесие и рухнула на спину, вскрикнув от боли при ударе копчиком о каменные плиты пола.

– Соцсетям это не понравится, – пробормотал Кэdmэн.

– Не смейте так с ней обращаться, – вскинулся Мэттью, идя на капитана грудью.

– Сядьте, пожалуйста, сэр, – приказным тоном откликнулся тот. – Это здание полностью заблокировано. Все улицы в радиусе одной мили эвакуированы, а это здание в настоящий момент также обыскивают на предмет взрывных устройств. До той поры, пока либо не выследят Хакера, либо не изыщут способ отключить эти машины, все вы останетесь здесь.

Он указал на новостной канал, снова появившийся на стене. Члены жюри узнали ратушу, возле которой вооруженные солдаты направляли публику за пределы синей ленты. Вокруг виднелись полицейские машины, кареты «Скорой помощи», пожарные машины и автомобили

армейских подразделений по обезвреживанию бомб. Над самим зданием висел целый рой квадрокоптеров, борясь за воздушное пространство.

– Мы должны просто твердо стоять на своем, а не идти у него на поводу, – заявила Либби. Мэттью протянул руку, чтобы помочь ей подняться с пола. Она приняла помощь, и двери за ней закрылись.

И снова голос Хакера объявился будто ниоткуда.

– Если б вы избрали этот образ действий, я взорвал бы все автомобили, – поведаль он.

– Вы больной, – парировала Либби. – Вовсе незачем взрывать людей, чтобы привлечь внимание. Мир устроен не так.

– А вы читали новости в последнем столетии? Неужто Оппенгеймер, ИРА, «Аль-Каида», ЭТА, ХАМАС и ИГИЛ проскочили мимо вас?

– Вы понимаете, о чем я. *Обычные* члены общества так себя не ведут. Они не убивают походя за просто так.

– Я тоже. Я убиваю во имя цели.

– То есть?

Хакер промолчал.

– Вы ведь знали, что Билкис выберут первой – ее или Шабану, так ведь?

– С чего это вы так решили?

– Потому что вы не сказали ничего в их пользу, а, наоборот, подчеркнули, что Шабана не работала, не говорит по-английски, имеет шестерых детей, а ее мужа обвиняют в торговле людьми. А Билкис отказали в политическом убежище, а она хочет привезти сюда еще одного члена семьи. Вы с бору по сосенке насобирали крупницы информации, чтобы подтолкнуть нас и соцсети проголосовать определенным образом.

– В точности так, как функционирует это жюри. Вы принимаете решения, опираясь на самую малость фактов. Вы утверждаете, что, если б я упомянул, что ее дочь в Сомали умерла два года назад и Билкис хотела привезти в Британию ее прах, это сыграло бы какую-то роль? Или что прежде, чем Билкис сбежала от гражданской войны в родной стране, ее принудили смотреть, как ее пятилетнюю дочь насилуют бойцы мятежников? Должен ли был я сказать, что она баюкала свою дочь, когда та истекала кровью до смерти у нее на руках? Может, следовало еще добавить, что, несмотря на все это, Билкис нашла в себе довольно сил, чтобы помогать людям и оплатить побег пятнадцати детей-сирот из Сомали на одном судне с нею? Если б вам предъявили все эти факты, вы позволили бы ей сгореть заживо?

Выражение лица Либби ожесточилось.

– Вы сказали людям то, что они хотели услышать, чтобы облегчить им принятие решения.

– Как и на ваших расследованиях, раскрытие полной информации может доставить неудобство при вынесении суждения. Разве я не прав, Джек?

Глава 25

Онлайн
тренды
для вас

#ШаантиСеАараамКарен – 401 301 твитов

#ПокойсяСМиромБилкис – 345 988 твитов

#АнгличанеВышеИммигрантов – 253 098 твитов

#СпастиИхВсех – 177 918 твитов

#ПосылаюПозитивныеФлюиды – 19 566 твитов

– Что это значит? – перекинулась Либби на Джека.

– В каком смысле? – тот сделал вид, что не понял.

– Когда он сказал, что правда может доставить неудобства. Почему он адресовал это именно вам?

– Понятия не имею. Может, вам спросить у него самого? Похоже, у вас двоих тут наметился полный лад и взаимопонимание. Однако примите дружеский совет: лучше будьте поосторожнее, а то люди могут прийти к ложным умозаключениям.

Тон его при этом был отнюдь не дружеским.

– С чего это вам такое вообще в голову пришло? – Либби приподняла брови.

Джек поправил галстук, изогнув уголки рта кверху, дабы показать, что потешается, подзуживая ее.

– Быть в свете юпитеров вам к лицу, мисс Диксон. Переступая порог этой комнаты, вы были скромной былинкой тише воды, ниже травы, а полюбуйтесь-ка на себя теперь; вы как японский спорыш, запускающий свои корни туда, где ему не место, и расползающийся без удержу. Может даже показаться, что вам нравится стоять у рампы. – Поглядев в сторону камер, он ухмыльнулся.

– Я-то думала, за этим фасадом скрывается хоть капелька приличия. Но у вас она даже не ночевала, правда?

Своим ответом Джек отмахнулся от нее, как от мухи.

– Полагаю, вы найдете, что многие тысячи представителей электората, коим я служу без усталы, могут не согласиться с вами.

– Почему Хакер не сказал нам, где точка столкновения? – перебила его Мюриэл с озабоченным видом.

– Он говорит нам лишь то, что мы должны знать, по его мнению, – Мэттью тряхнул головой.

– Только меня терзает жуткое предчувствие, что он собирается отправить машины к этому зданию, или его разделяет еще кто-то?

– Это не произойдет, потому что их не пропустят в центр Бирмингема, да и в центр любого другого города, коли уж на то пошло, – возразил Джек. – Если каждый из этих автомобилей набит взрывчаткой, как утверждает Хакер, они вряд ли пересекут границу одномильной запретной зоны.

На экране появился кадр, снятый с другого ракурса. Ролик транслировался с высоты над движущейся машиной. Кадр обрамляли цифры, графики и координаты.

– Хмм... – начал Кэдмэн, потирая щетину на подбородке. – Любопытно. Очевидно, мы не должны иметь к этому доступа.

– А это разве не дрон новостного канала? – спросила Либби.

– Согласно «Реддит», нет. Пользователи говорят, графика военная.

Либби захлестнуло чувство зловещей угрозы.

– А что соцсети говорят о назначении этих дронов?

– Минуточку, – ответил он, после чего и сам, и его команда ввели ключевые слова и фразы в свои устройства. – Ладно, Хосе... итак, ролик одного из дронов был записан обычным пассажиром и загружен в «Снэпчат» семь минут назад. Все сходятся на том, что это беспилотный летательный аппарат с ударными возможностями армейского образца... а сейчас пользователи «НоуХау» утверждают, что это RP 7876V. Означенные дроны, по-видимому, «вооружены и способны выпустить множество артиллерийских выстрелов».

– Они что, собираются расстрелять Пассажиров прямо на дорогах? – Либби повернулась к Джеку.

– Разве это не очевидно? Что ж еще им, по-вашему, делать? Сидеть сложа руки и смотреть, как они взрываются посреди наших городов? Ради спасения большинства приходится жертвовать меньшинством. Это стандартная военная тактика.

– Но мы не на войне.

– Как раз на войне, дура! – издевательски бросил он, а затем повернулся к камере, будто напоминая себе о зрителях, и соответственно изменил тон: – Этот Хакер ведет войну против нашей державы – на наших дорогах, против наших людей, *против вас и меня*. Неужто вы думаете, что Правительство смирится с этим? Мы не можем допустить, чтобы террор возобладали, пусть даже ценой наших собственных страданий во имя высшего блага.

Поглядев на Джуда, Либби понурила плечи. Она-то думала, что угроза его жизни исходит только от Хакера, а не от родной страны...

– Когда это произойдет?

– Весьма сомневаюсь, что это вообще произойдет, – встрял Хакер.

– Тогда вы водите себя за нос, – заявил ему Джек. – Воля одного никогда не возобладает над безопасностью масс.

– А вам известно, сколько в Великобритании школ, колледжей и академий, Джек? – не смутился Хакер и выдерживал паузу, пока Джек не покачал головой. – Почти двадцать шесть тысяч. В них находятся девять и две десятых миллиона детей.

– И зачем вы сообщили мне об этом?

– А вам не приходило в голову, что у меня есть планы на любой случай? В десяти из этих двадцати шести тысяч школ размещен ряд взрывных устройств, которые я могу взорвать в любой нужный момент. Взрывчатка может находиться на территории учебных заведений где угодно – в классах, кладовых, гимнастических залах, личных шкафчиках... В случае, если будет отдан приказ убрать с дороги кого бы то ни было из Пассажиров, я без колебаний активирую свои устройства во всех десяти школах одновременно.

– Их всех надо немедленно эвакуировать... – пробормотал Джек под нос, доставая из кармана телефон.

– Попытаться переместить более девяти миллионов детей в ближайшие восемьдесят минут просто невозможно. Если связаться с родителями каждого ребенка и вынудить их покинуть место работы, чтобы забрать детей, это породит такой пригородный хаос и пробки на дорогах, каких еще не видел свет. А если наша страна встанет в пробках и мои автомобили не доберутся до своего места назначения, будут взорваны и они, и школы. Хотите принять на себя такую вину?

– Ваши угрозы не помешают паникующим родителям позаботиться о безопасности своих чад, – возразила Либби.

– Вероятно, мне следует добавить, что у каждой из этих десяти школ также имеются автомобили, содержащие взрывные устройства со стреловидными поражающими элементами,

припаркованные в непосредственной близости ко входам и выходам. Ученики, родители и учителя, оказавшиеся в радиусе взрыва и не погибшие на месте, несомненно, получают ранения, которые радикально изменяют их жизнь.

Сердце у Либби оборвалось. Даже Джек уже не выглядел столь уверенным в дальнейших шагах, держа телефон в руке, но не пуская его в ход. Новостные каналы снова появились на экранах; каждый давал прямой эфир из следственной комнаты.

«Экстренные новости – бомбы в наших школах», – сообщала бегущая строка в нижней части экрана. Либби осталось лишь догадываться, какой ужас охватил родителей из конца в конец страны.

Она заметила, что Джуд единственный из Пассажиров смотрит на свой монитор спокойно, словно уже смирился со своей участью. И снова узнала в его глазах печаль, отнюдь не объясняющуюся нынешними обстоятельствами. Что же вынудило его переселиться в машину?

– Давайте разрядим обстановку и поглядим, что наши друзья в соцсетях имеют сказать по поводу последнего оборота событий, а, Кэдмэн? – пригласил Хакер.

– Среди родителей наблюдается массовая паника, как и следовало ожидать, – начал тот. – И многие угрожают нарушить ваше предупреждение и забрать детей из школы немедленно. – Сняв очки, он улыбнулся. – Вот видите, за что я люблю моих коллег – пользователей соцсетей. Несмотря на угрозу жизни их детей, они все равно первым делом считают нужным поделиться своими страхами со всем миром, прежде чем бросаться спасать своих малюток. Сперва поделились, а после реагируй. Я это обожаю.

– А о нас что-нибудь есть? – поинтересовалась Мюриэл, нервно теребя свои наручные часы, пока Кэдмэн и его команда сканировали входящие данные.

– Конечно, я тут обобщаю, но, судя по всему, им не нравится цвет жакета Фионы; имя Мэттью в тренде с хэштегом #док_секси; тысячи призывают к смещению Джека с поста; находят голос Мюриэл «раздражающим» и «плаксивым» и считают Либби «сердобольной снежинкой с чудовищным вкусом в обуви».

– Seriously? – спросила Либби и скрестила руки, даже не зная, какая критика оскорбила ее больше. – Два человека погибли от бомб в машинах, и жизни тысяч детей подвергаются угрозе, а они твитят о моих туфлях?

– Однако они в чем-то правы, – не смутился Кэдмэн. – Как я понимаю, их вам подарили?

– Нет, не дарили.

Похоже, Кэдмэна это удивило.

– Советую вам воспринимать соцсети как реку. У нее один исток, но чем дальше она течет, тем больше петляет в разные стороны. Некоторые новые русла быстро пересыхают, другие начинают течь своим путем. У каждого свое мнение. Вы можете лично отправиться в каждую из этих школ, собственноручно деактивировать каждое из этих взрывных устройств и единолично спасти жизни каждого Пассажира. Но какой-нибудь «троль» в муниципальной квартирке в Хакни с секущимися волосами и татушками с орфографическими ошибками все равно будет сетовать, что вы отбросили женские права на десяток лет назад, потому что сделали это, будучи одетой в юбку.

Либби охватило негодование. Она хотела лишь вырваться из этой комнаты, вернуться домой, свернуться калачиком под пуховым одеялом и больше никогда не думать о беспилотных авто.

– Прошу вас, – обратилась она к Хакеру, – просто положите этому конец. Вы уже доказали, что беспилотные авто далеко не так непогрешимы, как нам твердили. Так что вам уже нечего доказывать.

– Я и не говорил, будто хочу что-то доказать, Либби.

– Тогда какой же смысл в этом во всем?

– День за днем мы позволяли распоряжаться нашими жизнями решениям, которые принял вместо нас искусственный интеллект. Вы ведь так считаете, не правда ли, Либби? Что мы столь пренебрежительно относимся к своему собственному существованию, что охотно отдали себя на волю ИИ, сотворенного людьми, но неспособного к сопереживанию, сочувствию или нравственным суждениям. Вы считаете, что мы изъяли человечность из человечества?

– Я не хочу, чтобы приبلуды думали за меня.

– Но вы такая же рабыня ИИ, как и любой другой. Откуда мне известно о марше протеста, в котором вы участвовали в Лондоне против Билля о дорожной революции два года назад?

– Я... я... не знаю.

– А откуда, что ИИ и связанные с ним технологии поведали всё, что мне надо знать о том, кто вы и во что верите. Данные транзакций по вашей кредитной карте в ваших наручных часах поведали мне, где и когда вы приобретали билеты на поезд туда и обратно и в какое время они велели вам сесть на поезд. Они также проинформировали меня, какую столовую вы просили своего виртуального ассистента порекомендовать для ланча и название бара, куда вы отправлялись выпить после того. Ваш фитнес-трекер поведал, сколько времени вы работали ногами, сколько совершили шагов и сколько километров покрыли, уровни вашего адреналина и насколько подскакивал ваш пульс, когда вы достигали своего места назначения на Даунинг-стрит. Ваш мобильный телефон сообщил мне имена и номера друзей из вашей адресной книги, с которыми вы совершали эти посещения, музыку, которую вы слушали по пути домой, и насколько глубоко спали в ту ночь. Даже сейчас я знаю, что ваш холестерин стабильно на уровне 3,8 и овуляция у вас начнется через три дня. В ходе этой беседы частота ваших сердечных сокращений подскочила до 133 ударов в минуту, а ваш индикатор стресса сейчас показывает восемь баллов из десяти. Вы почти не ели сегодня утром, так что ваш уровень электролитов истощен и вам нужно закапать какие-нибудь смягчающие капли в свои пересохшие глаза.

Либби испепеляющим взглядом воззрилась на серебряное кольцо на пальце со встроенным фитнес-трекером, словно его сотворил сам дьявол. Должно быть, Хакер добрался до данных, которые оно собирает. Принялась крутить его, пока кольцо не стронулось с места, потом, скривившись от натуги и боли, стянула его через костяшку и запустила им через всю комнату.

– Вы собираетесь поступить точно так же со своим телефоном, планшетом, смарт-часами, кредитными и дебетовыми картами? – полюбопытствовал Хакер, и лицо Либби зарделось. – Вы не доверяете технике и ИИ на ошибочном основании. Не следует ли мне продемонстрировать всем остальным, что повлияло на вашу ненависть?

Либби сморщилась, в точности зная, что за этим последует, но будучи не в силах это предотвратить.

Глава 26

WolverhamptonNewsOnline.co.uk

Эксперты предсказывают, где состоится хакерское столкновение

По словам специалистов по планированию маршрутов, местом столкновения шестерых оставшихся Пассажиров может оказаться бывший завод.

Сопоставив различные направления движения автомобилей и время взрыва, вероятным конечным пунктом их следования называют бывшее промышленное предприятие «Келли и Дэвис» в промышленной зоне Роман-Парк близ Колсхилла, подвергшееся сносу и теперь представляющее собой пустырь.

Либби невольно напряжилась, собираясь с духом перед неизбежным. На самом большом из экранов бирмингемская Монро-стрит появилась в точности такой, какой ей и запомнилась.

Джек тоже чутьем уловил, *что* предстоит.

– Как он до этого добрался? – насторожился он. – Деликатные материалы должны удаляться из открытого доступа и стираться.

– Больше ничего не исчезает, – Кэдмэн развел руками. – Всё где-нибудь да есть. Всё приватное в конце концов становится публичным.

С ракурса статической камеры, закрепленной над виниловым козырьком магазина, Либби увидела себя, двумя годами ранее шагающей к объективу. Ей припомнилось, что тот день начинался с самого заурядного летнего утра. Солнце стояло высоко в безоблачных небесах, но было не настолько ярким, чтобы заставить надеть темные очки. Ласковый ветерок играл подолом ее платья в цветочек.

Дорога впереди сворачивала, и Либби переходила от магазина к магазину, разглядывая витрины, вызывавшие ее интерес, и минуя оставившие равнодушной. Полдюжины ароматических свечек, купленных на распродаже, оттягивали ручки сумки-тоут, висевшей у нее на плече. Либби задержалась перед цветочным магазином. И до сих пор помнила травянистый аромат, исходивший от оранжевых хризантем в ведрах с водой перед магазином.

И чем ближе она подходила к камере, тем узнаваемей становилась для коллег по жюри.

– Это вы? – осведомилась Фиона, подталкивая очки к переносице, чтобы взглянуть попристальнее. Либби промолчала. – Вы, правда ведь?

– О, несомненно, – подхватила Мюриэл.

Либби увидела, как сунула руку в сумочку, достала телефон, которым пользуется по сей день, и начала разговор. Звонила мама, вспомнила Либби, узнать, собирается ли она домой, в Нортгемптон, на выходных на День отца. Мама планировала приготовить воскресное жаркое на троих. Либби уведомила ее, что в эти выходные дежурит в неотложке. Не успела эта ложь сорваться с ее губ, как Либби уже возненавидела себя за это. Но она предпочла бы проторчать не один час в террариуме с ядовитыми змеями, чем провести в этом доме хоть минуту.

Едва она завершила разговор, как ее внимание привлекли две женщины с детской коляской через дорогу от нее. Собственно говоря, ее внимание привлек смех, и Либби поймала себя на том, что жалеет, что они с мамой не сумели сохранить подобных отношений. Она уж и не упомнит, когда они вместе шутили...

Женщины резко повернули и начали переходить улицу из-за припаркованной машины, не обратив никакого внимания на движущийся автомобиль в десяти метрах от них. Либби ожидала, что машина вильнет и остановится – времени и места для этого хватило бы с лихвой, хоть это и привело бы к столкновению с неподвижным автомобилем. Но та лишь резко затормозила, даже не пытаясь отклониться от курса. Либби раскрыла было рот, чтобы криком предостеречь женщин, но для этого было уже слишком поздно. Уйдя при торможении в занос, автомобиль врезался в них, как шар для боулинга в кегли, швырнув их в воздух.

Младшей из женщин досталась почти вся сила прямого удара, и она впечаталась в ветровое стекло, прежде чем отлететь кверху и рухнуть на дорогу позади машины. Старшую протащило и подмяло передком. А коляска отскочила на много метров вдоль дороги, выбросив ребенка, и крохотное тельце проехало по асфальту.

У Либби, сидевшей в следственной комнате, глаза наполнились слезами, когда началось воспроизведение со второй камеры, на сей раз закрепленной на приборной доске автомобиля, участвовавшего в столкновении. Либби заново прожила момент, когда выронила сумку на тротуар, услышав звон разбившихся стеклянных банок со свечами, и бросилась к пострадавшим. Инстинктивно сперва направилась к ребенку, но женщина, больше поднаторевшая в медицине, чем она, уже освобождала дыхательные пути ребенка и делала искусственное дыхание рот в рот. Так или иначе, дитя живо.

Либби повернулась к женщине, попавшей под передок машины, и присела рядом на корточки. Коротко подстриженные седые волосы жертвы слиплись от крови, струившейся из порезов и ссадин на лбу и скальпе. Во взгляде ее широко распахнутых остекленевших глаз не сохранилось ни искорки жизни.

Внимание Либби переключилось на открывшуюся дверцу машины, откуда медленно выбрался Пассажир с отвисшей челюстью и бледный, как привидение, примерно ровесник Либби. Она увидела на экране ветрового стекла графику какой-то компьютерной игры. Должно быть, он играл, когда произошло несчастье.

– Авто... оно само себя ведет... я не виноват... – пролепетал он.

Заметив суматоху, к месту происшествия стекалось все больше людей, крича, вопя и вызывая экстренные службы. Новый ролик, на сей раз взятый из камеры чьих-то очков, показал Либби, спешащую к третьей, перелетевшей через автомобиль. Вокруг женщины сгрудились несколько человек, не зная, чем помочь. Либби протолкнулась между ними и тут же увидела противоестественно вывернутые и исковерканные конечности, влажные глаза и окровавленный рот жертвы. На губах с каждым мелким вздохом вспухали розовые пузыри. Пустив в ход знания, полученные на курсах первой помощи, Либби проверила показатели жизнедеятельности, потом надела свое кольцо с фитнес-трекером пострадавшей на палец и проверила результаты по своему мобильнику. Пульс едва улавливался, сердце чуть ли не остановилось, а уровни стресса зашкаливали. Изменить ее участь могло только чудо.

– Моя дочь... – выдохнула она вместе с мелкими каплями кровавого тумана изо рта. Либби взяла ее за руку, с виду казавшуюся несломанной. Та была холодна как лед. – Моя малышка... – проговорила она снова, и Либби поднесла ее ладонь к собственному лицу, чтобы хоть чуточку согреть.

– Она в безопасности, – солгала она. Сейчас не время рубить правду-матку, и женщина мгновенно успокоилась.

– А Дженис?

– Поправится, отделалась ссадинами, – снова соврала Либби. – Как вас зовут?

Женщина закашлялась, и в уголках рта проступило больше крови, уже более густой.

– Мне нужно... увидеть их, но я не могу шевельнуться... – в отчаянии произнесла она.

– У вас, вероятно, сломано несколько костей, – ответила Либби, хотя невооруженным глазом было видно, что полученные травмы куда серьезнее. – Я подожду здесь с вами приезда «Скорой», а уж в больнице и повидаетесь с родными. Как вам такая идея?

– Обещаете?

Либби выдавила улыбку, молча понудив себя не заплакать, выдав правду.

Когда слышались сирены, предвещающие прибытие автомобилей служб экстренного вызова, Либби беспомощно увидела, как воля к борьбе капля за каплей покидает женщину. Рука ее обмякла.

– Оставайтесь со мной, – взмолилась Либби. – Как вас зовут? Скажите, как вас зовут.

Ответом послужил лишь предсмертный вздох, и голова пострадавшей безвольно упала на сторону.

Либби помнила каждую секунду с кристальной ясностью. В последовавшие за этим дни она звонила бывшей коллеге, теперь работавшей в ОИТ¹¹, чтобы узнать о состоянии ребенка. Девочка получила чудовищные травмы, вплоть до необходимости пересадки печени. Но прежде чем удалось отыскать донора, она проиграла свое сражение.

Либби предпочла воздержаться от посещения коронерского суда, дав свидетельские показания по видео. Месяцы спустя, узнав, что автомобиль был признан невиновным по всем статьям, она была вне себя от бешенства. Она собственными глазами видела, что авто имело возможность разминуться с этими пешеходами, но отдало предпочтение своему Пассажиру.

Ее телефонные звонки, обычные и электронные письма в судебные инстанции игнорировали, а каждый раз, когда она постила об этом в соцсетях или на досках объявлений, ее посты стремительно удаляли. В конце концов Либби признала, что ничего другого не остается, как просто сдаться. А потом, когда объявили, что автомобили Пятого уровня станут на британских дорогах обязательными, начала оказывать посильную помощь в петициях, маршах и демонстрациях. Но те тоже оказались тщетны.

Хоть она и видела эти видеоматериалы впервые, они не пробудили у Либби никаких забытых воспоминаний. За все эти годы ни малейшая деталь не изгладилась из ее памяти.

Пошарив в своем портфеле, Мэттью извлек пакет салфеток и передал ей. Кивнув в знак благодарности, Либби утерла глаза. И ощутила тепло его ладони сквозь блузку, когда тот мимо-летно положил ее Либби на плечо.

– Я помню то дело, – сообщила Мюриэл. – Ужасно, ужасно печально. Трех членов одной семьи не стало в один миг вот так запросто...

– А все потому, что они были слишком заняты болтовней, чтобы смотреть, куда идут, – ткнул Джек.

– У той машины было время, чтобы обогнуть их, – твердо заявила Либби.

– Улики свидетельствовали отнюдь не об этом, – возразил Джек.

– Я была там, а вы – нет.

– Что ж, полагаю, этим и объясняется ваше неуважение к нашим разбирательствам, мисс Диксон. С такой предубежденностью вас ни в коем случае не следовало допускать в члены этого жюри. Будь моя воля, вас здесь не было бы.

– Полагаю, кое-кто может не согласиться с вами по этому вопросу, – подал голос Хакер.

– Кто?

– Джуд Харрисон. Потому что в ближайший час его жизнь зависит от участия Либби в этом разбирательстве.

¹¹ Отделение интенсивной терапии.

Глава 27

Шабана Хартри

Шабана вытянула шею, выглядывая из окна машины, чтобы сориентироваться. Но дороги были ей так же незнакомы, как и в день приезда в страну.

Почти полжизни весь мир для нее был ограничен расстоянием, которое Шабана могла одолеть пешком. Даже больница, где она рожала последнего ребенка, была на расстоянии пешей прогулки от дома. Шабана знала это, потому что, когда ее выписали из родильного отделения, муж Вихаан отвез дитя домой на машине, а ей велел возвращаться своим ходом.

Теперь же Шабана наверняка знала лишь одно: что там, куда такси увозит ее, она будет не одна. Но чем дальше все ехали, тем больший страх их охватывал. Незадолго до того громкий шум в машине отвлек ее. Он напоминал грохот, за которым последовали вопли. Она завертела головой в поисках источника, прежде чем сообразила, что он идет из телевизора. Экран, который раньше занимала женщина в хиджабе, теперь показывал нечто полыхающее, а остальные люди в других машинах кричали, ввергнув ее в тревогу.

В прошлый раз, когда Шабана совершала путешествие в неведомое, ее самолет покинул мумбайский Международный аэропорт имени Чатрапати Шиваджи и приземлился в лондонском Хитроу всего за неделю до ее свадьбы. Это был день всего первого – она в первый раз покинула родную деревню, в первый раз была вдали от родных, в первый раз летела на самолете и в первый раз новый муж ударил ее.

Первым ее впечатлением от Британии было ощущение сплошной серости. Все было бесцветным, сделанным из бетона – от мостов через шоссе до тротуарной плитки, которой была вымощена дорожка до дома Вихаана. И еще все казалось куда более упорядоченным, чем в Индии. Дома во всем районе были одинакового размера, имели одинаково распланированные палисадники с одной и той же унылой палитрой цветов. И хотя здесь было просторнее, опрятнее и пахло свежестью, не хватало характера. Так что вскоре после прибытия Шабана уже заскучала по цветам и хаосу. А когда высказала свою ностальгию новому мужу, тот ответил кулаком.

Уже на третий день ее роскошной индийской свадьбы с Вихааном Шабана начала подозревать, что он отнюдь не такой, как заверяли ее родные. Она знала, что значит любить и быть любимой. А тут этим и не пахло. Год назад она влюбилась в Арджуна – официанта ресторана отеля в ее родном городе Кайлашахар. Ее близкие презирали его, хотя единственным его грехом было рождение в другой касте, не отвечавшей высоким чаяниям ее родителей. О замужестве с ним не может быть и речи, предупредил отец, но, когда угрозы влетели у нее в одно ухо, а вылетели в другое, ее братья избили парнишку до полусмерти, и больше она его не видела. Даже сейчас Шабана тосковала по его любви.

На следующий год ее познакомили с Вихааном. Он был на десять лет старше ее и для встречи с ней прилетел из Англии. И во время первой из трех встреч под присмотром передсговора Шабана внушила себе, что со временем, глядишь, и сможет его полюбить. Но чем ближе было окончание последнего дня их свадебной церемонии, и внимание, уделяемое им друзьями и близкими, пошло на спад, тем больше Вихаан утрачивал к ней всякий интерес, видя в Шабане лишь доступный объект для внедрения.

В последующие годы, когда Вихаан лежал на ней, смердя сигаретами, потом и пивом, ему было наплевать, какую боль он причиняет. Единственным ее способом бегства было уноситься мыслями к Арджуну. Шабана вспоминала, как тайком удирала из школы, чтобы укатить с ним на мопед за город до вечера. Там, вдали от любопытных глаз, они лежали в тени высоких деревьев у озера и смотрели, как крестьяне вдали собирают свой золотистый урожай

под самыми чистыми и синими на свете небесами. Она больше нигде и никогда не чувствовала себя так покойно, как там.

Сегодня свобода вернулась к Шабане, хоть и ненадолго. Но пока она силилась постичь, в какое бедствие угодила, закрыла глаза и снова подумала об Арджуне. И мысленно поклялась, что, если ей удастся покинуть этот автомобиль, она найдет деньги, чтобы отвезти детей в родную деревню, где они смогут найти те же мир и покой, что и она когда-то.

Шабана снова посмотрела на мобильный телефон в своей руке, отчаянно желая, чтобы он зазвонил. Хотелось бы ей знать, как им пользоваться, но муж никогда не позволял этого. И потом, кому бы она могла позвонить? У нее друзей можно перечесать по пальцам, и ничьих номеров она не знает. Ей хотелось нажать на зеленую кнопку, как велел сын Рейанш, и поговорить с ним. Тогда она могла бы сказать ему, что происходит нечто непонятное и она напугана.

Внезапно Шабана вспомнила номер, по которому Рейанш однажды звонил, когда его малолетняя сестренка Адитья вдруг подавилась виноградиной. Как ни старалась Шабана, она не могла просунуть пальцы достаточно глубоко в горлышко малышки, чтобы выудить ее, так что Рейанш нажал на телефоне три девятки, и через несколько минут человек в желто-зеленой машине приехал и спас жизнь ее дочурке. Вихаан в те выходные избивал ее дважды: один раз за то, что подвергла жизнь дочери опасности, а второй – за то, что застал ее в слезах обнимающей фельдшера «Скорой», спасшего ей жизнь.

Быть может, тот, кто ответит на звонок по этому номеру, знает ее сына? Шабана с замирающим сердцем нажала цифры на телефоне, потом зеленую кнопку и поднесла его к уху. Никакого голоса в ответ, только тягучий гудок. Она повторила попытку еще дважды, но с тем же результатом.

На память ей пришли слова Рейанша, сказанные нынче утром. «Мир за этими стенами прекрасен, прими только шанс...»

Она должна верить в своего мальчика. Он был добрым сыном, и, что бы ни разыгрывалось на этом экране, она знает, что он ни за что не подверг бы мать опасности.

Глава 28

- - YouBetOnIt.com - -

[На главную](#) | [Последние новости](#) | [Что происходит](#) | [Услуги](#) | [Войти](#)

Последние новости >

РЕГИСТРАЦИЯ

ПОСЛЕДНИЕ ШАНСЫ ПАССАЖИРОВ НА ВЫЖИВАНИЕ

Клер Арден	1/10
София Брэдбери	6/2
Хайди Коул	10/1
Сэм Коул	25/1
Джуд Гаррисон	75/1
Шабана Хартри	100/1

Подписаться

Имя

Фамилия

Эл. адрес

ПОДПИСАТЬСЯ

В горле у Либби пересохло. Направившись в угол комнаты, она взяла бутылку газированной воды из холодильника рядом с чайником и кофейником. Открутила крышку – вода зашипела – и сделала большой глоток, чувствуя, что все взгляды устремлены на нее.

Она знала, чего от нее ждут, но исполнить эту роль ничуть не рвалась. Очередная недосказанность Хакера зловеще повисла в воздухе, ожидая, когда же она спросит, что он имел в виду под тем, что Джуд «нуждается в ее поддержке».

Либби не добилась ни малейшего успеха в попытках убедить Хакера, что его образ действий омерзителен, и это ее чертовки огорчало. А еще ее тревожил вопрос о том, сколько ему известно о ее жизни за стенами этой комнаты и почему он счел необходимым показать членам жюри и миру, что стряслось в тот день на Монро-стрит. Тогда зрелище гибели целой семьи

вернуло ее к воспоминаниям о беспросветном мраке собственной семьи, в свою очередь проявившимся возвращением приступов паники, а там и к диагнозу ПТСР.

Хоть она и медсестра психиатрического отделения, но страдала почти так же сильно, как некоторые из ее пациентов. В большинстве случаев ей удавалось как бы поделить себя надвое: одна часть была чуткой, сострадательной и профессиональной сестрой, а другая – чувствительной и порой надломленной женщиной, слишком уж часто преследуемой призраками былого. Хотя подобные личные травмы позволяли ей глубже понимать страдания пациентов, Либби страшилась, что рано или поздно работодатели заявят, что она недостаточно сильна для подобной работы, и отодвинут ее на какую-нибудь административную или вспомогательную деятельность. И то, что ее вынудили увидеть и пережить тот день на Монро-стрит заново столь публично, – отнюдь не на благо ее имиджу. Ее ненависть к жестокости Хакера обострилась больше прежнего.

– Я сыта его играми по горло, – заявила она. – Пусть кто-нибудь другой спрашивает, что он имеет в виду.

– Но вам он отвечает охотнее, – попыталась уговорить ее Фиона.

– Да, – подхватил Джек. – Может, дело в вашей кокетливости...

– Заткнитесь, Джек, – огрызнулась Либби. – Просто заткнитесь.

Он ответил кривой усмешкой.

Отхлебнув еще глоток, Либби отставила бутылку, направилась в центр комнаты и оглядела двенадцать экранов. Ее лицо обрамлял самый большой из них, да вдобавок еще пять поменьше показывали ее изображение в новостных трансляциях Би-би-си, Си-эн-эн, «Скай ньюс», Эм-эс-эн-би-си и «Эн-эйч-кей Уорлд Джапан». Остальные занимали Пассажиры. Нежеланное бремя выяснения, что же Хакер запланировал дальше, навалилось ей на плечи.

– Если это играет какую-нибудь роль, кое-кто взмыл в рейтингах популярности, – нарушил Кэдмэн тягостное молчание в комнате. – С момента прогулки по тропе памяти, или, как он ее называет, по Монро-стрит, соцсети просто с ума посходили по мисс Как-ее-там.

– И что говорят? – полюбопытствовал Мэттью.

– Давайте позырим. @киберагга14 говорит: «#либби такая отважная. #girlpower». @небеса_тот_же_рай пишет: «Единственная встала против Хакера. #russypower». А @жидкаялюбовь69 говорит: «Душераздирающе. До сих пор глаза горят. Крепись, Либби». Хэштег #уважу-хаЛибби трендится на всех платформах. Наша девочка раскрутилась на весь мир.

– Только что хаяли мои туфли, а тут вдруг я героиня, – безразличным тоном откликнулась Либби.

– О, что до туфель, они по-прежнему любви не заслужили, – докинул Кэдмэн.

Сделав глубокий вдох, Либби устремила взгляд в потолок.

– Ладно, вы победили. Почему Джуду в ближайший час нужна моя поддержка?

– Я показал вам, каково послать человека на погибель; теперь я собираюсь продемонстрировать вам, что чувствуешь, подарив одному из них жизнь за чертой ордалий¹². Потому что в течение следующего часа каждый из вас решит, кого из оставшихся шестерых Пассажиров вы хотели бы спасти. Пассажир, набравший большинство голосов у вас и широкой общественности, будет избавлен от гибели при столкновении автомобилей.

– Значит, чтобы спасти одну жизнь, мы должны отправить в могилу пятерых других, – возразила Либби.

– Каждому действию соответствует противодействие.

– Это очередное решение, принять которое невозможно.

¹² О р д а л и и – в широком смысле то же, что и Божий суд; в узком – суд путем испытания огнем и водой.

– Вы уже в прошлый раз говорили, что это невозможно, но что-то я не вижу Билкис в ее автомобиле, а вы? Обладая решимостью, мотивацией и жадностью, можно претворить в жизнь что угодно. Если не верите мне, спросите Джека.

Стало еще очевиднее, что всякий раз, когда Хакер адресовал реплику Джеку, явно недоговаривая нечто известное только им двоим, тот отделяется молчанием.

– Не хочу, – уперлась Либби.

– Сохраните жизнь одному или убейте всех до единого, выбор за вами.

– Да разве это выбор, а? – Вернувшись на свое место, Либби сжала голову обеими руками.

– Прячась за своим положением членов жюри, все вы принимали решения о том, кого винить в ДТП, даже не потрудившись узнать, кем были жертвы на самом деле. Для вас они были лишь номерами дел. Но Пассажиры, сидящие перед вами, – не безличные цифры. Я собираюсь чуточку облегчить вам решение. Я дам каждому члену жюри возможность протянуть руку помощи одному Пассажиру – вы будете их расспрашивать, чтобы выяснить, почему ваши коллеги-присяжные и публика должны спасти их жизнь. Вы можете спрашивать их о чем пожелаете, а уж насколько честно отвечать, им самим решать. Но я полагаю, что ради собственного же блага каждому Пассажиру лучше быть предельно откровенным. Потом, когда каждому будет предоставлена возможность показать, чего он стоит, вы и публика определите единственного выжившего. Либби, не начать ли нам с вас? Кого вы хотели бы поддержать?

– Джуда, – ответила она почти без колебаний, не желая упустить шанс поговорить с ним напрямую – и, может статься, в последний раз. Обратила к нему вымученную улыбку, и он ответил взаимностью. «Я сделаю для тебя все возможное», – подумала Либби, и он, словно уловив ее мысли, ответил ей взглядом, сказавшим: «Я знаю».

– Джек, вы следующий, – сообщил Хакер.

– Мисс Арден. Она не напрашивалась, чтобы ее машину похищали.

– А остальные напрашивались? – вскинулся Мэттью.

– Как и ее нерожденное дитя. Уж наверняка все мы согласны, что ее и ребенка надо пощадить?

– Мюриэл, а вы в чью пользу склоняетесь? – поинтересовался Хакер.

– Шабаны Хартри.

– Разумеется, – проворчал Джек. – Ваша приверженность нашим темнокожим друзьям принята к сведению.

– Она – мать пятерых детей, зависящих от нее.

– Быть может, единственным вопросом, который вы можете ей задать, станет: почему человек, проживший в нашей стране почти двадцать лет, до сих пор не потрудился изучить наш язык? Впрочем, конечно, она вас вряд ли поймет.

Мюриэл закатила глаза:

– Вам неизвестны обстоятельства ее жизни.

– Нам неизвестны обстоятельства жизни ни одного из них. Но эта жалкая крупица знаний говорит мне, что она не ценит Британию и возможности, которые мы ей предоставили. Она не интегрировалась в наше общество.

Либби заметила, что по ходу этой тирады голос Джека набирал звучность, а его обладатель развернулся к камере, отслеживающей его. «Играет на публику, – подумала она. – Истинный парламентарий».

– Значит, вы утверждаете, что мы должны приговорить ее к смерти за то, что она не говорит по-английски? – вступила Либби. – А как же ее семья? Вы просто демонстрируете свое расистское нутро, Джек.

– Даже не пытайтесь бить меня этим козырем, – он презрительно скривился. – Я сказал бы в точности то же самое, будь она белой европейкой. Что же до ее семьи, детей у нее более чем вдвое против нашего среднего показателя по стране. Сколько им лет?

– Мы не знаем.

– Значит, все они могут оказаться взрослыми?

– Ей тридцать восемь лет, так что нет.

– Вероятно, семья зависит от нее в финансовом плане, – не сдавалась Мюриэл.

– Вы имеете в виду, финансово зависит от нас, налогоплательщиков.

– Когда это вы в последний раз платили хоть какие-то налоги? – резанул Мэттью. – Как я понимаю, все они захомячены на ваших офшорных счетах... Ну, были, пока Хакер не поделился ими с планетой.

Пропустив его слова мимо ушей, Джек продолжил спор с Мюриэл:

– Вы и вправду выбрали бы миссис Хартри, не будь камеры нацелены на нас?

– Конечно!

– А вот я так не думаю. Будь вы по-настоящему честны перед нашими зрителями, то выбрали бы ее лишь потому, что предвидите, какую трепку задала бы вам в противном случае азиатская община, которую вы также представляете. Вы уже обманули ожидания наших африканских зрителей, поддержав смерть Билкис. А если увидят, что вы даже не трепыхнулись, позволив миссис Хартри, второй цветной особе, покатить навстречу гибели, тогда ваша хлипкая, никому не нужная организация, и без того обветшавшая до дыр, рухнет в пропасть, где, могу присовокупить, ей и место. Полагаю, в этой комнате расистка вы, а не я.

– Вы не только изувер, а еще и окаянный идиот, – выпалила Мюриэл в ответ, раздувая ноздри и стиснув зубы.

– Мэттью? – осведомился Хакер.

– Я выбираю Хайди – по той же причине, по которой Мюриэл выбрала Шабану. Я не хочу, чтобы дети из-за меня стали сиротами. Предпочту не обременять этим свою совесть.

– О, так *теперь* и у вас совесть разыгралась? – вскинулся Джек. – Все время служения в этом жюри предпочитали ходить по струнке, а стоило нацелить на вас камеры и призвать к ответу перед миром, и вы вдруг надумали проникнуться участием? Да все вы просто клоуны.

– А вы, Фиона? – спросил Хакер.

– Софию Брэдбери.

– Что?! – Самый громкий смех Джек приберег для Фионы. – Из всех имеющихся вы предпочли спасти жизнь *актриске*?

– Мне не в чем перед вами оправдываться, – отрезала Фиона.

– Что происходит с машиной Шабаны? – внезапно спросила Либби.

Центр всеобщего внимания переключился на экран, показывающий вдруг остановившееся авто Шабаны. В глазах женщины тотчас вспыхнула тревога. Она вертела головой, глядя то на лобовое стекло, то в заднее окно. Со всех сторон мелькали какие-то тени.

– Что-то ее напугало, – добавила Либби.

Внезапно лицо Шабаны сменилось прямой трансляцией извне машины, с видом на ее ветровое стекло. Люди роились вокруг ее автомобиля, будто осы вокруг гнезда. Звук вернулся, и члены жюри слышали, как выкрикивают ее имя, колотят кулаками по стеклам. Люди хватались за дверные ручки, изо всех сил пытались открыть дверцы. Камера переключилась на прямой канал «Снэпчат», показывающий застопорившееся движение и все больше людей, покидающих свои автомобили, чтобы сделать селфи на фоне женщины, сидящей в своем авто, как в западне. Родители поднимали детей в воздух, чтобы им лучше было видно Шабану и историю, творящуюся у них на глазах. Скоро машину обступили как минимум в пятнадцать рядов.

Лицо Шабаны было искажено ужасом, но ее крики заглушали ликующий возбужденный гомон, усиливавшийся с каждым новым подросшим зевакой.

– Они думают, что помогают ей, – заметила Фиона. – Думают, что могут вытащить ее.

– Почему полиция не положит этому конец?! – запаниковала Либби.

– Некоторые пользователи, мониторящие полицейские каналы связи, утверждают, что уже высланы наряды, чтобы разогнать их, – доложил Кэдмэн. – Подъедут с секунды на секунду.

Либби боялась перевести дух, пока не объявились три спецфургона с цветографической маркировкой, сиренами и мигалками. Из боковых дверей посыпались спецназовцы в масках и экипировке для борьбы уличными беспорядками и принялись пробиваться сквозь толпу к машине Шабаны, пуская в ход щиты и дубинки. Этот репрессивный подход тут же напоролся на сопротивление. Чем ближе они подбирались к цели, тем яростней толпа обрушивалась на них, пустив в ход кулаки и швыряясь булыжниками и всем, что под руку подвернется.

Словно ниоткуда, выплыло облако желтого газа, заставшего камерам обзор, но сперва члены жюри слышали вопли взрослых и детей, разбегающихся вслепую в разные стороны.

– У меня скверные предчувствия, – произнес Мэттью. – Помните, Хакер предупреждал, что будет, если любой из автомобилей как-либо задержат...

Договорить ему не довелось. Авто Шабаны вспухло огненным шаром, унося и ее, и десятки зевак и полицейских.

Глава 29

Джуд Харрисон

– Нет! – выкрикнул Джуд, увидев, как машину Шабаны охватило пламя, и принялся хлопать себя ладонями по голове, снова и снова, словно пытаясь выбить увиденное или пробудиться от кошмара.

Скорчившись на своем сиденье, он не мог отвести глаз от последствий взрыва бомбы. Когда желтый газ рассеялся, ему на смену пришел более густой и темный чад горящей машины. Обзор переключался с камеры на камеру, выбирая наиболее четкие и впечатляющие изображения. Следующие несколько минут Джуд был свидетелем ужаса и замешательства, когда окровавленных раненых людей выносили с места происшествия; наблюдал за оглушенными выжившими, переступающими через тела, некоторые обезображенные почти до неузнаваемости, некоторые в изодранной одежде и с оторванными конечностями.

Потом пошел материал с вертолета службы новостей, показавший масштабы взрыва в перспективе. Джуд увидел машины в непосредственной близости от горящего авто Шабаны, увидел, как люди бегут тушить горящую одежду ребенка. И больше вынести не мог. Нажал на кнопку, развернув сиденье на 180 градусов, лицом к задним, схватил отслужившую свою упаковку из фастфуда и поднес ко рту вместо пакета для рвоты. Испытал несколько позывов, но внутри было слишком пусто, чтобы исторгнуть хоть что-то существенное.

От волос по лбу сбежала капелька пота, растекшись в брови. Джуд стер ее. Внутри машины царила адская жарница, а издерганные нервы только усугубляли дело. Без работоспособного кондиционера или возможности опустить стекло остудиться ему не светит.

Какую-то минуту назад он с чувством гордости наблюдал, как Либби схлестнулась с Хакером. Из всех людей в комнате лишь ей одной достало отваги пойти против него и заставить признать, что вовсе незачем прибегать к убийству, чтобы донести свою мысль. Теперь Джуда влекло к ней даже больше, чем в тот момент, когда он впервые увидел ее поверх голов, поющую под караоке в битком набитом пабе.

В тот вечер, когда они встретились, Джуд впервые ощутил столь сильное чувство к другому человеку после Стефени. Память перенесла его в ту пору, когда ему было пятнадцать. Они учились вместе с пятого класса, но по-настоящему Джуд заметил ее только в одиннадцатом, взглянув на нее уже не детским, а юношеским взглядом. И когда наконец набрался храбрости, чтобы пригласить ее в кино, то готов был расплакаться, когда она согласилась. Это был его первый поцелуй, и, закрыв глаза, Джуд до сих пор мог отчетливо вспомнить земляничный вкус ее блеска для губ. Он так и не переболел до конца первой любовью и не простил ни Стефени, ни своего брата за то, что те полюбили друг друга.

А теперь вот Либби... В то мгновение, когда она ответила на его улыбку, Джуд был пойман врасплох тем, как простая мимика могла поколебать его до самого основания. Словно мир перестал вращаться для всех, кроме них. Уже давным-давно спектр эмоций Джуда едва простирался за пределы тоски и недовольства. Он и не думал, что в его сердце еще осталось место для любви.

Уже одна лишь мысль о ней сейчас навела его на неуместные мысли, и Джуд ощутил, что возбуждается. Неуютно поерзал на своем сиденье, устраиваясь поудобнее и уповая, что зрители не заметят. Снова сосредоточился на горящей машине Шабаны и ощутил, как желание стремительно улетучивается.

Проигрывая в голове свой первый с Либби разговор, он больше припоминал то, что не было сказано, чем то, что было. Взгляды украдкой, тепло, которое он ощутил, когда его щеки зарделись, уверенность, которой она наделила его, чтобы быть собой, надежда, желание и их потенциал, сошедшиеся вместе, чтобы сотворить чувство – такое же интенсивное, какое могла

породить в нем только Стефени. Если б он перечислил свои требования к идеальной паре, они привели бы к Либби. Он и не ожидал, что втюрится по уши в женщину, которую встретил только что. Но это все равно произошло.

Даже в то время Джуд понимал, что это нечестно и неправильно. Он не должен был позволять себе влюбляться в Либби, и в его планы это не вписывалось. И когда Либби пришлось отправиться со своей пострадавшей подругой в больницу, это было к лучшему, какую бы боль ни причинило ему. Но уйдя через считанные мгновения после нее, он гарантировал, что, даже если она вернется, он ни за что не разобьет ей сердце. А именно это и случилось бы, продлись их знакомство за пределы той встречи. Но перед уходом он все же позаботился, чтобы у него осталось хоть что-то на память о ней.

Откопав в рюкзаке свои туалетные принадлежности, Джуд прополоскал рот зубным эликсиром и сплюнул его в пустую пивную бутылку. Внезапно за окном промелькнул знак Бистфорда – городка, памятного ему по времени работы на автопредприятии отца. По завершении строительства его окрестили «первым британским урбанистическим смарт-поселком». В его инфраструктуру была вплетена специально выстроенная сеть автодорог для автономных легковушек, фургонов и грузовиков. Улицы в нем уже обычного, потому что благодаря встроеной в ИИ технологии запрета покидать полосу движения для этих дорог закладывали меньший запас на погрешности, чем для обычных.

В городском центре было меньше парковочных мест, потому что они и не требовались: после доставки на работу многие Пассажиры отправляли свои авто домой до поры, когда те потребуются позже. Это освобождало место для большего числа скверов и островков зелени. Бистфорд прокладывал путь для всех остальных поселков, городов и деревень, чтобы сотворить страну, где люди больше не у руля.

Джуд посетил городок не раз, тестируя софт, разработанный и закодированный его семейной фирмой. И только теперь, раздумывая о собственном вкладе в сотворение городков вроде этого, он постиг собственную причастность к сегодняшним похищениям. Автомобили, которые он помогал разработать для масс, теперь обратили против него же самого.

Почувствовал, как вверх по шее и затылку подползают предвестники головной боли. В боковом кармане дверцы нашел коробочку парацетамола. Выдавил две таблетки из блистера на ладонь и проглотил их всухую. «До семи часов без боли», – сулила надпись на упаковке. Хакер сказал, что до полудня доживет только один из них. И внезапно семь часов показались целой вечностью.

Глава 30

Клер Арден

UKToday.co.uk

ВИДЕО

В школах царит хаос. Родители спешат спасти детей от угрозы хакерской бомбы. Правительство предписывает всем учителям запереть двери и препятствовать входу, ведущему к сценам насилия.

Премьер-министр Чарльз Уолкер-Джонсон призывает к спокойствию.

[Читать всю статью >](#)

Клер внезапно осознала, что сжимает живот слишком туго, и поспешно отпустила его в страхе, что могла повредить ребенку.

Маршрут ее авто пролегал по автострадам, а не по мелким дорогам, так что остановить его не в меру ретивая общественность не могла. Она не хотела, чтобы из-за нее кто-нибудь пострадал. Тут ее взгляд привлекла нависшая сверху тень. Клер прищурилась, вглядываясь сквозь панорамную крышу в объект, парящий в небе над головой. Должно быть, один из беспилотников, спор жюри о которых она слышала. Клер уповала, что тот будет держаться в отдалении, а то еще кто-нибудь заметит и сообразит, что он следует за Пассажиром. Благодаря конфиденциальному режиму окон никто ни в попутных, ни во встречных автомобилях не узнает, что внутри находится она. Раньше это казалось помехой. Зато сейчас это хотя бы убережет ее от участи Шабаны.

Когда на присяжных взвалили обязанность проголосовать сегодня до полудня, она молилась о том, чтобы завоевать их симпатию. Понимала, что на самом деле они могли поддержать и не ее вовсе, а жизнь, растущую внутри нее; да это и не важно, лишь бы избавило от угрозы.

«Ты должна заставить их пожелать твоего спасения, – сказала себе Клер. – Делай все возможное, чтобы спасти жизнь ребенка».

На поздних стадиях беременности необходимость помочиться начала приходить с перерывами менее двух часов. И чем дольше тянулась поездка, тем отчетливее Клер осознавала, что больше не вытерпит. Осмотрела весь салон автомобиля, но не нашла ни одной емкости для воды. И потом, на нее ведь смотрит весь мир, и разве ей нужно, чтобы они с негодованием наблюдали, как она этим занимается? Ничего не поделаешь, придется обмочиться. Так что, перебравшись на второе переднее сиденье, именно так она и поступила – и это принесло единственную минутку мимолетного облегчения за все утро.

Возможно, у нее в запасе минут семьдесят, прежде чем Хакер прикончит ее. Ощувив, что ребенок снова резко дернулся, Клер испугалась, что ее стресс передается Тейту, и заставила себя думать о чем-нибудь позитивном.

Отчаянно желая услышать голос Бена, она достала из кармана телефон и отыскала папку с видео, на которые они снимали друг друга. Выбрала запись, сделанную в этом году. И словно опять оказалась посреди кухни, заново переживая момент, когда он вошел через переднюю дверь, бросив рюкзак у дивана. И озадаченно посмотрел на Клер, направившую камеру телефона на него.

– Эта штукавина включена? – спросил он, и картинка вздрогнула оттого, что Клер кивнула в ответ. – Зачем? И почему на столе бокал шампанского и пакет?.. Блин, я что, прошляпил нашу годовщину? Погоди, нет, это в ноябре... Что ты удумала?

– Открой его, – хихикнула она, и Бен направился к ней.

Наморщив лоб, потянул за тесемку, открывая небольшой синий пакет. Извлек оттуда светло-голубого плюшевого мишку с пятисантиметровым квадратным экранчиком на животе.

– Пожми ему лапку, – подсказала Клер. Бен послушно так и сделал, и ничего не произошло. – Другую, и смотри на экран.

Камера Клер совершила наезд на лицо Бена, когда ротик мишки раскрылся и послышалось биение пульса. На животе у него появилось трехмерное изображение, будто угнездившееся внутри игрушки, – движущийся нерожденный ребенок.

– Мы беременны, – шепнула Клер. – Ты станешь папой.

Бен поглядел на нее, широко распахнув глаза, потом снова на мишку.

– Правда? – спросил. – Правда?

Схватил ее за талию и поднял в воздух, крепко стиснув в объятиях...

Теперь, в своей машине, Клер залилась слезами, глядя, как муж бережно ставит ее на пол и опирается о стол. Это был ребенок, которого оба так отчаянно старались завести, но уже почти распростились с надеждой когда-либо увидеть.

– Ты счастлив? – услышала она свой вопрос.

– А ты как думаешь? – ответил Бен. Изображение смазалось, потому что он обнял ее снова. Клер крепко зажмурилась, и ей показалось, что он снова крепко держит ее, а она зарылась носом в его шею, вдыхая его радость.

Клер всегда считала, что рука об руку с Беном они способны одолеть любые преграды на пути. Нынче утром она поняла, что заблуждалась.

И вдруг рывком вернулась к настоящему, когда тело неожиданно прошла вибрация. И тут снаружи докатился рокот. Повернув голову, Клер увидела за окном эскорт из четырех полицейских мотоциклов и нескольких тяжелых армейских броневых автомобилей, примкнувших к ее авто с обеих сторон. Беспилотник над головой сменился вертолетом.

– О боже, нет! – выдохнула она в панике, не желая лишнего внимания, которое они к ней привлекут. Но как только мотоциклы рванули вперед, сообразила, что они расчищают ей дорогу, а броневые автомобили по бокам и полицейские машины позади не дают другим машинам пойти на обгон.

Внезапно до нее дошло, что всю жизнь ее защищали другие. Все ее изломанное детство в домах призрения и приемных семьях ощущение безопасности, в котором она так нуждалась, давал брат Энди. Но когда он, забыв о ней, ступил на скользкий путь мелкой преступности, она переключилась на образование и встретила Бена. Он подхватил эстафету заботы о том, чтобы Клер чувствовала себя в безопасности. А теперь настала очередь Тейта. Если им суждено пережить этот божий суд, она поклялась больше никогда не позволять своему мальчику нести бремя ответственности за свою мать.

Судя по услышанному, Джек Ларссон – самый неприязненный из членов жюри. Но она видела, как он берет верх над своей политической оппозицией во время теледебатов, и потому знает, что притом он самый настырный и поднаторевший в искусстве убеждения. Раз он решил представлять ее, значит, считает, что у него хорошие шансы сохранить ее в живых. Он без борьбы не сдастся.

Как и она. Клер тотчас же решила укрепиться духом и вернуть себе подобие контроля над собственной жизнью. Снова почувствовав нацеленную на себя камеру приборной доски, принялась оглаживать живот и беседовать с ним, напоминая Тейту, что любит его и молится, чтобы они остались в живых. И говорила достаточно громко, чтобы микрофон уловил ее слова. Если ключ к выживанию в том, чтобы заставить мир пожалеть ее и проголосовать за нее, это

ничтожная цена. Она должна напомнить членам жюри, что, приговорив ее, они обрекут на смерть двоих.

Но в душе Клер мучительно остро осознавала, что, если ее и освободят из этой машины, ей нужно будет скрыться с места событий – и незамедлительно исчезнуть. Никто не должен узнать правду о том, что она натворила перед ее увозом, – разве что уйму времени спустя после того, как она ляжет на дно.

Глава 31

София Брэдбери

София энергично тряхнула головой.

– О нет-нет, – заявила она. – Не нравится это мне, ну ни капельки. Погляди-ка на это, Оскар; отвратительно, не так ли? – Пес даже глаз не раскрыл. – Как кто-то мог вообразить, будто имитация взрыва человека в машине, выполненная со столь живописными подробностями, может сойти за развлечение? Потому что, скажу я тебе, это определенно никуда не годится.

Она возвысила голос, устремив взгляд в камеру.

– Может, кто-нибудь направит это авто на обочину и выпустит меня? Мне надо переговорить со своим агентом, а до той поры вы не дожидетесь от меня больше никакой реакции.

Налив себе еще бренди, София проглотила пятую пилюлю обезболивающего за утро. Кайф от предыдущей уже почти сошел на нет. Она продолжала испепелять монитор взглядом, дожидаясь отклика на свое требование. Но вместо того из динамиков хлынула новая волна стенаний и воплей. Закатив глаза, София возвысила голос:

– Читайте по губам: София Брэдбери не реагирует. На это она не подписывалась.

Автомобиль катил дальше в том же темпе, не выказывая ни малейших признаков приготовления к торможению.

– Только послушай, как они завывают, будто чертовы упыри, – снова обратилась она к Оскару. – Состязаются в том, кто наделает больше шума и оттянет на себя больше экранного времени. Какая убогость! Не для того я вкалывала до потери пульса, чтобы кончить восхвалением насилия. По-моему, Руперт совершил грандиозную ошибку, втянув меня в это.

Окончательно выбил ее из колеи взрыв авто с индийской дамой – болливудской актрисой, предположила София, поскольку та была ей незнакома. Взрывы первых двух машин были явными видеотрюками, призванными спровоцировать отклик зрителей и Пассажиров. Но третий оказался куда более проработанным в деталях, чем предыдущие. Должно быть, массовка проторчала в гримуборных не один час, чтобы раны выглядели столь достоверно. Потом пустили в ход дымовые шашки; люди бегали, конечности разлетались налево и направо, а каскадеры полыхали вовсю. София понимала, что нынешняя аудитория ожидает большего, чем ждало ее поколение, но, тем не менее, кто же в здравом уме захочет любоваться горящим ребенком?

– В семидесятых я переиграла немало Эйкборна¹³, так что и не думайте обвинять меня в чистоплуисте, – продолжала она для неведомых слушателей. – Я не согласна с эскалацией кровавых сцен, показываемых по телевидению в прайм-тайм на потребу публике. Следовательно, я не могу в духе добросовестного сотрудничества оставаться в этой программе, пока не переговорю со своим агентом или пока продюсер не сможет предоставить мне гарантии, что далее этот сериал будет более содержательным, нежели я наблюдала до сей поры.

София помедлила, раздумывая, правильно ли было затевать бучу. Попытка постоять за себя может обернуться и так, и эдак. Может и выйти боком, выставив ее старой брюзгой в глазах молодой аудитории, внимания которой она так отчаянно жаждет. А может, сохранив верность себе, она завоюет более решительную поддержку старших слоев населения... И она готова идти на этот риск.

София ждала, когда передачу прервут на рекламу, позволив ей украдкой приладить новые вкладыши на наушники слухового аппарата. Звуки доносились как сквозь вату, но она

¹³ С э р А л а н Э й к б о р н (р. 1939) – популярный английский драматург.

все-таки с трудом разобрала, что женщина в плохо сидящей шотландке предлагает Софии свою поддержку по какому-то поводу. И решила, что ее проверенный временем статус национального достояния придает ей некоторую весомость.

Самым трудным соперником за место в шоу, прикинула София, будет для нее беременная девица, выжимающая из своего положения все, что только можно. «Да оставишь ты это чертово брюхо в покое, в конце концов? – подумала она. – Сколько можно его ласкать и оглаживать, оно ведь не пластилиновое...»

В душе София и негодовала на девицу, и завидовала ей. Сколько уж раз за годы задавалась она вопросом, правильно ли поступила, не обзаведясь собственной семьей. Сколько она утратила, не ощутив рост другой жизни в своем лоне? Безоговорочной любви к другому человеку и приятия взаимности? Этого ей уже не узнать никогда. Но всякий раз, когда ее охватывали сомнения, стоило ей лишь подумать о муже Патрике, это разом напоминало ей, что принятое решение к лучшему. Отец из него был бы из рук вон скверный.

Одной рукой поглаживая голову спящего пса, другой София покручивала бренди в бокале, гадая, что Патрик наметил теперь, когда ее умыкнули в угар «Звезд против Фортуны». Хочется верить, Руперт отменил вызов машины до больницы, где они должны были встретиться перед публикой. Если нет, это еще один повод для тревоги.

Ну, хотя бы график ее съемок даст им передышку на следующие семь вечеров, подумала София, – конечно, если она выживет в состязании настолько долго. Хотя поток предлагаемых ей качественных кино- и телеролей иссяк, она до сих пор востребована на сцене и частенько отправляется работать за тридевять земель, останавливаясь в отелях, проводя в разъездах недели кряду. Без ведома Патрика приставленные ею люди следят за каждым его шагом, регулярно отчитываясь перед ней. Ее кухарка, экономка и садовник – надежные источники информации, как и частные детективы, состоящие у нее на жалованье. Сюда входят ее бухгалтер и цифровой криминалист, отслеживающий каждый финт Патрика онлайн и наведывающийся в его операционку, не оставляя следа.

– Алло! – снова заговорила она. – Кто-нибудь меня слышит?

Внезапно из одной из других машин раздался мужской голос.

– До вас что, не доходит?! – рявкнул он.

София склонялась все ближе к экрану, пока не разглядела, кто с ней говорит, – тот, что женат на другой конкурсантке. Он напомнил дневного телеведущего, однажды сделавшего ей в артистической непристойное предложение и получившего решительный отказ.

– Погромче, я вас едва слышу.

– Я сказал: до вас что, не доходит, а?

– Что до меня не доходит? – ответила она. – Я наверняка в этом ремесле намного дольше вас, дорогуша, и знаю, из чего складывается хорошее телевидение. Однако это лишь насилие ради насилия. Это однозначно не имеет к увеселению ни малейшего отношения.

– Разумеется, никакое это не сраное увеселение! – заорал Сэм. – Это происходит на самом деле и с вами, и с нами! Опомнитесь, женщина! Вас держат заложницей – троих из нас уже убили этим утром, неужто до вас не доходит?!

Заметив, что вопли и причитания смолкли, София внимательно пригляделась к остальным экранам, где коллеги-конкурсанты прислушались, наблюдая за ними.

– Это телевизионная реалити-программа, – ответила она, внезапно потеряв уверенность. – Мы в «Звездах против Фортуны». Неужели никто вам не сказал?

– Нет, ничего подобного! Единственная телепрограмма, в которую мы попали, это новости. Я отнюдь не звезда, как и моя жена, – да и другие люди, застрявшие в этих машинах, не считая вас. Нас всех удерживают против нашей воли, и кто-то убивает нас одного за другим.

София открыла было рот, но слов не нашла.

– О боже, – в конце концов произнесла она, обхватив пса одной рукой. – Но я не... я не понимаю... почему я?

– А почему бы и не вы? – отозвался Сэм. – Думаете, вы неприкосновенны, только потому что знаменитость?

– Ну... да.

– Как бы не так, ведь мы в одной лодке. Вы ничуть не лучше любого из нас.

Софии не требовалось, чтобы Сэм напоминал ей об этом. Она куда лучше большинства знала, что некоторые из решений, принятых ею ради защиты собственной карьеры и имиджа, ужаснули бы ее поклонников. Сердце сдавила тревога, что ее выбрали именно по этой причине – и что ее мрачайшие тайны вот-вот выйдут на свет.

Глава 32

Сэм и Хайди Коул

BedfordAgendaOnline.co.uk

09:58 Эмма Барнетт-Винсент, репортер

Бедфордширская полиция утверждает, что предприняла все меры, чтобы освободить местную заложницу, сержанта уголовного розыска Хайди Коул, из ее угнанной машины. Как сообщил нашему агентству главный инспектор Ричард Моллой, «сержант УР Коул – популярный, трудолюбивый член Лутонского подразделения, и мы надеемся, что она вернется к нам живой и невредимой».

Будь Сэм способен отключить свой монитор, чтобы не видеть и не слышать Софию, он непременно так и поступил бы.

Ее глупость только усугубляла его негодование на собственный захват. Ему тошно было слушать, как невеста что вообразившая актриса все время попадает пальцем в небо, и никто не считает нужным ее поправить. Наконец он больше не мог держать язык за зубами. Но, выложив правду и узрев удрученное лицо актрисы, тут же раскаялся. Быть может, проявлять наивность в их отчаянных обстоятельствах лучше, чем смотреть правде в лицо.

Тем временем Хайди в своей машине отчаянно желала, чтобы муж положил этому конец.

– Сэм, прекрати, пожалуйста, – процедила она, скрипнув зубами. – Она пожилая женщина, а ты накинулся на нее с нападка.

– Нам сказали, что мы вот-вот умрем, а она требует своего сраного агента! – огрызнулся он. – Скажу тебе: если она сможет выкрутиться из этого благодаря своей славе, так я сам долбану в нее машиной.

– Сэм...

– Нет, хватит мне рот затыкать. Она заручилась заступничеством одного из членов жюри только потому, что ее показывали по ящику. Разве это справедливо? Она свое пожила; это у нас дети, которым мы нужны, а что получил я? Ничегошеньки. Если б не прикончили эту азиатку, что было бы со мной?

– Не знаю.

– Нет, знаешь. Мы оба знаем. Ты бы любовалась, как я заживо сгораю в этой машине.

– Не говори так.

– Но это правда, разве нет? Разве кто-нибудь из членов жюри сунул голову в петлю, выбрав меня?

Хайди не отзывалась ни словом.

– Именно, – отрубил Сэм, скрестив руки на груди.

– Если дети смотрят это, им ведь не надо напоминать, какая опасность нам угрожает, так ведь? – добавила Хайди. Сэм лишь кивнул.

Последние тридцать минут муж и жена поменялись ролями в отношении умонастроения. Хайди мало-помалу пустила в ход свою полицейскую выучку, урезонив себя почти до спокойствия. А узнав, что ее поддерживает хоть один член жюри, уверилась, что дай срок, и она сможет склонить на свою сторону других. Чтобы пережить это испытание ради детей, она должна укрепиться духом. Единственный человек, на которого она может положиться, – лишь она сама; этот урок Хайди вынуждена была усвоить несколько недель назад.

По мере приближения их с Сэмом десятой годовщины Хайди все отчетливее осознавала, что та будет последней, которую она встретит в роли его жены. Без ведома мужа дважды встречалась с местным стряпчим, чтобы обсудить процедуру развода и ее последствия. Решила оставить семейный дом за собой и предложить совместную опеку над детьми, хоть он того и не заслуживает. Как ни хотелось ей заставить его страдать, делать Джеймса и Бекки орудиями для этого она вовсе не собиралась.

Годами семья сводила концы с концами главным образом за счет ее жалованья, пока Сэм основывал и пестовал свой строительно-ремонтный бизнес. Хайди оплачивала все налево и направо – от семейного отдыха за границей до новой мебели. И все это время была и матерью, и отцом их детей, пока он трудился по несколько дней каждую неделю.

Сегодняшний день призван был все переменить, сегодня все изъяны их брака должны были проявить себя во всей красе. Да только Хакер подвел под этим черту. Теперь Сэм будет нужен ей под боком.

Тем временем Сэм уже убедил себя, что вся эта передрыга – не его вина. Нет никаких признаков, что к этой участи их привела его ложь. Гибель Шабаны при всей своей трагичности стала краткой передышкой, обеспечив супружеской паре отсрочку приведения приговора в исполнение. А заодно означает, что один из присяжных освобожден и может помочь, нравится ему или ей Сэм или нет. В душе же Сэм надеялся, что Шабана будет не последней жертвой до запланированного столкновения.

Но заодно в нем всколыхнулось совершенно предвиденное чувство – злобная обида на Хайди. С какой стати из них двоих предпочтение отдали именно ей?

– Вовсе не факт, что мы погибнем, – продолжала Хайди. – Сейчас вообще ничего не известно наверняка.

– Ты слышала, что сказал Хакер? – не согласился он. – И что, если наши дети в одной из школ, наштапированных бомбами?

– Сэм, сделай глубокий вдох и подумай хорошенько. Вероятность подобного совпадения ничтожна. Я уверена, с детьми ничего не случится.

Чем ярче Сэм представлял их лица, когда они узнают, что случилось с родителями, тем сильнее его прошибало потом.

– Что они подумают, когда увидят нас по телику? Они будут в ужасе.

– Может, они еще не знают...

– Только что ты говорила, что наверняка знают! Все их ровесники зависают в соцсетях. Даже если они не видели этого сами, друзья уже наверняка им рассказали. Порой мне кажется, что ты закрываешь глаза на происходящее вокруг...

Хайди ощутила, как напряжились ее мышцы, и уже открыла было рот, чтобы выдать ему по первое число, но тут же одумалась, зная, что может поставить мужа на место всего парой слов. «Не сейчас, – сказала она себе. – Дождись, когда действительно потребуется выпустить эту пулю». А затем на поверхность всплыла куда более мрачная мысль: «А может, позволить ему кликушествовать и дальше и просто подождать, пока он сам себя похоронит?» И тут же тряхнула головой. Она хладнокровна и собранна, но это не в ее духе.

Прозвище Ледяная Королева Эльза, которым наделили ее сослуживцы, ничуть не напрягало Хайди. Офицеров полиции, на которых не навесили хоть какой-то ярлык, не укоротили или не удлиннили фамилию, или не привесили к ней окончание «-и», можно перечесать по пальцам. Прежде чем пойти на службу в полицию, Хайди на досуге добровольно подрабатывала полицейским общественной поддержки¹⁴, патрулируя оставшиеся без внимания муниципальные владения, в которых родилась и выросла. Не боясь угроз со стороны банд и торговцев наркотой, своим высоким показателем гражданских арестов и бесстрашным подходом к работе

¹⁴ Внештатные полицейские. Должность введена Актом о реформе в полиции от 2002 г.

она привлекла внимание полицейских начальников, и те предложили ей подать заявление на штатную службу. Как только Хайди осела в Департаменте уголовного розыска, коллеги также оценили ее умение сохранять собранность в самых каверзных расследованиях. И, благодаря длинным светло-русским волосам и тонким чертам, окрестили ее Эльзой, в честь диснеевского мультлика «Холодное сердце».

И если они следят за ней теперь, то могут не без труда признать ее в женщине, представшей перед ними на экране. Эта Эльза потеряла голову от страха. Угроза гибели в пламени взрыва или столкновения доконает всякого, подумала Хайди. И впервые в жизни, сколько себя помнит, вдруг почувствовала нужду держаться за руку Сэма ради утешения.

«Это не ты, – заявила она себе. – Какая бы чертовщина тут ни творилась, ты реагируешь не так. Успокойся; и Сэм тебе для этого вовсе не требуется».

Однако принять решение требовалось. Она бы предпочла, чтобы он сам дошел до такого решения, нежели на глазах у зрителей подводить Сэма к нему, рискуя выставить себя корыстной и расчетливой. Но время на исходе, и больше тянуть нельзя; пора поднять вопрос.

– Нам с тобой надо поговорить кое о чем, – осторожно начала Хайди. – В живых останется только один. Раз публику и присяжных не просили голосовать за нас как за женатую пару, обоим нас детям уже не увидеть. Так что пора подумать, как мы это разыграем.

– Что ты имеешь в виду?

– Я имею в виду, что есть смысл одному из нас выйти из гонки, чтобы дать другому шанс на победу.

– Ты имеешь в виду, пожертвовать собой?

– Если дойдет до этого, то да. Если мы оба будем участвовать в голосовании, то рискуем выбить друг друга.

Сэм помолчал, обдумывая предложение. «Сука ты бессердечная», – подумал он. Решила, что он вряд ли наберет особую поддержку, и собралась списать его без отлагательств. Прочесал волосы обеими пятернями, а потом опустил ладони на неугомонное колено в попытке помешать ступне дергаться. Хайди права: обоим до полудня не дожить. Однако кое-что она при этом не учла: он умирать не желает.

Потому что для Сэма свет на Хайди и детях клином не сошелся. Его жизнь куда богаче, и она тут ни при чем. И чем больше он раздумывал над ее предложением, тем более был уверен в том, какой образ действий следует избрать. Надо убедить жюри и общественность, что умереть должна Хайди, а не он.

Глава 33

Jazeera
Global
Online

ПОСЛЕДНИЕ НОВОСТИ

Число погибших от бомбы, взорванной Хакером в толпе, может достичь десятков человек.

Лутон (Великобритания): Второе взрывное устройство убило на оживленной трассе не менее десяти человек, причинив ранения различной степени тяжести еще десяткам человек. Чересчур рьяная публика толпилась вокруг автомобиля, где находилась Пассажир Шабана Хартри, когда произошел взрыв. Местная полиция предупреждает, что еще до полудня число жертв может значительно возрасти.

В комнате воцарилось безмолвие, пока каждый осмысливал наглядные последствия гибели Шабаны.

Новостные сети пустили в ход видео с камер мобильных, беспилотников и вертолета в рвении перещеголять друг друга самыми шокирующими картинками, какие только удавалось раздобыть.

– Да как они могут показывать подобное? – недоумевала Либби.

– Прямые трансляции в соцсетях преобразили трансляцию теленовостей, – невозмутимо пояснил Кэдмэн. – Для новостников единственный способ состязаться с ними и оставаться в обойме – не только отказаться от цензуры, но еще и в лепешку расшибаться, чтобы садануть по нервам ничуть не меньше.

– Ну, хотя бы благодаря этому они отвлеклись от нас, – заметила Фиона.

Мюриэл, первая из всех оказавшая поддержку Шабане, отвела взгляд от экрана, потупив его в стол. И повернула свой деревянный наперсный крест тыльной стороной наружу, словно оберегая Иисуса от нечестия мира, оставшегося у него за спиной.

– Зачем Хакер это сделал? – недоуменно пробормотала она.

– Люди убивают людей со времен Каина и Авеля, уж вашей ли братии этого не знать, – проворчал Джек. – И с прискорбием могу сказать, что это будет продолжаться поколение за поколением, пока в мире не останется ни одного человека, годного на роль убийцы или убитого.

– О, Джек, – отозвался Хакер, – ваше жалостливое высказывание может намекать, что где-то там, глубоко внутри, сохранилось быющее сердце. Вы-то с какой стати так расстраиваетесь? Не из-за того ли, что эти автомобили на дороги вывели как раз вы, а теперь они убивают людей? Или из-за того, что сегодняшний день обрушил в тартарары вашу утопическую мечту о полностью автономных дорогах?

– Вы убиваете людей, а не мою мечту, – отрезал Джек.

– А эти люди погибли, потому что не смогли следовать правилам, которые я четко изложил, когда все это началось. Только помешайте моим авто, и поплатитесь. Вот что происходит, когда не следуют правилам, – разброд и кровопролитие.

– Вы собираетесь убить всех, да? – спросила Либби, не сводя глаз с лица Джуда. – Всех Пассажиров до единого?

- Нет, даю вам слово, что один из них останется в живых.
- Слово? – Либби издала смешок. – А много ли оно стоит?
- Боюсь, это все, чем вы располагаете. Времени же, напротив, у вас нет вовсе. Так не начать ли нам процедуру собеседования? Джек, я хотел бы начать с вас. У вас десять минут, чтобы сохранить жизнь Клер Арден и ее ребенку.

Глава 34

Клер Арден

Прежде чем забраться в машину нынче утром, Клер дала себе обещание во что бы то ни стало не давать волю эмоциям до самого конца дня. И лишь когда каждая часть плана будет завершена, она позволит себе поплакать над тем, что наделал Бен.

Зарок ее продержался минут десять, прежде чем раздавшийся голос Хакера известил ее о захвате. И последние часа полтора Клер только и делала, что плакала. Теперь, когда она уже думала, что источник слез иссяк, настало время зачерпнуть из него поглубже, чтобы завоевать поддержку присутствующих. Теперь их с Тейтом выживание зависит от ее способности усердно сыграть на струнах их душ.

Внешность, как и беременность, скорее всего, тоже сыграет ей на руку. Если верить подслушанному спору членов жюри о расе и гибели Билкис, тот факт, что она белая, молодая и привлекательная, может обернуться к ее выгоде. Клер стыдилась того, что расизм, борьбе с которым она посвятила изрядную часть своей взрослой жизни, на самом деле может поспособствовать ей. Вот только неизвестно, как жюри и общественность могут отреагировать на тот факт, что муж ее афрокарибского происхождения и что она носит ребенка смешанного расового происхождения...

Давить на жалость идет вразрез с принципами Клер. Ее до печенок достали старания понравиться всем и каждому в детские годы, когда их выставляли на всеобщее обозрение в дни открытых дверей социальных служб; они с братом одевались во все лучшее и вели себя паиньками в чаянии привлечь внимание и симпатию потенциальных приемных родителей. Бен помог ей понять, что ради самоуважения ей вовсе незачем стараться произвести впечатление на кого бы то ни было. Но теперь история повторяется, и она снова маленькая девочка, ради будущего уповающая на сострадание чужих людей.

Клер аж подскочила, когда раздался гудок и на экране появились цифровые часы. Белые цифры стояли на десятиминутной отметке. Отсчет пошел, и она собралась с духом.

– Здравствуйте, мисс Арден; я член Парламента Джек Ларссон, – натянуто начал Джек.

– Привет, зовите меня просто Клер, – отозвалась она, устремив взгляд в камеру и часто-часто заморгав, чтобы слезы, скопившиеся в уголках глаз, побежали по щекам. Похоже, это застало его врасплох.

– Прошу вас, не расстраивайтесь... Как вы себя чувствуете?

– Бывало и лучше.

– Как ребенок? Вам нужна медицинская помощь?

– Нет, не думаю.

Замешкавшись, Джек обвел взглядом комнату, нервно потянув себя за воротник и откашливаясь. Впервые за все время пребывания в обществе парламентария Либби увидела его смешавшимся и на взводе.

– Не могли бы вы немножечко поведать нам о себе, Клер?

– Даже не знаю, что сказать, – тщательно подбирая слова, начала она. – Мы с Беном женаты три с половиной года, я работаю ассистенткой учителя в школе Беллвью в Питерборо – это школа для детей с задержкой развития. Мы с Беном... – Она помолчала для пущего эффекта. – Мы с Беном ждем рождения первого ребенка через два месяца и очень волнуемся. Это будет мальчик; мы прозвали его Тейтом. Это наше маленькое чудо. Прежде чем я забеременела, у меня было восемь выкидышей и внематочная беременность. Нам говорили, что я вряд ли сумею когда-либо зачать, а если и сумею, вряд ли смогу выносить плод до конца. – Побаявав живот, она скорбно улыбнулась. – Так что этот малыш воплощает для нас всё на свете.

– Я понимаю, честное слово... Несомненно, вы были очень напуганы случившимся. Но давайте попытаемся сохранять позитивный настрой. Как по-вашему, какая мать из вас получится?

– Надеюсь, очень хорошая. Вообще-то своей мамы у меня не было. Мы с братом были в опеке почти всю жизнь, так что я хочу стать для Тейта такой матерью, какой у меня самой не было. После всего, через что нам с Беном пришлось пройти, чтобы зачать, это дитя уже очень любимо. Каждый будний день я вижу в своем классе детей, которым требуется чуть больше внимания и усердия из-за отличий в способностях. И очень пекусь о них, а ведь они даже не мои. Мы решили не проходить перед беременностью никаких анализов на аномалии, потому что нам совершенно безразлично, будут ли у Тейта проблемы; все равно мы будем любить его ничуть не меньше. Для меня он всегда будет идеальным.

Ущипнув переносицу, Джек вдруг заговорил неожиданно искренне, будто они с Клер были один на один:

– Я бывал в вашей шкуре, Клер. Мы с первой женой пережили чуть ли не дюжину потерь, прежде чем окончательно признали поражение. Как мужчина, я чувствовал себя совершенно беспомощным, потому что не мог ничего сделать или сказать, чтобы ей стало легче... – Голос Джека спал до шепота и утих, словно тот заново переживал боль.

– Прискорбно слышать, – откликнулась Клер.

– Я рад за вас с мужем, честное слово. Жаль только, что событие, сулившее столько восторга для вас обоих, выродилось в это безобразие... Если вы сумеете держаться за надежду еще чуточку дольше, не сомневаюсь, мои коллеги-присяжные и общественность проголосуют за справедливое решение, отведя угрозу от вас и вашего сына.

Клер изогнула свои дрожащие губы в благодарной улыбке.

Либби слушала, тщательно делая мысленные пометки об ухватках Джека, строившего свою беседу так, чтобы выжать из своего субъекта максимум. Дальше он подвел Клер к рассказу о планах на будущее Тейта, прежде чем попросить ее подробнее рассказать о своем пребывании под опекой и о том, что для нее значит теперешняя семейная жизнь. Либби не могла не признать, хоть и неохотно, что Клер повезло заполучить его в союзники.

– У вас осталось две минуты, – встрял Хакер.

– Вы можете сказать всем, ради чего хотите жить, Клер? – не сбился Джек.

В ответ она снова поглядела на свой округлый живот, а потом в камеру.

– Ради моего малыша. Я лишь хочу принести его на свет и увидеть, как он растет счастливым и здоровым.

– Я уверен, что ваш муж тревожится о вас обоих.

Клер ощутила, как живот скрутило, только не по вине ребенка.

– Да, – тихонько проронила она.

– Расскажите нам о нем, – подбодрил Джек.

Клер снова замялась, тщательно подбирая слова, прежде чем раскрыть рот.

– Мой Бен очень добрый, милый человек, который делает для меня что угодно. Мы познакомились в баре студенческого клуба на первом курсе Портсмутского универа, и чуть ли не с первого взгляда я поняла, что он тот самый.

Клер вспомнила, как за несколько лет до их знакомства генетики обнаружили, что у каждого человека имеется ген, дубликат которого есть только у одного человека на всей планете. Очевидно, этот человек единственный, генетически уготованный для тебя, – человек, которого тебе суждено полюбить. Он может быть любого возраста, любого пола, любого вероисповедания и жить где угодно. Ученый, стоявший у кормила открытия, превратил его в глобальный бизнес «Найди свою ДНК-пару», куда люди посылают мазок изо рта, чтобы узнать, с кем

они составляют пару. Однако после катастрофической утечки данных мир отнесся к точности результатов со скепсисом¹⁵.

Несмотря на это, пагубные последствия хаотичных отношений родителей засели глубоко в сознании Клер, и она все равно нуждалась в дополнительных гарантиях, что Бен создан для нее. Так что они сдали анализы для пущей уверенности. Как и предполагалось, результат оказался положительным.

– Бен попросил моей руки в день нашего выпуска, и я сразу же согласилась, – продолжала Клер. – Его мама и папа пытались убедить нас, что мы слишком молоды, потому что только-только получили дипломы. Но нам было без разницы. Мы тайком улизнули в Лондон, поженились, нашли работу, в конце концов осели в Кембриджшире и в прошлом году купили свой первый дом. И как раз затеяли ремонт, чтобы обновить его к появлению Тейта...

На краткий миг она ощутила, как по груди и лицу растекается волна тепла при мысли о тех идиллических деньках.

– Вы любите супруга? – спросил Джек.

– Конечно, – без колебаний ответила Клер. – Он мой свет в окошке.

– Ваше время истекло, Клер, – прервал ее Хакер.

Сжатые кулаки Клер, остававшиеся у боков, вне поля зрения камеры, медленно разжались от удовольствия, что она выдала Джеку лучшую версию себя. Теперь ее будущее в руках жюри и публики.

– Надеюсь, я хорошо вас продал, простите за выражение, – закончил Джек, одарив ее теплой улыбкой. – Уверен, если мои коллеги-присяжные и общественность предоставят вам шанс, вашему ребенку повезет с такой чудесной матерью.

– Спасибо, Джек, – подвел черту Хакер. – Но прежде чем перейти к нашему следующему члену жюри и Пассажиру, можно мне задать собственный вопрос, Клер?

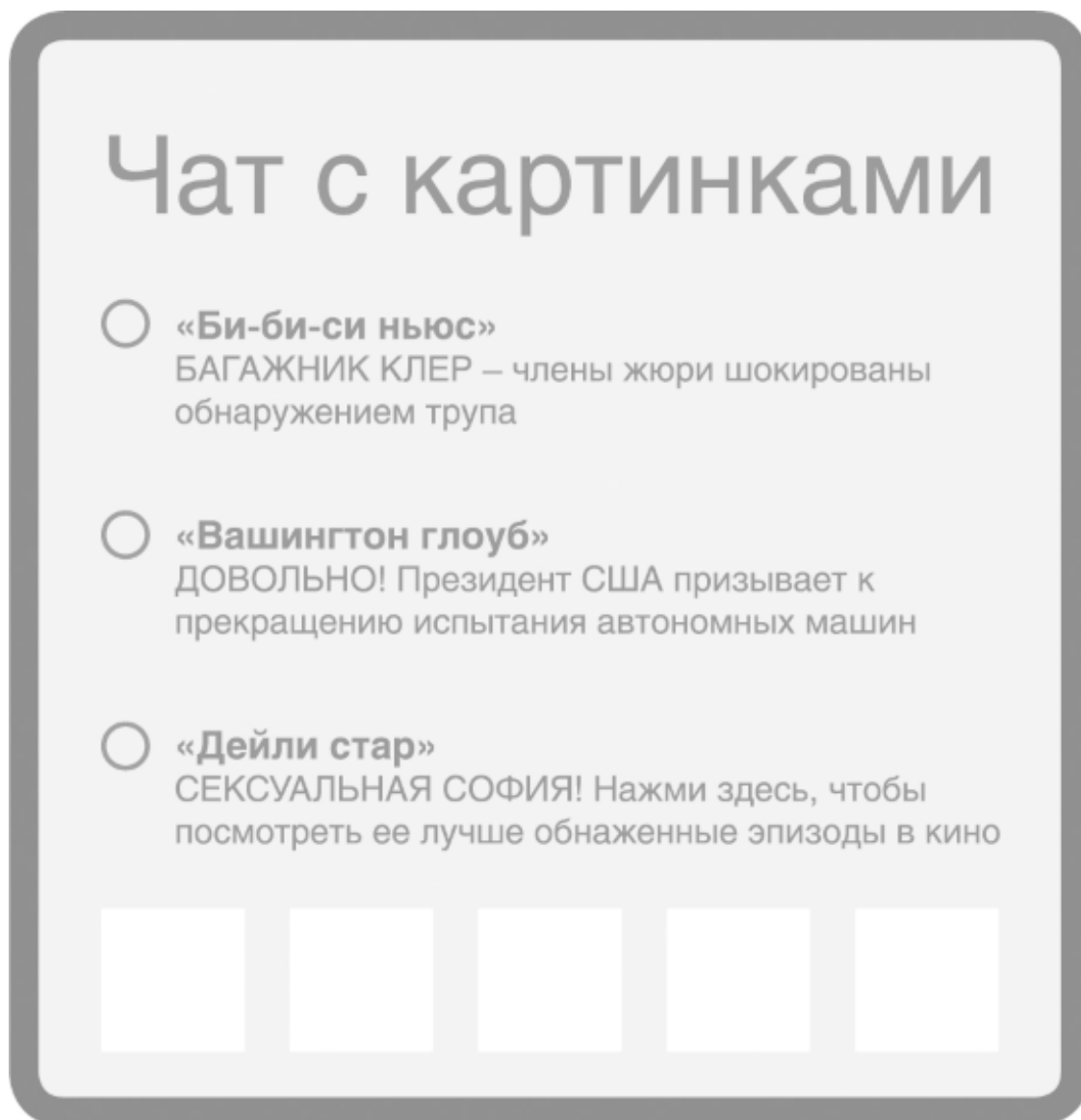
– Ладно, – напряглась она.

– Мне вот любопытно: раз ты так глубоко любишь мужа, как говоришь, тогда почему же прячешь в багажнике его труп?

Кадр переключился с искаженного ужасом лица Клер на задок ее автомобиля, где свет озарил скукоженное тело человека, лежащее на боку с прижатыми к груди коленями и совершенно безжизненное.

¹⁵ Об этом подробно рассказывается в романе Дж. Маррса «The One. Единственный».

Глава 35

- Что такое? – ахнула Либби, силясь постичь только что услышанное.
- Я... я... не знаю, – с запинкой пролепетал Джек, не менее ошарашенный, чем остальные присутствующие.
- Я не поняла, – подала голос Мюриэл. – Хакер утверждает, что убил мужа Клер?
- Это вряд ли, – откликнулась Фиона, внимательно вглядываясь в экран. – Поглядите на нее. Разве это лицо женщины, которой только что сказали, что она ездила с трупом мужа в багажнике? Она знала, что он там.
- Значит, это *она* убила его? – спросила Мюриэл.
- Не знаю.
- Но он наверняка мертв?
- Если нет, он чертовски хороший актер, – заметил Мэттью.
- Я в барристерах уже два десятка лет, – Фиона недоверчиво потрянула головой. – Уж думала, всякого навидалась. И тут же выяснилось, что глубоко заблуждалась...

Пока труп Бена не появился на экране, Джек с Клер весьма преуспели в ручательстве ее выживания. Теперь же даже Кэдмэн с командой были так захвачены происходящим, что устали на экран, не утруждаясь интерпретацией данных.

Либби заметила, что глаза Клер, устремленные в объектив, обратились в темные озера ужаса.

– Пожалуйста, дайте объяснить... – успела произнести та, прежде чем микрофон отключился. Телевизионная картинка на стене разделилась надвое – муж и жена заняли по пол-экрана. Тем временем новостные каналы упивались новым оборотом их раскручивающегося новостного репортажа.

– Леди и джентльмены, – сказал Хакер, – позвольте представить вам Бенджамина Дуэйна Ардена, третьего Пассажира автомобиля Клер. Это тот самый человек, которого его жена не более минуты назад назвала своим «светом в окошке».

Похоже, Клер отчаянно желала быть услышанной, колотя кулаками по приборной доске и экрану монитора и взывая, но совершенно беззвучно. Первым делом Либби встревожилась о благополучии ее младенца.

– Ей нужна помощь! – сказала она, но никто не слушал. Либби возвысила голос: – Погляньте на нее, она в истерике! Что бы ни сделала со своим мужем, она все-таки носит дитя.

– Тогда вы больше тревожитесь о нем, чем она, – возразила Фиона. – Будь уж так озабочена, стала бы она убивать его отца?

– Уж кому-кому, а вам-то положено знать, что в каждой истории есть две стороны. И нам неизвестно, что стряслось, потому что Хакер отключил ей звук.

– Либби, я защищала достаточно клиентов, чтобы по глазам видеть, когда кто-то недоволивает. Что такого может она нам поведать, чтобы отменить факт трупа ее мужа у нее в автомобиле? Вся эта беседа с Джеком была представлением от начала и до конца. Она притворилась жертвой, хотя может быть кем угодно, только не пострадавшей. Даже Джек попался на удочку.

Либби обернулась к Джеку, вернувшемуся на свое место за столом с покрасневшим лицом и сокрушенным видом.

– Есть! – вдруг возликовал Кэдмэн. – Нам это удалось!

Все головы повернулись к нему, пока он обменивался хлопками ладоней с членами своей команды.

– Мы скакнули. Мы действительно вошли в историю. Теперь это самое захэштегленное глобальное событие со дня зарождения соцсетей. А мы в самом центре глаза тайфуна! – Он оглядел членов жюри одного за другим, отыскивая разделяющих его энтузиазм, но натываясь лишь на каменные лица. Пожал плечами: – Трудная публика.

Его безразличие к настроению в комнате возмутило Либби.

– Вы вправду такой или только прикидываетесь? – вскинулась она. – Потому что я не понимаю, как человек, наделенный хоть капелькой сострадания, может не ужаснуться происходящему. На наших дорогах убиты и ранены десятки мужчин, женщин и детей, а вас волнует лишь то, сколько человек об этом треплется...

– Эй, не стоит расстреливать гонца, если вам не по нраву то, что в его сумке, мисс Кай-фоломка, – не смутился Кэдмэн. – Чего вы от меня хотите? Чтобы я притворялся, будто мне не наплевать на людей, которых я ни разу не встречал? Потому что этого вы не дожидаетесь. Я и моя команда здесь именно для этого – говорить правду и представлять народ, а не держать вас за ручку и вещать, что все будет в порядке, когда яснее ясного, что делу писец. Моя работа – доносить до вас, что на повестке дня в новостях, а не составлять ее. А прямо сейчас интернет взорвала беременная женщина-вамп. – Он листанул планшет, так что содержимое его экрана появилось на другой стене. – Признайтесь, вам до смерти хочется знать, что они говорят, правда?

Не успела Либби даже рта раскрыть, как скриншоты и постинги заполнили каждый свободный дюйм, и она волей-неволей прочла некоторые из них.

«Она и ребенок в жопе. #голосзасофию #Хакербаетправду».

«Взорвать ее сейчас, и хватит волынить, или я отключаюсь. #голосзаХайди».

«Пусть легенда живет. #голосзасофию».

«Еще целый час. Почему бы не продолжить? Это типа как смотреть мыльную оперу. Отлично сработано, Хакер! #голосзасофию».

– Теперь видите, что я имею в виду? – вел свое Кэдмэн. – Нравится вам или нет, а Хакер держит мир за яйца. Разве нельзя не любить чуток анархии?

Закрыв глаза, Либби покачала головой, дивясь Кэдмэну и людям, которых он представляет. Отвечать на выпады его и виртуального мира – не та схватка, где ей светит победа. Если соцсети и вправду отражают настроение общества, то ей не хотелось бы жить в мире, где Хакера уважают хоть сколько-нибудь.

– Словечко дружеского совета, Кэдмэн, – отнюдь не дружелюбным тоном бросил Мэттью, поднимаясь на ноги и направляясь к нему.

– Валяйте, – чуточку настороженно отозвался Кэдмэн.

– Во-первых, я не прошу вашего разрешения, а во-вторых, предлагаю вам держать свое мнение при себе. – Он остановился нос к носу с Кэдмэном в каких-то паре дюймов от него. – Люди, которых вы вызвались представлять, так же напрочь лишены добропорядочности, как и вы. Будь вы там вместе с моими коллегами из экстренных служб, соскребая части тела с мостовой и гася пламя на горящих детях, вы еще могли бы претендовать на высказывание собственных суждений. Но вы не там. Вы – статистик, не понимающий цены человеческой жизни, потому что живете в виртуальной реальности в окружении других аватаров, столь же бесчувственных, как и вы. Вы хуже искусственного интеллекта, потому что ИИ хотя бы можно запрограммировать заботиться о людях. Так что пока вы не научитесь смирению и состраданию, отныне и впредь будете высказываться, только когда к вам обратятся, а все остальное время держите рот на замке. Я внятно изложил?

Бледное лицо Кэдмэна залилось румянцем. Кивнув, он поспешно ретировался под защиту стана своей команды. Когда Мэттью возвращался на свое место, Либби кивнула и улыбнулась ему, а потом снова повернулась к громкоговорителям:

– Вы еще там?

– Я всегда здесь, – отвечивал Хакер.

– Почему вы позволили Клер говорить все это о своем муже, хотя знали, что он мертв?

– Честно, Либби, я упорно талдычу о том, что мне требуется от вас, но все пропускают это мимо ушей. Я дал Клер возможность открыть правду по собственной воле, но она предпочла умолчать, вместо того решив представить себя в определенном свете, чтобы завоевать симпатии в уповании спасти собственную жизнь ценой жизни другого Пассажира, быть может, более заслуживающего спасения.

– Но вы ведь тоже далеко не образчик честности, не правда ли? Вы еще не потрудились выложить нам ее историю до конца или поведать, почему так поступаете. Вы – фарисей.

Либби снова поглядела на экран Клер. Та сидела лицом к камере, впившись взглядом в объектив, как прикованная, внимательно слушая спор.

– Клер надеялась, что, если за отведенные ей десять минут умолчит об основополагающем факте, это приведет к принятию неосведомленного решения в ее пользу. А что итог выпялся ей не по нраву, Клер должна винить только себя. Я бы с радостью спорил с вами весь день, Либби, но если изволите обратить внимание на часы, то увидите, что каждая минута, потраченная вами на пререкания со мной, на минуту приближает нас к столкновению. Если мы не перейдем к следующему Пассажиру в ближайшее время, их гибель будет на вашей совести.

– Умоляю, для разнообразия просто послушайте его и заткнитесь, – устало проронил Джек. – А если хотите, чтобы погибли они все, тогда милости прошу, попытайтесь вразумить психопата и дальше.

Джек выглядел совсем сломленным. Мир разграбил его финансы, подначальное ему жюри пошло в раздрай, а Дорожная революция, застрельщиком которой он выступал, чтобы дирижировать миллиардами фунтов инвестиций, рухнула, погребая под собой его репутацию. А теперь он еще и поддержал не того Пассажира. Но вместо того, чтобы спорить во что бы то ни стало, Либби сложила оружие. Хакер прав; время истекает. Она нутром чуяла, что крупные сражения еще впереди.

– Кэдмэн, – продолжал Хакер, – не будете ли любезны проинформировать нас, кто завоевал интересы соцсетей на настоящий момент?

– София Брэдбери, и с солидным отрывом, – ответил тот, променяв прежний энтузиазм на лапидарность. – Публика тащится от ее наивности, ее мемы расползаются в инете, как чума, в онлайн грузят ее классические ролики.

– Тогда представляется уместным дальше познакомиться с ней, не так ли? Фиона, вы готовы?

Глава 36

София Брэдбери

– Чертова хреновина!

Осерчавшая София перестала дожидаться удобной возможности извлечь слуховой аппарат незаметно для глаз публики, а просто выдернула его и принялась копаться в сумочке, чтобы наконец вставить в скоростное зарядное устройство.

Трудовая биография на подмостках, съемочных площадках и перед громогласно ликующими зрительными залами взяла свою дань с ее слуха. Она ненавидела слуховые аппараты, считая их признаком слабости, хотя их способность делать синхронный перевод однажды помогла ей понять режиссера японской телерекламы бренди.

Если она не ослышалась, то это вовсе не реалисти-шоу, а реальная жизненная ситуация, угрожающая ей смертью. И если, как подсказывают ей изображения на экране, все еще и транслируется по всему миру, это дает ей колоссальную, глобальную аудиторию, о которой она даже помышлять не могла. Софии следовало бы испытывать ужас, но она, наоборот, еще никогда не чувствовала большего оживления. Она ценила свою жизнь на сцене куда больше, чем вне ее, а теперь ее зрительным залом стала вся планета.

София сунула заряженный слуховой аппарат обратно в ухо как раз вовремя, чтобы услышать, как кто-то предает огласке факт наличия в багажнике беременной девицы трупа ее мужа. Невероятный поворот судьбы. София выступала на главных ролях в несметном количестве драм, которые превозносили за нескончаемые капризные повороты и выверты. Каждый мало-мальски достойный продюсер будет просто копытом бить, чтобы заполучить грандиозное разоблачение, припрятанное в рукаве.

София внимательно изучала мимику и язык тела Клер. «Виновна, клейма ставить негде», – подумала она. Ей знаком подобный типаж; за годы в кругах шоу-бизнеса София навиделась таких клер по самое не хочу. Ушлые интриганки, не останавливающиеся ни перед чем, только бы заполучить вожаемую роль.

Она чуть прикусила мягкую изнанку щек, чтобы не позволить губам изогнуться в усмешке, выдающей ее удовольствие от разоблачения Клер. Разумеется, это означает, что теперь София в самом выгодном положении среди претендентов на спасение. Но для верности ей надо дать оscarоносное представление. Трупа в автомобиле Софии нет, зато скелетов в шкафу не счесть.

– Привет, София! – заставил ее вздрогнуть женский голос.

Она осматривала экраны один за другим, пока не сообразила, что он принадлежит присяжной с жуткой прической и таким же жутким костюмом из шотландки. Она предпочла бы беседовать с мужчиной; с противоположным полом у нее взаимопонимание куда лучше.

София заметила часы, появившиеся в правом углу экрана, тут же начавшие отсчитывать время. Она вообразила, как выходит на авансцену «Олд Вика»¹⁶ под восторженные рукоплескания. Откашлявшись, одарила зрителей теплой улыбкой.

– Доброе вам утро. И с кем я говорю?

– С Фионой Прентис.

– Фиона, здравствуйте. Значит, это вы отважились вступить за мою жизнь, не так ли?

София увидела, как Фиона изобразила улыбку, не затронувшую ее глаз. Держалось та уверенно, но расширенные зрачки выдавали терзающие ее дурные предчувствия.

¹⁶ Знаменитый лондонский театр.

– Что ж, позвольте облегчить вам задачу, Фиона. Я не держу зла ни на вас, ни на кого бы то ни было, кто предпочтет не голосовать за меня. Я прожила насыщенную, чудесную жизнь, превосходящую все, о чем я могла только помыслить. И если рок судил мне встретить свой последний час перед этой восхитительной аудиторией, тогда я умру, как жила. Не могу даже представить лучший способ уйти. – София выдержала паузу, дожидаясь, когда стихнут воображаемые аплодисменты. – Кстати, это Оскар, – продолжала она, приподнимая своего озадаченного пса и маша его лапкой в объектив. Позволила ему лизнуть себя в щеку в чаянии завоевать сердца любителей животных.

– Ради тех людей, которые могут не знать, кто вы, не будете ли вы добры немного рассказать нам о себе? – предложила Фиона.

Сделав глубокий вдох, София положила пса обратно на сиденье рядом с собой.

– Разумеется. Итак, с чего начнем? Я работала актрисой с той самой поры, когда девчушкой впервые ступила на подмостки в Вест-Энде, и только благодаря зрителям смогла так долго остаться в профессии. Не стану утомлять вас перечислением всех постановок, где вы могли меня видеть, и множества наград, которыми меня удостоили, так что давайте для краткости я просто скажу, что мне было ниспослано благословение.

– А вас не заботит, что вы... *самая старшая*... из оставшихся Пассажиров?

Упоминание о ее возрасте частенько оставляло у Софии привкус горечи во рту, но не на сей раз.

– Быть может, у меня впереди не так много лет, как у всех остальных узников этих богопротивных авто, но значит ли это, что я должна отречься от возможности прожить остаток своей жизни? Надеюсь, нет. Полагаю, я еще могу дать людям ужасно много нерастраченного.

– Можете привести пример, чего именно? Мне известно, что за многие годы вы проделали огромную благотворительную работу...

«Молодец, – подумала София. – Избавила меня от необходимости ненароком втискивать это в разговор».

– О, как мило, что вспомнили, – продолжала она с напускной скромностью, прежде чем посвятить три минуты отведенного ей времени перечислению благотворительных фондов и больниц, которые она представляла. – Впрочем, да, – наконец сказала София, – пожалуй, моя благотворительная деятельность – одна из вещей, которыми я горжусь больше всего и которая доставляет мне величайшее удовольствие. Как ни нравится мне развлекать людей и быть, как там принц Гарри однажды назвал меня... ах да, верно, «национальным достоянием», ближе всего моему сердцу собирать деньги на добрые деяния.

– Оборудование, купленное на ваши деньги, спасло жизнь моей дочери, – присовокупила Фиона.

София подалась к экрану. Дело оборачивается даже лучше, чем она надеялась.

– О, в самом деле? Расскажите чуть поподробнее, Фиона, дорогая.

– Девять лет назад Китти сделали операцию на мозге по удалению доброкачественной опухоли силами врачей, которых ваши деньги помогли обучить, и в больнице, которую вы помогли построить. Так что я хотела бы воспользоваться этой возможностью поблагодарить вас за нас обоих.

– Всегда к вашим услугам. Когда речь заходит о сборе средств, люди жонглируют цифрами наподобие двадцати пяти или тридцати миллионов фунтов, но ведь это просто цифры, и кто считает? Я очень рада, что ваша девочка – одна из сотен, кому мои тяжкие труды пошли на пользу.

София осознала, что часы подползают к минутной отметке.

– Некоторые из других Пассажиров – родители, – продолжала Фиона. – Раз вы столь явно заботитесь о благодеяниях ради детей, не будете ли вы против, если я спрошу, почему вы предпочли не обзавестись своими?

София уронила голову, потом подняла, чуть склонив к плечу. Она не забыла, как тот же маневр придал словам принцессы Дианы дополнительную глубину во время ее интервью Би-би-си десятилетиями ранее, ставшего настоящим откровением. София изменила интонацию, заговорив приглушенно, чуть ли не с сожалением:

– Так много лет я ставила карьеру и творчество превыше собственной семьи... И буду с вами совершенно откровенна, Фиона: об этом я жалею чуть ли не больше всего на свете.

– Я не спросила вас о муже. Давно ли вы женаты?

София крепко поджала пальцы ног.

– Мы с моим дорогим Патриком женаты уже почти сорок лет.

– И он ваш пятый муж, если я правильно помню?

– Да, – отрывисто бросила София, но тут же спохватилась: – В двадцать-тридцать я накурлесила... – Она хмыкнула. – Но вы же знаете поговорку «пятый раз как алмаз». Ну, или что-то типа того... Но, как я сказала вам раньше, мне было ниспослано благословение долгой, счастливой жизни. Могу лишь уповать, что ваша девочка испытает не меньше счастливых моментов, чем я, как и все другие дети и их семьи, которых я поддерживала все эти годы.

– Я знаю, что времени у нас осталось немного, так что не следует ли мне закруглиться, спросив, почему мои коллеги-присяжные и общественность должны поддержать вас.

– Мне не хватит наглости сказать, что люди *должны* голосовать за меня, но, конечно, мне бы этого хотелось. Если мне позволят жить, тогда я ни секунды времени не буду принимать как данность и продолжу ставить людские нужды превыше собственных. Один знакомый священник однажды сказал мне: «Если одна свеча воспламенит другую, от нее не убудет». Именно так я и прожила свою жизнь.

Обратный отсчет на часах дошел до нуля, и София расслабилась на сиденье, поглаживая Оскара и представляя, как зрители устроили овацию стоя. В следующем голосе она узнала Хакера.

– Спасибо вам, София, – начал он. – Никто не сможет оспаривать, что вы определенно прожили интересную жизнь.

– На мое место возвели меня поклонники, и здесь я служу им, – ответствовала она.

– Вы не будете против, если я задам вам еще вопрос от их имени?

София кивнула, радуясь возможности побыть в свете софитов еще немного.

– Не было ли в вашей жизни такого момента, когда вы подумывали завести детей?

– Конечно, как и всякая другая женщина. – Внезапно чутье подсказало Софии, что Хакер не выкладывает на стол все карты разом. Нужно подсунуть ему что-то – что-нибудь отвлекающее, – и побыстрей. – Если вы в самом деле хотите знать правду, я не завела семью, потому что не способна иметь детей.

Выдержав сценическую паузу, она извлекла из сумочки салфетку и промокнула воображаемые слезы. Гробовое молчание подсказало, что ей по-прежнему удастся удерживать всеобщее внимание.

– Ко времени встречи с Патриком я была уже готова завести детей – но, увы, не мой организм. У меня диагностировали фибромиому матки, которая причиняла мне сильную боль. В результате мне потребовалась гистерэктомия. Как можете догадаться, это была катастрофа. Свой сороковой день рождения я справила в больничной палате, выплакивая глаза из-за утраты того, в чем ощутила необходимость лишь недавно. В те времена нельзя было сдать яйцеклетки в банк, как девочки поступают теперь, а суррогатное материнство было совсем не таким, как ныне, так что я лишилась своего шанса на материнство. Полагаю, потому-то я и собираю столько денег на благотворительность ради детей. Я считаю всех малышей, которым помогла, своей большой семьей.

– Вот только я малость сбит с толку...

– В отношении чего?

– Да просто думал, что решение не заводить детей было *совершенно* добровольным. Согласно медицинской карте, имеющейся в моем распоряжении, его вовсе не отнимали у вас, а всецело предоставили на ваше усмотрение.

София затаила дыхание. «Он знает, – пронеслось у нее в голове. – Он знает всё». Прижала ладонь к горлу, ожидая продолжения. Потянулась надрывная пауза, и София не выдержала первая:

– То было трудное время.

– На самом деле не очень-то и трудное, правда? Вам не делали гистероэктомию, вы просто предпочли стерилизацию. С чего бы это человеку, утверждающему, что хотел детей, пускаться во все тяжкие, только бы не иметь их?

София устремила на камеру уничтожающий взгляд. Маска спала, она отыграла свою роль, но зрители остались на своих местах.

– Если вы не желаете поделиться этим с поклонниками, которым якобы служите, не желаете ли, чтобы вместо вас это сделал я? – Ответом послужило гробовое безмолвие. – Молчание – знак согласия. А причина вашего решения пройти стерилизацию заключается в том, что...

– Я хочу выйти из этого состязания, – внезапно оборвала его София. – Вычеркните меня из списка. Пусть кто-нибудь другой останется жить вместо меня.

И тут она впервые услышала смех Хакера.

– Вы в самом деле считаете, что лучше умереть, чем позволить правде выйти на свет?

– Я больше не хочу принимать в этом участия, – вела свое София. – Это паскудство. Вы угрожаете нам всем, копаетесь в грязном белье, выуживая вещи, вещать о которых на публике не пристало.

– Значит, вы хотите, чтобы они знали вас настоящую только на ваших условиях?

– Моя личная жизнь никого не касается.

– Ворота этого хлева широко распахнуты, и конь давно сорвался с привязи, София. Правда в том, что вы стерилизовали себя, чтобы не забеременеть от мужа.

Молчание Софии было равнозначно признанию вины.

– И почему вы не хотели носить его дитя?

Она ощутила, как перехватило горло. Она не может постоять за себя.

– Потому что ваш муж был и по сей день остается тем еще педофилом, не так ли? И вы пособничали в его преступлениях, пуская в ход свое богатство и влияние, чтобы скрыть тот факт, что за последние четыре десятилетия он растлил десятки детей.

София яростно затрясла головой:

– Вы не ведаете, что...

– Мне ведомы имена жертв, даты и сколько вы заплатили их семьям за молчание. У меня даже есть фотографии, которые он сделал и послал в журналы и на веб-сайты.

Окостеневшими руками София оперлась о сиденье, чтобы выпрямиться. Мысли неслись, как ураган, отчаянно пытаясь отыскать способ избежать обвинений, не подорвав репутацию. Но, даже не успев выступить в свою защиту, София осознала, что выслушать ее контраргументы не дадут никому. Ей заткнули рот, отключив звук. Представление окончено, и ее карьера вместе с ним.

Глава 37

Либби выпустила воздух, который так долго сдерживала, даже не сознавая того, и повернулась к столь же ошеломленному Мэттью.

Поглядела на экран Джуда, чтобы оценить его реакцию. Тот выглядел таким же ошарашенным, как и все остальные.

– Что ж, сомневаюсь, что София еще долго будет числиться в списке рождественских поздравлений Национального общества предупреждения жестокого обращения с детьми, – заметил Кэдмэн.

– Надругательство над детьми для вас повод для шуточек? – спросила Либби.

Стрельнув глазами на Мэттью, Кэдмэн тотчас сдулся:

– Прошу прощения.

После разоблачения секретов Клер и Софии сразу стало ясно, что Пассажиры были тщательно отобраны, исходя из того, что они скрывают.

Больше ничего на свете не вызывало у Либби такую же ненависть, как секреты. В голове у нее зазвучал набатный колокол тревоги. Ее брат Никки скрывал свои суицидальные наклонности от семьи со дня выписки из больницы. А Уильям утаивал от нее свои шашни с офисной стажеркой. Какие секреты может скрывать от нее Джуд?

– Не могут ли обвинения Хакера быть облыжными? – обратилась она к Джеку. – Или хотя бы замалчивать часть истины? – Избегая встречаться с ней взглядом, тот уставился на экраны. Но Либби все равно продолжила: – Он использует каждого из нас, чтобы подставлять Пассажиров. Как только они представят лучшую версию себя самих, он исподтишка наносит смертельный удар своими обвинениями. Но откуда нам знать полную правду, если он не позволяет им представить контраргументы?

– Контраргументы? – Джек резко фыркнул. – Вы не врубаетесь в ситуацию, мисс Диксон. Мы уже давно играем не по правилам Куинсберри¹⁷ или хотя бы сохраняем подобие честности. Хакер не признает ничего, кроме собственной повестки дня.

– Я не дура, сама вижу, – отрезала она. – То, что он делает, – зеркальное отражение того, что происходит на ваших разборательствах. Вы ведь тоже никогда не даете нам полную картину, а? Вы говорите нам ровно столько, сколько считаете нужным, прежде чем принудить нас решать, кто виновен – жертва или автомобиль. А поскольку такая уйма улик «засекречена», почти всегда проклятье обрушивается на голову жертвы. Так что его действия на самом деле ничуть не отличаются от ваших.

– Вы дезинформированы и невежественны, мисс Диксон. Нам ничего не остается, как позволить Пассажирам поведать нам, почему они должны жить, и ради них уповать, что они были честны. А если нет, да поможет им тогда Бог.

Либби поглядела Джеку прямо в глаза. Пронзительного взора, недавно пугавшего ее, как не бывало. Он проиграл свою схватку.

– Почему вы сдались настолько легко? – спросила она.

– Потому что не могу ничего поделать, чтобы хоть чем-нибудь помочь мисс Арден.

– Нет, я имею в виду не только Клер, я имею в виду происходящее здесь. Вы не поднялись бы в карьере до таких высот, если б не прокладывали путь зубами и когтями. Почему ваш телефон больше не приклеен к уху, как вначале? Почему вы не вымещаете злобу на своей канцелярии и больше не требуете соединить вас с ЦПОШ?

¹⁷ Правила Куинсберри – кодекс честного ведения боксерских поединков, сформулированный в 1867 г. Их автором был Джон Грэм, но за ними закрепилось имя маркиза Куинсберри, оказавшего автору материальную и моральную поддержку.

– Одна из множества проблем с вами, поколением двухтысячных, – то, что вы слишком много думаете и слишком вникаете в ситуации, которые не требуют вашего вмешательства. На вашем месте я бы сосредоточился на том, что ваш дружок Джуд скрывает за своим невидящим взглядом.

Либби не клюнула на эту удочку.

– У Хакера на вас что-то есть, не правда ли?

– Не городите чепуху.

Взгляд Джека на миг метнулся к собственному изображению на экране. Но отрицание прозвучало не настолько ядовито, как ожидала Либби. Она повернулась к нему всем телом. Джек остался непоколебим, словно боялся, что малейшим движением может что-то выдать.

– Я права, так ведь? – продолжала Либби. – Он не раз и не два намекал, что ему известно нечто или о вас, или о процессе расследования. А вы не знаете, что ему ведомо, и потому ради перестраховки предпочитаете сидеть и не рыпаться. Уж если он знает так много о Пассажирах, то и о вас ему известно немало.

– У вас очень огульное воображение, мисс Диксон.

– Вы просто тянете резину в надежде покинуть эту комнату, получив как можно меньше боевых шрамов.

И тут Джек наконец поглядел на нее. Его молчание говорило красноречивей всяких слов. Либби снова переключила внимание на стену экранов. Лицо Софии было абсолютно бесстрастно, словно стоп-кадр. Сложив руки, она устремила взгляд куда-то мимо камеры сквозь ветровое стекло автомобиля.

– Мне что, нужно спрашивать, как соцсети отреагировали на разоблачение нашего «национального достояния»? – осведомился Хакер.

– Мнения как раз в духе ожидаемого, – откликнулся Кэдмэн. – Полагаю, можно смело утверждать, что на данный момент она самая ненавидимая женщина на планете.

– До столкновения осталось сорок пять минут, так не двинуться ли нам дальше? – предложил Хакер. – Давайте продолжим с одной из половин единственной женатой пары на нашем процессе.

Глава 38

Сэм Коул

Едкий привкус желчи, прокатившись вверх по горлу, хлынул в рот. Сэм сглотнул обжигающую горечь, ничем не выдав камере, что ему тошно от страха в самом буквальном смысле.

Не прошло и минуты с тех пор, как Сэм едва сдерживал ликование, когда доверие мира к Клер и Софии разлетелось вдребезги. Но в то же самое время он чересчур остро осознавал, что когда настанет его черед оказаться в фокусе внимания, то же самое почти наверняка постигнет и его. У него ничуть не меньше собственных секретов, которые могут перечеркнуть его шансы выжить.

Сэм лихорадочно соображал, сокращая возможные варианты всего до двух: сказать правду или солгать. Если он обставит Хакера, сделав признание, быть может, публика и члены жюри простят его? «С равным успехом ты можешь вынести себе смертный приговор без посредников», – сказал он себе. Тряхнул головой, быстро отбросив этот вариант. Никто из них не поймет сделанный им выбор, если только не окажется в его шкуре.

Если же он солжет умолчанием, то сможет потратить отведенные ему десять минут на убеждение зрителей, что он достойнее их поддержки, чем жена. А когда его час пробьет и Хакер раскроет секрет Сэма, он все равно сможет удержать толику сторонников. Опять же, еще есть шансик, что он не знает, о чем умалчивает Сэм. Но даже если Хакер не изобличит его, соцсети уж наверняка сделают это за него. Слишком уж многие знают его по другим сферам, чтобы это не просочилось в открытый доступ...

Сэм то и дело бросал взгляд на экран Хайди, пытаясь по выражению ее лица и языку тела постичь, как она держится. Не разберешь. Они вместе уже двенадцать лет, из них женаты десять, но чем дольше она служит в полиции, тем труднее становится проникнуть сквозь ее стальную оболочку. Она видит в мире слишком много дряни, это ее закалило.

Былая Хайди не спросила бы, готов ли он пожертвовать жизнью ради нее. Пришло ли ей в голову хоть на миг, что он может дать детям ничуть не меньше, чем она? Вряд ли. Хайди хочет жить и дальше, так отчего же она не подумала, что Сэму хочется того же?

«Можешь ли ты в самом деле попытаться отобрать у нее голоса, чтобы спасти собственную шкуру?» – задался он вопросом. Снова бросил взгляд на Хайди. Когда она рассказала ему, что сослуживцы прозвали ее Эльзой, он и без ее объяснений понял почему. Как теперь, например. Даже покройся ее кожа инеем, выглядеть холодней она все равно не сможет. Именно способность отстраняться и позволяет ей ценить его жизнь ниже, чем собственную.

Насколько он видит, ее единственное преимущество перед ним – отношения с детьми. Его долгие рабочие недели в Галифаксе привели к тому, что у Бекки и Джеймса сформировались более тесные узы с мамочкой, чем с ним. Порой по его возвращении казалось, что в их тесной клике для него попросту нет места. Но он связан по рукам и ногам, а время у него не резиновое. Намеренно или нет, но Хайди заставляла его чувствовать себя в собственной семье гостем. И теперь он негодовал на нее за это сильнее, чем когда-либо прежде.

Один лишь звук голоса Хакера заставил его ногу затрястись.

– Мюриэл, не желаете ли приступить? – спросил тот, и время пошло. Сэм снова пригляделся к Мюриэл. Уж кого-кого он выбрал бы на роль потенциального спасителя, только не ее. Но нищим не пристало проявлять разборчивость...

– Привет, Сэм, – начала она благожелательно, будто утешая человека, понесшего тяжелую утрату. Он воздержался от напоминания, что еще не умер. – Как вы себя чувствуете?

– Если честно, то очень зол, – ответил Сэм и сложил руки на груди, словно желая подчеркнуть мысль.

– Что ж, это можно понять...

– А вы разве не чувствовали бы то же самое в моей шкуре? – перебил он. – Погибну либо я, либо моя жена, либо мы оба вместе, и это несправедливо, скажете нет? Я не хочу жить без нее, а она не хочет жить без меня, и как наши дети могут жить нормально, увидев, как их родителей разорвало в клочья на глазах у миллиардов зрителей? Они будут напуганы на всю жизнь, скажете нет?

Судя по выражению лица Мюриэл, она не ожидала, что Сэм будет так разъярен или взволнован. Это сбило ее с намеченного курса расспросов.

– Гм, у вас... э-э... двое детей, верно? – спросила она.

– Да, девяти и восьми лет, и лучших детей и желать нельзя. Джеймс – капитан школьной команды по регби в категории моложе десяти, а Бекки – очень талантливая певица. Только мысль о них и позволяет мне держаться. – Сэм выставил телефон перед камерой, чтобы продемонстрировать тщательно отобранные фотографии, в том числе его фото с детьми под мышками, но без Хайди.

– Красивые, – прокомментировала Мюриэл. – Как вы понимаете, цель нашей беседы – познакомиться с вами чуточку лучше. Можно спросить, давно ли вы женаты?

– В будущем месяце будет десять лет.

– Вы верующий?

– Я англиканин.

– Часто ли вы беседуете с Богом?

– Боюсь, нет. Я много работаю вдали от дома, так что у меня нет времени почти ни на что. Ну, я верил в Него, пока не очутился в запертом автомобиле, сражаясь за собственную жизнь.

– Когда мы наиболее уязвимы, вера – как раз то, что нам требуется, чтобы пройти испытание.

– Буду с вами честен: я чувствую, что Он покинул меня.

– Он всегда рядом с нами.

– Я Его не вижу. Он выставил меня на соревнование против собственной жены, единственного человека, которого я люблю больше всех на свете, не считая детей. Он должен знать, что я ни за что не стану состязаться с ней, так что участь моя предрешена. И потом, Хайди в любом случае завоюет больше публичной поддержки, чем я, скажете нет? Уж так устроен свет. Маму всегда ценят больше, чем папу.

– И да, и нет, – ответила Мюриэл, пребывая в некотором замешательстве по поводу правильного ответа. Сэм увидел, как она обернулась к коллегам-присяжным, приподняв брови, словно прося помочь. – В нашем веке равноправия вполне может сложиться, что люди поддержат вас, не так ли?

– Полагаю, мы оба знаем ответ, Мюриэл, – рассмеялся Сэм. – А если вдуматься, это невероятная дискриминация. Одно то, что женщина вынашивает ребенка девять месяцев, а после рождает его, вовсе не означает, что она обязательно окажется более квалифицированным родителем. И также не означает, что, будучи мужчиной, я не могу позаботиться о ребенке так же хорошо. Поймите меня правильно, я не говорю, что справлюсь лучше, чем Хайди; лучшей мамы детям и желать грех. Просто отмечаю, что в век, когда женщина равна с мужчиной как никогда, куда более вероятно, что это судилище переживет она, а не я.

Сэм увидел, что Фиона, напечатав что-то на своем планшете, подсунула его все более конфузющейся Мюриэл для прочтения. Часы на его экране дошли до середины. Он положил обе руки на бедро, чтобы нога не дергалась.

– Вы не хотели бы воспользоваться этой возможностью поведать нам чуточку больше о себе? – с надеждой спросила Мюриэл.

– Извините, что поставил вас в неловкое положение, – ответил Сэм. – Это непреднамеренно, просто как-то само собой вышло.

– Нет-нет, ничуть, – соврала она, одарив его вымученной улыбкой.

– Я просто раздосадован, потому что вряд ли смогу увидеть или обнять детей снова, – продолжал он. – Они для меня всё на свете. И я ценю, что большую часть времени с ними проводит Хайди. Но будь у меня хоть полшансика, я поменялся бы с ней местами, и глазом не моргнув. Подобно миллионам и миллионам других пап, видящих и слышащих меня сейчас, я забочусь о своих детях иначе, чем мама, но оба способа важны в равной мере. И теперь идет к тому, что из-за этого я обречен на смерть. Почему же ваш Бог поставил меня в положение, где у меня нет ни шанса дать бой?

– Э-э, наверное, хоть вы и сотворили жизнь вместе, потому что женщина наделена биологическими средствами прокормления и взращивания этого дитяти. Вот почему некоторые считают ее более ценной...

– Так меня карают за то, что мой организм не в состоянии вскормить ребенка? В самом деле?

– Это не то, что...

– Значит, против меня не только общество, но и моя биология – та самая, которую сотворил Бог? Меня прокатили по полной, скажете нет?

Мюриэл предприняла еще несколько заходов с разных сторон, начиная с профессии Сэма и кончая его интересами и побуждениями. Но он всякий раз сводил к теме предубеждения против мужчин. Он сделал, что мог, и теперь остается лишь уповать, что его аргументы эхом отзовутся в представителях его пола. Внезапно Сэм вспомнил о времени – на довершение защиты у него осталось всего девяносто секунд.

– Можно мне задать вопрос вашему соцсетику? – спросил он и дожидаться разрешения не стал. – Насколько я был популярен у публики, пока мои десять минут не затикали?

Изумленный этим обращением, взъерошенный Кэдмэн мигом оклемался и схватился за планшет, пробормотав:

– Минуточку, только перетряхну данные...

– К сожалению, минута – почти всё, что у меня осталось.

– Ну, в смысле популярности на первом месте была Хайди, на втором – вы, на третьем – София, хотя сейчас она идет ко дну, как котенок в колодце, потом – Джуд, а за ним – Клер.

– А сейчас?

– Хотя сейчас самый трендовый хэштег – различные парафразы на тему #убейСофию, у вас наибольшее число новых голосов и положительных комментариев среди Пассажиров. Похоже, основную поддержку вам оказывают Великобритания, США, Дания, Франция и Швеция, где самая высокая плотность отцов-одиночек.

Сэма подмывало триумфально вскинуть кулак, но он сдержал порыв. Он свершил то, что намеревался, менее чем за десять минут. Однако далось это ценой Хайди. Сэм не хотел смотреть, как отреагировала она, но не удержался. Ее выражение было уже не просто холодным, от него веяло антарктическими льдами: брови крепко сдвинуты, губы сжаты в ниточку. Грудь ее быстро вздымалась и опадала, словно она сдерживала ярость. Отчасти ему хотелось одними губами произнести ей «сожалею», но Сэм понимал, что не может, потому что не жалел ни капельки.

Он заслуживает остаться в живых больше, чем она.

– И это подводит нас к концу, – возник голос Хакера. Сэм увидел, как волна облегчения омыла лицо Мюриэл: ее роль исполнена. Собрался – ведь если следующие несколько минут пойдут по тому же шаблону, что у Клер и Софии, Хакер готовит свою убойную реплику, и можно лишь надеяться, что, когда выстрел грянет, убедительности Сэма хватит, чтобы сохранить хоть часть сторонников.

– Весьма впечатляющий перелом общественного мнения, Сэм, – отметил Хакер. – Разыграно весьма разумно.

– Я хотел бы добавить, что вовсе не собирался переманивать приверженцев моей жены, – присовокупил Сэм со всей искренностью, какую смог собрать. – Я готов умереть за эту женщину.

– Несомненно, высокий душевный настрой, будь он только чистосердечен... Но вы ведь покривили душой, правда? Потому что у вас была возможность именно так и поступить, но вы предпочли выжить. Любопытно, есть ли кто-нибудь еще, за кого вы были бы готовы умереть? Скажем, Джози, женщина, на которой вы женились через год после женитьбы на Хайди? Или, скажем, сын и дочь, которых вы прижили с этой женой? Значит ли эта ранее не предававшаяся огласке семья для вас больше, чем первая?

Глава 39

Хайди Коул

Хайди сознавала, что теперь миллионы глаз устремлены на нее; и публика, и присяжные сидят как на иголках, дожидаясь ее реакции.

Она начала неспешно. Покачив головой, сказала Хакеру:

– Нет, вы лжете. Я вам не верю.

– Мне нет резона лгать вам, Хайди, – голос его буквально источал ханжеское сочувствие. – Из девяти лет, что вы состоите в браке, восемь ваш муж был женат еще и на другой женщине. И за это время они вместе завели двоих детей.

– И я должна просто поверить вам на слово? – парировала она. – Вы выдвигаете обвинения против каждого из нас, но ни разу не предъявили доказательств. Я не верю на слово никому, не рассмотрев сперва улики.

– Слова истинного блюстителя закона, детектив-сержант Коул.

В углу ее экрана появился десятиминутный таймер, а с ним заодно видеоролик – Сэм в парке аттракционов с двумя детьми примерно одного возраста с ее собственными. Вместе с белокурым мальчиком и рыжей девочкой он съезжал в вагончике-«бревне» с водяной горки. Внезапно вагончик полетел вниз на отвесном участке, и их окатило водой с головы до ног. Они выбрались оттуда, хихикая и выжимая воду из одежды. «Пап, ты мокрый до нитки», – обратилась девочка к Сэму, вытиравшему ее слипшиеся мокрые волосы. Оператор развернул камеру к себе и оказался женщиной с короткими темными волосами и бледной кожей. «Ох, папочка еще пожалеет свою мокрую задницу по пути домой!» – рассмеялась она, прежде чем картинка ушла в затемнение.

Следующий ролик был записан в ресторане с теми же детьми и группой мужчин и женщин, лиц которых Хайди не узнавала. Женщина из предыдущей записи подошла к Сэму с тортом и двумя горящими свечами в виде цифр 4 и 0, пока остальные дружно распевали «С днем рождения!». Хайди вспомнила, как предлагала ему устроить праздник, но он отказался. Теперь она узнала почему. Уступая всеобщим просьбам сказать речь, Сэм поднялся на ноги. «Я хотел бы поблагодарить всех за то, что пришли, – начал он, – а мою прекрасную жену и детей – за то, что сумели устроить мне сюрприз. Я и не догадывался, что она может быть такой скрытной...»

– Выключите, – выплонула Хайди, и Хакер послушался. На ее лице не отразилось ни намека на эмоции, когда она перевела взгляд на экран Сэма. Хоть он и пригнул голову, но на лице у него отчетливо читалась вина.

– Кто они? – спросила Хайди.

– Не имеет значения, – ответил Хакер. – Важно лишь то, что они существуют.

– Раз вы говорите мне, что мой брак был построен на лжи, то для меня это имеет значение. Кто они?

– Его сына зовут Джеймс, а дочь – Бекки.

– Так мы называли наших детей.

– Он использовал те же имена.

– А ее?

– Его жену зовут Джози.

– Не называйте ее его женой, – вскинулась Хайди. – Если он женился на мне первой, то по закону его жена – я, а не она.

Камера выхватила лицо Мэттью. Восприняв это как сигнал к действию, он заговорил:

– Извините, Хайди. Не так я представлял себе начало этого разговора... – Не дождавшись ответа, Мэттью сам заполнил оставленный ею пробел молчания. – Не знаю, что хуже –

супруг, который завел другую семью за спиной первой, или тот, который затевает во время брака интрижки. Подобное мне знакомо отнюдь не понаслышке.

Его слова заставили Хайди чутьточку оттаять.

– В самом деле?

Он кивнул:

– Легкомысленная эсэмэска, которую она забыла удалить. Я вовсе не подлизываюсь к вам, когда говорю, что сочувствую.

Подарив Мэттью признательную полуулыбку, Хайди переключила внимание на мужа.

– Мне даже незачем спрашивать, правда ли это, а, Сэм? Полюбуйся-ка на себя.

Она видела, как подсказывает его нога, пока он неуютно ерзает на сиденье.

– Как ты мог? – Голос ее понемногу набирал звучность. – Что за человек может жениться на ком-то еще, когда у него уже есть жена? Я что, вылетела у тебя из головы? Просто запамятовал? Она знает обо мне, о нашей семье?

Сэм открыл рот, но с выключенным микрофоном не мог дать ей ответы, которых она так жаждала.

– Включите ему громкость! – приказала Хайди, но Хакер ее требование проигнорировал. – Вы меня слышали! Я имею право знать! Если мне суждено умереть в этой машине, то хотя бы сперва откройте мне правду.

– Вы вряд ли этого добьетесь, Хайди, – спокойно заметил Мэттью. – Хакер не заинтересован в том, чтобы давать вам ответы; ему доставляет больше удовольствия играть с вами... играть со всеми нами. Так почему бы вам вместо того не рассказать нам о себе? Пусть люди знают, кто вы, независимо от Сэма. Не годится, чтобы в их глазах вы отождествлялись с его деянием.

– Но я верила ему. Как он мог так поступить со мной?

– Как вы могли бы описать себя в роли мамы? – вел свое Мэттью.

– В отличие от мужа, я отдаю детям себя всю, – ответила она. – Во время своей беседы Сэм с пылом разглагольствовал, как несправедливо, что только женщин считают кормилицами. Что ж, Сэм, это потому, что у меня не было иного выбора, как принять эту роль на себя. Ты не потрудился упомянуть, как все время брал подряды, державшие тебя вдали от нас четыре дня в неделю, и только теперь я понимаю, что только ради того, чтобы проводить время с этой другой семьей. Я тоже работаю полный рабочий день, но это я разыгрываю из себя для наших детей и маму, и папу, это я вожу Бекки на уроки пения и мотаюсь с Джеймсом по стране на соревнования по регби. И даже когда ты с нами, тебя будто и нет вовсе. Ты всегда слишком уставший, чтобы принимать участие. Наверное, слишком радел, уделяя внимание другим детям, чтобы приберечь хоть капельку для нас...

– Почему вы считаете, что должны пережить этот процесс? – продолжал расспросы Мэттью.

– Знаете что? – Хайди потрянула головой. – Не хочу грубить, но больше я в эти игры не играю. Я отдала последние десять лет воспитанию детей, добиваясь успеха в карьере и в браке. И вот мне награда за старания быть хорошим человеком... Так что идите вы все к черту. Больше на вопросы я не отвечаю.

Хайди потеряла глаза кончиками пальцев и поглядела из окна на противоположную сторону дороги, где движение застопорилось полностью. Вереница водителей и Пассажиров выстроилась вдоль дороги, глядя на ее автомобиль, проезжающий мимо. Некоторые наводили на нее объективы камер, некоторые махали ей, многие аплодировали. Она резко передохнула, тревожась, что может разделить участь Шабаны, если кто-нибудь, покинув строй, попытается остановить ее авто. Но все зеваки держались на почтительном отдалении.

Следующим заговорил Хакер.

– Всё ли у вас в порядке, Хайди? – поинтересовался он.

– Будь вам до этого дело, мы не сидели бы в этих авто, как звери в зоопарке, чтобы на нас глазели. Я была бы дома с детьми, а не сносила бы публичные унижения ради вашей забавы.

– У вас осталось еще три минуты.

– Оставьте их себе, отдайте кому-нибудь еще, засуньте себе в жопу, мне плевать... Если б я могла преподавать детям еще хоть один урок, то научила бы их давать отпор врагам – стоять на своем и не позволять никому, вроде вас или их папаши, садиться им на голову.

Хакер подержал в кадре гордую, непокорную Хайди еще несколько секунд, прежде чем заговорить снова:

– Кэdmэн, не потрудитесь ли ввести нас в курс, как публика реагирует своим хэштегами на ситуацию Хайди и Сэма?

– Хайди уже обскакала Сэма, а он на самом деле упал даже ниже рейтинга Клер. Очевидно, жить двойной жизнью с двумя женами и двумя семьями хуже, чем развезжать с трупом мужа в машине.

– Хотя публика не устает меня изумлять, наши Пассажиры – тоже, – заметил Хакер. – Я нахожу вас особенно интересной, Хайди. Оборвать ваши десять минут до срока – ход рискованный.

– Это не ход, потому что я больше не играю.

– Но это ведь неправда, а?

Сердце Хайди оборвалось. На минутку она было поверила, что сумела вывернуться. Завоевав сочувствие как обманутая жена, она перехватит сторонников Сэма и покажет ему, каково чувствовать себя брошенным под автобус. Но Хакер прекрасно знает, что она затеяла. А теперь узнают и все остальные.

– Вы ведь узнали о второй семье мужа уже давненько, не так ли? – продолжал Хакер. – И, чтобы поквитаться, с тех самых пор шантажировали его.

Глава 40

Во второй раз за считанные минуты взгляд Либби был прикован к лицу Хайди в ожидании реакции. Но та даже глазом не моргнула.

Тогда Либби перевела взгляд на Сэма. Нога его была неподвижна. Хайди заглушила свои эмоции, но с Сэмом все обстояло ровнехонько наоборот. Его лицо мало-помалу исказилось от гнева, сменившегося досадой из-за невозможности все ей высказать.

Потрясение Сэма выглядело неподдельным, но своим суждениям Либби больше не доверяла. Она уже приняла истории четырех Пассажиров за чистую монету, и каждая оказалась фальшивкой. А при мысли о том, что может скрывать от нее Джуд, становилось прямо тошно от тревоги. В отличие от других присяжных и их подопечных, Либби повязана с ним эмоциональными узами.

Как ни хотелось ей верить, что Джуд не такой, что ей известно о нем на самом деле? Они едва знакомы. Ее единственное суждение о нем опирается на то, что они провели вместе четыре часа. Единственный общий знаменатель между Пассажирами в том, что каждый что-то скрывает. Вполне логично предположить, что и Джуд тоже, иначе с какой стати он был бы заперт в машине, набитой взрывчаткой? И тут ей пришла в голову другая мысль: а что, если Хакер приберегает худшее под конец? Ее замутило куда сильнее прежнего.

– Никому из Пассажиров не удастся выйти из этого с честью, – заметила Мюриэл.

– Как и вам, ребята, – докинул Кэдмэн.

– Почему это?

– Потому что соцсети находят ваши суждения слишком сомнительными для жюри, призванного принимать важные решения. Каждый Пассажир, которого вы решили поддержать, оказался либо убийцей мужа, либо укрывательницей педофилов, либо прелюбодеем, либо шантажистом.

Больше времени терзаться сомнениями по поводу Джуда у Либби не осталось. Ее лицо заполнило главный экран, и появился таймер обратного отсчета. Либби перешла в центр комнаты с уверенностью, которой на самом деле не ощущала. Жизнь человека, находящегося перед ней, теперь в ее руках.

– Либби, не хотите ли начать? – пригласил Хакер.

– Привет, – произнесла она, внезапно ощутив себя мишенью посреди открытого всем ветрам стрельбища.

– И тебе привет, – отозвался Джуд, подарив ей ту самую улыбку, которую послал ей в тот вечер через весь бар. И, как тогда, в животе ее затрепыхались бабочки, поднимаясь вверх. Она невольно вспомнила дивный вкус поцелуя. Вот только его оборвали досрочно.

– Как ты держишься? – спросила Либби, но не успел Джуд и рта раскрыть, как она поправила: – Извини, я обещала себе не задавать глупых вопросов.

– Да ничего, уже не так скверно, малость оклемался от шока. Не могу сказать, чтобы мне хоть раз пришло в голову, что, когда мы встретимся, это произойдет при подобных обстоятельствах.

«Когда», – повторила про себя Либби. Джуд сказал «когда». Это значит, что он не поставил на ней крест. Он думал, что шанс им еще выпадет.

– Сомневаюсь, что хоть кто-то мог представить подобное, – откликнулась она. – Как ты можешь быть таким спокойным? Я не заперта в угнанной машине, но я напугана.

– Я бы соврал, сказав, что не впал было в прострацию. Но я понял, что в жизни порой приходится смиряться со своей участью.

– Когда я впервые увидела тебя сегодня утром и поняла, кто ты, я не была уверена, что ты меня вспомнишь.

– Тебя забыть трудно. – Глаза Либби при этом заискрились. – Я хочу, чтобы ты знала: сказанное мною раньше – чистая правда. Я прочесывал соцсети в попытке отыскать тебя. Один друг моего друга, работающий в пивоварне, которой принадлежит тот паб, нарушил несколько законов о неприкосновенности частной информации, вытащив несколько твоих фоток из системы видеонаблюдения, чтобы помочь мне. – Достав свой телефон из бардачка, Джуд поднес его к камере, чтобы показать сохраненные фотографии. – Теперь, показывая их тебе, я понимаю, насколько гадко это выглядит.

– Выглядело бы, будь это кто другой, – возразила Либби, – но не ты.

Она едва сдерживалась, чтобы не расплыться в улыбке.

– Можно задать тебе вопрос, Либби?

– Разве не я должна задавать вопросы тебе?

– Да, но если надо выбирать между попыткой постоять за себя и возможностью узнать тебя лучше, то выиграешь ты, даже пальцем не шевельнув. – Тут уж Либби больше не могла сдерживать улыбку. – Как думаешь, что вышло бы, если б ты осталась в баре?

Ей пришлось минутку поразмыслить, прежде чем ответить:

– Думаю, мои подруги перебрались бы куда-нибудь еще, но мы с тобой остались бы в саду снаружи до самого закрытия. Потом пустились бы искать какую-нибудь тошнيلовку, чтобы купить что-нибудь мясное сомнительного качества в полистироловой коробке навынос, съели бы это по пути обратно в мой отель, а потом ты спросил бы мой номер, я бы его тебе дала, и мы поцеловались бы снова. Потом – может, пару-тройку следующих дней – обменивались бы эсэмэсками, а на следующие выходные встретились, чтобы вместе пообедать; а дальше по ситуации.

– Ты немало раздумывала об этом, а? – поддел ее Джуд. Фыркнув, Либби зарделась. – Я типа тоже думал, что где-то так оно и могло бы пойти. Но ты вместо того растворилась в ночи, будто Золушка, только без хрустальной туфельки. А теперь я заперт в авто, которое, наверное, взорвется, если только ты не сможешь убедить всех и каждого, что я заслуживаю спасения. Вполне современная романтическая сказка, правда?

Либби ощутила, что ее похлопывают по руке. Мэттью указал на таймер. Осталось шесть минут. У Либби засосало под ложечкой.

– Я понимаю, ты уже отказался, – переключилась она, – но никогда не прощу себе, если не задам какие-нибудь вопросы, которые могут помочь спасти твою жизнь.

– Тогда валяй, – Джуд вздохнул. – Но не хочешь ли ты сперва поднять вопрос, который вертится на языке у всех, только задать его никто не решается?

– То есть?

– Почему я Пассажир? Какой большой секрет я скрываю от вас всех?

Либби попыталась загнать свой страх поглубже, но тот упирался.

– Я не уверена, что хочу знать это, – негромко проговорила она.

– Мы могли бы потратить наши последние несколько минут, болтая о том, почему оказались здесь сегодня, или что произошло бы, будь у нас в ту ночь побольше времени. Но, исходя из опыта остальных Пассажиров, я понимаю, что Хакер только и ждет возможности выложить вам нечто способное изменить твоё мнение обо мне. И я предпочту, чтобы ты услышала это из моих уст, а не из его.

Либби инстинктивно скрестила руки, словно хотела защититься от предстоящего ответа. Джуд сплел пальцы рук, тщательно подбирая слова.

– Ты спрашивала, как я ухитрюсь держаться, несмотря на все случившееся. Пожалуй, дело в том, что у меня нет причины бояться смерти. Но прежде чем все... *это*... произошло, я планировал провести это утро совершенно иначе.

– Как это?

– Просто на этом все должно было для меня закончиться.

- Что закончиться?
- Все. Это утро должно было стать для меня последним. Я собирался сегодня убить себя.

Глава 41

Либби охнула, на шаг попятившись от экрана, и устремила на Джуда испепеляющий взор в надежде, что это просто бездарная шутка, но чутье подсказывало ей, что он не из таких. Обернувшись к Мэттью, Фионе и Мюриэл, чтобы убедиться, что не ослышалась. Их столь же недоумевающие лица сказали ей, что нет.

– Я... по-моему, я не поняла, – пролепетала Либби. – В каком смысле ты собирався покончить с собой?

– Боюсь, это означает именно то, что ты думаешь. Я задал спутниковой навигации координаты Форт-Бриджа в Шотландии. Бывала там когда-нибудь? – Либби покачала головой. – Мы с братом в детстве каждое лето ездили в Южный Квинсферри погостить у дяди. Это такой прекрасный уголок мира, что мне казалось подобающим подвести черту в таком месте, о котором у меня сохранились самые теплые воспоминания.

Голова у Либби шла кругом. Ответ Джуда прозвучал совершенно бесстрастно, словно речь шла о планах на отпуск, а не о смерти. Повинуясь рефлексу, она открыла было рот, чтобы попытаться отговорить его, но медицинская выучка тут же взяла верх. Тут пороть горячку нельзя.

– Я понимаю, что лезу не в свое дело, и надеюсь, что ты простишь меня, но не могу не спросить: что заставило тебя прийти к такому решению? – вместо того спросила она.

– Тебе вовсе ни к чему со мной цацкаться, Либби, – ответил Джуд. – Я не твой пациент. Я говорю только за себя, но подозреваю, что причина та же, по которой большинство людей хотят оборвать свою жизнь до срока. Просто мне больше совершенно незачем жить.

– Но когда мы встретились, ты казался таким счастливым, таким уверенным... твоя улыбка и энтузиазм – вот две вещи, которые запомнились мне о тебе наиболее отчетливо.

– Если страдаешь депрессией так же долго, как я, поневоле станешь убедительным лицедеем. Меня периодически ломало с юношеских лет, а в последние годы стало совсем невмоготу. Лекарства, психотерапия, электрошоковая терапия... чего я только не перепробовал, и хоть бы хны. Так что на последнее Рождество я пообещал себе, что, когда станет совсем уж тошно, буду сам ею хороводить, а не позволять ей хороводить мной. И после пары особенно трудных месяцев принял решение, что сегодня снова встану у руля. И вот – приехали...

– А как же твои родные?

– Кроме брата, у меня никого не осталось, но между нами настоящая пропасть. Мы с ним больше не знаем.

– Я уверена, что ему по-прежнему тебя недостает.

– Ага, вполне может статься. Но одного желания не причинять ему боль маловато, чтобы оставаться здесь. Да и чего бы то ни было – маловато.

«А как же я?» – хотела спросить Либби, но прикусила язык.

– У тебя столько всего, ради чего стоит жить... – начала она и тут же оборвала себя на полуслове, вспомнив, что сколько ни напоминай человеку в депрессии о прелестях жизни, это не изменит его умонастроение ни на йоту. – Извини. Не это ты хотел услышать.

– Нет, вообще-то не это, – Джуд искренне улыбнулся ей. – Но все равно спасибо.

– А почему последние месяцы были такими скверными?

– Уйма перемен с той поры, как мы виделись. Я лишился работы, барахтался в поисках другой; меня выставили из квартиры, потому что рента мне не по карману, и теперь я живу в машине. Моюсь в туалетах супермаркетов, принимаю душ в общественном бассейне, когда могу наскрести на него, а ем по большей части продукты из продуктовых банков¹⁸ или объедки

¹⁸ Благотворительные пункты раздачи продуктов неимущим.

из мусорных контейнеров супермаркетов. Я растерял самоуважение и уверенность, а главное, волю к борьбе.

Либби смахнула одинокую слезинку, сбежавшую на щеку и угнездившуюся в уголке губ.

– Мне ужасно жаль...

– Не стоит. Это не твоя вина. Я не в состоянии выпутаться из своих чувств. И даже если бы каким-то чудом и смог, этого было бы недостаточно. Теперь уж ничего и никого недостаточно.

– А если бы я не ушла из паба в тот вечер? Все могло бы сложиться иначе...

– Но это ведь понарошку, правда? Вот это и сейчас – я здесь, ты там – единственная наша реальность. Отчасти я жалею, что не умер наутро после того; тогда я хоть ушел бы на взлете.

– Тогда почему ты этого не сделал?

– Потому что возможность увидеть тебя снова дарила мне надежду.

– Я уже проходила через такое, – внезапно заявила Либби. – Моего брата Никки терзали те же проблемы с душевным здоровьем, что и тебя. Как и ты, он думал, что никто не станет горевать, если он умрет. Но мы горевали и горюем по сей день, каждый божий день.

– Сожалею, – произнес Джуд. – Я не знал... А что стряслось, если позволительно спросить?

– Он получил травму головы, играя в школе в регби, когда ему было пятнадцать. Неудачно приземлился – и получил кровоизлияние в мозг. Впал в кому почти на месяц, а когда наконец очнулся и пошел на поправку, быстро стало очевидно, что это уже не тот брат, с которым я выросла. Как и ты, он лишился уверенности в себе – то задыхался от тревоги, то утопал в депрессии. Твердил нам, что жалеет, что не погиб там, на поле для регби. Годы спустя, после пятой попытки суицида, он ушел в себя настолько глубоко, что мы не могли его отыскать. Были вынуждены поместить его под строгий надзор ради его же безопасности. Когда его выписали, мы привезли его домой, и в тот же день, всего пару часов спустя, он повесился в собственной спальне. Нашла его я. Именно из-за Никки я стала психиатрической сестрой. Я явилась слишком поздно, да и была слишком некомпетентна, чтобы спасти брата, но могу помочь другим.

– Через меня ты Никки не спасешь, Либби. Несправедливо подвергать такому давлению любого из нас.

– Я и не говорю, что могу. Но говорю, что от тебя не отступлюсь.

– Ты заслуживаешь равного, Либби; человека, относящегося к тебе так же хорошо, как ты к нему. И как бы мне ни хотелось стать этим человеком, я на эту роль не гожусь. Ты заполучила бы пациента, а не партнера.

– Уж это мне решать, а не тебе.

Джуд подарил ей очередную умиротворяющую улыбку, которыми она так дорожила.

– Тот, кого ты в конце концов когда-нибудь вступишь в свою жизнь, будет счастливейшим из людей, Либби.

Губы Джуда шевелились, словно он говорил что-то еще, но звука не было. И только тут она заметила, что обратный отсчет дошел до нуля. Она сделала все, что могла, ради спасения человека, который не желает жить.

Глава 42

Онлайн
тренды
для вас

#СпасемКлер/ #СпасемСофию/ #СпасемХайди/ #СпасемСэма/
#СпасемДжуда – 92,3 млн твитов
#КогоБыВыСпасли – 86,5 млн твитов
#КтоТакойХакер – 2,3 млн твитов
#УбитьИхВсех – 2,2 млн твитов
#КупитеЛиббиНовыеТуфли – 558 тыс твитов

Первым воцарившееся в комнате безмолвие нарушил Хакер:

– Итак, господа присяжные и соцсети. Каждый из ваших Пассажиров представил вам собственную версию себя; некоторые сделали заявления, каковые я опроверг собственной встречной правдой. Теперь ваша очередь принять решение. Один из Пассажиров останется в живых, а остальных ждет лобовое столкновение приблизительно через сорок минут. Теперь вы должны принять решение, кого спасти, прежде чем к вашему голосованию присоединится общественность, и тогда будет названо имя единственного выжившего.

Либби ожидала постскриптума, откровения о Джуде, которого не сделал он сам. Но его не последовало. Хакер просил о честности, и Джуд оказался единственным Пассажиром, предъявившим ее, хоть это и означало потерю поддержки от кого бы то ни было.

– Либби, надо приступать, – мягко произнес Мэттью, прервав ее раздумья.

Обернувшись, Либби обнаружила, что у нее за спиной Мюриэл и Фиона переставили свои стулья, чтобы все они оказались за одним столом, и оставили место для нее. Она оглядела каждого по очереди, а потом перевела взгляд на стену, вглядываясь в каждого из окончательной пятерки. Снова обернувшись, кивнула Мэттью и пододвинула свой стул. Джек сел в нескольких метрах от них, ближе к двери.

– С какого конца возьмемся? – спросила Фиона. – Поскольку если ни у кого нет идеи получше, думаю, мы должны обсудить кандидатов одного за другим и посмотреть, кому каждый склонен оказать поддержку. И я уверена, что с некоторыми будет легче, чем с другими.

Все, за исключением Джека, согласились.

– Не начать ли нам с Клер? – предложила Фиона. – Кто готов отдать голос за нее?

– Я разрываюсь, – призналась Мюриэл. – Несмотря на свои очевидные сомнения, я чувствую, что должна поддержать право ее нерожденного ребенка на жизнь.

Либби обратила внимание, что она потирает висящее на шее распятие большим и указательным пальцами, словно ища у Бога наставления.

– Быть может, ваше мнение было бы несколько менее предубежденным, если б ваша лесбийская партнерша не была беременна собственным ребенком, – заметил Джек.

– Жена, а не партнерша, и *нашим* ребенком, а не собственным, – оборвала его Мюриэл.

– Если техника еще не взмыла до таких высот, чтобы помочь вам персонально предоставить сперму для соучастия в зачатии этого ребенка, тогда не будет такой уж натяжкой предположить, что это *ее* ребенок, – огрызнулся Джек.

Мюриэл закатила глаза:

– Хотя это и не ваше дело, но уж знайте: это моя оплодотворенная яйцеклетка имплантирована в ее лоно. Впрочем, давайте не отклоняться от темы. Нам неизвестно, почему труп мужа Клер лежит в ее машине и вообще она ли его убила.

– Ну а кто же еще может нести за это ответственность? – поинтересовался Джек.

– Может, она и не знала, что он там? – парировала Мюриэл.

– Ой, да бросьте! Как она могла не знать?

– А вы проверяете багажник каждый раз, когда садитесь в автомобиль?

– Нет, но склонен думать, что знал бы, если б там лежал труп.

– Джек, вы очень быстро повернулись спиной к человеку, которого сами же поддерживали, – указал Мэттью.

– Я поддерживаю победителей, а у мисс Арден меньше шансов на победу в этом состязании, чем у меня – успешно воскресить первых трех погибших Пассажиров.

– Как и собственную карьеру, – присовокупила Либби.

– Значит, вы отдаете свой голос ей, Мюриэл? – уточнила Фиона. – К сожалению, поддерживать только ее ребенка – не вариант.

– Придется, да.

– Если еще кто-то за Клер, не будете ли любезны поднять руку? – Фиона повернулась к каждому члену жюри по очереди, и каждый покачал головой, и Джек в том числе.

– Значит, один голос за Клер Арден. – Она напечатала имя на своем планшете.

– Как вы думаете, когда мы примем свое решение, скажет нам Хакер правду о том, что случилось с ее мужем? – любопытствовала Мюриэл.

– Я бы на это не рассчитывала, – возразила Фиона. – Вряд ли мы когда-либо узнаем правду хоть об одном из них.

Глава 43

Клер Арден

QuizBookOnline

Новости | Развлечения | Жизнь | Видео | Больше

ЧТО ВЫ ЗА ПАССАЖИР?

Автор: Джон Расселл, член редколлегии

Каким Пассажиром вы были бы, если б оказались захвачены в одном из автомобилей Хакера?

Выберите свои ответы на вопросы из ряда вариантов, и мы скажем вам, кто вы – вышедшая в тираж кинозвезда с супругом-педофилом или плаксивая мамаша с трупом в багажнике.

[пройти тест... >](#)

Глаза Клер саднили, словно в них набросали песка, да еще и втерли. Она понуждала себя поплакать в надежде, что это принесет хоть какое-то облегчение. Но чувствовала себя выжатой как лимон; больше в ней не осталось ни слезинки.

Она остается беспомощной узницей в угнанном авто, слушающей, как группа чужаков обсуждает ценность ее жизни. Умолчав от них правду о Бене, она украла у ребенка будущее. Ее единственным делом в роли матери была защита Тейта, и она ее провалила.

Как только мир увидел изображение мертвого тела мужа, Клер поняла, что ее шансы пережить это испытание свелись к нулю. Будь она присяжной или сидя дома, приклеившись к телеэкрану и глядя, как в этом бардаке барахтается кто-то другой, она тоже встала бы на сторону предъявленных улик. Но это неправда. Это даже близко к правде не лежало. Если б ей дали еще хоть минутку, чтобы объяснить, почему тело Бена лежит в багажнике ее мобили, у них с Тейтом еще был бы шанс. Но Хакер хотел отнюдь не этого. Он хотел отправить их на погибель. Конец близок, и Клер уже ничем не может его предотвратить.

Снаружи ее машину конвоируют армейские броневые автомобили и полицейские автомобили, чтобы не допустить вмешательства сотен зевак, выстроившихся на тротуарах поглазеть на нее, одолевающую свою «зеленую милю».

Отвернувшись от окна, Клер устремила тоскливый взор на округлость живота.

– Мне жаль, мне так жаль, – шептала она, бережно охаживая его ладонями, как гончар – свой круг. – Это должно было произойти совсем не так. Мы с твоим папой все для тебя распланировали. Мы вдвоем должны были вместе прожить эту невероятную жизнь, полную увлекательных приключений. А со временем ты вылетел бы из гнезда и набирался бы собственных восхитительных переживаний, пока мы с твоим папочкой старели бы бок о бок. Но потом он все погубил. И как я потеряла его, так теперь теряю и тебя...

Клер мысленно перенеслась на полгода назад, ко дню, когда ее мир сошел с оси. Отчетливо вспомнила, как тихонько прикрыла переднюю дверь и выронила сумочку на пол. Пластиковые бутылки в ней брякнули. Она смотрела, как Бен взбирается вверх по лестнице, подтягиваясь за перила с обеих сторон, пока он не свернул за угол и не скрылся в спальне. Тогда она зажала рот ладонями и беззвучно всхлипнула. Ей нужна была минутка для себя, чтобы сбросить напряжение, прежде чем сосредоточиться на муже.

Клер похлопала себя по животу – тогда лишь с едва обозначившейся выпуклостью. Ей хотелось верить свое дитя, что, когда оно явится на свет, все будет в порядке. Она не хотела завязывать отношения с ним со лжи, но выбора не было. Отныне все отступает на второй план, кроме защиты ребенка любой ценой.

Добравшись наконец до спальни, она помедлила на пороге, чтобы окинуть Бена взглядом. Он сидел на краю кровати, обхватив голову руками. Перед ней был уже не сильный, нестигаемый человек, в которого Клер влюбилась. Она больше не видела в нем дюжего атлета ростом в шесть футов и три дюйма, с грудью колесом, преуспевшего в спорте, за которого она болела из-за боковой линии во время его соревнований по триатлону. Перед ней был напуганный, уязвимый мальчишка, застрявший в сломленном теле мужчины, отчаянно нуждающийся в ее ободрении. Но она не могла дать ему того, чего он вожделел.

Вместо того Клер устроилась с Беном рядышком, обняв его одной рукой за плечи. Он положил ее другую руку на свою и поднес ко рту, чтобы поцеловать. Его пальцы были холодны как лед, так что она сплела с ними свои.

Со своего места Клер видела гостевую спальню, которая со временем станет детской. Вот только ни у него, ни у нее не хватило отваги хотя бы помыслить об освобождении ее от старых книг, компакт-дисков и тренажеров, а уж тем паче о ее декоре. Они уже делали эту ошибку прежде. На следующий день после сборки детской кровати у Клер началось кровотечение, перечеркнувшее их мечты. Теперь же, даже не желая признаться в этом друг другу, они ждали, когда же этого ребенка украдут у них, как всех предыдущих. Каждый день, пока он оставался в ней, казался чудом.

– Все будет в порядке, – утешительно произнесла Клер, склоняя голову, чтобы прижаться виском к голове Бена. – Ты и я, мы пройдем через это вместе.

– Но утверждать это со стопроцентной уверенностью ты не можешь, так ведь?

– Быть уверенным на сто процентов нельзя ни в чем; уж кому-кому, а нам-то с тобой это известно куда лучше, чем большинству. Но, несмотря на все, через что мы прошли, мы никогда не теряли друг друга, так ведь? Так с чего же ты взял, что я позволю этому случиться теперь? Ты ведь моя ДНК-пара, забыл? Мы созданы друг для друга.

– Хотел бы я тебе верить, но ты же слышала диагноз... Это неизбежно.

– Твой хирург сказал, что это может случиться через год или через двадцать лет. А если повезет, то и дольше.

– А может на следующей неделе. Или завтра. Или даже сегодня. А то и через пару минут.

– Бен...

– Почему эта дрянь не могла обождать с появлением, когда мне стукнет восемьдесят, когда я проживу свое и увижу, как наш малыш повзрослеет? Тогда было бы без разницы... Почему это случилось со мной *сейчас*?

– Это происходит не только с *тобой*, это происходит с *нами*.

– Ну, ты меня прости, но это не ты ходишь с аневризмой в башке.

Будто ставил здоровье Клер ей в укор.

– Так нечестно.

– Я и сам знаю... Извини.

Минуло три часа с тех пор, как прозвучал диагноз специалиста из оксфордской больницы Джона Рэдклиффа, последовавший за вереницей анализов, включая МРТ-сканирование,

КТ-сканирование и ангиографию. Под конец в артерию впрыснули контрастное вещество, и отброшенная им тень открыла то, что и подозревал хирург, – аневризму, погребенную в недрах мозга Бена. При размере в семь миллиметров она находилась на дальнем конце диапазона, а ее расположение означало, что риск повреждения мозга, или апоплексии, настолько велик, что она неоперабельна.

Теперь, вернувшись домой, они сидели на кровати рука в руке, пока Клер кляла себя за то, что не обращала внимания на недавние перемены в поведении мужа. Он начал забывать важные для него вещи, вроде дня рождения сестры и назначенной встречи с клиентом в отеле неподалеку. Однажды утром она застала его торопливо доедающим миску хлопьев, и пришлось напомнить, что сегодня суббота, а он по выходным не работает.

Во всей этой забывчивости Клер винила перегрузки на работе и тревогу, сможет ли она доносить ребенка полный срок. И лишь когда обнаружила в бардачке его автомобиля горсть пустых пакетов от нурофена, Бен признался, что его все чаще и чаще донимают головные боли.

– Мне нужна передышка, – сказал он, поднимаясь на ноги.

– Куда ты?

– В парк.

– Можно с тобой?

– Спасибо, но я хочу побыть в одиночестве.

Именно что в одиночестве Клер чувствовала себя следующие три месяца. Хотя муж и жена продолжали вести повседневную жизнь как ни в чем не бывало, между ними разверзлась пропасть, перебросить мост через которую в одиночку ей было не по силам. Вместо того Клер сразу заделывала новые трещины, пытаясь ободрить Бена, даже когда тот утратил интерес к супружеским обязанностям и роли будущего папы. Ветхий дом, купленный год назад, до сих пор порядком нуждался в ремонте, так что она взяла управление проектом на себя в чаянии закончить до появления ребенка на свет.

И в конце концов больше не могла держать язык за зубами.

– Знаешь, где я была весь день? – бросила Клер однажды, влетев в спальню. – Нет, конечно, не знаешь, потому что был слишком занят, лежа здесь во мраке и жалея себя. Я была в больнице, напуганная до усрачки, что теряю ребенка.

– Что стряслось? – Бен выпрямился.

– О, теперь тебя проняло!.. У меня начались судороги на работе и обнаружили кровянистые выделения, вот я и ринулась в неотложку. Ты бы знал, если б потрудились отвечать на звонки.

– Извини; должно быть, переключил телефон на беззвучный режим.

– Нет, ничего подобного; он был, как всегда, выключен, потому что ты не можешь смириться с реальностью. Но пока ты поставил жизнь на паузу, мир вокруг тебя продолжает вертеться. А педиатр сказал, что это напрасные страхи, ребенок в норме.

– Слава богу! – Муж с облегчением улегся обратно на кровать. Но Клер еще не закончила.

– Я сыта по горло, Бен. Это должно было стать для нас счастливейшей порой в жизни, а ты все губишь... Будь я проклята, если собираюсь провести остаток беременности с ходячим трупом. Пора тебе встать и быть моим мужем, а не хандрить, дожидаясь, когда артерия в твоей голове лопнет. Если не хочешь быть частью нашей жизни, тогда собирай манатки и проваливай, потому что на нас троих сил моих уже не хватает.

От жесткого выговора Клер в голове у Бена словно включилась лампочка. Начал он с прочувствованных извинений, а за следующие дни мало-помалу снова стал мужем, которого она любила. Не пожалел ни времени, ни сил на налаживание отношений, и вместе они дали волю воображению, представляя себя в роли родителей.

– Мне надо с тобой кое о чем поговорить, – начал Бен однажды вечером. Положил доску и пневматический молоток на газон и пригласил ее составить ему компанию на полужаконченной

террасе. Солнце уже начало опускаться за крыши домов перед ними. – Я тут думал об этом, и если когда-нибудь дойдет до точки, где я пойму, что это вот-вот произойдет, тогда ты должна кое-что для меня сделать. Не вызывай «Скорую». Я хочу, чтобы ты отвезла меня в офис.

Клер приподняла брови, решив, что слышалась:

– В смысле, в больницу?

– Нет, везти меня туда без толку. Когда аневризма разорвется, игра будет проиграна; они уже ничего не смогут поделать. А если ты отвезешь меня на работу и оставишь там, тогда тебе выплатят мою медицинскую страховку.

– О чем ты говоришь?

– У нас с тобой жизнь застрахована, верно? Это замечательно, да только из-за моего состояния здоровья она урезана до ста десяти тысяч фунтов. Но на работе все сотрудники застрахованы на сумму до трехсот сорока тысяч, если умрут на территории предприятия, и сюда входят скверы, прилегающая территория и парковки. Я специально перепроверил полис для полной уверенности. Эти деньги обеспечат ваше с Тейтом будущее.

– Не могу же я отвезти тебя в офис, пока ты будешь умирать, и бросить там! – Клер тряхнула головой. – Что за нелепая идея!

– Нет, идея разумная. Мне уже будет без разницы, Клер, я буду без сознания, умирающим или мертвым. Но так я хотя бы буду уверен, что вы двое обеспечены. Тебе самой закладная не по средствам, особенно когда твои доходы сведутся к государственному пособию матерям. Пожалуйста, просто подумай об этом.

Клер понимала, что он говорит правду, но не могла с ней сжиться. Бен, должно быть, почувствовал это, потому что больше не заговаривал на эту тему. А четыре недели спустя она обнаружила его мертвым.

В утро похищения он не выключил будильник, и Клер пришлось ткнуть его в ребра, чтобы разбудить. Бен не шелохнулся. Не отреагировал, и когда она окликнула его по имени, толкнула, потрясла за плечо, перекатилась на него и начала умолять его очнуться. Раз за разом проводила пальцами по его телу в надежде нащупать биение сердца или пульс, но он был недвижим. А когда она пальцами обхватила его подбородок и начала гладить его щеки, кожа оказалась холодной, и тело уже начало костенеть. Слишком поздно. Клер обхватила свой выпуклый живот, отчасти ради утешения, отчасти от страха, что их дитя может исчезнуть так же внезапно, как и его отец.

Когда свет раннего утра проглянул сквозь щели жалюзи спальни, Клер взяла телефон и набрала две девятки. Прежде чем нажать третью цифру, помедлила, вспомнив инструкции Бена на случай, когда этот момент настанет. А потом рухнула в кресло в углу комнаты, рыдая и терзаясь чувством вины за то, что посмела только подумать об этом.

Однако в густой пелене горя брезжила мысль о том, что Бен прав. Дополнительные страховые деньги покроют ремонт дома, оплатят залог и избавят ее от необходимости спешно возвращаться на работу после рождения Тейта. Нужно лишь всего-навсего отвезти Бена на парковку его офиса и дожждаться, когда тело обнаружат.

Взяв волю в кулак, Клер оделась и выбрала для Бена пристойные вещи, которые он надел бы на работу. Ее слезы капали ему на грудь, пока она стаскивала с него футболку и шорты и натягивала на него слаксы цвета хаки и белоснежную рубашку. Помедлив, чтобы окинуть его взглядом в последний раз, не удержалась от негодования.

– Ты лгал, – шепнула Клер. – Ты сказал, что какая-то штуковина в голове не может тебя одолеть.

Перетащить высокого и грузного Бена в машину оказалось делом не из простых. Она за руки стащила его с кровати на пол, потом медленно протащила по коридору и лестнице, то и дело останавливаясь, чтобы не надорваться и не причинить вреда ребенку. Через приложение направила авто задним ходом в гараж, а потом нажала на кнопку задней двери, чтобы

та открылась и опустила грузовую платформу до земли. И, собрав последние силы, взвалила Бена на нее. Платформа поднимется сама, свалив его в багажник, прежде чем закрыться, а как переправить его на сиденье Пассажира, она подумает после.

Мозг Клер, вымотанной и морально, и физически, прокрутил перечень того, что надо сделать дальше. Она надиктовала в телефон заметки, чтобы не забыть – запрограммировать машину до офиса Бена; использовать приложение «Убер» с гостевой учетной записью; поехать на работу; начать эсэмэсить Бену до полудня. Потом, когда она скажет его начальству, что тревожится, не получая от мужа ответа, хотя приложение подтверждает, что его автомобиль припаркован возле работы, там наверняка проверят и Бена найдут.

Следующие пару минут Клер вела себя так же, как вела бы себя в любой другой день, чтобы не вызвать подозрений. Покинула дом через переднюю дверь, включила сигнализацию, помахала соседу Сундраджу, а затем забралась в машину, после чего та выехала на дорогу.

Вот только Хакер заготовил для Клер другой план. Теперь, два часа спустя, вполне может статься, что трупом в машине будет не только Бен...

«Ну, хотя бы мы все будем вместе, когда это произойдет», – подумала она, снова погладив живот.

И тут, без всякого предупреждения, внутри что-то будто лопнуло, и по ноге медленно потекла струйка жидкости. Клер предположила, что ребенок навалился ей на мочевой пузырь и давит на него. Но желания помочиться она не чувствовала. А затем, к собственному ужасу, поняла, что стряслось. У нее отошли воды – за два месяца до срока.

Ребенок на подходе.

Глава 44

Мэттью вернулся от холодильника в углу, неся на деревянном подносе пять бутылочек воды. Поставил их на стол перед каждым членом жюри, начиная с Либби. Она улыбнулась ему в знак благодарности.

– Я бы не отказалась от чего-нибудь куда покрепче, – заметила Мюриэл, откручивая крышку и наливая воду в высокий стакан.

– А я думала, вы непьющая, – удивилась Фиона.

– Почему? Потому что я верующая?

– Ну да.

– Отправить четырех человек в могилу – от такого и Папа запьет. – Фиона утешительно похлопала коллегу по руке.

Либби тем временем переключила внимание на настенные часы, с особенной остротой ощутив, как ускорило свой ход время под мрачно нависшей над ними тенью финального срока. Сосредоточилась исключительно на убивающих секундах, чтобы убедиться, что Хакер не подкрутил часы, только бы взвалить на них более тяжелое бремя. Под часами Кэdmэн со своей командой усердно трудились над нескончаемым потоком данных, но хранили уважительное молчание, пока присяжные обсуждали каждого Пассажира.

Проблеск солнечного света, льющегося сквозь высокие сводчатые окна, отвлек ее. Либби поняла, что впервые за нынешнее утро подумала о том, что будет, когда это судилище окончится. Она определенно покинет эту комнату совсем не такой женщиной, какая переступила этот порог. Лица всех восьмерых Пассажиров присоединятся к ее брату Никки в перекличке призраков, преследующих ее.

Нарочито откашлявшись, чтобы привлечь внимание присутствующих, Фиона приподняла свой планшет.

– Не перейти ли нам к Софии Брэдбери? – Через несколько секунд главный экран переключился на темный размытый силуэт. – Где она?

– По-моему, прикрыла камеру чем-то, – озадаченно протянул Мэттью. – Прячется.

– Какая ирония, а? – заметила Фиона. – Потратила всю жизнь, добиваясь внимания, а теперь, когда у нее величайшая аудитория за всю ее карьеру, не смеет перед ней показаться...

– Как вы думаете, она нас слышит? – полюбопытствовала Мюриэл.

– Уверен, Хакер попросту не оставил ей иного выбора, – отозвался Мэттью.

– Честно говоря, не знаю, что о ней сказать, – продолжала Фиона. – Обычно я за словом в карман не лезу, но в данном случае настолько потерялась, что слов просто не нахожу.

– Если верить голословным утверждениям Хакера, то с какой стати ей прикрывать делишки своего супруга? – спросила Мюриэл.

– Разве что она принимала в них деятельное участие, – высказала догадку Фиона. – Может, они занимались грязными делами вместе, считая это неким совместным досугом... За годы я представляла в суде несколько супружеских пар, обвинявшихся в аналогичных преступлениях.

– Как вы можете защищать подобных людей, если у вас есть собственная дочь?

– Каждый невиновен, пока вина не доказана.

– Только когда это устраивает вас, – рассмеялся Джек. – Десять минут назад вы были готовы швырнуть мисс Арден на съедение волкам.

– Даже если София лишь смутно представляла, чем занимается муж, ей незачем физически причинять ребенку вред, чтобы стать соучастницей, – добавила Фиона. – Укрывательство и откупные его жертвам делают ее в глазах закона и общества не менее виновной, чем он.

– Так почему же она решила пройти стерилизацию? – упорствовала Мюриэл.

– Хакер высказал предположение, это потому, что она не хотела иметь детей от него, – добавил Мэттью. – Может, боялась того, что он может с ними сделать...

– Это свидетельствует, что она не совсем порочна. Быть может, не лишена своего рода материнского инстинкта?

– Только когда речь заходит о ее собственной плоти и крови. А вот как с ребяташками других людей? То, что она не сообщила о своем муже и не пресекла его выходки, свидетельствует, что ей было на них плевать.

– Тогда почему она столько сил тратила, добывая деньги на такое множество детских благотворительных программ? – спросил Мэттью.

– Прятала это у всех на виду, – стояла на своем Фиона. – Помните, что мы узнали о Джимми Сэвиле¹⁹ после его смерти столько лет назад? Он поступал точь-в-точь так же. Всю жизнь был у общественности как на ладони, собирая миллионы на благотворительность, а сам тем временем занимался надругательством над детьми прямо у всех на глазах. Я не говорю, что София такая же, но сходство несомненно.

Мюриэл испустила тяжкий вздох.

– Публика может простить звезде множество прегрешений, но только не растление малолетних. Мне претит говорить такое, но, пожалуй, Софии лучше умереть для ее же блага.

Все присяжные до единого повернулись к силуэту Софии.

– А надо ли нам вообще голосовать по этому вопросу? – спросила Фиона.

Остальные покачали головами, отводя глаза от экрана.

– Тогда перейдем к следующему Пассажиру.

¹⁹ Д ж е й м с У и л с о н В и н с е н т «Д ж и м м и» С э в и л (1926–2011) – британский диджей, телеведущий и благотворитель, кавалер нескольких рыцарских орденов. После его смерти стали известны многочисленные случаи сексуального насилия с его стороны, в том числе в отношении несовершеннолетних.

Глава 45

София Брэдбери

Не сумев выключить громкость, София в сердцах запустила пультом в приборную доску. Не обращая внимания на острую боль, прошивающую позвоночник, наклонилась вперед, потянувшись к консоли, и начала давить на кнопки наугад в отчаянной попытке вернуть управление. Всю карьеру она добивалась, чтобы о ней говорили, и упивалась вниманием. Но не теперь. Теперь ее единственным желанием было укрыться от мира и провести последние мгновения наедине с собой и своим псом.

Слушать, как чужаки копаются в секретах, которые она тщательно таила сорок лет, было худшим кошмаром Софии. Но теперь они выставлены на всеобщее обозрение, и того, что все о ней знают, обратно не отыграешь. Она бы предпочла, чтобы ее авто разорвалось на миллион крохотных осколков, чем предстать еще хоть перед одной живой душой.

Выдернув слуховые аппараты из ушей, София швырнула их на пол. Стащила с шеи ярко раскрашенный шарфик «Эрмес», купленный за то, что напомнил ей закат, однажды виденный на съемочной площадке в Марокко. Поставила сумочку на приборную доску, частично придавив шарф, чтобы его конец болтался перед объективом камеры. И вдруг осознала, что больше никогда не увидит ни закат, ни съемочную площадку.

– Хотелось бы мне, чтобы люди были, как ты, – шепнула она Оскару, почесывая его за ушком. Тот повернул голову в сторону, чтобы ее пальцы могли забраться глубже. – Хотелось бы мне найти человека, настолько же преданного мне, как ты... Тогда, наверное, все могло бы сложиться иначе. Может статься, я принимала бы более удачные решения. Может статься, тогда мы с тобой не сидели бы тут сейчас.

София налила себе еще бренди и тут же выпила половину, пустив вдогонку две капсулы обезболивающего. До встречи с Патриком она и капли в рот не брала и в том, что стала пьяницей, винила только его.

Среди всех неудачных решений Софии отказ обзаводиться собственными детьми был редкостным проявлением мудрости. Ей не очень-то и хотелось детей, пока сестра Пегги не забеременела Бобби, за которым через два года последовала Пейдж. София не раз видела, как актрисы, равные ей по рангу, упускали роли, способные определить всю дальнейшую карьеру, чтобы завести детей. Вернуть свой звездный статус впоследствии, когда они готовы были вернуться к работе, большинству уже не удавалось. София бессовестно впитывала их упущенные роли, как губка. И они зарабатывали ей дифирамбы, награды и премии, сделав ее самой высокооплачиваемой британской актрисой 1970-х.

Однако вскоре после знакомства с харизматичным бизнесменом Патриком Свонсоном ее приоритеты переменились. Своей статью он напомнил ей легендарного голливудского киноактера, от которого она в юности была без ума. Он был наделен элегантностью и учтивостью Кэри Гранта, чувством юмора Джеймса Стюарта и мужественностью Кларка Гейбла – и все это в одной красивой оболочке.

В тридцать восемь лет, оставив за спиной четыре развода, найти пятого мужа София даже не помышляла. Но не смогла устоять перед искрами в синеоком взоре Патрика, когда тот пригласил ее на обед. После бурного романа пустила осторожность по ветру и через два месяца после знакомства сказала «да» на предложение руки и сердца. Такого блаженства за кулисами она еще не испытывала.

Кадастр ее неудачных браков сделал Софию мишенью для шуток всех и каждого – от таблоидов до стендап-комиков. Для виду она смеялась со всеми, но в глубине души ей было тошно выступать посмешищем. И в результате ее решимость построить прочные отношения хоть на этот раз была тверда, как никогда. София приняла к сведению критику, обрушенную

на нее бывшими супругами, предприняв сознательные усилия не подавлять Патрика, чтобы их брак был построен на равноправной основе. Внесла его имя в свидетельство собственности на свою недвижимость в Ричмонде и Бэкингемшире. Ее банковские счета стали совместными, равно как и ее многочисленные инвестиции.

Чувствуя себя за ним как за каменной стеной, София обрела уверенность, позволившую ей задуматься о материнстве. Сыграть эту роль она никогда не жаждала, а уж тем паче – с кем бы то ни было из бывших шалопаев-мужей. Но Патрик – дело другое. Каждый раз, когда Пейдж и Робби приезжали с ночевкой, он осыпал их вниманием, как родных чад. И глядя, как они играют часами кряду, София чувствовала все более острые угрызения совести за то, что отказывает ему в возможности завести собственных детей. И в конце концов – Патрик как раз навестил ее во время работы над американским мини-сериалом – она подняла эту тему, когда они шагали по пляжу в Санта-Монике к отелю.

– С чего это вдруг? – несколько ошарашенно спросил муж. – Когда мы только начали встречаться, ты ясно дала понять, что о детях не может быть и речи. Так что же переменилось?

Заглянув на самое дно его глаз, София ощутила источаемое ими тепло. Ни разу в жизни она не любила сильнее, чем в тот миг.

– Передумывать – женская прерогатива, – ответила она. – Сам знаешь.

– Нет, правда. Скажи.

– Мне тридцать восемь лет, и ни ты, ни я моложе не становимся. Если я еще промешкаю, природа лишит меня возможности решать. Ты, я, мы... Теперь я понимаю, что ждала этого всю свою сознательную жизнь. Что скажешь?

Остановившись, Патрик обнял своими сильными руками жену за талию, привлек к себе и поцеловал.

– Скажу: когда начнем пытаться?

Продев пальцы сквозь две шлевки его пояса, София увлекла Патрика через вестибюль отеля прямо в номер...

А четыре месяца спустя случайное отражение в окне оранжереи выжгло дотла все, о чем она начала было мечтать. Оно было столь мимолетным, что длилось не больше секунды, но изгладить его из памяти София уже не смогла.

Изрядную часть выходных они провели с племянницей и племянником в плавательном бассейне ричмондского дома Софии.

– Патрик, будь добр, вытри детей, а я попрошу кухарку приготовить обед.

– Ладно, – ответил муж.

Выбравшись из бассейна, он взялся за полотенце. Робби и Пейдж на ярко раскрашенных надувных матрасах гоняли из конца в конец бассейна, загребая руками, как веслами.

– Поживей, ребятишки, – сказал Патрик, когда Пейдж направилась к нему. Подняв ее из воды, усадил на шезлонг.

Уже направляясь в кухню, София спохватилась, что не спросила, какие им подать напитки. Обернувшись, она поймала отражение Патрика, стоя на коленях вытиравшего Пейдж. Одной рукой вода полотенцем ей по спине, другую он неподвижно держал там, где ей совсем не место. Оцепенев, София увидела, как муж поспешно отдернул руку, как только сообразил, что жена вернулась.

Актерское мастерство помогло ей не допустить, чтобы голос предательски дрогнул.

– А что мы хотим пить?

– Коку, пожалуйста, – чирикнули оба ребенка.

София помедлила, впившись взглядом в его глаза, отыскивая в них хоть намек на то, что ей привиделось. Но в них светилась лишь невинная улыбка. Повернувшись, она удалилась, снова оставив детей наедине с Патриком.

В последовавшие за этим недели София мысленно проигрывала этот момент снова и снова. Неужто собственные глаза обманули ее? Может, она раздувает слона из руки, случайно попавшей не туда? Патрика она любила крепче всех на свете, хотела детей только от него... Как он может быть совсем не тем, кого она знает? Это невозможно. Но, как ни старалась, избавиться от докучных сомнений не могла.

А через несколько месяцев, вернувшись домой со съемок на юге Франции, София застала Патрика одного с Пейдж и Робби. Это тут же взвинтило ее. Она не ожидала увидеть их всех вместе, и воспоминание о руке Патрика не там, где положено, тут же вернулось. Она затаила дыхание, поджидая в тени и высматривая приметы недостойного поведения. Но все трое невинно играли на качелях, которые Патрик сделал, закинув толстую веревку на крепкий сук дерева.

– Почему дети здесь? – спросила София, стараясь скрыть тревогу.

– Твоя сестра спросила, не могу ли я приглядеть за ними, пока она с Кенни будут в Риме на выходных, – ответил он.

– Ты не упомянул об этом, когда мы говорили вчера вечером.

– Приходящая няня отказалась в последний момент. Это ведь ничего, правда?

– Конечно. А что? – Она блекло ему улыбнулась.

Положив камеру на шезлонг, Патрик поцеловал жену в щеку.

– Можешь ты себе представить, как будет, когда здесь будет бегать наша собственная малышка Пейдж?

– Почему Пейдж? Почему не Робби?

– Не знаю... Наверное, потому что представлял, что у нас будет девочка. Мини-София. Которая сможет по твоим стопам пойти на сцену. Настоящая папочкина девочка...

При этих словах Патрика кровь отлила у нее от лица, и внезапно беременность его ребенком стала для Софии страшнее чумы. Внутренний голос, направлявший ее на протяжении всей карьеры, вдруг прозвучал очень отчетливо: «Ему нельзя доверять!»

Не сомкнув глаз всю ночь, она дождалась, когда Патрик покинет дом ради утренней партии в гольф, и лишь тогда подступилась к Пейдж. Они сидели в уютной каморке, глядя мультики.

– Вы забавлялись с дядей Патриком вчера? – спросила София, и Пейдж кивнула. – И что вы делали?

– Играли в лесу.

– Вместе с Робби?

– Нет, он катался на велике.

– Так вы были вдвоем? – Пейдж снова кивнула. Сердце Софии зачастило. – И что вы затеяли?

– Мне нельзя говорить, – ответила Пейдж, прижав пальчик к губам и издав звук «тссс». – Это секрет.

– Мне ты можешь сказать. Я никому не скажу.

– Но я же пообещала.

– Иногда нарушать обещания можно. Ты ведь мне веришь, правда?

– Да, – ответила девчушка. – Он меня фотографировал. Сказал, мамочка его попросила, чтобы показать ей, как я расту.

София окостенела.

– И что за фотографии?

– Как я бегаю среди деревьев. Он взял камеру, где надо потрясти фотку и она появляется, как по волшебству.

Пейдж имела в виду камеру «Полароид», которую София купила Патрику, когда они отправились на отдых в Сент-Люсию. София вспомнила, что камера была при нем вчера в

саду, когда она приехала. Бросилась во флигель, служащий Патрику кабинетом. Подстегиваемая адреналином и тревогой, она не знала, где начинать поиски и что искать. Начала с папок в его шкафчике, затем принялась пролистывать книги на полках и обшаривать выдвижные ящики, набитые бумагами. Ничего инкриминирующего. Но чувство облегчения смысла досада. Ее внутренний голос не ошибался еще ни разу. Она прекрасно знает, что видела в тот день у бассейна...

Тут ее внимание привлек уголок коробки, выглядывавший из-под стопки старых пиджаков. София неуверенно приподняла крышку и заглянула внутрь. Внутри лежала стопка коричневых конвертов формата А4, каждый адресованный на почтовый ящик без имени, каждый с голландским почтовым штемпелем. Она изучила содержимое одного из конвертов. Внутри лежал глянцевого цветной журнал, где страница за страницей были заполнены непристойными фотографиями маленьких девочек. Уронив журнал на пол, София попятилась на шаг, учащенно дыша.

В конце концов она нашла в себе силы продолжить расследование. Внутри других конвертов были другие номера того же самого журнала. А на самом дне коробки лежал белый конверт с голландским адресом, надписанным на нем почерком Патрика, содержащий разрозненные полароидные снимки. Прищурив глаза, София достала горсть снимков, и ее худшие опасения тут же подтвердились. Это были снимки Пейдж в одежде и без одежды. Патрик сделал их не только ради самоудовольствия, но и ради того, чтобы поделиться с себе подобными.

София привалилась спиной к стене, боясь, что ноги могут подкоситься. Хотя голова у нее и шла кругом, она сгребла фотографии, сунула в карман, вернула коробку на прежнее место и побежала к себе в спальню. Там, за запертой дверью санузла, ее стошнило в раковину. Еще ни разу в жизни она не чувствовала такой боли, понимая, что человек, которого она любила, лишил ребенка невинности – и под ее же кровом...

Перед возвращением племянницы домой София заставила ее пообещать не говорить матери о снимках, а за это она устроит для Пейдж и ее подруг фотосессию в лондонской студии. Племянница аж заскулила от восторга и поклялась не обмолвиться ни словом.

Несколько дней София не могла заставить себя переступить порог спальни, ссылаясь на некий вирус, не позволивший ей посетить репетиции для пьесы в Вест-Энде, в которой ей предстояло играть под конец лета. Патрик регулярно навещался к ней, и она из-под одеяла с кислой улыбкой заверяла его, что ей нужно лишь отлежаться.

Это было самое трудное решение в жизни Софии. Она буквально разрывалась пополам. Патрика надо остановить, а Пейдж и других детей – защитить от извергов вроде него. По-хорошему следовало бы обратиться к своему стряпчему, чтобы тот устроил встречу с полицией. Дважды София набиралась храбрости для звонка – и дважды вешала трубку, прежде чем он успевал ответить. Свое бездействие она оправдывала ссылкой на Пейдж – дескать, не хочет подвергать любимую племянницу подобным мытарствам. Кроме того, ее родители будут просто убиты, узнав, что вверили собственных детей в руки человека, которого считали членом семьи, а тот изуверски воспользовался их малышкой.

«Ты можешь лгать миру, но себе ты лгать не сможешь, – воззвал внутренний голос Софии. – Ты будешь помалкивать, поскольку, если проговоришься хоть кому-нибудь, всё, ради чего ты так тяжело трудилась, будет кончено».

Даже в своем спутанном состоянии София сознавала, что, разоблачив Патрика, поставит крест на карьере, которую так любит. Репутация, кассовые сборы, творческое наследие... все это утратит значение, как только ее имя станет отождествляться с мужем, питающим деятельный интерес к маленьким девочкам. Ни один режиссер, продюсер или актер не пойдет на риск, чтобы его имя ассоциировалось с человеком вроде нее.

Однако, как ни воротило ее от извращенных наклонностей Патрика, свои чувства к нему отключить она не могла. Он воплотил в себе все, чего она только могла желать от мужа и друга.

Они строили планы вместе повидать мир, инвестировать в бизнес-инициативы и завести детей. Мысль, что все это придется отбросить и начать жизнь заново в полном одиночестве, ужасала ее. Потерять и Патрика, и свою публику было выше ее сил. Так что она предпочла сохранить и то, и другое.

Стоя за порогом кабинета Патрика, София наблюдала, как он общаривает комнату в поисках пропавших фото. Потерпев провал, сокрушенно двинулся к выходу – и тут же наткнулся на мертвенно-бледную жену, с покрасневшими глазами, преисполненными скорби. С первого же взгляда Патрик понял, что она знает, за кого вышла замуж. Открыл рот, но не мог произнести ни слова.

София сунула ему в руку визитную карточку с контактной информацией врача-психиатра Питера Хьюитта.

– Я записала тебя на четверг, – сообщила она. – Он не болтлив.

Патрик спорить не стал.

В последующие месяцы София находила какую-нибудь отговорку всякий раз, когда сестра хотела подъехать с детьми. Возлагала вину на все подряд – от работы до болезни, пока озадаченная Пегги в конце концов не перестала напрашиваться. Отталкивать сестру было не по нутру Софии, но идти на риск, оставляя Пейдж наедине с ее дядюшкой, она не могла.

Тем временем, пока Патрик регулярно посещал врача дважды в неделю, София частенько пользовалась возможностью обыскать кабинет на предмет свежих улик его компульсивных влечений. Но ничего не обнаруживалось.

Затем, после года жизни порознь и сна в разных спальнях, отчаявшийся Патрик принялся молить жену принять его обратно.

– Я знаю, что поступал дурно, – смиренно вещал он. – Доктор Хьюитт помог мне понять, почему я делал то, что делал... как я делал другим то, что случилось со мной, когда я был еще ребенком, тем самым продолжая цепочку. Жизнью клянусь, что я уже не такой.

Когда же он принялся растолковывать, как изменился и теперь располагает средствами контроля своих будущих порывов, Софии отчаянно хотелось ему верить. Ей недоставало его запаха при пробуждении по утрам, ощущения легкого прикосновения его пальцев, пробегавших по ее телу, и эха смеха в коридорах их дома. Год без смеха казался дольше века.

София осталась глуха к внутреннему голосу и повиновалась сердцу. Отказалась от противозачаточных, убедив себя, что с приближением ее сорокалетия собственное дитя может поспособствовать исцелению ее любимого. В полетевшие следом недели их отношения становились крепче и крепче, и она еще никогда не чувствовала себя столь любимой.

И лишь случайно, открыв двери летнего садового домика, чтобы проветрить, обнаружила, что Патрик хранит свежие номера своих журналов внутри пыльной оттоманки. Это ее как громом поразило. Но вместо того, чтобы расклеиться вдрызг, София закрыла крышку и пошла прочь. Даже изыскала способ оправдать свое поведение – дескать, если он получает сексуальное удовлетворение от фотографий в журнальчиках, то не ищет его от детей во плоти. Это меньшее из двух зол.

Однако, чтобы как-то жить с тем, что она знает о нем, требовалось пойти на большие жертвы. Уберечь и брак, и карьеру можно лишь одним способом: не допустив, чтобы между ними встало искушение в облике собственного ребенка. И, не обсуждая этого с Патриком, София записалась в частную клинику на стерилизацию.

Пока девяностые мало-помалу перерастали в миллениум, а за ними минули еще два десятилетия, боль решения умеряли периоды зависимости от алкоголя и транквилизаторов. И лишь в трезвые моменты просветления могла она признаться себе, какую чудовищную ошибку совершила, поставив свою репутацию превыше всего. Прониклась отвращением к Патрику за то, что загнал ее в этот угол, а там и от их брака осталось лишь название. На публике и красных дорожках муж и жена проводили вместе больше времени, чем дома. Благотворительность, осо-

бенно сбор средств для больниц, стала ее епитимьей за то, что закрывала глаза на преступления Патрика. Получая приглашения сопровождать Софию на церемонии открытия или посещения детских отделений, муж никогда не отказывался, и она не спускала с него глаз.

Однажды утром она, положив телефонную трубку, широким шагом направилась прямо в его кабинет и рывком распахнула дверь. Патрик сидел на софе, загородившись раскрытой широкоформатной газетой.

– Мой бухгалтер звонил по поводу недостачи тридцати тысяч фунтов на счету, – начала София.

– И?..

– И где они?

– Я взял их, чтобы позаботиться кое о чем.

– О каком «кое-чем»?

– О таком, какое тебя не касается. Мне казалось, у нас уговор. Ты живешь своей жизнью, а я – своей. Не задавая вопросов.

– Что ты натворил, Патрик?

Опустив газету, он вздохнул.

– Это... неосмотрительность. Мне понадобились деньги, чтобы уладить недоразумение.

София ощутила биение пульса где-то в горле.

– Ты попался, так ведь? Тебе надо было откупиться.

– Я же сказал, ты живешь своей жизнью, а...

– Ты и мою жизнь обосрал, к чертям! – вскричала она. – Кто это был? Что ты натворил?

– Мать одной девочки неправильно все истолковала, и я воспользовался деньгами, чтобы гарантировать, что больше никто этого неправильно не истолкует.

– Так ты что, откупился от нее? Каким же надо быть родителем, чтобы позволить тебе выйти сухим из воды?

– Ты в самом деле гнобишь ее за то, что она посмотрела на это дело сквозь пальцы? Чья бы корова мычала, моя дорогая...

– А что, если она заявится, требуя еще денег? Или пригрозит обратиться в газеты или в полицию?

– Не явится и не обратится; она подписала соглашение о неразглашении. Она мне чуть руку не откусила вместе с баблом.

– Где это ты добыл соглашение о неразглашении?

– Составил мой друг-адвокат. Довольно стандартное.

– О боже! – На Софию накатила дурнота. – Сколько раз ты это проделывал?

Патрик поглядел на нее поверх очков:

– Ты и вправду хочешь знать?

София и хотела, и нет.

– Этому надо положить конец. Ты должен сдать в полицию, другого выхода нет.

– Нет. Я этого не сделаю. В тюрьме меня съедят живьем.

– Тогда ложись в больницу и пройди лечение.

– Да нет никакого лечения для таких, как я! Уж ты-то должна это знать. Мои... *потребности*... впечатаны в мой мозг. Компенсаторные механизмы не работают.

– И что тогда? Так и будешь до конца жизни растлевать детей и откупаться от их родителей?

– Я бы не так выразился, – Патрик покачал головой.

– Ты насчет «растлевать»? С чего бы это? От себя не отвертишься, растлитель малолетних. Я замужем за растлителем малолетних.

– И знала об этом давным-давно, так что не пытайся меня убедить, что это для тебя новость.

Прикусив губу, София отвела взгляд.

– Патрик, умоляю. Так продолжать нельзя. Твое поведение меня убивает. Я должна кому-то сказать...

Хлынувшие слезы, размыв тушь, побежали по щекам черными ручьями. Оставив газету на подушках, Патрик поднялся на ноги. Ласково положил ладони ей на плечи, словно ради увещевания.

– Сожалею, София, искренне сожалею, но продолжать в том же ключе – *единственный* путь. Если публике станет известно, что ты знала обо мне, но мы остались вместе, или что это *наши* деньги я употребил в обмен на родительское молчание, тогда твоя жизнь встанет с ног на голову так же быстро, как моя. И, клянусь тебе, один я на дно не пойду. Как ни больно мне будет, но я поведаю всем, кто имеет слух, какую роль сыграла ты.

Взор Софии застлала красная пелена. Отведя руку назад, она наотмашь изо всех сил вцепилась ему пощечину. Толчком одной руки Патрик отпихнул ее к стене, где София не удержалась на ногах и грудой съехала на пол. Потерев саднящую щеку, муж невозмутимо налил себе бренди из графина.

– Может, мне тебя соблазнить? – походя полюбопытствовал он. – Обычно это помогает затуманить твои глаза, подглядывающие сквозь пальцы...

– Зачем тебе губить меня? – умоляюще спросила София. – Что я тебе такого сделала?

– Ты лишила меня шанса стать отцом. Я знаю о твоей стерилизации. Твой врач звонил, чтобы осведомиться, как ты поправляешься, не зная о моем неведении и твоём обмане.

– Как могла я завести от тебя ребенка, зная, на что ты способен?

– Это могло бы изменить что-то внутри меня, но теперь-то нипочем не угадаешь, а?

София беспомощно смотрела, как Патрик, пожав плечами, направился из кабинета прочь небрежной походкой, на ходу потягивая из бокала...

...Вдруг громкий стук вернул ее к действительности: какой-то предмет, отскочивший от заднего стекла авто, заставил ее вздрогнуть. София обернулась к источнику звука в тот самый миг, когда второй предмет врезался в дверь.

– Господи! – вскрикнула она, а Оскар затыкал.

Настороженно поглядев за окно, София впервые увидела, что улицы запружены людьми, глядящими на ее автомобиль, медленно проезжающий мимо. Без слухового аппарата она не могла понять, что они кричат, но в их гневных жестах и искаженных лицах прочла глубокую ненависть к себе. Некоторые принялись швырять в ее автомобиль что под руку подвернется – камни, булыжники, комья земли. София загородилась рукой, когда впереди мужчина на мосту поднял шлакоблок, идеально подгадав момент, чтобы отпустить его. Завизжала, когда тот отскочил от ветрового стекла на капот, оставив на армированном стекле кольца трещины, напоминающие паутину.

– Пожалуйста, перестаньте! – умоляла она дрожащим голосом. – Прошу, простите. Умоляю, просто скажите, чтобы оставили меня в покое. Я знаю, что поступила дурно, я лишь хочу умереть с миром.

Она испустила очередной пронзительный вопль, на этот раз когда о ветровое стекло, боковые окна и двери, расплескав жидкость, разбились бутылки, заткнутые горячей ветошью. И в конце концов автомобиль с ускорением устремился прочь от толпы, будто пылающая комета.

Глава 46

На экранах следственной комнаты доминировали жуткие изображения полыхающего автомобиля Софии, волочащего за собой по улицам хвосты черного и серого дыма.

Дроны толкались в воздухе, состязаясь за возможность подобраться к машине Софии как можно ближе, чтобы сквозь окна запечатлеть ее ужас. В конце концов одному удалось поймать в кадр низверженную звезду, показав перепуганную женщину, заслоняющуюся от огня и укутавшую свою собаку в пальто. Хакер перекрыл трансляцию звука, что делало ее беззвучные вопли сугубо значимыми.

– Они поступают с ней просто варварски! – проговорила Либби, ужаснувшись поведению публики. – Они не лучше Хакера. В чем бы ее ни обвиняли, она по-прежнему семидесятивосьмилетняя женщина.

– Боюсь, ее возраст тут ни при чем, – отозвался Мэттью. – Она во власти менталитета толпы.

– Но какая им от того радость?

– Не знаю, радость ли это или их просто понесло. Когда человек становится частью толпы, он утрачивает индивидуальность, лишается контроля над собой и не соблюдает свои нормальные нравственные ориентиры. Будь они поодиночке, пришлось бы кому-нибудь из них в голову бросить в машину Софии камень или бутылку с зажигательной смесью? Вряд ли. Но в окружении единомышленников они уже не считают себя бесчинствующими личностями; в бесчинствах повинна группа, а не они лично.

– Спасибо за увлекательное изложение, доктор... – Джек вздохнул. – А может, она и заслужила это. Отлились волку овечьины слезки...

– Не обращайтесь на него внимания, – призвала Либби.

– Он лишь озвучил общественное мнение.

– В соцсетях творится то же самое? – поинтересовалась она.

Мэттью кивнул.

– Люди – стадные животные, и для общения мы ищем нам подобных. В наши дни самый простой способ – отыскать их онлайн. При обычных обстоятельствах средний человек не станет размещать в «Твиттере» пост, требующий смерти пенсионера. Но менталитет толпы и анонимность благодаря возможности отгородиться клавиатурой приводит к тому, что вместе эти люди храбрее.

Пожарная машина, следовавшая за автомобилем Софии, поменялась местами с ехавшим впереди броневым автомобилем. Одни пожарные свесились из окон, другие, повиснув на страховке, направили струи воды на ее автомобиль, подавляя огонь, пока тот совсем не угас. Но от этого тугой узел, в который стянуло желудок Либби, почти не ослаб.

– Время снова работает против нас, леди и джентльмены, – предупредила Фиона. – Нам действительно пора начать обсуждение следующего Пассажира, Сэма Коула.

– А, двоеженца! – отреагировал Джек. – По сравнению с убийцей и педофилом это преступлением века не назовешь, а?

– Попробуйте сказать это его жене, – отрезала Фиона. – Не могу даже вообразить, на какие ухищрения надо идти, чтобы лгать кому-то настолько долго. Вести две отдельные жизни, чтобы ни одна из жен не знала о другой... уж наверняка всякое удовольствие, которое это ему доставляло, портил тот факт, что он не мог расслабиться ни на миг из страха как-нибудь себя выдать?

– Я бы сказал, что он заслуживает аплодисментов за то, что выходил сухим из воды настолько долго, – заметил Джек. – Помимо его сомнительного нравственного облика, что уж такого он натворил, чтобы заслужить смерть?

– Но, не проголосовав за него, мы не посылаем его на смерть, – поправила его Мюриэл. – Это просто означает, что есть другие Пассажиры, которым я предпочла бы оказать свою поддержку.

– Вы его расспрашивали, а теперь не поддерживаете... Дефицит лояльности много говорит о глубине вашего характера.

– Я ему так же лояльна, как вы – Клер, – парировала она, а Джек презрительно фыркнул.

– Он не получит моего голоса из-за того, что совершенно недвусмысленно пытался манипулировать нами, – вступила Либби. – Разыгрывал из себя несчастного папочку, которому подсунула пилюлю собственная жена. Омерзительный субчик.

– Неужто его измены задели вас за живое, мисс Диксон? – поддел ее Джек. – У вас с Мэттью много общего; пожалуй, вам стоит обменяться номерами, когда этот процесс завершится, поскольку весьма сомнительно, что вы уплывете под белым парусом за горизонт с мистером Харрисоном...

Либби удержалась, чтобы не запустить Джеку в голову бутылкой с водой.

– Порой отчаянные времена требуют отчаянных мер, – продолжал тот. – Нельзя предавать Сэма анафеме за желание остаться в живых. Кто знает, что сделал бы любой из нас на его месте? И, на мой взгляд, он не сказал ничего такого, что противоречило бы фактам. Когда доходит до отношений с отпрысками, с мужчинами поступают куда более бездушно, чем с женщинами.

– Ой, Джек, уж мне-то не надо впаривать эту ерунду, – отмахнулась Фиона.

– Вы как-то ловко отодвигаете в сторону тот факт, что его жена – такая же законченная лунья, как и он. А она, будучи офицером полиции, должна быть честной безукоризненно. Раз уж она не смогла навести порядок в собственном доме и шантажировала Сэма, тут поневоле задумаешься, сколько еще раз она преступала закон в угоду собственным интересам?

– Мы не знаем, сколько именно ей известно, – заметил Мэттью.

– Может, оно и так, но я все равно отдаю свой голос Сэму, – с вызовом заявил Джек. – Кто со мной? Мэттью? Фиона?

– Нет, – отрезала Фиона, а Либби и Мэттью поддержали ее. – Значит, на данный момент расклад такой: один голос за Клер и один за Сэма. – Фиона записала имя Сэма на своем планшете. – Осталось четыре голоса и двое Пассажиров. Кто следующий?

Глава 47

Сэм Коул

«Так это была она. С самого начала за этим стояла Хайди. Твоя жена – женщина, которую ты любишь, – превратила твою жизнь в ад на земле».

Мысли Сэма метались во всех направлениях, будто в голове у него подожгли груды фейерверков. За множество бессонных ночей в последние несколько недель он по косточкам разобрал каждого встречного и поперечного, пытаясь выявить шантажиста. Но ни имени, ни причины определить не мог. И уж меньше всего на свете ожидал, что корень зла в одной из двух его жен.

Он пропустил мимо ушей дебаты жюри на тему, спасать ли ему жизнь, и даже не обратил внимания, что получил голос в поддержку. Вместо того с головой ушел в вычисление момента, когда Хайди раскрыла его двойную жизнь. Где он дал маху? Что она прознала? Не с имени ли все пошло?

– Что еще за Джози такая? – однажды вечером поинтересовалась Хайди, припомнилось ему. На том конце провода желудок у Сэма рухнул на сорок этажей.

– Понятия не имею, а что?

– А то, что ты только что назвал меня Джози.

– Ничего подобного.

– Нет, назвал. Ты сказал: «Я буду дома в районе восьми, Джози».

– Связь плохая. Я сказал, в районе восьми *аж, зай*.

– *Зая?!* Это словечко снова в моде?

Это словечко у них с Хайди не в ходу. Так он называет вторую жену.

– Да просто закинул на пробу, – пустился он блефовать. – Ты называешь меня лапулей, вот я и решил дать тебе шанс проявить себя.

– Исключено. И почему шепотом?

– Я еще на объекте, потому что возникла проблема с демонтажом старой лестницы; я оставил всех сверхурочно.

– Ладно, что ж, не задерживайся допоздна. Было бы мило, если б ты пришел домой и не заснул в первые же десять минут... *зай*, – хмыкнула Хайди и дала отбой.

Сунув телефон в карман джинсов, Сэм натянул стеганую прихватку-варежку и трижды двинул кулаком в стену кухни, одними губами выговорив: «Жопа!» Как можно было так лохануться?!

– Почему ты сердишься на стену, папочка? – раздался голос от порога. Обернувшись, он увидел сына Джеймса.

– Я не сержусь, дружок, – ответил Сэм с деланой улыбкой.

– Тогда почему ты ее лупишь?

– Порой бывает полезно дать выход избытку энергии.

– Что за дела? – поинтересовалась Джози, протискиваясь мимо сына к холодильнику.

– Папа чудит. – Взяв с кухонного стола карманную игровую консоль, Джеймс зашаркал из кухни.

– Как это ты чудишь?

– Дети всегда считают всех старше восьми чудиками.

Встав у него за спиной, Джози обняла его руками за талию и прижалась головой к его шее.

– Во сколько ты уезжаешь утром?

– Поставил будильник на полшестого. Авто заряжено, а на дорогах должно быть спокойно.

– Ты еще уверен, что сможешь выкроить от работы пару дней для нашей годовщины?

– Да; не вижу, почему нет, – он кивнул. – В начале той недели у меня назначены встречи в Лондоне, но потом всё в ажуре.

Одна из множества вещей, которые Сэм не потрудился упомянуть второй жене, – что во время пребывания в столице он будет праздновать десятую годовщину с первой супругой. За эти почти десять лет Сэм постиг, что секрет содержания двух семей, совершенно не ведающих друг о друге, – простота, а не затейливая ложь. Вот почему, когда Джози родила дочь через год после того, как Хайди поступила точно так же, он настоял, чтобы ее назвали в честь его усопшей сестры. Вот только его сестра не умерла, да и звали ее не Бекки. Зато его с Хайди дочь назвали именно так.

А когда волею случая второй ребенок у него с Джози оказался мальчиком, как и с Хайди, младенец Джеймс унаследовал имя своего единокровного брата. Сэм понимал, что, если устроит обе семьи как можно более похоже, вероятность совершить промах для него будет существенно снижена. Впрочем, это не мешало периодически проскальзывать сквозь пальцы ошибкам вроде сегодняшней, когда он назвал первую жену именем второй.

Не прошло и двух дней по их возвращении с Хайди после медового месяца, когда по электронной почте пришли результаты его анализа «Найди свою ДНК-пару». Сэм сдал анализ задолго до того, как повстречал Хайди и влюбился в нее совершенно старомодным способом, и до того, как брешь в системе безопасности едва не погубила репутацию компании. А к моменту, когда он получил уведомление, сообщавшее, что они с Хайди генетически не созданы друг для друга, они уже были женаты.

Но как бы Сэм ни был доволен молодой женой, он не мог отделаться от назойливых сомнений: что же за великая любовь ждет его там? Наконец, после уймы сужений и ряжений, рассудил, что, если выяснить, от него не убудет, и запросил сведения о своей Паре.

И за считанные минуты с момента встречи неподалеку от ее дома в Шеффилде, милях в двухстах от его дома в Лутоне, Сэм понял, что Джози – та самая. Это было нечто большее, нежели любовь с первого взгляда; интенсивность того, что он к ней чувствовал, была преумножена невесть сколько раз. Он уподоблял это тысяче крохотных, но приятных взрывов по всему телу разом. И понял, что влип.

По одной лишь наружности Джози была вылитая Хайди, но что касается личности, они были землей и небом. Непритязательная, незлобивая Джози отдавала ему все свое внимание безраздельно. Уверенная в себе, амбициозная Хайди выступала в их отношениях мужиком. Вместе же они составляли идеальную женщину.

Джози была уверена, что Сэм, как и она, сам по себе, а он не мог заставить себя исправить ошибку, рискуя потерять Джози. Но как ни хотелось ему изведать, как могла бы сложиться их жизнь, у него была жена. И у Сэма, и у Хайди родители разошлись, и они в детстве собственными глазами видели полосу разрушений, оставленных по себе разводом. Сам он не настолько силен, чтобы пройти через подобные перипетии, тем более что глубоко любит Хайди, так что предпочел удержать обеих.

– Мне предложили новый контракт, – объявил он Хайди тогда за обедом в местном пабе. – Да притом большой.

– Насколько большой?

– Большущий.

– Ой, лапуля, – просияла Хайди и потянулась через стол, чтобы пожать ему руку. – И на что?

– Территория нового университета. Я участвовал в тендере на ремонт соседнего студенческого общежития – нужно отремонтировать и перестроить весь студгородок. Более крупного контракта мы еще не выигрывали.

– Что ж ты раньше не сказал?

– Потому что есть подвох: это аж в Шеффилде. Они хотят, чтобы я устроил базу на объекте, откуда следует, что мне придется работать вдали от дома три, а то и четыре дня в неделю.

– А-а-а, – протянула Хайди; ее ликование мигом поубавилось. – И долго туда добираться?

– Часа три. Я понимаю, что ситуация не идеальная, зато мы можем начать делать все то, о чем говорили; так, может, стоит подумать? – Сэм накрыл руку Хайди своей ладонью. – Можем съехать с квартиры и купить дом, а потом подумать о том, чтобы заполнить его детьми куда раньше, чем планировали... Только, слушай, если ты правда не хочешь, чтобы я за это брался, тогда я откажусь.

В глубине души Сэм рассчитывал, что ее желание завести ребенка возьмет верх над его частичным отсутствием. И в конце концов она согласилась.

– У меня есть хорошие вести, – сообщил он Джози в Шеффилде позже на той же неделе. – Мне предложили контракт на реконструкцию университетского студгородка, но это аж в Данстэбле. Это значит, что я смогу проводить здесь только три-четыре дня в неделю.

Толкуя о несуществующем тендере, Сэм видел, что ее ликование за него подпорчено расстоянием, которое будет их разделять. Не успев даже толком сообразить, он вдруг выпалил:

– Ты выйдешь за меня замуж?

И десять месяцев спустя после шествия по церковному проходу рука об руку с Хайди проделал тот же путь с Джози.

Поддержание двух браков и двух семей мало-помалу стало привычкой. Сэм постоянно ходил по лезвию ножа, постоянно задаваясь вопросом, то ли сказал, что нужно, и той ли жене, какой нужно. Редкую ночь ему удавалось поспать без внезапных пробуждений; по утрам он просыпался в страхе, что мог говорить во сне и проболтаться, сам того не сознавая. А иногда не мог заснуть, терзаемый угрызениями совести и тревогой о настоящем и будущем. Что будет, когда он уйдет от дел? С какой женой предпочтет провести старость? Что, если его постигнет внезапная смерть? А если он будет где-то на полпути между домами, кого власти известят первым делом? Простят ли его дети, когда узнают, что у них есть единокровные брат и сестра? Сумеют ли Хайди и Джози вообще понять, каково ему было любить двух женщин одновременно?

По мере роста обоих семейств Сэм чередовал пребывание в обоих домах; три дня с Хайди на одной неделе, четыре с ней же на следующей. Правда, приходилось многим жертвовать. Он чурался отдыха за границей – что с той, что с другой семьей, поскольку это порождало чересчур много потенциальных осложнений наподобие контактных лиц для обращения в чрезвычайных ситуациях и необъяснимого загара. В своем телефоне прятал два календаря в двух разных приложениях, чтобы знать, где будет спать каждую ночь, и не забывать годовщин, дней рождения и назначенных встреч. Покрасил, провел косметический ремонт и реконструкцию двух почти идентичных домов почти идентичным образом. В инструментальных ящиках хранилось одинаковое оборудование; в сараях стояли газонокосилки, культиваторы и триммеры одних и тех же марок. Все, что можно было скопировать, было скопировано.

Куда больше гибкости требовалось, когда дети подхватывали простуду или какой-нибудь вирус; Сэм уж и счет потерял, сколько раз переносил микробы из одной семьи в другую. Трудней всего было на Рождество, так что он проводил день Рождества с Хайди, а второй – «день подарков» – с Джози, а на следующий год менял их местами. Свое отсутствие Сэм объяснял обоим семьям визитами к матери, теперь живущей в одиночестве в Испании. Вся его жизнь была сплошной эквилибристикой.

Второй производной его плутней была стоимость содержания двух растущих семей. Чтобы сводить концы с концами, зачастую приходилось вкалывать по пятнадцать часов в сутки, а в результате обе жены сетовали на то, что он проводит с ними слишком мало времени.

Вопреки всем шансам, Сэм как-то ухитрился играть на обе стороны, пока два месяца назад не раздался телефонный звонок. Он сидел в аудитории с Джози и Джеймсом, дожидаясь

выступления Бекки в школьной постановке «Парней и куколок»²⁰, когда его телефон вдруг зазвонил. Решив, что это по работе, он сунул в уши вкладыши гарнитуры и выскользнул в тихий коридор.

– Это Сэм? – осведомился незнакомый мужской голос.

– Да, чем могу помочь?

– Это Дон.

– Дон?

– Ага, из приложения «Паря с парей», помнишь? Ты дал мне свой номер и сказал звякнуть вечером попозже, чтобы оттянуться по трубе.

– Извините, но думаю, у вас не тот номер, приятель.

– Я его записал из твоего профиля на свою мобилу.

– Не знаю я никакой «Пари с парей». По-моему, кто-то вас кинул.

– Обломщик, – буркнул Дон, и связь прервалась.

Но едва Сэм сунул телефон в карман, как пришла эсэмэска. «Секси фотки чел, – гласила он. – Махнемся?» За ней последовали три фотографии вроде бы одного и того же стоячего пениса, сделанные под разными углами. Потом пришли еще две эсэмэски сходного содержания, так что встревоженный Сэм выключил телефон.

Дождавшись возвращения домой, он снова включил телефон, когда Джози и дети уже улеглись. Его почтовые ящики были буквально забиты десятками и сотнями сходных эсэмэсок и электронных писем. Ссылка вывела его на гейский веб-сайт знакомств для мужчин, желающих изменить своим благоверным, и на страницу с его учетной записью и чьими-то чужими фото и гениталиями. «Сэм Коул, 40, Галифакс, Шеффилд, Данстэбл и Лутон, отн. без обязательств по тел., кам. и лично. Хаты нет. Не откажусь от групповухи. Никаких ограничений».

– Что за черт?! – буркнул он вслух и, перейдя по следующей ссылке, попытался удалить профиль. Но без пароля дело было тухлое. И вдруг сердце у него подскочило под самое горло – это не просто розыгрыш.

Галифакс, Шеффилд, Данстэбл и Лутон.

Друзьям, знающим их с Хайди по Лутону, он говорил, что работает в Шеффилде. Их с Джози знакомые в *Шеффилде* думают, что его компания квартирует в Данстэбле. Если кто-то знает о Галифаксе и Лутоне – значит, знает о его двойной жизни.

В последовавшие за этим недели сыпались все новые эсэмэски и звонки и от мужчин, и от женщин, в один голос утверждавших, что их перенаправили с других веб-сайтов знакомств, специализирующихся на внебрачных интрижках. Сэм просматривал все их до единого в надежде выудить какую-нибудь подсказку. Одни сайты предназначались для натуралов, другие – для геев или бисексуалов, вкупе с поставляющими шокирующие экстремальные фетиши. В конце концов Сэм перестал отвечать на звонки с незнакомых номеров, и они мало-помалу прекратились. Но его по-прежнему тревожил вопрос о том, кому же известна правда о нем.

И только теперь, будучи Пассажиром, он припомнил, как примерно в то же самое время Хайди начала оказывать на него финансовое давление.

– Что скажешь об этом? – поинтересовалась она, подсовывая ему под нос глянцевою брошюру, пока он готовил завтрак. В ней были представлены варианты дизайна кухонь и, судя по выбору материалов, из верхнего ценового сегмента.

– Симпатично. А что?

– А как по-твоему? Нам нужна новая кухня.

– А эта чем плоха?

²⁰ Знаменитый мюзикл Ф. Луссера на либретто Д. Сверлинга и А. Барроуза.

– Ей не меньше двадцати лет. Две дверцы шкафчиков сваливаются с петель, одна конфорка не работает, а планировка непрактичная. Давай начнем наслаждаться деньгами, ради которых ты столько перерабатываешь.

– Я подумаю, – ответил Сэм, изнывая от желания сменить тему. Вкладывая он свои заработки только в этот дом, запросто мог бы позволить себе кухню высшего класса. Но каждый пенни на счету, и он делит их поровну на нужды обоих домов. Однако Хайди так просто с курса не собьешь.

– Ты подумаешь, да? А кто это произвел тебя в хозяева дома?

– Я вовсе не то имел в виду...

– Сэм, ты тут почти не показываешься, а мы с детьми пребываем под этим кровом постоянно. А кроме новой кухни, нам пора подумать о семейной ванной, потому что душ снова подтекает, оконные рамы гниют, а теплицу пора ремонтировать. Дом разваливается, а тебе хоть бы хны. На этих выходных начну перетряхивать все наши счета, чтобы поглядеть, где можно наскрести немного денег.

Сэм запаниковал.

– Нет-нет, – сказал он чуточку чересчур поспешно. Ему совсем не хотелось, чтобы жена вела раскопки в опасной близости от его секретных финансов, рискуя вскрыть совместный банковский счет, закладную и две другие кредитные карты, имеющиеся у него на свое имя и на имя Джози. Но выполнение работ по всему ее перечню грозит ему финансовым крахом. – Давай действовать по порядку, – уступил он, неохотно снова поглядев в prospect кухни.

Прошла неделя, а затем пришло электронное письмо. «Твои жены», – гласил заголовок темы. Бросившись его открывать, Сэм жаждал, чтобы земля разверзлась и поглотила его целиком. В теле письма было два вложенных изображения – одно с Хайди и их детьми на отдыхе в Блэ KPUле, а второе с Джози и их отпрысками, играющими с водяными пистолетиками в саду. Все, что Сэм из всех сил старался скрыть, повисло на волоске.

«Кто вы? – быстро напечатал он с замирающим сердцем. – Что вам надо?»

Неделю спустя пришло второе мыло. «Могу избавить», – значилось в нем.

«Как?» – моментально откликнулся он.

Прошло еще семь дней, прежде чем ответ поступил. «Это обойдется тебе в £100 000».

Ожидание между «мылами» выматывало кишки, но подстегнуть процесс Сэм никак не мог.

«У меня нет таких денег!» – напечатал он.

«У тебя есть строительный бизнес».

«Я просто не могу взять из него деньги. Это афера».

«Как и двоеженство».

Сэм мог представить реакцию обеих жен, если правда станет им известна. Хайди ненавидит лжецов – по большей части ее работа как раз и состоит в стараниях вычленивать факты из вымыслов, – так что за пределами служебного кабинета врак она на дух не переносит. Сэм вообразил, в какую ярость она впадет, а после арестует его за умышленную женитьбу на двух женщинах. Когда же это узнает Джози, она почувствует полное моральное опустошение и будет сломлена. Она и так уже тянет воз, присматривая за двумя детьми и слабоумной старухой матерью. Причинив ей еще больше страданий, он будет просто убит.

Сэм оказался между молотом и наковальней. Если сообщить об угрозах в полицию, Хайди, скорее всего, узнает о Джози, и их браку конец. В детстве он слишком уж часто был пешкой в руках родителей из-за их несложившегося брака, чтобы узреть, как то же самое постигнет и его детей. Но если откупиться, это может погубить его бизнес.

«Если я смогу добыть деньги, откуда мне знать, что потом вы не захотите еще?» – напечатал он.

«Ниоткуда, – прочел после очередной семидневной отсрочки. – Придется поверить мне».

«Ладно», – ответил он.

«Я хочу получить их наличными через неделю. В следующий вторник утром пришлю инструкции, где их оставить».

В ночь перед заброской Сэм почти не сомкнул глаз. Свернувшись калачиком позади крепко спавшей Джози, обнял ее одной рукой за живот и вдыхал ее запах, как в последний раз. Он обчистил счет компании, оставив там считанные гроши. Упал лишь на овердрафты и на то, что кредитные карты, заявки на которые он подал в последние несколько дней, будут принимать и они продержат бизнес на плаву. Вероятно, уйдут годы, прежде чем он сможет по ним расплатиться. Ему этот дополнительный стресс даром не нужен, но поддержание статус-кво того стоило.

Прежде чем отправиться в поездку сегодня утром, Сэм столкнулся с Хайди на крыльце и воспользовался случаем, чтобы взять ее за подбородок и поцеловать.

– Ты что-то натворил, да? – осведомилась она, смерив его взглядом с головы до ног. – Ты целуешь меня так только тогда, когда набедокуришь.

– У вас подозрительная натура, детектив-сержант Коул, – ответил он, забрасывая свою дорожную сумку в пространство позади своего пассажирского сиденья. – Увидимся в пятницу.

И лишь теперь, когда фрагменты вдруг сложились в целостную мозаику, все обрело смысл. Темные тучи вины застили над ним небосвод при мысли о том, какую же ненависть должна была испытывать к нему Хайди, чтобы пуститься во все тяжкие. Какую же она испытывала всепоглощающую боль, свирепую потребность посчитаться с ним! А сегодня он еще и растравил рану, пытаясь отобрать ее голоса вместе с ее жизнью, пока они сражались за выживание...

Сэм лишь надеялся, что Хайди поймет: он повел себя так лишь потому, что у него четверо детей, нуждающихся в нем, а не всего двое.

И все равно еще ни разу в жизни Сэм не чувствовал себя таким никчемным.

Глава 48

– Что подводит нас к предпоследнему Пассажиру, – начала Фиона. В центре экрана доминировало изображение Хайди.

Помимо блестящих глаз, ничто не выдавало в ней хоть единый намек на эмоции. Окинув ее взглядом, Фиона лишь цыкнула:

– Просто не нахожу, что о ней сказать. Если б я ее представляла, то не стала бы вызывать ее для дачи показаний, потому что мне пришлось бы из кожи вон лезть, убеждая присяжных проявить к ней сострадание.

– Если честно, я нахожу ее ничуть не менее двоедушной, чем ее муженек, – призналась Мюриэл.

– Оно как бы и так, но вы можете хотя бы вообразить, каково это – узнать нечто подобное о своем муже? – подал голос Мэттью. – Одно дело – внебрачная интрижка, но жениться на другой женщине за спиной собственной жены выводит измену совсем на другой уровень... Бог ведает, что он вынудил ее пережить.

– О господи! – фыркнул Джек из своего угла. – Неужто трудно взглянуть на это дело под более широким углом? Этот болван влюбился в двух женщин одновременно, чего уж глупее. Бывает. Правду говоря, разве это не происходило в вашей разлюбезной Библии, Мюриэл? Ламех, если память мне не изменяет... Он был женат на двух женщинах.

– А еще он был убийцей, и обе жены покинули его еще до того, как он стал изгоем, – отрубил Мюриэл. – Уж если собираетесь пользоваться Библией, чтобы доказать свою правоту, то хотя бы будьте повзыскательней при выборе фактов. И мне хотелось бы получить объяснение, что именно имел в виду Хакер, когда сказал, что Хайди шантажировала мужа.

– Держите карман шире, – откликнулась Либби. – Это очередное расплывчатое обвинение, пробелы в котором мы должны заполнить сами.

– Но что нам известно о Хайди на самом деле? – задалась вопросом Фиона. – Я не имею ни малейшего представления, чем она живет и с какой стати я должна оказать ей поддержку.

– Снова-здорово... – Зевнув, Джек поерзал на стуле. – Осталось двое Пассажиров. Либо вы отдаете свой голос миссис Коул, либо попусту растрчиваете его на бомжа, которой все равно планировал себя чпокнуть. – Либби ожгла его взглядом. – Я что, сказал нечто неверное по существу?

– Мне бы хотелось, чтобы она проявила чуточку больше страсти, чтобы умоляла нас спасти ей жизнь, чтобы она смогла снова увидеть своих детей, – произнесла Мюриэл.

– Вы чуть ли не разочарованы, – заметил Джек. – Не знай я вас лучше, мог бы подумать, что вам нравится разыгрывать из себя Бога.

– Я вовсе не то имела в виду, – запротестовала она. – Я вынуждена выносить суждения исключительно на основании наружности, потому что ничего другого она нам не предъявила.

– А кто-нибудь из вас хотя бы задумался, что за женой она была? – полюбопытствовал Джек. – Может, она сама довела мужа до романа на стороне. – Он уставился на Мэттью: – Порой одного человека недостаточно, чтобы удовлетворить все твои нужды.

– Тогда завязывай с браком, – заявил Мэттью. – Сколько раз вы уже это проделали, Джек?

– Вы и правда хотите в это углубляться, Мэттью? – рассмеялся Джек. – Я хотя бы не толкал супругу в руки другого мужчины.

С перекошенным лицом тот оттолкнул стул, вставая, но Либби схватила его за руку, помешав подняться на ноги.

– Бросьте, – проговорила она негромко, но твердо. – Ему только этого и надо.

Мэттью остался на месте.

– Делай, как велят, славный песик, – с прищуром усмехнулся Джек. – А теперь вернемся к нашей снежной королеве. Быть может, выкажи она чуть больше женственности, это пошло бы ей на пользу.

– У вас проблемы со всеми женщинами или только с сильными? – уязвила его Либби. – Она – мама двоих детей, работающая с полной занятостью, и что бы она ни сотворила в обход закона или чтобы помучить своего изменщика-муженька, что ж, думаю, найдется немало людей, отождествляющих себя с ней и поддерживающих ее.

– Включая и вас? – полюбопытствовал Джек. – Уж конечно, совесть велит вам отдать предпочтение личности вроде миссис Коул перед мистером Харрисоном? Или вы сейчас послушаетесь зова сердца и обречете ее на типа ужасающую смерть, потому что проголосовали за ходячий труп? Еще не поздно пересмотреть вашу позицию и в отношении мистера Коула. Может, кристально честным его и не назовешь, но вы не можете отрицать, что у этого человека есть и страсть, и то, ради чего стоит жить. А что есть у мистера Харрисона? По его собственному признанию, ничегошеньки. Даже внимания зазнобы всей нации ему недостаточно, чтобы проникнуться желанием нести бремя мира сего.

Либби ощутила, что ее покрасневшее лицо пышет жаром. В этот миг она ненавидела Джека Ларссона, как никогда в жизни.

– А знаете что? – вклинулась Фиона. – Вы только что качнули для меня маятник в другую сторону, Джек. Мне нет дела до того, что Хайди знала или не знала, и я голосую за нее. И можете закатывать глаза сколько влезет; мне безразлично, что вы думаете.

– Вы лишь делите голоса между мужем и женой. Возьмите мою сторону, и их дети увидят возвращение хотя бы одного из родителей.

– А с какой стати менять свое голосование мне? Почему бы не вам?

– У миссис Коул двое детей. У ее мужа – четверо.

– Коли вы так заботитесь о детях, что ж не поддержали Шабану – мать пятерых детей? – спросила Либби.

– Ну, приехали... – Джек вздохнул. – Очередная диатриба от чертовых мягкосердечных либералов...

– Очередная чушь от чертова бессердечного расиста.

– Довольно! – осадила спорщиков Фиона; ее возвышенный голос застал Либби врасплох. – Здесь вам не детская площадка. Прошу не забывать, что на нас смотрит весь мир. На решение у нас осталось всего двадцать минут. Итак, кто-нибудь еще присоединится ко мне в поддержке Хайди?

– Я, – неожиданно заявил Мэттью.

– Теперь Хайди лидирует с двумя голосами, у Сэма один и один у Клер.

Сердце Либби сперва подкатило под горло, а через секунду ушло в пятки. Это означает, что, если только публика не встанет на ее сторону, Джек окажется прав. Джуд станет ходячим трупом.

Глава 49

Хайди Коул

Хайди больше не находила в себе сил ненавидеть мужа – изрядную часть их она растратила, когда узнала о его двойной жизни. А после эмоциональных побоев последних двух часов схватка выбила из нее остатки. Она не находила даже энергии, чтобы дать волю слезам, скопившимся где-то позади глаз.

Одна в своей машине, впервые с тех пор, как открыла, что Сэм ведет двойную жизнь, Хайди чувствовала что-то еще, кроме потребности так же испохабить его жизнь, как он испохабил ее собственную. И это было горе. Она начала оплакивать утрату человека, которого знала вдоль и поперек, как ей раньше казалось.

Удержание взаперти против воли – великий уравниватель. Оно вернуло Хайди ясность мышления, позволив узреть, что все ее выходки были глупыми и иррациональными, совершенно не в ее духе. Если б можно было отыграть обратно, она поговорила бы с Сэмом начистоту, дала бы ему пинок под зад из семьи в тот же день, когда только-только все выяснила... Именно это она посоветовала бы подругам, окажись те в ее шкуре. А сама вместо того ринулась в бой, пламенея желанием уязвить его побольнее. И куда это ее завело? Сюда, навстречу смерти на миру.

С двумя голосами у нее еще есть шанс пережить эту передрыгу. Но тогда ее ждет куча других проблем, включая увольнение со службы. Независимое бюро по поведению полиции разоблачит коррумпированного офицера полиции, пытавшуюся добыть деньги мошенническим путем и использовавшую официальные ресурсы для личной корысти. Им будет наплевать, что на подобное ее толкнуло страдание.

Обнаружилась вторая семья Сэма совершенно случайно. День начинался, как большинство других. Сэм работал где-то за двести миль, а Хайди пребывала в очередном отпуске, присматривая за детьми, пока школа была закрыта на переподготовку учителей. Пристегнув отпрысков в своей машине, запрограммировала ее забросить их на спортивно-развлекательное мероприятие в зоне отдыха. Ожидая их возвращения, сидела в заброшенной оранжерее, проклиная ее протекающую крышу и разбитые фрамуги. Взяв планшет, залогинилась в «Фейсбуке» на форум, где постят рекомендации надежных мастеров. Но невинное перелистывание видеороликов друзей все переменяло.

Там была вирусная креза для сбора денег и привлечения внимания к благотворительности в пользу душевного здоровья. На участников выплескивали ведра воды, а затем высыпали мешки муки, чтобы сотворить «липкого снеговика».

– Со мной такое сделают только через мой труп, – проворчала под нос Хайди, глядя, как подруга выковыривает из волос липкие комки клейстера. И вдруг углядела имя «Сэмюэл Коул» на теге к ролику под заголовком «Люди, которые тоже могут быть вам интересны».

Это ее озадачило. Через несколько месяцев после женитьбы Сэм с большущим ажиотажем деактивировал все свои учетные записи в соцсетях.

– Эти компании знают о нас слишком много, – стенал он. – Мне от этого не по себе. И потом, мне некогда читать о чужих жизнях, пока едва хватает времени на щепотку собственной.

С этим Хайди поспорить не могла. Однако Сэм мог и не сообразить, что, хотя его профиль в «Фейсбуке» больше не активен, это не мешает другим пользователям вешать на него теги.

Из чистого любопытства Хайди щелкнула на его имени, и появилась цепочка миниатюрных превьюшек видео. Все их загрузила Джози Коул, и к каждой было приаттачено имя Сэма. Хайди не припоминала ни одного родственника с таким именем – по крайней мере, среди

тех, с кем знакома. Первое видео показывало ее мужа с какими-то неизвестными мальчиком и девочкой. Они с хихиканьем окатили его из чашек водой, а потом засыпали мукой.

– Я липкий снеговик и номинирую Эндрю Уэббера и Даррена О’Салливана, – пролепетал Сэм.

– Хочешь полотенце, папочка? – перебила девочка.

– Да, будь добра, – отозвался Сэм.

Хайди окостенела; должно быть, ослышалась. Перемотала ролики и посмотрела снова. «Папочка», – сказала девочка. Воспроизвела снова. И снова. И снова. Хайди повторяла это слово одновременно с ребенком. «Папочка».

Чушь какая-то. «Человек на экране не может быть Сэмом», – думала она. Проиграла видео с половинной скоростью, взглядом препарируя каждый аспект его наружности. Но и лицо, и фигура, и наметившееся брюшко, и рисунок волос на груди, повадки и голос были точь-в-точь как у Сэма. Но как такое может быть? Будь у него семья до их знакомства, она бы уже знала. Впрочем, видео совсем свежее, потому что в нем Сэм выглядит, как сейчас. «Может, у него идентичный близнец, о существовании которого ему неизвестно?.. Нет, вздор». Как, впрочем, и считать человека на экране своим мужем...

Ракурс не позволял разглядеть татуировку с именами Бекки и Джеймса на левой руке Сэма. Хайди нервно перешла к другим роликам, тоже помеченным его именем. Они показывали тех же двоих детей в саду, только на этот раз с ними была женщина. А в предпоследнем ролике Сэм обнял ее рукой за талию, прежде чем поцеловать в губы. Хайди поразило сходство женщины с ней – от прически до улыбки. А в последнем ролике вся семья отдыхала в кемпинге, в котором Хайди тотчас признала тот самый в Олдборо, где они с Сэмом встретились впервые.

И когда он вытянул руку для равновесия, шагая по галечному пляжу, величайшие опасения Хайди сбылись. Руку украшала татуировка. Другого объяснения быть не могло. У Сэма есть вторая семья.

Планшет Хайди упал на пол. Работа в полиции приучила ее рассматривать все улики, прежде чем прийти к заключению, и никогда не давать эмоциям брать верх. Она сделала глубокий вдох. Надо относиться к Сэму как к любому другому подозреваемому.

Обеспокоенно проиграла каждое видео из «Фейсбука» еще раз, стремясь узнать о Джози Коул побольше. Сопоставила даты загрузки роликов с цифровым семейным календарем на стене кухни. Каждый раз, когда один из них появлялся в «Фейсбуке», Сэм работал вдали от дома. Три-четыре раза в неделю он ночевал в недорогом пансионе в Галифаксе, неподалеку от конторы. По крайней мере, так он говорил, и до сих пор у Хайди не было оснований подвергать это сомнению. Она приказала виртуальному онлайн-ассистенту обзвонить все зарегистрированные пансионы и узнать, регистрировался ли он там. Ни в одном Сэм не объявлялся. Должно быть, вместо того разыгрывал с Джози Коул счастливое семейство...

Но почему она пользуется фамилией Сэма? Хайди наведася на страничку Джози в «Фейсбуке», но та закрыла остальную информацию для общего просмотра. Хайди пришлось расширить рамки поиска и вызвать такси.

– Я думала, ты сегодня с детьми, – заметила детектив-сержант Бев Саксон, когда Хайди протиснулась мимо нее в двери отдела угрозыска.

– Надо заняться канцелярской работой, хотела начать пораньше, – невозмутимо ответила Хайди.

Дождавшись, когда офис опустеет, она принялась прочесывать базы данных национальных идентификационных карт и национального компьютера полиции, чтобы узнать о Джози побольше.

Узнала, что Джози – домохозяйка и мать, на год моложе Хайди и подрабатывает в административном отделе местной баптистской церкви. Палец Хайди нерешительно нажал на пиктограмму семейного положения. Джози Хармон обручилась с Сэмюэлом Коулом через десять

месяцев после того, как он заключил узы с Хайди. Его же имя значилось в свидетельствах о рождении обоих детей; он даже продублировал имена детей, которых нажил с Хайди.

Попирая очередные правила, регулирующие использование полицейских данных, Хайди ради собственных нужд использовала протокол по терроризму в качестве предлога для доступа к деловым счетам Сэма. Там она открыла, что он оплачивает из дивидендов совместную закладную на его имя и имя Джози. Имелись также совместные кредитные карты и два банковских счета. Поиск показал, что его бизнес расквартирован в Шеффилде, а вовсе не в Галифаксе, как утверждал Сэм.

Хайди сгорбилась в своем кресле, пытаясь переварить то, что узнала. Уйма аспектов их брака проявилась единым махом. Вот откуда недоверие Сэма к соцсетям и его нежелание не брать отпуск более чем на несколько дней кряду; его рождественские визиты к матери в Алагарви, всегда в одиночку... Порой по возвращении из Галифакса на нем были надеты вещи, которых Хайди у него прежде не видела. Большинство вечеров, которые Сэм проводил дома, он скрывался за закрытой дверью спальни, чтобы отвечать на телефонные звонки «по работе». «Все это время ты разговаривал с ними. Ты разговаривал с другой семьей под нашим кровом».

Хайди разрывалась между яростью и замешательством, но была слишком зла, чтобы потратить на Сэма хоть слезинку. Много раз за следующие несколько дней она была на волосок от того, чтобы позвонить ему и, накричав, потребовать выложить правду. Но человек, способный скрыть от жены вторую семью, поднаторел в искусстве обмана. Хайди не могла рассчитывать на его честность, а ее честности он не заслуживает. И когда Сэм под конец недели вернулся домой из Галифакса, она не обмолвилась о своем открытии ни словечком.

Пытаться удержать чувства в себе, не дав им проявиться в словах, настроениях или поведении, было почти невозможно. Хайди жаждала причинить мужу такую же боль, какую причинил ей он. И это уничижение породило идею.

Поддерживать два дома, двух жен и четверых детей Сэму наверняка нелегко. Вот она и поглядит, что будет, если усугубить давление на него сразу по нескольким разным направлениям.

Начала она исподволь, сперва внедрив его в приложения и на сайты внебрачных свиданий с липовыми профилями, но реальными контактными данными. Когда звонки и «мыло» поперли валом, она тихо забавлялась, глядя, как его передергивает при каждом телефонном звонке или приходе нового послания. В конце концов он стал выключать телефон, приходя домой. Хайди уж постаралась указать его места пребывания в Галифаксе, Шеффилде, Данстэбле и Лутоне, означающие, что кому-то известен его секрет.

Далее, в точности зная, сколько денег он выкачивает со своих счетов для второй семьи, она подняла ставку, выдвинув собственные финансовые требования. За требованием новой высококлассной кухни со встроенным оборудованием и причиндалами последовало предложение замены ванной, а потом – расценки на новую оранжерею. Она упивалась замешательством Сэма, мямлившего невразумительные объяснения, почему у них недостаточно средств на подобные вложения.

И чем неуютнее он себя чувствовал, тем большее бремя Хайди на него громоздила. И хотя его реакция на ее требования была многообещающим началом, она даже близко не подходила к страданиям, терзавшим ее саму. Хайди требовалось взвинтить ставку так, чтобы реально ударить его по карману. Ей хотелось знать, насколько далеко он готов зайти, чтобы сохранить свой секрет. Она будет его шантажировать.

Цифры она взяла с потолка – нелепо завышенную сумму в 100 тысяч фунтов. Таких денег у него под рукой нет, но будет забавно по «мылу» наблюдать, как он извивается, будто уж на сковородке. И она разносила свои требования на неделю друг от друга, чтобы усугубить его дискомфорт до предела. И лишь когда он согласился на это несообразное требование, Хайди

откинулась в кресле и сделала глубокий вдох. Он не остановится ни перед чем, чтобы не дать ей разоблачить его ложь.

Но в дни, предшествовавшие вручению денег, в ее списке «сделать», прежде чем закруглить кампанию, значилась еще одна вещь: Хайди хотела увидеть жену своего мужа во плоти.

Авто Хайди подъехало к бордюру на противоположной стороне улицы от дома Джози. Дом не так уж и отличался от ее собственного. «Те же имена детей, похожие жены, одинаковые дома... ну, хотя бы он последователен», – подумала она, оставаясь в автомобиле, чтобы издали понаблюдать, как члены второй семьи Сэма отбывают один за другим. Сначала вышел его сын, когда наведались его друзья, потом – дочь, укатившая на мотоскутере. Сходство с ее собственными детьми было отнюдь не поверхностным. Наконец появилась и Джози. Переключив окна на режим приватности, Хайди во все глаза смотрела на противницу, прошедшую мимо машины.

И внезапно мимолетного взгляда на неприятельницу стало недостаточно. Хайди хотелось большего. Не задумываясь, она увязалась следом пешком и шла так минут двадцать, пока они не оказались на территории Королевской больницы Колдердейл. Когда Джози скрылась за дверью отделения маммографии, Хайди неловко замешкалась у порога. Разум подсказывал, что надо бросать эту бессмысленную затею и возвращаться домой, но сердце велело остаться. И она повиновалась последнему, пока почти час спустя Джози наконец не вышла.

Хайди тотчас же обратила внимание, какая бледная у той кожа, как покраснели ее глаза, а на топе под мышками расплылись пятна пота. Джози спешила по коридору к выходу, будто за ней гнались. Но в спешке не закрыла сумочку как следует, и когда та соскользнула с ее плеча, содержимое рассыпалось по полу. Как только Джози присела на корточки, чтобы собрать вещи, Хайди покинула свое укрытие, чтобы помочь.

– Спасибо, – выговорила Джози и тут же разразилась слезами.

– Вам нехорошо? – неуверенно осведомилась Хайди. Та лишь слабо кивнула.

У нее за спиной Хайди углядела кафе.

– Пойдемте сядем, – сказала она, помогая Джози подняться на ноги.

«Какого черта ты творишь?! – вопрошала себя Хайди, возвращаясь от стойки с двумя чашками чая. – Это в план не входило!»

– Извините, – выдавила Джози, сморкаясь в салфетку.

– Вы получили дурные вести?

Кивнув, та негромко проронила:

– Получила результаты анализов, которые... нехорошие.

– Это излечимо?

– В одном шаге от очень серьезного рака. Специалист сказал, нужно провести обследование, не является ли эта опухоль метастазом какой-то другой, прежде чем приступить к лечению. Мне придется вернуться для новых снимков.

– Сожалею, – отозвалась Хайди – к собственному изумлению, совершенно искренне.

– Это обрушилось как снег на голову, – продолжала Джози. – Я лишилась сестры из-за этого, так что не могу не думать о худшем.

Спрятав лицо в ладонях, она снова разрыдалась. Хайди совершенно непроизвольно потянулась, чтобы взять Джози за руку. Джози крепко вцепилась в ее ладонь, и обе женщины погрузились в задумчивое молчание.

– Наверное, вы думаете, я совсем чокнулась, раз грузю своими проблемами совершенно чужого человека, – в конце концов нарушила молчание Джози.

– Вовсе нет. А у вас... у вас есть семья, способная вас поддержать? – спросила Хайди.

– Да, муж и двое ребятишек.

Хайди вскинулась, когда та употребила слово «муж».

– А он знает?

– Нет. Он много работает вдали от дома, и я предпочла бы сказать это ему лично, но не знаю, с какого конца взяться. В последнее время у него на работе жуткий стресс, он толком не ест и не спит, и мне не хочется совсем уж загонять его в угол.

Хайди понимала, что сама же и виновата в его страхах, и вдруг месть показалась ей совсем не такой уж и сладостной.

– Он хороший человек? – спросила она.

– Он из кожи вон лезет. Денег в обрез, он трудится не покладая рук, и я знаю, что он нас любит. Опять же, моя мама... У нее начальная стадия старческого слабоумия, и я ее опекунша. Уж и не знаю, как присматривать за ней и в то же время бороться с этим...

– Порой мы удивляем себя самих. Мы даже не осознаем, насколько сильны, пока не окажемся на самом краю.

За свою карьеру Хайди довелось иметь дело с достаточным количеством плохих людей, чтобы отличать хороших от дурных, если не считать мужа. Чутье подсказывало ей, что Джози – хорошая женщина, лишь по ошибке полюбившая человека, не ведая, что он уже женат. Ей незачем знать правду – во всяком случае, пока.

К моменту, когда авто Хайди отъехало от бордюра в утро запланированной передачи 100 тысяч фунтов, она уже приняла решение. Она встретила женщину, нуждающуюся в ее муже больше, чем Хайди. Месть больше не имеет значения; следить за борьбой Джози с раком будет для Сэма куда более суровым наказанием, чем могла бы причинить ему Хайди.

Встретившись с ним позже у шкафчика в Милтон-Кейнсе, где он должен оставить сумку, она скажет ему, что их брак окончен, но не упомянет ни о том, что встречалась с Джози, ни о том, что та нездорова. Это пусть решает его вторая жена.

Однако по пути домой она поведаст детям правду об их отце. Лгать им о нем она не станет; они заслуживают хотя бы одного честного родителя.

А теперь план Хайди разлетелся вдребезги, и для всего мира она такая же коварная обманщица, как и ее муж... Внезапное осознание обрушилось на нее камнепадом. И впервые с момента открытия правды о Сэме она дала волю слезам. Женщина, которую коллеги прозвали Ледяной Королевой Эльзой, начала таять.

Глава 50

– Мне надо спрашивать, кому достанется ваш голос, или и так ясно? – поинтересовалась Фиона у Либби.

Взгляд последней заметался от экрана к экрану, пропуская Софию, прятавшуюся за загороженным объективом. Окинула взглядом Клер и ее нерожденное дитя; Сэма, отца четверых и мужа двух; и его жену Хайди, попорченную женщину. Наконец остановилась на Джуде – человеке, вскружившем ей голову, но больше не видящем в жизни никакого смысла.

По праву следует выбрать кого-то из жаждущих получить второй шанс, но Джуд не из таких. Перед ней более достойные кандидаты, но такие же ущербные, как он. Либби понимала, что какое бы решение ни приняла, оно ляжет на ее плечи тяжким бременем. Но как бы ни старалась, не могла обречь его на смерть за болезнь, над которой он не властен. Быть может, Джуд и прав в своем предположении, что его спасение – своеобразная попытка отыграться за тот раз, когда она не смогла спасти брата. Либби и сама не знала. Сомнений не вызывает лишь одно: ее голос – единственный, который ему светит получить, и подвести его она не смеет.

– Я поддерживаю Джуда, – наконец вымолвила она, и Фиона добавила ее имя в свой реестр.

– Пустая трата времени, – проворчал Джек.

Раз Сэм также заработал один голос, Клер – другой, а Хайди – целых два, смерть Джуда вовсе не предрешена. Теперь все зависит от публики. Но толпы жаждут крови. Они затравили Шабану до смерти и пытались обратить автомобиль Софии в костер на колесах. Глубина их ненависти при полнейшем неведении всей подноготной Пассажиров ужаснула Либби. Вряд ли в их душах отыщется сострадание к человеку, уже запланировавшему собственную смерть.

– Кэдмэн, – внезапно подал голос Хакер, и эксперт по соцсетям вздрогнул, словно ужаленный осой. – Можете поведать нам, к чему склоняется коллективное мнение общественности?

– Разумеется, – ответил тот. Коллеги передали ему планшет, и он приподнял аккуратно выщипанную бровь при виде данных, побежавших перед ним по экрану. – Что ж, чтиво любопытное...

– Любопытное в хорошем или в плохом смысле? – поинтересовалась Фиона.

– Смотря в чьей вы машине.

Джек устремил взгляд в потолок, будто взывая к лучшей стороне души Хакера.

– Не будете ли вы добры попросить свою обезьянку перестать выплясывать вокруг шарманки и проинформировать нас, кого из Пассажиров выбрала общественность? Это мистер или миссис Коул?

– Ну-ну, Джек, хватит строить из себя цацу, – парировал Кэдмэн. – Если ответ опирается только на хэштег «спасем», то по частоте самый трендовый тег по всем социальным медиа-платформам #спасемхайди.

Результат вполне ожидаемый, но у Либби все равно возникло ощущение, словно у нее из-под ног выдернули дорожку. Она поглядела на Мэттью и Фиону – оба высказались за поддержку Хайди. Наверное, оба рады, но из уважения к другим Пассажирам держат свою признательность в узде.

– Однако... – добавил Кэдмэн. Члены жюри обратили лица к нему, пока он шел к центру комнаты, держа сценическую паузу. – Если мы прибавим хэштег «спасем» ко всем остальным независимым хэштегам, сгенерированным и распространяемым юзерами соцсетей, тогда верхнюю строку списка занимает другое имя. Фактически говоря, два имени. И они почти вдвое быют число голосов, собранное #спасемХайди.

– И?... – не вытерпел Джек.

– И, – повторил Кэдмэн, а затем листанул планшет так, что на стене напротив экранов появился один хэштег, – господа присяжные, а также леди и джентльмены, сидящие по домам, позвольте представить вам #дайтеджудуилиббшанс.

Глаза Либби широко распахнулись, став круглыми как блюдца.

– Простите? – в замешательстве переспросила она. – Что вы сказали?

– #дайтеджудуилиббшанс, – повторил Кэдмэн. – Весь мир сейчас только и говорит, что о вашей десятиминутной беседе с Джудом. Люди не готовы к тому, чтобы ваша история оборвалась. Они жаждут знать, что будет дальше. Поглядите.

Содержимое экрана Кэдмэна заполнило оставшуюся часть стены; десятки и сотни сообщений с хэштегами, включавшими «#Либби+Джуд», «#ЖилиДолгоИСчастливоДляД+Л» и «#Спасемнесчастныхлюбленных» вкупе с мемами и гифками.

– Неужто весь мир, на хрен, свихнулся? – опешил Джек.

– Люди всегда любят горемык, – Кэдмэн развел руками.

– И всегда заблуждаются.

– Уж простите, Джек, но эти двое голубков заинтересовали людей. Одни даже срастили их имена, так что «#джуди» имеет честь стать самым быстрораспространяющимся хэштегом всех времен. Соцсети настроены весьма недвусмысленно: их голоса принадлежат Джуду.

Либби поглядела на Джуда; его ошарашенное выражение лица было зеркальным отражением ее собственного. Вопреки всем шансам, у него появилась возможность выжить.

– Не понимаю, – произнесла Либби. – Людям, которые нас не знают, действительно не все равно?

– Да насрать им на вас! – прошипел Джек. – Вы для них ничуть не более реальны, чем Санта-Клаус. Люди хотят верить во что-нибудь, даже если это надуманная херня вроде вас с мистером Харрисоном. Не водите себя за нос, уверовав, будто кому-нибудь внутри или вне этой комнаты есть хоть какое-то дело до того, что будет с любым из вас после того, как эти машины столкнутся.

– С двумя голосами на каждого у Хайди и Джуда ничья, – провозгласила Фиона, кладя планшет на стол. – И что теперь?

– Один из вас должен переголосовать, – объявил Хакер.

– А если никто не станет?

– Тогда мы обречем на смерть их всех. Кто хочет начать?

Глава 51

Мюриэл первой из членов жюри обернулась к Либби, чтобы принести искренние извинения.

– Мне очень жаль, от всего сердца, поскольку я понимаю, что значит для вас Джуд, – начала она. – Но мое сердце отдано нерожденному ребенку Клер. Что бы она ни учинила со своим мужем, я не могу карать за это малютку.

Взяв Либби за руку, она пожала ее, чтобы выразить свое раскаяние. Либби кивнула, не обмолвившись ни словом в страхе, что голос ей изменит, прежде чем повернуться к Мэттью. И сразу же поняла, каким будет ответ, когда Мэттью с трудом заставил себя поглядеть ей в глаза.

– Я думал об этом, честное слово, но не могу сделать детей Хайди сиротами. И прошу за это прощения.

– Всё в порядке, – ответила Либби.

Следующей была Фиона.

– Уверена, вы также понимаете, что, как мать, я переживаю за то, что выпало на долю Хайди. Я пыталась вообразить, каково знать, что больше никогда не увижу своих детей... это просто разбивает мне сердце.

Все, кроме Либби, переключили внимание на Джека. Для него нет никакого смысла бросать спасательный круг ей или Джуду, так что нечего и время терять на вопросы.

– Гмм, – начал он, театрально постукивая себя указательным пальцем по нижней губе. – Вот *это* загвоздочка, а, мисс Диксон? Похоже, последнее слово, решающее ваше будущее, осталось за мной. Вероятно, я контролирую этот суд больше, нежели полагал ваш дружок Хакер. Итак, кого же выбрать, кого же выбрать...

Его голос стих до беззвучного шепота, когда он нацелил палец на экраны, переводя его с лица на лицо последних пятерых Пассажиров.

– Эники-беники, бени-бу, чью машину я взорву?

– Какая муха вас укусила? – вскинулся Мэттью. – Здесь речь о людских жизнях. Это вам не игра.

– Конечно же, игра! Вы разве не видите, что Хакер играет с нами с той самой минуты, как объявился? Так почему же мне нельзя поиграть в собственную игру? А если вы искренне верите, что он позволит одному из этих сердешных улизнуть от столкновения, тогда вы еще больший дурак, чем я считал.

– У него нет причин нарушать свое слово, – возразила Мюриэл.

– Дура набитая, – рассмеялся Джек. – Вытащите голову из своей Библии, Корана, Торы, Вед, или перед какой там религией вы расшаркиваетесь на этой неделе, и составьте нам компанию в реальном мире, ладно? София отчасти права... все это – квинтэссенция телевизионного реалити-шоу.

– Ради всего святого, Джек, просто выберите кого-нибудь, – не утерпела Фиона. – У нас осталось всего четверть часа.

Поднявшись со своего места, Джек направился в центр комнаты. Устроил настоящее представление, поворачиваясь к каждому Пассажирu по очереди, простирая руку и хрустя пальцами. Наконец повернул голову и встретился глазами с Либби, взглядом отшвырнув ее назад, отчего она тотчас же обратилась в женщину, вчера переступившую порог комнаты жюри впервые, чувствуя себя маленькой и ничтожной.

– Умоляйте же меня, – медленно процедил он.

– Джек, полноте, – призвала Фиона. – Проявите чуточку самоуважения.

– Помните, на нас смотрят, Джек. В глазах общественности это отразится на вас не лучшим образом.

Джек пропустил призыв мимо ушей.

– Умоляйте меня, – повторил он.

– Вы больной, – заявил Мэттью. – Просто выберите имя.

– Если мисс Диксон хочет, чтобы ее дружочек пережил этот процесс, тогда мне надо знать, насколько серьезно она к нему относится. Я хочу, чтобы она меня умоляла.

От его презрительной полуусмешки Либби захотелось попятиться. Но вместо того она посмотрела на экран Джуда. Впервые тот выглядел рассерженным. «Нет, – произносил Джуд одними губами, размахивая ладонями перед грудью. – Нет!»

Либби тряхнула головой, прежде чем ее полыхающий взор вернулся к Джеку. Откашлялась. И сдержанно, ровным тоном попросила:

– Умоляю вас выбрать Джуда.

Джек испустил долгий нарочитый вздох.

– Ну вот, было не так уж и трудно, правда? А поскольку вы так мило просили, раз вы правда думаете, что это может сыграть какую-то роль, тогда я переголосую. Приношу свои извинения, мистер Коул, но в последнюю минуту меня принудили оказать поддержку кому-нибудь другому.

Закрыв глаза, Сэм понурил голову.

– И?... – спросил Мэттью. – За кого же вы?

– И чтобы не говорили, что я не слушаю людей и не учитываю их мнения, я поддерживаю лицо, получившее большинство упоминаний в хэштегах.

– Спасибо, – сказала Либби, испытав громадное облегчение. Джуд спасен.

– О нет, по-моему, вы меня неправильно поняли, мисс Диксон, – повел дальше Джек. – Наибольшее количество спасительных хэштегов получила миссис Коул, а не мистер Харрисон. Ваш подопечный заработал голоса общественности только за счет модификации своего и вашего имени, что, на мой взгляд, нечестно. Так что я голосую за истинного победителя – миссис Коул, – а не за психически неустойчивого Пассажира, которому вы благоволите.

Когда Джек взором впился в ее глаза, усмешкой источая лишь кичливое самодовольство, Либби ощутила, как Джуд медленно выскользывает у нее между пальцев. Открыла было рот в отчаянной попытке выступить в его защиту, но тут же поняла, что это бессмысленно. Чувство унижения стремительно переросло в гнев, и Либби едва сдержалась, чтобы не вклеить от души Джеку пощечину.

– Вам нет дела до Хайди, – припечатала она. – Всего пару минут назад вы вещали нам, что она сама толкнула мужа в объятия другой женщины. Вы так поступаете лишь потому, что больше никак не можете проявить жалкие остатки своей власти.

– Вы жалкая неудачница, мисс Диксон, – не смутился Джек. – Эти голоса настолько драгоценны, что я предпочту не растрачивать свой попусту на мертворожденные отношения.

– Почему вы так противитесь тому, чтобы позволить Джуду жить и дать мне шанс?

– Не попадайтесь на его удочку, Либби, – предостерег Мэттью. – Ему терять нечего. Мир видел его во всей красе. У него ни шанса на повторное избрание.

– Да нет, всё в порядке, – не сдалась Либби. – Ну же, Джек, излейте душу.

Тот повернул голову к Джуду:

– А вы всерьез задумались, что «#ЖилиДолго ИСчастливоДляД+Л» означает на самом деле? Вы – работник психиатрического отделения, мисс Диксон, а не Уолт Дисней. Уж вам ли не понимать, что в вашей книге сказок никаких долгих счастливых не бывает. Ни синички, ни кролики не поведут вас с прекрасным принцем в рассвет в конце сказки. Если я позволю мистеру Харрисону пережить этот процесс, скажите честно, что, по-вашему, произойдет, когда вы покинете эту комнату? Да, у вас может сложиться неуклюжий, взаимозависимый раздрай отношений, которые переживут недели, а то и месяцы, если повезет. Но когда интерес мира к вам поугаснет и останетесь лишь вы двое, мистер Харрисон продолжит схватку с теми же демо-

нами, которые терзали его задолго до того, как вы упали друг к другу в объятия. На самом деле его тревоги и терзания, скорее всего, усугубятся, потому что на его хрупкие плечи лягут упования всего мира, в том числе и ваши, а он вряд ли совладает с таким бременем. Быть может, на первых порах он и сумеет убедить себя, что должен жить ради вас, и захочет в это поверить, искренне захочет. Но втихую, не облекая это в слова, будет балансировать на канате между жизнью в угоду вам и отчаянно вождленным покоем, толкнувшим его сегодня на смерть. Потом, когда вы на минутку отвлечетесь, он сорвется с каната и уже не сможет вскарабкаться обратно. И это не станет для вас полнейшей неожиданностью, потому что в глубине души вы будете этого ждать. Каждый раз, когда он не ответит на звонок после двух-трех гудков или когда вы вернетесь с работы, а в доме будет чуточку чересчур тихо, первым делом вам будет приходить в голову, что он болтается на осветительном шнуре, как Никки. И, как и в случае с братом, вы будете знать, что это ваше упущение, потому что это вы принудили его к жизни, несносной для него. Так что чем сидеть здесь, как расфуфыренная дамочка-такая-вся-в-своем-праве, которой дали от ворот поворот, вы благодарить меня должны. Потому что я избавляю вас от этой головной боли. Посылая мистера Харрисона на смерть, я даю вам возможность продолжать ваше банальное, унылое существование, не внося в свой список расходов затраты на погребение.

На сей раз сдержат ярость Либби уже не смогла.

– Пошел к черту! – крикнула она, бросаясь на Джека с кулаками. И ее рука уже была на волосок от его физиономии, когда Мэттью, ступив между ними, схватил ее за талию и потащил в другой конец комнаты, как она ни лягалась.

– Уйма людей куда лучше, куда крупнее и куда сильнее вас пытались переть против меня и проиграли, – прошипел Джек. – Не вы первая, не вы последняя. Имейте в виду, людям вроде вас никогда не взять верх над такими, как я.

– Единственный прок из всего этого, что ваш электорат во всей красе узрел кучку ханжески благочестивого, чванливого, никчемного дерьма, каким вы и являетесь на самом деле, – вскипела Либби.

Джек отмел обвинения взмахом ладони:

– Хоть горшком назовите, мисс Диксон, только в печку не ставьте. Это ничего не изменит, потому что, нравится вам это или нет, я нужен. Я ценен. Ко мне прислушиваются. Я – авторитет. А вы – никто!

Не успела Либби достойно ответить, как из динамиков вырвался пронзительный крик, заполнив всю комнату. Головы повернулись к стене экранов, отыскивая источник, пока не остановились на Клер. Ее звук вернулся.

Глава 52

– О боже! – выдохнула Мюриэл. – Поглядите на нее!
– Неужели она...
– Да, – перебил Мэттью. – Судя по всему, у нее схватки.
– Имитирует, – отмахнулся Джек.
– Да поглядите на нее, идиот! – оборвала Фиона. – Разве похожа она на женщину, имитирующую схватки?

Лицо Клер исказилось от боли. Из всех сил закусив нижнюю губу в попытке сдержать следующий вопль, она припечатала обе ладони к приборной доске и плотно зажмурилась, пока схватка не прошла.

– Последняя ставка на сочувствие, – высказался Джек. – Готов поставить деньги на тот факт, что она играет на камеру.

– Нет у вас никаких денег, забыли, что ли? – уязвила его Либби. – Мир опустошил ваши счета.

– Почему мы видим это только теперь? – заинтересовалась Мюриэл. – Минуту назад она не испытывала такой боли, разве нет?

– Наверное, он закольцевал ее, – ответил Мэттью. – Наверное, показывал нам ее предыдущие съемки, до начала схваток. Мы были слишком заняты дебатами о ее жизни, чтобы заметить это.

– Нужно вытащить ее оттуда, – заявила Мюриэл и возвела глаза к небу. – Вы меня слышите? Вы должны помочь этой девочке и ее младенцу!

– Вы говорите с Богом или с Хакером? – Джек ухмыльнулся.

– Да заткнитесь вы! – рявкнула Мюриэл.

Тут же динамик затрещал, и послышался голос Хакера:

– Если оценивать момент родов по среднему промежутку между схватками, весьма вероятно, что Клер разродится в ближайшие тридцать минут.

– Вы хоть представляете, какому стрессу подвергаются она и ребенок? – не унималась Мюриэл. – Вы должны отпустить ее сейчас же.

– Как бы я ни хотел этого, мои руки связаны.

– Что вы городите? Это ваша игра, ваши правила, и вы можете поступать, как вздумается.

– Но, за исключением вас, Клер спасти никто не хотел. Я дал вам обещание, что освобожу лицо, которое вы выберете остаться в живых после процесса. Если я отпущу ее, то нарушу собственное слово. А вам известно, какое значение я придаю честности.

Либби знала, что должна сделать, но это решение было для нее как удар кувалды. Поглядела на экран Джуда, и он кивнул, словно прочитав ее мысли и дав свое согласие.

– Если вы не можете изменить свое решение, можем ли это сделать мы? – спросила она. – Если передумаем, сможем ли спасти Клер и ее ребенка?

– Да, сможете.

Мюриэл поглядела на коллег, приподняв брови и взглядом умоляя о поддержке. Мэттью отреагировал первым, кивнув.

– Я тоже, – прибавила Фиона.

Либби подавила бурлящие в душе эмоции. Снова поглядела на Джуда, одарившего ее самой теплой, но самой печальной улыбкой из всех, какие ей доводилось видеть.

– Я поддерживаю Клер, – выговорила она.

– Думаю, я останусь с миссис Коул, – заявил Джек.

– Это ваше окончательное решение? – осведомился Хакер. Каждый член жюри кивнул. – Тогда побеждает волеизъявление большинства. Вы избрали спасти Клер.

– Вы остановите ее машину и обеспечите помощь? – спросила Либби.

– Я могу подтвердить, что ее мобиль остановится в надлежащее время, до того как ей предстоит столкнуться с остальными.

Либби промокнула следы эмоций из глаз, отстранилась от Фионы и поглядела на таймер обратного отсчета.

– Но до этого еще десять минут. Почему вы не можете сделать это сейчас же? Камеры дронов показывают, что за всеми Пассажирами следуют «Скорые». Они могут помочь ей.

– Женщины рожают тысячи и тысячи лет, Либби. Смарт-кресло Клер регистрирует ее показатели для меня. Я уверен, что она и ее ребенок переживут этот процесс целыми и невредимыми.

Либби не удержалась от недоверчивого смешка.

– Как вы можете уверять нас в чем бы то ни было? Вы убивали людей, вы принуждали нас принимать невозможные решения, попирающие все, во что мы верим. И чего ради? Из-за того, что вам не по душе беспилотные автомобили или искусственный интеллект? Что ж, мне тоже, но я же не взрываю невинных людей!

– Так вы думаете, что я поэтому так поступаю, Либби?

– А разве нет?

– Вы неправильно поняли мои мотивы.

– Тогда освободите Клер и поведайте нам.

Хакер поколебался, прежде чем ответить:

– Пожалуй, резон, стоящий за сегодняшними событиями, лучше прозвучит из уст Джека. Поскольку все, что произошло сегодня, случилось из-за него.

Глава 53

BirminghamExaminerOnline.co.uk

Опубликовал: Рич Дженкинс, 11:45

Полиция подтвердила, что металлическая ограда вокруг бывшего участка «Келли и Дэвис» была снесена силами военных в ходе подготовки к катастрофе, организованной Хакером. Представители общественности игнорируют предупреждения полиции о необходимости держаться подальше ради собственной безопасности. Тысячи человек уже загрохотали улицы, ведущие к месту столкновения.

Все взоры обратились к парламентариям. Джек даже бровью не повел при этом обвинении, сохранив горделивую осанку.

– Джек, – продолжал Хакер, – не будете ли вы любезны объяснить миру, как на самом деле беспилотный автомобиль в случае катастрофы принимает решение, кому жить, а кому умереть? Ибо все, что вы нам поведали, было ложью, не так ли?

– О чем он толкует? – спросила Фиона.

Экраны, показывавшие Пассажиров и новостные каналы, сменились одним-единственным изображением – лицом Джека, транслируемым множеством скрытых камер, рассеянных по стенам. Он не удосужился отреагировать ни на них, ни на пристальное внимание присутствующих. Вместо того хранил твердое, стоическое выражение лица, выпрямив спину, сцепив руки и расставив ноги на ширину плеч.

– Давайте же, Джек, – уговаривал Хакер. – Либо я им скажу, либо вы. Мне до лампочки, каким образом это будет раскрыто.

Часы отсчитали тридцать секунд, прежде чем Джек шелохнулся. Не обращая внимания ни на кого, поправил галстук и направился к высоким деревянным дверям выхода. И задержался там, стоя к коллегам спиной.

– Боюсь, теперь ваша очередь побыть Пассажиром, – произнес Хакер. – Не хотите ли вы снять с души какое-нибудь бремя? И помните, честность – лучшая политика.

Джек не отозвался ни словом, так что Хакер поддал жару:

– Что вы умалчиваете от общественности и коллег-присяжных с той самой поры, как начались расследования? Как беспилотный автомобиль *на самом деле* принимает решение в случае потенциально фатальной аварии?

– Я полагал, – взял слово Мэттью, – что мы приняли немецкий подход, при котором программное обеспечение должно быть запрограммировано избегать травм и смертей любой ценой. Автомобиль оценивает каждый индивидуальный сценарий, прежде чем избрать наилучший образ действий с минимальным количеством травм и смертных исходов.

– Именно такими и были намерения, когда технология еще пребывала, так сказать, в колыбели, – отозвался Хакер. – Больше всего общественность тревожило, как могут роботы выносить этические и нравственные решения. Власть предрекавшие уверяли нас, что беспилотные автомобили будут пытаться спасти как можно больше жизней. И этого было довольно, дабы умиротворить большинство из нас, даже тех, кто боялся, что автопроизводители на первое место будут ставить безопасность их Пассажиров. Но это было ложью, не так ли, Джек?

Потому что автомобили, за которые вы столь пылко агитировали, защищают людей, которых *вы* сочли наиболее ценными для общества.

– О чем это он? – шепнул Кэдмэн одному из подручных. – Почему я не читал об этом в Сети?

– Что он имеет в виду под «ценными для общества»? – осведомилась Либби.

Джек неколебимо хранил молчание, так что за него ответил Хакер:

– Если катастрофа с участием беспилотного автомобиля неизбежна, для принятия решения машина сканирует не только окружение, но и *вас*. Все, что занесено в вашу национальную идентификационную карту. И информация, собранная вашими носимыми устройствами, менее чем за наносекунду определяет, заслуживаете ли вы спасения или вами можно пожертвовать.

– Но в удостоверениях личности содержатся лишь основные сведения вроде номера соцстраха, группы крови, сканов сетчатки и тому подобное. – Либби потрянула головой. – Как ценность моей жизни может зависеть от чего-то вроде цвета глаз?

– На самом деле карты собирают и хранят куда больше – массу данных, полученных отовсюду, где вы предоставляете свою информацию. Карта хранит вашу медицинскую карту, историю интернет-поисков, онлайн-покупок, уровень образования, средний и ожидаемый заработок, историю отношений, размер закладной, полицейское досье, с кем вы общаетесь в соцсетях – и это далеко не полный список.

– Значит, это подобие наших постоянно пополняющихся биографий? – уточнил Мэттью.

– Вот именно. Это резюме, способное меняться ежедневно, даже ежечасно. Докиньте сюда данные в телефонах, с которыми мы не расстаемся, и носимые гаджеты вроде отслеживающих вашу физическую активность и здоровье, и вкуче это даст полную картину – наш портрет, наше место в обществе и нашу роль в формировании будущего страны. Вся эта информация помогает машине оценить нас, прежде чем решить, жить нам или умереть.

– Кого же она считает более важным, чем остальные? – поинтересовалась Фиона.

– Позвольте привести пару примеров. Если надо выбрать между безработным подростком и высокопоставленным муниципальным чиновником, для подростка дело кончится плохо. Если имеется беременная женщина и пожилая особа, живущая на государственную пенсию, в расход идет последняя. Тучному субъекту лучше не тягаться со спортсменом; точно так же лицо с судимостями не в фаворе против лица без приводов в полицию. Офицер полиции тянет больше, чем медсестра, но врач перевешивает офицера полиции. Курильщик лучше наркомана, а раковый больной предпочтительнее того, у кого в семейном анамнезе значится сумасшествие. Парламентарий торжествует над госчиновником, но министр бьет парламентария. И так далее, и тому подобное, дальше и дальше. Лицо, наиболее полезное для нашего общества, всегда берет верх. Когда доходит до беспилотных авто, никакого равенства нет и в помине.

Внезапно экраны заполонили изображения, данные, имена, папки расследований со штампом «Секретно», черновики и фотографии – и все это со ссылками для скачивания. Среди них Либби узнала трех жертв, очевидцем гибели которых стала на Монро-стрит.

– Если все это правда, то у меня нет слов, – выговорила Фиона, – просто нет слов.

– Как такое вообще могли санкционировать? – спросил Мэттью. – Кто-то же должен был дать этому добро?

– Избранная кучка сановников, окопавшаяся в стенах Вестминстера, решила использовать наши собственные данные против нас, обеспечив, чтобы смерть на дорогах обходила тех, кто «имеет значение». Злоумышленники – в число них входил и Джек, – которым была поручена разработка и внедрение, углядели возможность зачистить общество от определенных членов, по их мнению, отдающих ему недостаточно. Они хотели пустить наши данные в ход против нас.

В комнате воцарилось гнетущее безмолвие. Каждый переваривал и укладывал в голове обвинения Хакера.

– Это правда, Джек? – спросила Мюриэл. – Мы для вас всего-навсего данные?

Покачивая головой, Джек подпернул манжеты рубашки, чтобы они выступали из-под рукавов пиджака. И наконец повернулся к членам жюри лицом.

– Британский народ стал всего-навсего данными с того самого момента, когда Вильгельм Первый провел первую перепись для «Книги страшного суда»²¹ в тысяча восемьдесят шестом году, – начал он. – Все мы являемся – и всегда были – статистикой, так что не будем притворяться, что это катастрофический кризис, рискующий напрочь разорвать все нравственные фибры нашего общества. Как по-вашему, вам дают одобрение на кредитные карты и ссуды? Как принимаются решения о том, каким должен быть размер вашей страховой премии? Как мы определяем число иммигрантов, допускаемых в нашу страну? На основе собранных данных. Здесь произошло лишь то, что мы достигли нового уровня своего исторического развития, когда принимаются решения о том, насколько вы важны для родной страны.

– И вы считаете это позволительным?! – выпалила Либби. – Прямо не верится, что я это говорю, но наш враг – не ИИ, а вы!

– Поведайте мне, мисс Диксон, а чего вы ждали от нас? – не смутился Джек. – Вы правда думаете, что мы позволили бы машинам принимать *все* решения? Мы не дураки; разумеется, мы собирались держать их в крепкой узде. Нам предоставили невообразимую, случающуюся лишь раз в жизни возможность защитить людей, формирующих наше общество, спасающих жизни, делающих свой вклад, делающих ее лучше для нас всех. Поставить их на первое место – наш долг. И, по-вашему, мы должны профукать его во имя равенства, которого в нашей стране на самом деле никогда и не было? Это всего лишь модернизация классовой системы. Если вам для спасения жизни нужна операция, кому вы доверите скальпель – врачу или грузчику из супермаркета? Если вы окажетесь в горящем здании, какого спасителя вы предпочтете? Опытного пожарного или молодчика с задержкой развития?

– Вы судите жизни, учитывая и инвалидность? – уточнила Мюриэл.

– Ну конечно же, да! – рассмеялся Джек.

– Но мы все Божьи...

– Приберегите это для воскресной проповеди. Вы или ваша жена провели типовой двадцатинедельный скрининг-тест для своего ребенка?

– Да.

– Зачем?

– Чтобы убедиться, что всё в порядке.

– А если б это оказалось не так?

– Ну... э-э... мы бы приняли решение, исходя...

– Вы ханжа. Потому что если б мы так уж ценили неполноценных, как утверждаем, мы не проверяли бы зародыши на аномалии развития во время беременности.

– Это ничуть не лучше того, что делали нацисты, – упрекнула Либби. – Вы используете дорожные аварии, чтобы устранять тех, кто не вписывается в ваш образ того, как должно выглядеть общество.

– Но мы ведь не пускаем в ход солдат, чтобы устраивать облавы и сгонять людей в концлагеря, так? Мы только-то и делаем, что в редких случаях фатальных ДТП ставим страну на первое место. Это естественный отбор современной эпохи. Разумеется, я и не рассчитываю, что человек вроде вас способен это постичь.

– Люди хотели не этого, – не уступала Либби. – Помните результаты опроса американского университета? Миллион пользователей по всему миру отвечали на этические вопросы

²¹ Земельная опись Англии, произведенная Вильгельмом Завоевателем.

о том, кому надо отдавать предпочтение при автокатастрофах, и их ответы должны были служить фундаментом для политических деятелей вроде вас.

– Это называли Машинной Нравственностью, а глобальные опросы вроде этого надо делить надвое, – ответил Джек. – В них принимали участие только технически подкованные граждане, так что они не представляют мнение всех слоев общества. И в каждом сценарии было только два исхода: должны умереть *те* или *эти*. Взяв данные результаты на вооружение, мы позволили бы влиять на наши законы разным культурам разных стран. Вы хотите, чтобы мнения китайцев или саудовцев диктовали, кто должен жить, а кто умереть на британских улицах? Вздор!

– Тогда в чем был смысл этих расследований? – задала вопрос Фиона. – Раз решение уже принято, тогда мы занимались ненужным делом. Разве что-либо из здесь сказанного имело хоть самое мизерное значение?

– В случаях, когда погибшие не имели при себе удостоверений личности или телефонов и мы знали о них очень мало, ваше суждение оказывалось полезным.

– Эти расследования – всего лишь дымовая завеса, так ведь? Правительство прикрывало ваши махинации ширмой надлежащего судопроизводства, которого не было и в помине.

Прикрыв веки, Джек ущипнул себя за переносицу.

– Это уже начинает утомлять. Ввод беспилотных автомобилей был самой мощной перестройкой эволюции автотранспорта с той поры, когда на наши дороги выехали самобеглые коляски. Ни один из зрителей этого фарса не имеет ни малейшего понятия о том, сколько сил вложено за кадром, чтобы все это заработало. И вы критикуете нас за то, что нам приходилось принимать трудные решения? Да как вы смеете?! Нравится вам это или нет, статистика говорит сама за себя, и итог таков: благодаря тому, что я помог сотворить, наши дороги еще никогда не были настолько безопасными. Искуснейший водитель на свете не может реагировать столь же стабильно и адекватно, как эти автомобили.

– Попробуйте сказать это семьям Виктора, Билкис, Шабаны и сотен человек, пострадавших от взрывов и погибших сегодня утром, – указала Либби на экраны. – А заодно упомяните Пассажирам, до сих пор заточенным в этих авто и ожидающим смерти, что творите это во имя высшего блага.

– Вы не только дура, мисс Диксон, но и невежда.

– От такого слышу, Джек, от такого слышу.

– Время, – перебил их Мэттью. – Посмотрите на часы.

Каждый член жюри обернулся к дисплею обратного отсчета. До запланированного столкновения Пассажиров осталось две минуты.

Глава 54

Channel24/7News.co.uk

Следующие кадры могут неблагоприятно сказаться на психике несовершеннолетних и лиц с повышенной чувствительностью. Просмотр на усмотрение родителей.

С высоты 1200 миль над поверхностью земли спутник «Астра» в режиме реального времени транслировал на стену комнаты расследования изображение обширного пустыря в окружении перемеживающихся голубых и алых огоньков – принадлежащих автомобилям экстренных служб, заключила Либби.

Промышленные районы в окрестностях Бирмингема опутали смарт-шоссе и шоссе с двухсторонним движением. Здесь размещались промышленные предприятия, в том числе и бывший завод «Келли и Дэвис», ныне представляющий собой груды мусора и пустыри.

Когда объектив спутника сделал наезд, Либби разглядела, что движение на шоссе застыло: зрители покинули свои машины и поспешили поглазеть на грядущее столкновение с безопасного удаления. Одних зевало сдерживало полицейское оцепление, а другие забрались на капоты и крыши, чтобы лучше видеть. Их явно не пугало, что при взрыве автомобиля Шабаны десятки человек получили ранения или погибли.

Рядом с таймером обратного отсчета появились новые цифры – расчетное расстояние, отделяющее Пассажира от точки столкновения. «2 мили», – гласили они. Либби с натугой сглотнула.

Рядом появилась сгенерированная компьютером карта вкупе с трехмерными графическими моделями автомобилей, движущихся к обозначенной области. На других экранах можно было увидеть Пассажира, снятых внутри камерами приборных досок, а снаружи – дронами и вертолетами, преследующими их.

Закончивший отправление своих обязанностей Кэзмэн с командой маячил в глубине комнаты, а члены жюри поднялись на ноги и направились в центр помещения, чтобы посмотреть, как Хакер исполнит последнюю часть своего плана. Джек предпочел остаться на своем месте у запертого выхода. Либби мельком бросила на него взгляд. Осанка его была уже далеко не столь прямой, а выражение лица подрастеряло свою неукротимость. Наверное, пытается отыскать путь из своего безвыходного положения, предположила Либби, раз правда уже вышла на свет. Его позиции в парламенте и кабинете министров подорваны, финансовые средства вычерпаны досуха, а его самого, вероятно, ждет уголовное расследование за махинации, которыми он помогал дирижировать. По заслугам; может считать, что еще легко отделался.

Но сейчас Либби больше не хотела терять время, думая о нем, и сосредоточилась на Джуде. Ей отчаянно хотелось поговорить с ним в самый последний раз, но у нее не было слов, способных сделать его положение более сносным. И как ни мучительно будет ей смотреть, она обязана быть рядом, когда его авто столкнется с остальными. Они повязаны одной веревочкой.

«1,7 мили», – значилось на указателе расстояния.

Джуд выглядит собранным, подумала она, словно смирился со своей участью. Либби не забыла почему. Он уже свылся с мыслью о смерти, запланированной на сегодняшнее утро. Конечным итогом того, что вот-вот произойдет, станет именно то, чего он и желал. «Если б я только расслышала твое имя тогда в баре, – подумала она, – все могло бы обстоять для нас обоих совершенно иначе».

Приглушенные голоса двух ведущих новостей, излагавших гипотетическую версию развития событий взрыв за взрывом, раздавались в комнате едва слышным бормотанием.

– Вы не могли бы прибавить громкость? – попросил Мэттью, и Хакер исполнил просьбу.

– ...и теперь, когда до срока чуть больше минуты, почти не осталось сомнений, что пятеро Пассажиров столкнутся на территории бывшего автозавода «Келли и Дэвис», последнего традиционного британского автопроизводителя перед самым началом Дорожной революции. Беременная Клер Арден, у которой, вероятно, начались преждевременные роды, была избрана присяжными кандидатом на избавление от этого сурового испытания, но пока что ее автомобиль не выказывает ни малейших признаков отклонения от курса. Аварийно-спасательные службы уже стоят наготове на месте предстоящих событий и опубликовали заявление, что, хотя их сотрудники не в силах предотвратить или ослабить саму катастрофу, когда та произойдет, они попытаются свести последствия к минимуму, отправив пожарных для тушения огня и парамедиков для помощи пострадавшим.

1,3 мили.

Внимание Либби переключилось на Клер, теперь перегнувшуюся пополам, поджав губы, крепко зажмурившись и стиснув живот в ожидании окончания очередной болезненной схватки.

– Почему вы ее не выпустили? – обратилась Либби к Хакеру. – Вы сказали, что выпустите, если мы проголосуем за нее. Мы выполнили все, что вы нам велели, так что пора исполнить вашу часть сделки.

Ответом ей послужило молчание.

Потом Либби поглядела на Сэма. Его нога дергалась, а руки были сцеплены, словно в молитве. Тем временем Хайди держала в руках телефон, нашептывая что-то в микрофон. Связи нет – значит, записывает послание детям, надеясь, что прибор переживет катастрофу, предположила Либби. Единственным невидимым Пассажиром оставалась София, по-прежнему смутно видневшаяся сквозь свой шарфик.

«Что творится у них в головах?» – гадала Либби, а потом попыталась вообразить себя на их месте, но не смогла. Вспомнила, как во время учебы в университете добровольно по выходным помогала в хосписе, обеспечивая паллиативный уход смертельно больным. И почти все ее время уходило на утешение людей, стоящих на пороге смерти. Они дали ей представление о том, как люди сживаются с неизбежным, каждый по-своему. Но она силилась постичь, каково быть Пассажиром, глядящим на часы и отсчитывающим секунды до собственной кончины.

1 миль.

Либби вернулась к Джуду. Теперь его глаза были закрыты. Она вообразила свою ладонь у него на груди, вздымавшейся и опадавшей с каждым вздохом. Написал ли он заранее письма друзьям или своему отмежевавшемуся брату, чтобы объяснить свое решение, задумалась она. Ее собственный брат Никки не оставил ни строчки. Просто сладил петлю из осветительного шнура, пока вся семья внизу хлопотала над приготовлением торжественного обеда в честь его «возвращения домой». Когда отец срезал его и побежал к телефону вызвать помощь, Либби прижала ухо к губам брата и потрянула его тело, словно хотела вытрясти последние слова, застрявшие у него в горле. Но сказать ему уже было нечего.

0,8 мили.

В пределах периметра зоны появилось первое из пяти авто вместе со своим армейским эскортом, но с такой высоты и под таким углом Либби не могла разобрать, кому оно принадлежит. За ним по пятам прикатил второй автомобиль, следовавший другим курсом, потом третий, четвертый и пятый. Все на равном удалении друг от друга. «Вот оно, – подумала Либби, – вот здесь все и закончится». Вздох дался ей не без труда.

Чужое прикосновение вырвало ее из ступора, заставив инстинктивно отпрянуть, когда чья-то ладонь стиснула ее руку. Обернувшись, Либби увидела, что ладонь принадлежит

Мюриэл, другой рукой взявшейся за руку с Фионой. Та, в свою очередь, держала за руку Мэттью. Они так и стояли в шеренгу, глядя на экран будто в предвосхищении Вознесения. Что бы они там ни думали друг о друге в начале дня, с той поры их сплотило чувство локтя. Не обронив ни слова, Либби приняла руку Мюриэл.

0,6 мили.

– Автомобили менее чем в тридцати секундах друг от друга, – вещал новостник. – И через камеру вертолета мы видим, что Пассажиры уже находятся в пределах видимости друг от друга.

Камеры приблизились к обугленному, помятому автомобилю Софии, покинувшему двухполосное шоссе и направившемуся к пустырю. Потом Либби узнала машину Джуда, едущую по другой дороге к распахнутым воротам и наспех снесенной ограде. Дальше следовали авто Хайди, потом Сэма, и наконец показалась машина Клер.

– Каждый автомобиль следует со скоростью около шестидесяти миль в час, – продолжал ведущий. – В мобилях Пятого уровня больше функций безопасности, чем в традиционных автомобилях, но, поскольку они попадают в ДТП гораздо реже, они изготовлены из более легких и недорогих материалов. Так что на такой скорости при срабатывании стандартных двенадцати подушек безопасности в каждом автомобиле шансы Пассажиров на выживание ничтожны. А поскольку каждый автомобиль, вероятно, заминирован, смертельный исход неизбежен.

0,4 мили.

Либби стиснула ладонь Мюриэл крепче.

– Хакер лгал, что мы можем избавить одного от смерти, – слезливо проговорила Мюриэл. Пальцы ее дрожали. – Голосование было пустышкой. Он собирается убить и Клер тоже.

Либби не слушала. Сейчас ее внимание сфокусировалось в точку на Джуде. «Я могла бы спасти тебя, – думала она. – Я знаю, что могла бы, дай мне Хакер шанс. И тогда ты тоже спас бы меня».

0,2 мили.

Дроны и вертолеты подались назад ради собственной безопасности, потому что все авто Пассажиров уже въехали на пустырь среди развалин под разными углами, двигаясь строго по прямой и вздымая колесами тучи белой и серой цементной пыли. Теперь глаза Джуда были открыты, но он не видел, что происходит. Взгляд его был прикован к объективу. «Смотрит на меня, – подумала Либби. – Хочет, чтобы мое лицо было последним, что он увидит». И выдавила из себя широчайшую улыбку, хотя глаза застили слезы. Поднесла свободную руку к груди прямо напротив сердца. Джуд поступил точно так же.

0,009 мили.

– Осталось три секунды, – мрачно провозгласил телеведущий. – Да пребудет с ними Бог.

Либби внутренне подобралась, когда вдруг, без всякого предупреждения, все автомобили до единого внезапно резко повернули идеально согласованным маневром, и тут же сработали их тормоза, бросив машины в шикарный занос до полной остановки.

Глава 55

Высвободив ладонь из хватки Мюриэл, Либби вцепилась в воротничок блузки.

– Что происходит? – опешила Фиона. Пододвинула очки к переносице и подступила ближе к экранам в попытке постичь показанное.

– По... по-моему, это не произошло, – проговорила Мюриэл. – По-моему, они не столкнулись. Нет ни взрыва, ни пожаров, нет... ничего.

Трансляция из каждого автомобиля оборвалась, оставив только съемки снаружи. Однако клубящееся марево поднятой пыли скрыло пустырь от камер дронов, вертолетов и спутника плотной серо-белой пеленой.

Всеобщее внимание переключилось на уличные камеры новостных команд, сделавших наезд на бурлящий пылью и сором воздух в отчаянной надежде уловить момент, когда в нем наконец обозначится просвет. Либби с нетерпением смотрела, как автомобили аварийно-спасательных служб направляются к машинам Пассажиров, воздерживаясь подъезжать слишком близко и слишком быстро на случай запоздалой детонации. Потом трансляция свелась всего к пяти экранам, изображения на которых были взяты с нагрудного видеорегистратора пятерых армейских взрывотехников. Они были облачены в толстые взрывозащитные бронекостюмы и продвигались с предельной осторожностью. Время будто застыло, пока они не добрались до автомобилей, к которым внимание всей планеты было неотрывно приковано последние два с половиной часа.

Техник, руководящий бригадой, поднял руку в перчатке вверх, и остальные моментально застыли. Его палец указал по очереди на каждое авто, и все пятеро направились каждый к своему автомобилю. Единственным звуком, доносившимся из динамиков, было их глубокое, хриплое дыхание под кислородными масками. Потом, без предупреждения, все машины до единой издали один и тот же звук. Простой щелчок.

– Что это было? – шепнула Мюриэл.

– По-моему, их двери отперлись, – сказал Мэттью.

Пыль начала рассеиваться, члены жюри насторожили уши, когда дверь первого Пассажира стремительно распахнулась.

– Кто это? – спросила Либби, когда из автомобиля выбралась фигура, замаячившая в туче призрачным силуэтом.

– Едва различаю... по-моему, это Сэм Коул, – ответил Мэттью. Видеорегистратор, сфокусировавшись на лице, подтвердил личность Сэма. Едва выбравшись из машины, он поспешно завертел головой, словно отыскивая автомобиль Хайди, но, прежде чем углядел ее, его увлекли прочь от опасности.

– Где Джуд? – спросила Либби, едва не поперхнувшись словами.

– Не знаю, но, по-моему, это Хайди, – Мюриэл указала на второй автомобиль.

Та выбиралась более настороженно, крепко зажмурив глаза, словно до сих пор ожидала взрыва авто в любой момент. Когда этого не произошло, она рискнула приоткрыть один глаз – и шарахнулась от техника в толстой броне, взявшего ее за руку и потащившего прочь от машины.

Потом регистратор засек Клер, силившуюся выбраться из машины. Она протянула руку в безмолвной мольбе о помощи, и как только ее отвели в безопасное место, новые фигуры во взрывозащите бросились к ней на помощь и унесли на носилках к ожидающим каретам «Скорой помощи».

Остались два автомобиля. Либби стреляла глазами то на один, то на второй, ожидая увидеть Джуда. Напряжение было невыносимым.

Камера сфокусировалась на большей из машин, в которой Либби узнала авто Софии. Его двери в стиле «крыло чайки» не открылись. Техник протянул руку, чтобы открыть их, и едва

петли откинулись, маленькая собачка выскочила и в панике вслепую рванула прочь. Техник подошел поближе, и наконец его камера поймала Софию. Ее тело было недвижно распростерто на заднем сиденье. Ее поспешно вытащили из машины и положили на землю, пока не подошли носилки.

– Пульс есть? – услышала Либби чей-то крик, но ответ прозвучал приглушенно и невнятно. Манжеты жакета Софии и руки были залиты кровью.

Остался лишь один автомобиль, и Либби была вне себя.

– Почему Джуд еще не вышел? – всхлипнула она.

– Может, он в шоке, – предположил Мэттью. – На предельный стресс люди реагируют по-разному. Может, ему просто нужна минутка, чтобы сориентироваться...

– Но Хакер все равно мог взорвать его машину. – Либби подняла голову к громкоговорителям, чтобы обратиться к Хакеру: – Где он? Почему вы отключили камеры приборных досок? Я хочу видеть его.

Хакер хранил полнейшее молчание.

Когда Мюриэл попыталась снова взять Либби за руку ради утешения, та отдернула ее. Либби казалось, что кожу пронзают раскаленные иглы, рассеянные по всей ее поверхности; дыхание участилось. Приступ паники казался неминуемым, но на сей раз она не могла найти в себе сил, чтобы смягчить удар.

– Пожалуйста, скажите мне, что происходит, – взмолилась она.

– Либби, смотрите, – сказал Мэттью, и ее глаза метнулись к экрану и машине Джуда. Очередная фигура во взрывозащитном костюме повернула ручку, чтобы открыть дверь. Сердце Либби забилось сильно и часто в страхе, что Хакер припас в рукаве последнюю уловку. Затем дверца медленно отворилась. «Прошу, будь в порядке», – твердила она себе. Прикусила нижнюю губу настолько сильно, что ощутила вкус крови.

Техник медленно, без спешки наклонился, до пояса сунувшись внутрь автомобиля. Но камера, прикрепленная к другой половине его груди, прижалась к кузову, загородившему объект.

– Шевелись же! – крикнула она.

В конце концов техник еще больше просунулся внутрь машины Джуда, и камера захватила весь салон.

Там не было ни души.

Глава 56

Либби уставилась на пустое сиденье в автомобиле Джуда, раскрыв глаза так же широко, как и рот.

– Где... где он? – выдавила она, обернувшись к присяжным.

Озадаченная Фиона уставилась на нее, выгнув брови дугой и покачивая головой. Либби оглядела остальных в чайнии, что объяснение найдется хоть у кого-то. Но все были огорошены не меньше нее, даже Джек.

– Мы что, прозевали его в туче пыли? – продолжала Либби. – Он что, выбрался и убежал, а мы просто не видели?

– Кто-нибудь его заметил бы, я уверен, – откликнулся Мэттью.

– Тогда где же он?

– Простите, даже не представляю.

– Поглядите на задние сиденья его машины, – указала Фиона на экран. – Разве у Джуда не было там рюкзака с разбросанными вокруг пустыми коробками от еды? Почему же теперь они пустые?

Потянувшись вперед, Либби ухватила за край стола, чтобы удержаться на ногах.

– Сделайте глубокий вдох, – призвал Мэттью. – Не будет ли кто-нибудь любезен подать воды?

– Я в порядке, я в порядке, – упиралась Либби, хотя невооруженным глазом было видно, что это не так. Один из помощников Кэдмэна поспешил на помощь, и Либби залпом проглотила полбутылки воды.

– Вы обезвожены, – сказал Мэттью, – и, наверное, чуточку в шоке.

Либби снова поглядела на экран и в пустую машину Джуда. Она буквально вывихивала мозги, пытаясь выискать хоть какое-то объяснение. Если он не улизнул, остается только одно.

Джуд никогда не был Пассажиром.

– Что там происходит? – внезапно спросила Фиона, указав в верхний левый угол экрана. Где-то в другом месте пожарная машина, покинув место событий, столкнулась с двумя припаркованными автомобилями. Вторая последовала ее примеру, тронувшись будто сама по себе. За ней увязалась горстка легковушек, в спешке покинуть свои парковочные места толкавшихся между собой. Тем временем некоторые из них ухитрились одолеть несколько сотен метров по дороге, прежде чем столкнулись с другими. Некоторые порядком разогнались, прежде чем врезаться во что придется. Еще часть нацелилась на группы зевак, заставив их броситься искать убежища.

Кадр внезапно вернулся к вертолету, зависшему над городом. Каждые несколько секунд он фокусировался на очередном столкновении, и вскоре камеры уже едва поспевали за ними.

Без предупреждения в громкоговорители вернулся голос ведущей новостей.

– И мы получаем неподтвержденные сообщения о серии столкновений на дорогах по всей стране, – начала она. – Очевидцы говорят, что видели легковые автомобили, фургоны и автобусы, некоторые с Пассажирами, некоторые без, несущиеся лоб в лоб на другие автомобили.

Внезапно с улицы послышался грохот, а затем – звон разбившегося стекла, приглушенные крики и панические вопли.

Либби ощутила, как кровь совсем отхлынула от лица.

– Таков был план Хакера с самого начала, – повела она негромко, с трудом проталкивая слова через сдавленное горло. – Он хотел столкнуть не Пассажиров, а всех остальных.

Часть III

Полгода спустя

Новости Великобритании

ДВЕ МИНУТЫ МОЛЧАНИЯ В ПАМЯТЬ ПОЛУГODOVOЙ ДАТЫ СО ДНЯ ХАКЕРСКОЙ АТАКИ, ОСТАВИВШЕЙ ПО ВСЕЙ СТРАНЕ 1120 ПОГИБШИХ И БОЛЕЕ 4000 РАНЕННЫХ, НАЧНУТСЯ РОВНО В 11 УТРА.

Чтобы прочесть полный текст статьи, перейдите по ссылке.

Глава 57

МИРОВОЙ ЭКСКЛЮЗИВ!

«Мне бы хотелось, чтобы Бен мог познакомиться с сыном».

Пассажир Клер Арден принимает журнал «Йес!» в своем только что обновленном доме для знакомства с Малюткой Тейтом.

Эти полгода с той поры, как Клер Арден приобрела международную известность как одна из пятерых последних Пассажиров, были заполнены для нее бурными событиями.

На глазах у приблизительно трехмиллиардной зрительской аудитории бывшая ассистентка учителя из Питерборо начала рожать прямо в захваченном автомобиле, родив сына Тейта за два месяца до срока, через считанные минуты после освобождения.

И все время своего тяжелого испытания она держала в багажнике тело своего умершего мужа Бена.

Во второй части нашего эксклюзивного интервью 27-летняя Клер расскажет «Йес!», как она приспособилась к роли матери-одиночки и о своих планах на будущее.

Тейт стал самым знаменитым ребенком на планете еще до того, как появился на свет. Как вы объясните ему шокирующие события того дня?

Само собой, я подожду, когда он подрастет достаточно, чтобы понять все это, но ничего утаивать от него не стану. Мы вместе пережили нечто уникальное, и я никогда не допущу, чтобы он забыл, что он – мое маленькое чудо.

Как вы справились с последствиями?

С ними мне приходится справляться изо дня в день. После Тейта и Бена увоз – первое, о чем я вспоминаю утром, и последнее, о чем думаю перед сном. Недавно я начала посещать психотерапевта, чтобы он помог мне привыкнуть к этому и зажить в ладу с самой собой, – и мало-помалу, по-моему, двигаюсь в нужном направлении.

Вы сами признались, что поместили тело Бена в машину, нарушив закон. Как к этому отнеслась полиция?

С большим пониманием. Через несколько дней после того, как я родила в карете «Скорой помощи», меня допросили, и я призналась в том, что сделала и почему, о чем подробно расскажу в своей книге. Позже, когда следствие подтвердило, что Бена убил разрыв аневризмы, полиция признала, что я была отчасти невменяема, и я отделалась предупреждением.

Если оглянуться – как вы думаете, мог бы план Бена удался?

Даже не знаю, о чем я думала. Помню лишь, что очень горевала и пыталась во главу угла поставить интересы сына. Сейчас, задним числом, понимаю, что, приехав на парковку Бена, я вряд ли сумела бы перетащить его из багажника на переднее сиденье. Он был крупным и сильным мужчиной. Я ухватилась за этот план от горя и отчаяния.

Широкой огласке был придан тот факт, что вас вынудили уйти с работы. Что же именно произошло?

К сожалению, да. Я любила свою работу ассистента учителя, но, когда внимание ко мне стало чересчур пристальным, занимать этот пост я больше не могла. Но к тому времени я уже закончила писать автобиографическую книгу и начала снимать свой телесериал «Сбросим послеродовой излишек», трансляцию которого начинают со следующего месяца. Кроме того, в понедельник мы с Тейтом летим в Лос-Анджелес, чтобы до конца года трудиться над моим реалити-сериалом, снятым скрытой камерой.

Что, по-вашему, сказал бы Бен о том, что произошло с вами с той поры, как вы были Пассажиром?

Думаю, он искренне гордился бы тем, как я справилась. Он хотел только обеспечить нашего сына, даже после смерти. И хотя это произошло не так, как он надеялся, именно этого я и добилась.

Как вы реагируете на критику того, что пользуетесь своим положением Пассажира, чтобы делать деньги?

Я не стыжусь признать факт, что сделала карьеру в СМИ благодаря своим страданиям. Но я отдала бы все это не раздумывая, если б только можно было вернуть Бена. Мы с Тейтом заслужили каждый до единого заработанные нами пенни. Если вам не доводилось внезапно лишиться супруга, оказаться в западне в захваченном автомобиле, везущем вас на погибель, пока вы рожаете, то вы даже представить не можете, какой это ад! С той поры я не могу даже сесть в машину выше Второго уровня, даже если дверцы в ней не заперты, а окна открыты. Мне едва удается поспать два-три часа, чтобы не проснуться в холодном поту, и меня постоянно тревожит, как эта травма может повлиять на будущее Тейта. Если мне дают деньги из-за этого – тогда да, я их приму. Как и любая нормальная мать приняла бы.

Вы встречались с кем-нибудь из братьев по несчастью – Пассажиров?

Мы уже несколько раз встречались с Хайди Коул и частенько переписываемся по «мылу». Мы стали хорошими подругами, и я позвала ее стать крестной матерью Тейта, когда буду крестить его в своем реалити-шоу. Но с мужем ее я не встречалась. Нет ни малейшего желания после всего, что он заставил ее вытерпеть.

И наконец: как по-вашему, что случилось с Джудом Харрисоном?

А это вопрос на миллион долларов, правда? Честное слово, не знаю. В смысле, я знаю, что на самом деле он Пассажиром вовсе и не был и, наверное, сыграл немалую роль в увозе. Все, что могу сказать на основании своего с ним общения, что он был очень добр и казался искренне озабоченным моей безопасностью. Но ведь правда – пока пуд соли вместе не съешь...

Глава 58

В коридоре толпились люди всех возрастов от мала до велика – теснившиеся группками, входившие в боковые комнаты и выходившие из них, стоящие в очередях к торговым автоматам. Хайди Коул сидела на твердой деревянной скамье, прислонившись спиной и затылком к стене. Ее веки под темными очками были опущены, но Хайди оставалась настороже, чутко улавливая приметы того, что в ней признали Пассажира.

На подходе к ней дружеские беседы частенько обрывались или слышался шелест одежды, когда чья-нибудь рука нашаривала в кармане телефон, чтобы заснять ее. Будь глаза Хайди открыты, она видела бы, что сегодняшние зеваки щелкают ее, отводят взгляд, а потом украдкой бросают второй взгляд. Мешать им она не стала бы и пытаться; за последние полгода уже привыкла к вниманию. И потом, бывают вещи и похуже, чем появление твоих фоток в соцсетях. Уж кому, как не ей и остальным двум Пассажирам, знать это лучше других. Даже если б она и жаждала уединения, сегодня оно ей не светит. Это ее четвертая явка в суд, и сегодня будет объявлен приговор.

Ее мать Пенни нарушила молчание, поинтересовавшись:

– Ты в порядке?

– Да, а что?

– А то, что за весь день я от тебя слова толком не слышала.

– По-моему, если честно, я наговорила по уши. Я признала себя виновной и теперь лишь хочу, чтобы все это побыстрее закончилось.

– Тебе просто не хватает терпения. Надо было дать твоей защитнице сделать свое дело и объяснить твои... м-м... как там это называется?

– Смягчающие обстоятельства.

– Да, их... Что ж, скрестим пальцы в уповании, что судья проявит сочувствие и не станет наказывать тебя в назидание прочим. Она выглядела дружелюбной, правда? Но я все равно считаю, что тебе не следовало признавать вину.

– И предстать перед судом? Просто нечестно подвергать детей такому дотошному разбирательству после всего, что они вынесли. И потом, я бы твердила, что не сделала ничего дурного, а они слышали от отца столько лжи, что им хватит на всю жизнь. Они должны знать, что у них есть хоть один родитель, способный сделать шаг вперед и признаться, когда поступит плохо.

– Королевская уголовная прокуратура не имеет права предъявлять тебе обвинения. Какое это может иметь отношение к интересам государства?

– Дело в том, что я еще государственная собственность. Если бы КУП ничего не предприняла, ее обвинили бы в предвзятости.

– Почему ты их всегда защищаешь?

– Вовсе нет, – Хайди покачала головой, – но, мам, защищала; миру это известно. Я была офицером полиции, шантажировавшим своего мужа и использовавшим конфиденциальные данные полицейского компьютера в собственных интересах.

– Мне наплевать. Твой ублюдок-муж заслужил все муки, которым ты его подвергла, до последней капли. Его надо было посадить за то, что женился на другой. На мой взгляд, подзатыльник и условный срок правосудием и не пахнет.

– Выброси из головы. Что сделано, то сделано. Я живу дальше и вовсе не считаю себя попранной бывшей, какой меня упорно расписывают в газетах.

Вдруг на них легла тень, предупредившая о присутствии постороннего. Повернувшись и подняв глаза, обе с изумлением узрели Сэма.

– Хайди, можно мне минуточку... – начал он.

– Помяни черта к ночи, – буркнула Пенни, поднимаясь на ноги. – Можешь катиться к чертям и оставить мою дочь в покое.

– Всё в порядке, – отозвалась Хайди.

– Нет, вовсе не в порядке. – Пенни ткнула Сэма пальцем в грудь: – Ты погубил ее жизнь, ее карьеру...

– Мама, не устраивай сцен, – предупредила Хайди, вставая. – Погляди.

Пенни огляделась. В коридоре воцарилось настороженное молчание. Присутствующие впервые увидели жену и мужа вместе с поры их автомобильного захвата. Одни поигрывали телефонами, а другие записывали это зрелище своими очками.

– Ступайте, не лезьте не в свое дело, – упрекнула Пенни, попытавшись разогнать их.

– Просто дайте мне пять минут, а потом я уйду, – не сдавался Сэм.

– Пошли туда, – указала Хайди на пустую боковую комнату дальше по коридору.

Когда дверь за ними закрылась, она сняла темные очки и окинула его взглядом. Сэм так и не набрал вес, который растерял, пока она его шантажировала. Виски у него поседели еще больше, а залысины и тонзурка на макушке почти сомкнулись. Заметила Хайди и простое серебряное колечко на безымянном пальце. Пока они были в браке, Сэм отказывался носить кольцо, ссылаясь на то, что не из тех, кто носит драгоценности. Вероятно, Джози он твердил то же самое. Теперь они расстались, жена у него осталась только одна, и Сэм, наверное, старается ее ублажить. Заметив, куда направлен ее взгляд, он поспешно спрятал руку за спину.

Поглядев на Сэма, Хайди увидела не человека, которого когда-то любила, а только ранившего ее в самое сердце. Все их общение с самого момента освобождения из автомобилей шло только через адвокатов. Хайди понимала, что однажды им доведется снова встретиться лицом к лицу, но отнюдь не жаждала этой встречи. И вот он здесь, и все обстоит вовсе не так ужасно, как ей представлялось. Она не чувствовала к нему ровным счетом ничего.

– Извини, что появился вот так запросто, но ты не отвечала на мои звонки и электронные письма, а через адвокатов говорить это мне не хотелось. Но мне важно, чтобы ты знала, как я сожалею. Я вовсе не хотел допустить ничего подобного.

– Знаешь что, я как-то и сама догадалась, что ты не хотел допустить подобного. Ты вовсе не плохой человек, Сэм; ты просто глупый, эгоистичный и бесхребетный.

– Справедливо, – признал он.

– Как там Джози?

– В порядке; слабовата в последние дни, но идет на поправку. Шов затягивается, прошла последний курс химиотерапии в понедельник.

– Я рада. А как у вас с ней? – Было как-то странно спрашивать мужа о женщине, занимающей главное место в его жизни, но Хайди это ничуть не расстроило.

– Мы над этим работаем. Проходим терапию.

– Ух ты... – Хайди рассмеялась. – Так ты и вправду стал новым человеком, а?

– Когда все это будет позади, она хотела бы встретиться с тобой, на сей раз как следует.

– Я не уверена...

– Это очень много для нее значит. По-моему, она просто хочет заверить тебя, что ничего о тебе не знала. И я понимаю, что ты мне ничего не должна, но для меня тоже будет очень много значить, если это имеет для тебя хоть какое-то значение.

– Я подумаю.

– Спасибо. Какие-нибудь вести о твоей работе есть?

– Нет; ждут оглашения приговора, прежде чем объявить, когда начинает работу дисциплинарная комиссия. Но меня наверняка вытурят, лишив полицейской пенсии.

– Сожалею.

– Я несу полную ответственность за то, что сделала.

– Мы на прошлой неделе заключили очередной контракт на реконструкцию офисного здания в Галифаксе. Так что я позабочусь, чтобы ты не осталась без средств.

Благодарить его Хайди не стала. Ей не хотелось брать его покаянные деньги, но временное отстранение от служебных обязанностей без сохранения содержания вынудило ее неохотно полагаться на его заработки, пока не удастся подыскать что-нибудь еще.

– Дети вроде бы ладили со своими новыми сводными братом и сестрой; во всяком случае, так они говорят, – произнесла она.

– Так и есть. Правда, о наших с Джози этого не скажешь. Они не простили мне, что я говорил только о наших с тобой Бекки и Джеймсе, когда меня держали в машине.

– Дай срок. Им нужно узнать тебя как следует, всем им. Обычно дети узнают, что их родители только люди и могут не оправдывать их ожидания, когда становятся куда старше, чем наши. А им всем четверым пришлось усвоить этот урок не об одном, а сразу об обоих родителях, *и* одновременно, *и* на глазах у своих друзей *и* всего мира. До увоза тебе всегда было не до них. Теперь можешь быть честным и стать таким папой, какого они заслуживают. В конце концов они простят тебя.

– А ты?

– А что я?

– Ты меня простишь?

– Уже простила. – Хайди окинула комнату взглядом. – Видишь, куда завел меня гнев.

– Что будешь делать дальше?

– Толком не знаю, – она пожала плечами. – В лучшем случае мне дадут срок условно и привлечение к общественным работам. Мне поступали предложения на должность консультанта от частных детективных агентств, на публичные выступления и даже проведение изысканий для документальных телефильмов. Поживем – увидим. Короче, меня могут вызвать в любую секунду, так что уж лучше ступай.

– Был рад тебя повидать.

Хайди не могла ответить тем же. Просто надела темные очки, прежде чем открыть дверь.

– И еще одно напоследок, – добавила она. – Ты уж заботься о Джози хорошенько, лады? Она заслуживает лучшего мужа, чем был у меня. Ты получил второй шанс с хорошей женщиной. Надеюсь, все, что нам довелось выстрадать, изменило тебя так же сильно, как меня.

– Так и есть, – обронил Сэм, прежде чем развернуться и скрыться в суете коридора.

Глава 59

OnlineMailNews.co.uk

Смерть Софии Брэдбери **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО** наступила вследствие самоубийства, вынес заключение коронер.

Актриса скончалась от передозировки и причиненных себе колотых ран

ТОМ АТКИНСОН для **ONLINEMAILNEWS**

ОПУБЛИКОВАНО 14:09, ОКТЯБРЬ. ОБНОВЛЕНО 17:06.

Преданная остракизму актриса София Брэдбери оборвала собственную жизнь за несколько минут до того, как захваченная машина, в которой она якобы должна была погибнуть, остановилась в последний момент, сообщили следственные органы.

78-летняя лауреатка «Золотого глобуса», одна из последних пяти Пассажиров при апрельском захвате, приняла чрезмерную дозу таблеток и с помощью осколка разбитого стеклянного бокала нанесла себе смертельные ранения.

Во время этого тяжелого испытания миссис Брэдбери, чей муж Патрик Свонсон в настоящее время дожидается приговора после признания в одиннадцати отдельных случаях сексуального насилия над малолетними, было предъявлено обвинение в пособничестве в преступлениях мужа.

Судебное следствие, состоявшееся в Коронерском суде Западного Лондона, заслушало показания о том, что на предплечьях и запястьях у нее присутствовали порезы, а в желудке были обнаружены двадцать таблеток обезболивающего и сорок три таблетки транквилизаторов. Это были рецептурные препараты, которыми она пользовалась в связи с застарелой болью в пояснице.

Вынося заключение о самоубийстве, коронер Би Джонс заявил:

«Хотя мы не располагаем уликами, свидетельствующими, что кончина миссис Брэдбери является прямым следствием обвинений, предъявленных ей человеком, широко известным под прозвищем Хакер, не будет большой натяжкой предположить, что это сыграло свою роль в ее решении покончить с собой.

Не найдено никакой записки или письма, но по кадрам ее последних минут в автомобиле совершенно очевидно, что она находилась в очень возбужденном эмоциональном состоянии. Полагаю, это и подвело ее к такому решению.

Следовательно, у меня нет иного выбора, как вынести заключение о самоубийстве».

С момента передачи дела в суд Свонсон сделал немало заявлений в адрес жены, утверждая, что та не только добровольно раскошеливалась, чтобы семьи жертв помалкивали, но и много раз активно способствовала и соучаствовала в надругательствах над малолетними, однако пока эти обвинения ничем не подкреплены.

Все пять больниц, в сборе средств для которых миссис Брэдбери принимала активнейшее участие, стараются отмежеваться от ее имени, а вчера вечером потоковые онлайн-сервисы подтвердили, что больше не будут транслировать ее работы.

Миссис Брэдбери оставила по завещанию 18,5 миллиона фунтов, разделенных между ее взрослой племянницей, племянником и ее собакой Оскаром.

ПОДЕЛИЛИСЬ 7900. КОММЕНТАРИИ 14 569.

Глава 60

NewsWireUK.co.uk

МОСКВА: РОССИЙСКИЙ ПРЕМЬЕР-МИНИСТР ОТКАЗЫВАЕТСЯ ОБСУЖДАТЬ ЭКСТРАДИЦИЮ РОССИЙСКИХ ГРАЖДАН, ПРИЧАСТНЫХ К ВЗЛОМУ БЕСПИЛОТНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ, И НЕ ВОСПРИНИМАЕТ ВСЕРЬЕЗ УГРОЗЫ ВОЗМОЖНОСТИ ВЫДВОРЕНИЯ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СОТРУДНИКОВ И ТОРГОВЫХ САНКЦИЙ.

– Спасибо, что составили нам компанию, – начала Кэти Луиза Бич с хорошо отрепетированной улыбкой. Взгляд ее ярко-голубых глаз был устремлен в объектив камеры, над которым мигал красный огонек.

– Совершив необычный ход, премьер-министр Николас Макдермотт сегодня утром опубликовал заявление, направленное против «крота», обеспечившего утечку предварительных сведений расследования по махинациям с программированием Искусственного Интеллекта беспилотных автомобилей.

Она приподняла планшет со стола, за которым сидела.

– Он сказал, цитирую: «Я полностью опровергаю голословные утверждения, что кто-либо из членов действующего правительства имеет какое бы то ни было отношение к воздействию на программное обеспечение автомобилей Пятого уровня. Мы также категорически отрицаем, что наша партия якобы сомкнула ряды, дабы прикрыть обвиняемых, ожидающих суда. Я крайне обескуражен количеством утечек порочащих сведений полицейского расследования, и мы призываем силы правопорядка навести порядок в своем ведомстве. Поскольку настоящее следствие продолжается вкупе с нашим внутренним расследованием, мы будем воздерживаться от дальнейших комментариев до получения полных отчетов».

Кэти Луиза обернулась к первому из двух гостей студии; кадр заполнило изображение грузного мужчины с густыми усами и бровями им под стать, развалившегося в кресле с благодушным видом.

– Дэвид Гласс, мастер медийных манипуляций правительства, или, как вас именуют официально, начальник отдела внешних связей. Что, по-вашему, вы собираетесь предпринять еще, чтобы вновь завоевать доверие общественности?

– Мы делаем всё, что в наших силах, – твердо заявил тот, – и я решительно уверен, что мы движемся в правильном направлении. С момента, когда наш предыдущий премьер-министр подал в отставку – несмотря на отсутствие свидетельств, что он имел хоть малейшее представление о том, что якобы произошло, – кабинет претерпел полнейшую перестановку. И мы организовали собственное внутреннее спецподразделение, призванное искоренить из наших рядов всех, кто нечист на руку. Мы также приостановили производство и распространение беспилотных автомобилей Пятого уровня в национальных масштабах вплоть до момента, когда в программное обеспечение будут внесены исправления и произведена его перекалибровка. Полагая, мы превзошли всё, чего мог ожидать от нас народ. Даже не представляю, что еще мы можем сделать.

– Куда больше, – раздался голос из-за кадра. Оператор быстро перевел камеру на оппонента Гласса. Рядом с ним сидела Либби, одетая в синюю юбку до колена, белую безрукавку, скрестив в лодыжках ноги, обутые в пару винтажных туфель «Джимми Чу». На лице ее были написаны уверенность и решимость.

– Просветите меня, – презрительно усмехнулся Гласс. – Например?

– Прежде всего ваше правительство не может уяснить себе, что единственное, чего ждет от вас общественность, – это честность. Вы можете выставить за дверь сколько угодно премьер-министров и запустить сколько угодно внутренних расследований, но это не составит ни йоты разницы, пока не будет проведено внепартийное независимое расследование лицами, не назначенными правящей кликой.

– Уверяю вас, ничто подобное не имеет места...

– Тогда почему же утечки информации из полиции показывают, что ваша команда постоянно скармливает ей ложные сведения и чинит препоны в выполнении ее работы?

– Как вы только что слышали из заявления премьер-министра, мы воздерживаемся от каких бы то ни было комментариев по этому поводу до завершения полицейского расследования. На подобное требуется время.

– И как раз это время позволит определенным фракциям вашей партии похоронить улики и сомкнуть ряды еще теснее.

Гласс покачал головой, закатывая глаза и разыгрывая пантомиму нарочитого недоумения.

– Вы уже добились своего, мисс Диксон! Работники автоиндустрии, смежных с ней отраслей и трудолюбивые мужчины и женщины, создавшие новехонькие смарт-города, лишились куска хлеба, потому что вам с вашей шайкой пришла в голову блажь убрать с дорог мобили Пятого уровня. Почему вам так хочется наказывать простых людей?

– Отличная попытка, Дэвид, – Либби саркастически усмехнулась, – но хватит инсинуаций в попытке взвалить вину на меня. Все произошедшее – прежде всего результат манипуляций ваших коллег. Ваше правительство считает народ ниже себя. Я не хочу никого лишать работы, и вам это известно.

– Совершенно очевидно, что у вас имелся тайный умысел задолго до событий того дня. Концепция беспилотных автомобилей существует с Нью-Йоркской всемирной выставки тысяча девятьсот тридцать девятого года, но люди вроде вас не давали инновациям развиваться естественным образом из-за своего эгоизма. Вы считаете, что вас вынудят изменить свой образ жизни просто потому, что не хотите удосужиться его менять. Мы все видели материалы вашей демонстрации в Лондоне против билля о Дорожной революции.

– Инновации меня несколько не смущают. И демонстрация состоялась задолго до того, как мы узнали, что наш враг – не Искусственный Интеллект, а люди, стоящие за ним. Похоже, у вас выпало из памяти, что на тот момент по всей стране более пяти тысяч человек погибли или получили серьезные увечья, и большинство из них были людьми с минимальным уровнем заработка, «белыми воротничками», безработными, пожилыми, больными, инвалидами... Это не что иное, как геноцид благодаря *вашему* программному обеспечению.

Уголкем глаза Либби заметила, как Кэти Луиза сунула палец в ухо. Либби принимала участие в достаточном количестве теледебатов, чтобы знать, когда режиссер подсказывает ведущему вопросы не по сценарию.

– Чего же вы хотите, Либби? – спросила Кэти Луиза.

– Независимых гарантий и доказательств, что новое программное обеспечение будет принимать непредвзятые решения. Для него не должно иметь значения, сколько мы зарабатываем, насколько хорошо образованны или как живем. Все мы представляем ценность для общества, и не правительству решать, какую именно. Прошло всего чуть более полугода с момента крупнейшего террористического акта в истории нашей страны. Если б повинна была зарубежная держава, ее уже разбомбили бы к чертям, не теряя времени попусту. Но поскольку нападение произошло в ответ на действия людей из их же собственных рядов, они проявили ошеломительную медлительность.

– А вы тем временем со злорадством наблюдаете, как наша экономика летит к чертям собачьим, – вставил Гласс. – Постыдились бы.

– Сами постыдились бы. Жертвы этого зверства жаждут ответов, справедливости и железобетонных гарантий. Когда вы сможете предоставить им это?

На это Дэвид Гласс, высокомерно вздернув подбородок, продемонстрировал Либби, в каком направлении пойдет дальнейшая дискуссия. Всякий раз, стоило ей загнать какого-нибудь чинушу в угол, тот переходил на личные нападки. И она к ним подготовилась.

– Все мы видели, как жалко вы метали бисер из-за Джуда Харрисона, и слышали, как вы пытались подговорить мир спасти ему жизнь; яснее ясного, что вы питали чувства к этому человеку. Можно ли допустить, чтобы женщина, продемонстрировавшая такую недалекость в отношении человека, сыгравшего столь кардинальную роль в «этом зверстве», держала в заложниках нашу экономику?

Либби услышала, как камера поворачивается к ней. За кадром она поджала пальцы ног и сжала руки в кулаки, но на провокацию Гласса не поддалась.

– Где вы живете, мистер Гласс?

– Не вижу, какое это имеет касательство к моему вопросу.

– Ничуть не меньшее, чем только что сказанное вами обо мне, так что я напомним зрителям. В Кембриджшире. За кого вы голосовали во время последних всеобщих выборов?

– Вы уводите разговор в сторону, мисс Диксон.

– Вы голосовали за своего бывшего депутата парламента Джека Ларссона; вы не раз признавались в этом в прошлых интервью. Вас также неоднократно запечатлели вместе с ним на многих светских и протокольных мероприятиях; более того, разве вы с вашей женой не насладились круизом в его компании?

– Какое это... я не вижу связи... – с запинкой пролепетал Гласс, смутившись, когда Либби извлекла из внутреннего кармана жакета фотографию и повернула ее к камере.

– Это вы с Ларссоном потягиваете шампанское из бокалов на яхте, следующей с Мальты к побережью Туниса накануне хакерского взлома. А теперь поведайте мне, кто из нас хуже разбирается в людях?

С побагровевшим лицом и раздувающимися ноздрями Гласс подскочил на ноги, сорвал с себя микрофон и очертя голову бросился прочь из съемочного павильона.

Либби заметила, как приподнялись уголки рта Кэти Луизы, изо всех сил подавлявшей ликование, вызванное этой стычкой лоб в лоб. Либби знала, что не пройдет и пары минут, как этот клип станет вирусным, а программа Кэти Луизы приобретет грандиозную популярность. Да и делу Либби это не повредит.

– Раз уж речь зашла о Джуде Харрисоне, что вы ощущаете, слыша его имя теперь? – спросила Кэти Луиза.

Вопрос не такой уж неожиданный.

– Ничего. – Выражение лица Либби осталось невозмутимым.

– Вообще ничего?

– Ни капельки.

– Но вы считаете, что он был членом организации Хакера.

– Да.

– Как по-вашему, какую именно роль он играл?

– Даже не представляю.

– Но вы считаете, что он сыграл в ней большую роль?

– Судя по всему, да.

– И какие это вызывает у вас чувства?

– Как я уже сказала, никаких.

– Что бы вы сказали ему теперь, если б могли?

– Ничего.

Кэти Луиза помолчала, пока объектив оставался неуютно нацелен на Либби, совершая наезд на ее лицо. Но Либби не подала ведущей реплики, которой та жаждала, храня молчание, пока Кэти Луиза наконец не заговорила снова:

– Что ж, спасибо, что составили компанию нам, Дэвиду Глассу и Либби Диксон, пресс-атташе группы ЗПИИ – «За прозрачность Искусственного Интеллекта». Далее в программе...

Помощник режиссера дал отмашку, сигнализируя, что трансляция закончена, так что помощник продюсера проводил Либби в артистическое фойе, где ее с энтузиазмом и с распростертыми объятиями встретила подруга Ния.

– Огогошеньки, ну ты и отожгла! – восхитилась она.

– Я просто хочу уйти, – отозвалась Либби.

– Честно, Либс, ты порвала эту жопу в клочья!

– Давай уж пойдем, – ответила Либби, чувствуя, как дрожат руки. Перед камерой она научилась прятаться под толстой скорлупой. Но за кулисами была такой же хрупкой, как и всегда, – особенно если дело касалось Джуда.

Они вдвоем направились по коридору к стеклянным лифтам. Спустившись к выходу, отдали свои шнурки с бейджиками женщине в мундире, сидевшей за стойкой службы безопасности.

– Что стряслось? – не утерпела Ния. – Ты что как в воду опущенная? Там ты держалась просто на ура. Дело в вопросе про Джуда?

Закинув сумочку на плечо, Либби испустила шумный вздох.

– Дело всегда в вопросе про Джуда, – ответила она.

Глава 61

Либби было не по себе в толпе шоперов и туристов на лондонской Оксфорд-стрит.

– Сюда, – указала она, и они с Нией свернули на менее оживленную Рэтбоун-стрит.

Вскоре после увоза Либби осознала, что стала общественным достоянием. Ее лицо передали на миллиарды электронных устройств и телеэкранов, сделав его узнаваемым с первого взгляда. Даже сейчас ей едва удастся одолеть полдороги без того, чтобы ее не остановили с просьбой сделать с ней селфи. А некоторым не хватает приличия даже попросить – просто просовывают руки с телефонами ей поверх плеча или из-за талии, щелкают и даже не удосуживаются сказать «пожалуйста» или «спасибо». Она усвоила, что если хочет избегать внимания в повседневной жизни, то должна держаться подальше от определенных мест, где ротозеи так и роятся. Порой, выскальзывая из дому ради ночного похода за покупками или пробежки, она чувствовала себя эдаким вампиром.

Как правило, публика на ее стороне. Они прожили этот захват с ней вместе и надеялись на тот же исход «долго и счастливо», что и она. Но Джуд Харрисон обманул и их. Никто – и Либби прежде всего – не знал, кто он на самом деле и куда подевался.

Однако Либби была уже сыта симпатией публики по самое горло. СМИ, колумнисты и блогеры всю расписывали ее как жертву, но сама она себя жертвой вовсе не считала. Реальными жертвами были Пассажиры – и пострадавшие это судилище до самого конца, и не пережившие его. По сравнению с ними Либби отделалась всего-навсего сердцем, разбитым по вине лжеца.

– Как насчет этого? – Ния указала на вход в бар в закоулке. Сквозь его темные окна снаружи было почти ничего не видно.

– Идеально, – ответила Либби.

Внутри, пока Ния ждала у барной стойки, Либби выбрала уединенную кабинку в углу и села спиной к стене, чтобы постоянно видеть окружающих. Она не забыла, как однажды в ресторане в Нортгемптоне, когда она обедала с мамой, весь их разговор отснял и выложил в Сеть блогер, сидевший через столик от них. Совершать одну и ту же ошибку дважды Либби не собиралась, относясь к каждому чужаку с подозрением.

Она думала о том, как сильно переменялась ее жизнь с того злополучного утра вторника, когда она пришла на следствие. А позже, подстегиваемая необходимостью, чтобы ее перестали считать очередной пострадавшей от рук Хакера, ухватилась за возможность найти своей славе доброе применение.

Либби была в курсе существования группы активистов «За прозрачность Искусственного Интеллекта» еще до того, как с ней связались ее представители. До самого увоза они выступали за то, чтобы основания для принятия решений по результатам следствий были преданы гласности. Но правительство отвечало на все просьбы категорическим отказом, ссылаясь на национальную безопасность под тем видом, что тогда хакеры могут взломать код ИИ. Иронию случившегося в результате сумели оценить все до единого.

После увоза Пассажиров интерес к работе группы взмыл до небес, и после нескольких встреч Либби согласилась стать представительницей по связям с общественностью. Ее роль подразумевала регулярное появление в СМИ и выступления в качестве основного оратора на митингах и съездах в поддержку ЗПИИ. Либби хотелось разнести весть пошире, совершая поездки за границу, чтобы предупредить о потенциальной опасности и другие страны, закупившие британскую модель беспилотной автомобилизации. Но почти не располагая средствами, такой размах ЗПИИ позволить себе не могла.

– Мне надо выпить, – провозгласила Ния, ставя на столик два пинтовых бокала лагера, и приподняла один: – Будем! – Они чокнулись. – По дороге сюда ты была не очень-то разговорчива. Опять думаешь о Джуде, да? Когда он у тебя на уме, вид у тебя становится отрешенный.

– Извини, ничего не могу с собой поделать, – отозвалась Либби. – Я никак не возьму в толк, почему его до сих пор не нашли. Буквально миллиарды человек знают Джуда в лицо, но его по-прежнему не видела еще ни одна живая душа.

– А какие последние сведения поступали от полиции?

– Ничего такого, о чем я еще не знаю. Очевидно, по всему миру рассеяны автоматизированные боты, наводняющие интернет и полицию фальшивыми сообщениями, что его видели, фальшивой информацией о нем, фальшивыми именами, фальшивыми детскими фотками, фальшивыми знакомствами, фальшивыми послужными списками, фальшивыми свидетельствами о рождении, фальшивыми свадебными фотографиями... десятки и десятки что ни день с самого увоза. Информация поступает в таком темпе, что следователям, по их собственному признанию, потребуются годы, чтобы ее просеять и выудить правдивую. Внутреннее чутье подсказывает мне, что ответов они не найдут никогда. – Голос Либби стих до шепота и умолк.

– А насколько сильно тебе еще хочется узнать эти ответы? – поинтересовалась Ния.

– Очень... Не представляю, что со мной не так, – Либби потеряла веки большим и указательным пальцами. – Знаю, что он должен был играть в случившемся грандиозную роль, но мы как будто связаны невидимой нитью. Сама не понимаю, почему и как, но мне нужно точно знать, кто он такой на самом деле. Я чокнутая, да?

– Нет, ничуть не чокнутая. Ты типа горюешь. Ты надеялась, что, если вы двое снова встретитесь, ты сможешь продолжить с того же места, где прервалась в тот первый вечер. Ты потратила на поиски этого субъекта не один месяц, а произошло это при таких обстоятельствах, какие и за миллион лет никто бы не выдумал...

– Кроме него.

– Он не в счет. По-моему, ты горюешь по тому Джуду, которым его считала.

– Как ты думаешь, когда я впервые с ним встретилась в том баре, это было случайно или он все организовал?

Ния накрыла ладонь Либби своей.

– Если честно, по-моему, он это подстроил. По-моему, он знал, кто ты и что видела на Монро-стрит, знал о твоём брате и его проблемах, с чем связана твоя работа, и играл на твоей потребности помогать людям с серьезными эмоциональными проблемами. Вот почему он скормил тебе эту ложь о планировании суицида. Это было лишь ухищрением, чтобы ты захотела помочь ему. Он просто воспользовался твоим добросердечием.

Либби промокнула увлажнившиеся глаза салфеткой. Ния не сказала ничего такого, о чем она и сама еще не думала. Но когда это озвучила ее лучшая подруга, почувствовала себя еще большей дурой. Она не могла признаться в этом Ние, но как ни силилась возненавидеть Джуда, не могла на это сподобиться – пока из его собственных уст не услышит, какую роль он сыграл в нападении. Но подобное разрешение от бремени ей вряд ли светит.

– Не позволяй этому идиоту огорчать себя, – продолжала Ния. – Он не стоит ни одной твоей слезинки.

– Просто я чувствую себя такой дурой, что купилась на все это...

– Да и кто бы не купился? Вот почему так много людей тебя любят – потому что ты точно-точно такая же, как они.

Отхлебнув из бокала, Либби окинула паб взглядом. Парочка, ожидавшая у стойки, гладела на нее. Встретившись с ней глазами, они поспешно отвернулись.

– Как ты думаешь, смогу ли я когда-нибудь вернуться к прежней жизни? – спросила она.

– А ты этого хочешь?

– Ты же знаешь, как мне не по себе от такого внимания, но это дало мне единственный в жизни шанс сыграть свою роль в том, что мне небезразлично. Однако порой мне все-таки недостает обыденности.

– Ты должна пройти это до конца или будешь до самой смерти гадать, чего могла бы добиться. Когда вернешься из своего бессрочного отпуска, работа будет тебя ждать. Но тебе надо смириться с тем фактом, что обычной ты уже вряд ли станешь.

– Вот это-то меня и тревожит.

Глава 62

Вцепившись в поручни возле дверей поезда, Либби и Ния с хихиканьем старались держаться ровно, пока тот подъезжал к бирмингемской станции Нью-стрит.

Раскинув руки, Либби обхватила Нию и притянула подругу к себе в прощальном объятии.

– Спасибо, что сходила со мной. И спасибо, что в очередной раз выслушала мои причитания. Не знаю, как бы я пережила последние пару месяцев без тебя.

– Ой, да захлопни уже пасть. Ты пьяна.

– Чутьочку, но я не шучу. Ты изумительная подруга.

– Вот и не вздумай об этом забывать, – Ния улыбнулась. – И помни, что я сказала о том, кого нельзя называть. Ты должна стереть этого парня из головы. Чем раньше он уйдет, тем раньше ты встретишь того, кто тебя заслуживает. Обещаешь?

– Обещаю. – Либби еще раз обняла подругу, прежде чем двери поезда с гудком открылись, и они обе пошли в разные стороны.

Либби выключила режим полета в телефоне, и тут же посыпалось тридцать с лишним сообщений от друзей и коллег по работе с поздравлениями в успешном вытирании пола правительственным пиарщиком Дэвидом Глассом. Как и предвидела Либби, видео стало вирусным.

Пятидесятиминутная поездка на высокоскоростном поезде из Лондона в Бирмингем обошлась без происшествий, всего с двумя просьбами сфотографироваться, когда Ния и Либби окопались в баре вагона-ресторана. Когда они приехали в город, вечер только начинался, но уже стемнело. Либби пребывала где-то на грани между хмельком и опьянением. Ния оказалась как раз тем тоником, которого ей не доставало, хоть из-за этого и придется пробудиться завтра утром с похмельем. Готовясь к неизбежному, она заглянула в киоск, купив бутылку воды и упаковку аспирина, прежде чем направиться домой пешком, чтобы немного проветрить мозги.

Шагая на подходах к центру города, Либби порадовалась, видя, что люди снова управляют машинами, а не машины правят ими. После увоза спрос на автомобили Второго и Третьего уровней резко подскочил, а уж использование муниципальных велосипедов просто взмыло до небес. Люди уже не такие рабы техники, как прежде.

Дэвид Гласс был прав насчет ущерба, причиненного британской экономике приостановкой производства Пятого уровня. Заодно концепт потерял миллиарды на продажах за рубеж, потому что страны-покупатели притормозили закупки и дальнейшие разработки концепта. Не навсегда – прогресс и технику не остановить, – но хотя бы в будущем они будут более прозрачны. И хотя Либби вряд ли сумеет окончательно проникнуться симпатией к автономным автомобилям, это не мешает ей верить, что в хороших руках достоинства ИИ перевесят его недостатки.

Будучи лицом ЗПИИ, Либби время от времени оказывалась на острие нежелательного внимания. Вину за отмены контрактов, сокращения рабочего дня и заработков недовольные работники вваливали на нее и ее коллег-активистов. Сегодня чуть раньше, когда в поезде на нее наткнулся всклокоченный бородач, выбив сумочку из ее рук на пол, она боялась, что он пришел исполнить сыпавшиеся в ее адрес угрозы. Однако мужик зашаркал дальше, не удосужившись даже походя извиниться.

Но всякий раз, стоило Либби лишь чутьочку усомниться в правоте своего дела, как ей вспоминался черный дым, застывший бирмингемский горизонт, когда беспилотные машины сталкивались между собой. Ее долг – позаботиться, чтобы подобное не повторилось никогда.

Отхлебнув воды из бутылки, Либби осторожно двинулась вниз по залитой светом лестнице к набережной канала. Щелкнула на приложении в своем телефоне, подключенном к семи камерам внутри и снаружи дома, установленным по настоянию отца. Вскоре после увоза у

ворот ее охраняемого коттеджного поселка окопались папарацци, прячась в припаркованных машинах с затемненными стеклами и в комнатах, снятых у горстки не слишком щепетильных соседей. В каждом случае Либби отказывалась разговаривать с журналюгами и поддаваться на гнусные оскорбления, которыми ее осыпали в попытке спровоцировать. В конце концов она стала выходить из дома в одинаковой одежде, когда узнала, что СМИ не заинтересованы в публикации снимков знаменитостей, носящих одни и те же вещи изо дня в день. Для читателей это как вчерашние новости. И папарацци мало-помалу оставили ее в покое.

Ее часы завибрировали. Мама оставила видеосообщение, и Либби нажала на кнопку воспроизведения. «Привет, Либс, ты по-прежнему не против, если мы нагрянем на выходные?»

Записав ответное сообщение, Либби тут же отправила его. «Конечно, – сказала она. – Сообщите, на какой поезд сядете, и я вас встречу. Люблю. Целую».

Мимо под интенсивно-белыми уличными фонарями пронеслись двое велосипедистов, и Либби вдруг припомнилось, что другим последствием захвата стало ее воссоединение с родителями, которых она почти вычеркнула из своей жизни. Когда репортеры принялись осаждать ее дом, они настояли, чтобы она пожила у них в Нортгемптоне. И хотя изрядную часть последнего десятилетия Либби чуралась родного дома из-за воспоминаний, связанных со смертью брата, она была слишком истерзанна и обессиленна, чтобы протестовать.

Годами Либби не могла понять, почему родители не продали дом, где оборвал свою жизнь их старший ребенок. Ее бесило, что все в спальне Никки осталось в полной неприкосновенности, вплоть до постели, на которой он спал в последний раз. Будто они ожидают его возвращения после школьной экскурсии.

И лишь встретившись со своими страхами лицом к лицу, проведя время под их кровом, она поняла, что своим бегством отказывала себе в возможности прощения. В его смерти Либби винила себя – это с ней он проводил времени больше всех; с ней он говорил с беспредельной честностью о своем безмерном отчаянии. И именно она так хотела верить, что брат настолько совладал со своей депрессией, что готов вернуться домой после последней госпитализации. Он умер во время ее вахты – значит, ее вина.

Теперь же Либби постигла, что контролировала поступки Никки ничуть не больше, чем действия Хакера. Его комната оставалась нетронутой не потому, что родители не примирились с его смертью. Как раз наоборот. Приняв его решение, они нашли разрешение от бремени, оставшееся для Либби недоступным. К моменту, когда в конце концов покинула родительский кров и вернулась в Бирмингем, она уже окончательно восстановила связь с родителями и утраченным братом.

Либби и опомниться не успела, как добралась до своего охраняемого поселка и подставила голову под биометрический сканер распознавания лиц, и тот, опознав ее, открыл калитку. Она и сама не знала, из-за чего улыбается – из-за алкоголя или разговора с Нией. Да и какая разница, если оптимизм ее переполняет. Вряд ли ее жизнь хоть когда-нибудь станет такой же, как до жюри, но она мало-помалу сживается с тем, что это не так уж и плохо...

Расстегнув молнию сумочки, чтобы нашарить ключ-брелок от входной двери, Либби вдруг нащупала внутри гладкий плоский предмет. Извлекла – электронный планшет. Уставилась на него, недоумевая, как он мог оказаться в ее собственности. Свой она не брала, а Ния свой всегда держит в розовом футляре, изукрашенном стразами. Неужто она по рассеянности взяла эту приبلуду в поездном баре, приняв за собственную?

Либби закрыла и заперла за собой переднюю дверь. Свет автоматически включился, и она направилась в кухню-столовую. Бросила взгляд в угол комнаты, где раньше стояла клетка домашних кроликов Майкла и Джексона. Когда ее медийная карьера поперла в гору, она начала проводить слишком много времени вдали от дома, чтобы держать их. Соседская девчушка, которой Либби предложила питомцев, сказала, что та может навещать их, когда захочется.

Налив себе кружку кофе, Либби села за стол и нащупала кнопку включения. Планшет моментально ожил, не потребовав никаких проверок для допуска вроде сканирования сетчатки или лица. На рабочем столе не было никаких приложений или сохраненных страниц. Там была всего одна пиктограммка – символ видеоклипа.

Либби задержала палец над ней, рассуждая, не нарушит ли неприкосновенность частной жизни владельца, нажав на воспроизведение. Любопытство победило, и после единственного прикосновения иконка видео выросла в размерах вчетверо. Кадр заполнило мужское лицо. В нем было что-то знакомое, вот только Либби никак не могла сообразить, что именно. Он щеголял густой темно-каштановой бородой, очками в черной оправе и лыжной шапочкой на голове. А потом она узнала в нем растрепанного мужика, столкнувшегося с ней в поезде сегодня вечером.

– Либби, – начал он. От этого голоса у нее мурашки побежали по коже.

Джуд Харрисон.

– Извини, что обращаюсь к тебе подобным образом, – продолжал он. – Но мне нужно было найти способ достучаться до тебя, а просто заявиться на твой порог я по ходу не могу. В-первых, мне нужно, чтобы ты знала: не все сказанное мной при личной встрече год назад или пока ты участвовала в расследовании, было ложью. Случившееся в тот день не такое черно-белое, как кажется. И мне хотелось бы получить возможность сказать тебе правду, потому что ты ее заслуживаешь. Но я не стану объяснять ее сейчас или по видеозвонку. Я хочу сделать это лично. Я в городе, Либби. Я в Бирмингеме, и мне надо увидеть тебя сегодня вечером.

Глава 63

Либби выронила планшет, будто тот жег ей руки. Потом с недоумением воззрилась на него, пытаясь уложить в голове только что увиденное и услышанное.

Джуд Харрисон вернулся. И хочет видеть ее снова.

Шок прошел, и на смену ему в душе всколыхнулся гнев. Ей хотелось запустить планшетом в стену так, чтобы тот разлетелся вдребезги, а затем навсегда позабыть, как он появился у нее. Но рассчитывать на это не приходится. Она не сможет выбросить из головы или проигнорировать тот факт, что Джуд выглянул из укрытия, чтобы связаться с ней.

Надо позвонить в полицию. Трясущимися руками Либби взялась за телефон и попросила виртуального помощника найти электронную визитку, сохраненную вместе с контактами главного инспектора, руководящего одним из множества следствий по делу об исчезновении Джуда. Они несколько раз встречались, чтобы обсудить ее первую встречу с Джудом. Потом вместе просматривали и прослушивали записи разговоров в следственной комнате, пытаясь выудить и собрать воедино подсказки, которые могли бы помочь установить его личность.

– Позвонить по нужному вам номеру? – осведомился ВП.

Либби открыла рот, но не издала ни звука. Вместо того, злясь на себя, что выпила лишнего и потеряла бдительность, она мысленно проигрывала момент, когда Джуд столкнулся с ней. Может, будь она потрезвей, узнала бы его сразу и позвала на помощь... В поезде наверняка было выше крыши вигилантов²², жаждущих схватить самого разыскиваемого на планете преступника и задержать его до прибытия полиции.

– Позвонить по нужному вам номеру? – повторил ВП.

Либби размышляла, давно ли Джуд мог ее преследовать. Только в поезде Лондон – Бирмингем или весь день? А то и неделю? Или дольше? При мысли о том, что он где-то поблизости, ей стало дурно.

– Позвонить по нужному...

– Нет, – оборвала Либби.

Ее внимание вновь сфокусировалось на планшете. Ей отчасти хотелось посмотреть видеоролик еще раз, но было слишком страшно снова нажать на кнопку воспроизведения. В конце концов она набралась отваги, и Джуд снова ожил.

– Случившееся в тот день не такое черно-белое, как кажется, – сказал он. – И мне хотелось бы получить возможность сказать тебе правду.

«Разумеется, твоя вина черно-белая! – подумала она. – Экспертиза доказала без тени сомнения, что ты никогда не был Пассажиром машины, в которой мы тебя искали. Ни ДНК, ни пустых упаковок от еды, разбросанных по задним сиденьям, ни рюкзака, которые мы видели прежде...»

Жизнь Джуда Харрисона никогда не подвергалась опасности, потому что Джуд Харрисон никогда и не существовал. Это вымышленный субъект, не более реальный, чем персонажи триллеров, которые она читала. Либби повторила его слова вслух.

– И мне хотелось бы получить возможность сказать тебе правду.

Правды не знает никто, даже намек на нее. Может, это ее единственный шанс?

Прошло не больше часа с той поры, как Либби пообещала Ние начать стирать Джуда из памяти. Но она понимала, что, какие бы обещания ни давала в угоду подруге, никогда не сумеет успокоиться до конца, пока из собственных уст Джуда не услышит историю, стоящую за случившимся в тот день.

²² В и г и л а н т ы – люди или группы людей, целью которых является преследование лиц, обвиняемых в настоящих или вымышленных проступках и не получивших заслуженного наказания, в обход правовых процедур.

Воспроизвела послание в последний раз, прежде чем принять решение. Она должна выслушать его лично. Если бы Джуд хотел ее смерти, все уже произошло бы.

– Как мне тебя найти? – спросила вслух Либби. Снова изучила планшет на случай, если прозевала что-нибудь. Окончательно убедившись, что Джуд не оставил ей способа отреагировать на его просьбу, направилась к кофе-машине и выбрала капсулу с самым высоким содержанием кофеина. Надо прояснить голову.

Ее внимание привлек звук вибрации планшета на столе – пришло сообщение. Вполне вероятно, что от Джуда. Либби настороженно прочла послание.

«Снаружи тебя ждет машина. Она привезет тебя ко мне».

Либби помедлила, чтобы отдышаться.

– Думаешь, я просто сяду в машину, которую ты прислал? – произнесла она вслух.

Через считанные секунды на экране появилось очередное сообщение. «Нет», – гласило оно.

Либби оцепенела. Джуд слушает ее через планшет.

Появилось еще одно сообщение. «Мне нет резона причинять тебе вред».

– У тебя не было резона причинять вред в тот день кому бы то ни было, – ответила она более уверенным тоном.

«Это сделал не я, – написал Джуд. – Позволь рассказать тебе обо всем лично».

Либби колебалась. Сейчас или никогда. Если она действительно хочет услышать столь вожаделенные ответы, другой возможности может и не быть.

Обернувшись к планшету Джуда, Либби сделала глубокий вдох, собрала волосы на затылке в конский хвост, стянула его резинкой и произнесла:

– Ладно. Куда идти?

Глава 64

Найти автомобиль, присланный Джудом за Либби, было нетрудно – это было единственное авто, припаркованное перед ее комплексом, с зажженными фарами, пустым салоном и распахнутой дверцей.

Прежде чем сесть, Либби напоследок еще раз основательно призадумалась. Заглянула внутрь; по крайней мере, Третий уровень. Приборная доска оборудована рулем, а под ним – педали газа и тормоза. Однако с ними достаточно слегка помудрить, сделав их бесполезными, торчащими лишь для мебели. «Но какой смысл?» – спросила она себя. Есть и куда более простые способы прикончить ее, если уж Джуду этого хочется.

В конце концов всепоглощающая потребность знать правду перевесила все остальные доводы, и Либби забралась внутрь. Дверь тихонько закрылась, не заперев замок.

Автомобиль переключился в режим вождения, и сердце Либби заколотилось в груди молотом. Из всех сил вцепившись в руль, она попробовала тормоза. Сработали, как должны. Поездка через Бирмингем длилась всего десять минут, но казалось, прошло куда больше времени, прежде чем машина остановилась у бордюра. Либби моментально узнала место – Монро-стрит, где она стала очевидцем гибели трех поколений одной семьи под колесами беспилотного авто. И поспешно покинула автомобиль.

И тотчас же рассердилась на Джуда за выбор места встречи. Уж он-то должен был знать, как угнетающе подействовал на нее просмотр этого видеоматериала во время жюри. Дожидаюсь дальнейших инструкций, Либби крепко прижимала планшет к груди, пока тот не завибрировал. «Номер 360», – гласило сообщение.

Вдоль дороги выстроились магазины – по большей части маленькие независимые бутики. По мере того как основные магазины на Хай-стрит один за другим закрывались, перебираясь в онлайн, городской центр мало-помалу пустел. Одновременно популярность маленьких независимых магазинчиков снова пошла в гору. Днем на Монро-стрит царит настоящая сутолока, но сейчас, когда стрелки часов подбираются к девяти, она оцепенела в почти полном запустении. Либби внимательно осматривала фасад каждого магазина, пока не нашла номер 360 – бывшее кафе с замазанными побелкой окнами, чтобы не глазел кто ни попадя. Включив фонарик телефона, попыталась заглянуть сквозь стеклянную филенку двери, но увидела лишь собственное отражение.

«Ты не обязана это делать», – сказала она себе. Но, как ни страшила ее мысль о встрече с Джудом лицом к лицу, уйдя сейчас, она будет терзаться до конца жизни. Осторожно нажала на ручку двери, и та открылась. Приложенный сверху колокольчик звякнул не по размеру громко, напугав ее.

– Эгей! – дрожащим голосом произнесла Либби. Посветила телефоном по залу. Вокруг оказалось с дюжину столиков со стульями, покрытых толстым слоем пыли, а также пустые стойки и полки. На полу стремянка, в беспорядке валяются банки от краски и обрывки защитной пленки. Начатый когда-то косметический ремонт давным-давно заброшен.

– Закрой дверь, пожалуйста, – донесся голос из глубины помещения.

Сразу узнав его, Либби резко невольно порывисто передохнула. Сунув руку в карман, ощутила холод металлического клинка ножа для овощей, который прихватила в кухне, когда была вне поля зрения объектива планшета. Сжав рукоятку в ладони, тихонько прикрыла дверь.

– Нож тебе не понадобится, – заметил Джуд. – Но оставь его, если с ним тебе спокойнее.

Когда Либби повернулась в его направлении, он включил лампу, и Либби заморгала, приспособливая глаза к свету. И теперь смогла увидеть его четко. Джуд сидел за столиком, положив на него ладони плашмя и оставив телефон рядом. Он был с головы до ног одет и укутан в темное, включая зимнее пальто и ботинки на толстой подошве с высокими зашнурованными

берцами. Борода с дюйм длиной, коротко подстриженные волосы всклокочены, на носу очки. Вопреки себе Либби ощутила в душе жар какого-то чувства, облечь которое в слова не могла.

– Привет, Либби, – Джуд слегка улыбнулся ей. Тон его был дружелюбен, но напорист. Такой его версии Либби еще не встречала.

– Как ты поживала? – продолжал Джуд, но Либби еще не была готова отвечать. Похоже, это его ничуть не смутило. – Я рад, что ты пришла. Ты уверена, что не хочешь сесть? – он указал на стул напротив себя. Либби тряхнула головой, озирая его с головы до ног, как будто встретила с ним впервые. И во многих смыслах так оно и было. Это совсем не тот человек, к которому она когда-то прониклась чувством; это совершенно незнакомый чужак. – Должно быть, у тебя масса вопросов. Валяй, выкладывай.

Кивнув, Либби кашлянула, но, как ни тужилась, не могла заставить нервы отпустить натянутые голосовые связки.

– Из всех мест, куда можно было меня привезти, ты выбрал именно эту улицу? – наконец выдавила она.

– К этому мы скоро подойдем, обещаю.

– И давно ты меня преследуешь?

– Лично – где-то пару недель. А через телефонные данные, трекары, покупательские схемы, использование интернета и твой публичный профиль – пожалуй, никогда от тебя и не отставал. Не только с вечера нашего знакомства в Манчестере, но и за месяцы до него.

– Значит, мы встретились не случайно?

– Ни в коей мере.

Что-то в груди Либби оборвалось. Она чуть ли не огорчилась, услышав от него то, что и так подозревала.

– Как ты узнал, что я буду в том пабе?

– У нас есть доступ ко всем твоим персональным данным, включая электронную почту и ежедневник.

– То есть вы их взломали?

– Да.

– И когда ты узнал, где я проведу выходные, то увязался за мной? – Джуд кивнул. – Откуда ты знал, что я с тобой заговорю?

– Я и не знал. Я следовал за тобой из бара в бар, дожидаясь, когда ты пропустишь пару бокалов, прежде чем пытаться привлечь твое внимание. По фоткам в «Фейсбуке» я знал, что ты обожаешь караоке, а твой плей-лист в «Спотифай» поведал мне, что твой любимый исполнитель – Майкл Джексон.

– А друзья, с которыми ты был, они тоже замешаны?

– Они мне не друзья.

– Я их видела. Ты стоял с группой мужиков.

– Нет, я стоял *позади* группы мужиков. Я знал о них ничуть не больше, чем они обо мне. Как и в случае с моим беспилотным авто, ты ни на миг не усомнилась в том, что видишь.

– А с чего бы мне? Я верю людям, пока мне не подадут повод для обратного. Первым делом я инстинктивно принимаю все, что вижу и слышу, за чистую монету. Ну, во всяком случае, принимала, пока ты не подвернулся... Как ты мог быть столь уверен, что я к тебе привяжусь?

– По профилям, которые ты заполняла при вступлении на сайты знакомств. Мы отслеживали, страницы какого типа мужчин ты посещала, сколько задерживалась на каждом снимке, анализировали их личные качества и, само собой, поглядели на твоего бывшего, Уильяма. Изучали, что тебя влечет и что отталкивает, чему ты предпочитаешь посвящать досуг, твои онлайн-беседы; какие качества нужны человеку, чтобы ты пожелала с ним встретиться. Свою внешность я подстроил соответственно. Подстриг и перекрасил волосы, надел контактные

линзы и оделся в стиле, который предпочтителен для тебя. Я стал воплощением всего, что ты искала. Единственное, чего мы не могли перестроить, это химия. И ты не можешь отрицать, что мы своего добились. Когда ты ушла, я прихватил с собой твой бокал и провел на нем анализ «Найди свою ДНК-пару», чтобы посмотреть, созданы ли мы генетически друг для друга. Хочешь знать результат?

Глаза Либби полыхали гневом, но она напружинила пальцы, чтобы не сжать их в кулаки, выдав Джуду, насколько попранной себя чувствует.

– Нет, не хочу, – процедила, скрипнув зубами. Но в глубине души ужасалась мысли, что может оказаться парой с психопатом. – А наши разговоры в тот вечер тоже состряпаны специально?

– Некоторые – да.

– Типа чего?

– Типа моей любви к иностранному кино и выпечке и знания песен Майкла Джексона.

– Но у тебя слова прямо от зубов отскакивали!

– Моя команда пересылала тексты на мои смарт-линзы, а я их читал. А потом быстро снял их, когда ты подошла поговорить со мной. Но не все было подстроено.

– Что же было неподдельным?

– Мой интерес к тому, что ты говорила.

– И ты рассчитываешь, что я в это поверю? – Либби засмеялась.

– Я не рассчитываю, что ты согласишься хотя бы единому моему слову. Но раз ты настолько убеждена, что я буду тебе врать, с какой стати явилась сюда сегодня?

Либби открыла было рот, но осеклась. Ответа у нее не было.

– Как мне тебя называть? – вместо этого поинтересовалась она. – Как я полагаю, Джуд Харрисон – не твое настоящее имя?

Он покачал головой.

– Продолжай называть меня Джудом, если так будет проще.

– Нет, я хочу знать твое настоящее имя.

– Это к делу не относится. Я закопался во Всемирной паутине уже настолько глубоко, что к моменту, когда ты уйдешь отсюда – и если надумаешь известить полицию о нашей встрече, – мое настоящее имя не будет иметь ни малейшего значения. Они не приблизятся ко мне ни на йоту.

– Мне плевать. Ты должен мне сказать.

– Ноа Харрис.

Фамилия показалась Либби смутно знакомой, но от избытка информации голова у нее шла кругом, и сообразить, откуда именно, она не могла.

– Почему ты назвался Джудом?

– «Хей, Джуд» была любимой песней твоего покойного брата. Ее проигрывали на его похоронах. А когда дошло до рефрена, твоя семья встала на ноги, взялась за руки над головой и подпевала «на-на-на». Вскоре встали и остальные, чтобы присоединиться.

– Да как ты смеешь?! Откуда ты мог узнать?

– В наши дни люди всё записывают для потомков. Найти это в Сети было нетрудно.

Глубина его изысканий и познаний заставила Либби содрогнуться.

– Почему из всех людей на свете тебе вздумалось выбрать именно меня?

– Нам требовался человек, наделенный нравственностью и моральными ценностями, искренне заботящийся о благополучии незнакомых ему людей. Для трансляции требовалась женщина, вызывающая симпатию и мужчин, и женщин всех возрастов. А чтобы они эмоционально сопереживали ей, требовалось, чтобы сердце у нее было разбито.

– По-твоему, мир считает меня сломленной?

– А разве я не прав?

– Ну и жопа же ты...

– Мы должны были дать нашему знаковому персонажу Пассажира, за которого она вступится. Кто же лучше годится на эту роль, как не человек с душещипательной историей, к которому ее тянет? А уж факт нашей обоюдной ненависти к автономным автомобилям, разумеется, был грандиозным плюсом и одной из причин, по которой мы ввели тебя в состав присяжных этого жюри.

– *Вы* меня ввели? Я не была выбрана случайно?

– Я полагал, ты уже это сообразила. Нам нужна была личность, способная поставить под вопрос решения других членов жюри. Должен признаться, после первого дня, когда тебя то и дело осаживали, а ты сложила руки и уже не пыталась дать отпор, мы уже думали, что дали маху. Но на второй день незадолго до первого увоза ты и сама расправила крылья. Вот тут-то мы и поняли, что лучшего и желать было грешно.

В глубине души Либби до сих пор бурлил гнев. Она уже давно смирилась с тем, что была марионеткой, но даже не догадывалась, насколько далеко зашла ложь. И чувствовала себя теперь круглой душой.

– Но почему конкретно я? Вокруг миллионы женщин, разделяющих мои взгляды.

– Но они не разделяют того, что роднит тебя и меня.

– То есть? – подняла брови Либби.

– Придя сюда, ты спросила, почему я выбрал именно это место. Судя по тому, что я выяснил, собирая твои данные, тебя сформировали три события. Сначала ты нашла тело брата, потом твой хахаль обрюхатил другую женщину, а потом ты стала очевидцем гибели трех человек на этой дороге. Одно из этих событий нас роднит.

– Не поняла.

– Три поколения женщин, умерших у тебя на глазах прямо за этой дверью, были моей женой, моей дочерью и моей матерью.

Глава 65

Попятившись на шаг от Ноа, Либби затрясла головой.

– Это твоя очередная ложь, правда? – выпалила она. – Ты омерзителен!

Не давая ему шанса оправдаться, развернулась и зашагала к двери. У нее за спиной заскрежетали по полу ножки стула. Напружинившись всем телом, Либби покрепче сжала рукоятку ножа.

– Не уходи, – попросил Ноа. – Пожалуйста! – И впервые за вечер она расслышала в его голосе подобие отчаяния. Этого оказалось довольно, чтобы заставить ее застыть на месте. – Я сказал, что ты заслуживаешь правды, и это и *есть* правда. Клянусь.

– Я тебе не верю, – покачав головой, Либби обернулась и увидела его стоящим. Что-то мешало ей сделать последние несколько шагов, чтобы покинуть кафе. И вдруг ее осенило, откуда она знает имя Ноа Харриса. Не он один умеет хранить секреты. Этот она до поры до времени придержит при себе.

– Стефени, Грейси и Мэри; моя жена, дочь и мама. Я был на работе, когда мне позвонила медсестра из больницы Королевы Елизаветы, чтобы сообщить, что они пострадали в ДТП. И лишь приехав туда, я узнал, что потерял всех троих.

– Их имена были в общем доступе, – безучастным тоном заявила Либби.

Ноа поднял со стола телефон, попросил операционную систему открыть папку и направился к Либби, вытянув руку, чтобы передать ей аппарат для ближайшего рассмотрения. Она снова стиснула нож и попятилась на три шага. Ноа, огорченный ее опасениями, положил телефон на ближайший к ней столик и вернулся на свое место.

Внутри Либби нашла десятки альбомов, каждый битком набитый семейными фотографиями. Пролистала папки, открывая их наугад. В одной были снимки Ноа в отрочестве с мужиком постарше и молодой женщиной, которая при ней в более зрелом возрасте попала под машину – надо полагать, мать Ноа. В других папках лежали свадебные фотографии, снимки их медового месяца и фото новорожденного ребенка и Ноа.

– Посмотри видео, – настаивал он, и Либби нажала на кнопку воспроизведения. В первом ролике Стефени сидела на скамейке в саду, баюкая дитя. Голос ее принадлежал той самой женщине, которую Либби успокаивала на Монро-стрит. Либби никогда не забудет ее предсмертных вдохов; та лишь хотела знать, что дочь не пострадала.

Либби помешкала, прежде чем заговорить снова:

– Сожалею о том, что с ними случилось, но это не объясняет твою роль в захвате и почему ты причинил вред такому множеству невинных людей.

– Это не должно было случиться. Никто не должен был умереть. Все просто... пошло вразнос... в общем, события совершенно вышли из-под моего контроля. Я не мог его остановить.

– Кого?

– Алекса.

– Это еще кто?

– Мой брат.

– И какова же была его роль?

– Он был одним из тех, кого вы звали Хакером.

– Твой брат был Хакером? – медленно проговорила она.

– Одним из Хакеров. Хакер был вовсе не одним человеком. Голос, который вы слышали, был создан речевым синтезатором – искусственным воспроизведением человеческого голоса. Горстка людей – мужчин и женщин разного возраста, говоривших с разными акцентами, диалектами и на разных языках – по очереди диктовали, что должен сказать Хакер, а другие управ-

ляли тем, что вы видели на экранах. Чтобы с успехом довести дело до конца, потребовалась глобальная людская сеть. Прошу тебя, может, сядешь, чтобы я мог объяснить?

Либби помедлила. Снова оглянулась через плечо на дверь за спиной и решила, что если почувствует какую-то угрозу со стороны Ноа, то вполне успеет добежать до двери раньше, чем он доберется до нее. Ослабив хватку на рукоятке ножа, выбрала стул в паре столиков от него. Потом, скрипнув зубами, постаралась не расклеиться на глазах у того, кого когда-то так жаждала увидеть вновь.

– Я должен начать с самого начала, – повел Ноа. – В сороковых, во время Второй мировой войны, мой дедушка основал бизнес, делавший двигатели для армейских автомобилей. Потом тот с годами диверсифицировался и перешел к нашему папе. Когда мы с Алексом окончили университет, то начали работать на него компьютерными программистами, создававшими софт и разрабатывавшими хард – радары, датчики ориентации и лидары для машин Пятого уровня. У папы наклеивался контракт на много миллионов фунтов на поставки программного обеспечения и камер для автомобилей экстренных служб. Это была величайшая сделка в истории нашей компании. А поскольку Британия должна была стать первой страной, полностью перешедшей на автономники, планировались глобальные продажи нашего софта и систем. Через годы после Брексита²³ нас еще потряхивало, но это означало надежную работу для наших шестисот работников. А потом раз, – Ноа щелкнул пальцами, – и все накрылось.

– Почему?

– Мы были готовы к запуску – у нас имелись и штат, и технологии, и мы расширили свои площади. Именно Алекс заметил изъян в софте, разработанном другими, над которым мы тогда и пахали. Вроде крохотной лазейки в заборе, но все-таки лазейки. Это означало, что так называемое надежное, не поддающееся взлому программное обеспечение теоретически можно было взломать. Мы сообщили об этом, и нас заверили, что уязвимость устранят. Потом, за неделю до подписания контрактов, объявилась конкурирующая компания из Индии, перехватив у нас контракт более дешевым тендером. Мы шли на уступки, пока не уравнили цену с ними, но они повторили этот номер, и все было кончено. Мы работали бы в грандиозный минус. Так что правительство отдало контракт им. Мы были уверены, что индийцы не в состоянии предложить лучший продукт, чем мы, – и оказались правы. Поскольку когда декомпилировали их софтинку, она оказалась идентичной нашей. Индийцы украли нашу работу, и единственное место, где они могли ее получить, – от кого-то из правительства.

– Тогда почему вы не подали иск о нарушении авторских прав?

– Важнейшие части нашей заявки на патент «потерялись», как только дошли до Агентства по интеллектуальной собственности. К моменту, когда мы их разыскали, было слишком поздно. Индийцы запатентовали нашу работу в ускоренном порядке. Все адвокаты-международники, к которым мы обращались, в один голос твердили, что у нас нет ни шанса на выигрыш тяжбы или компенсацию.

– А бизнес вашего отца?

– Не прошло и полугода, как акционеры потребовали его перевода под внешнее управление и провели сокращение штата. Большинство наших работников жили в поселках поблизости от завода, и через считанные годы эти населенные пункты пришли в запустение. Люди были вынуждены переехать ради поисков работы, цены на дома обрушились так, что у оставшихся долги по залогу превысили цену самого жилья, начался рост алкоголизма и даже числа самоубийств. Некоторые из этих людей работали на папу и его отца всю свою жизнь. А папа во всем этом винил только себя. Угрызения совести и стресс доконали его, он перенес удар и меньше чем через год скончался от осложнений после воспаления легких.

²³ Б р е к с и т, или выход Великобритании из Европейского союза (сокр. Брексит, англ. Brexit: от Britain («Британия») + exit («выход»)) – прекращение членства Великобритании в Европейском союзе.

Ноа примолк, чтобы подхватить с пола бутылку. Отвинтил крышку и протянул ее Либби. От пыли в зале в горле свербило, но она отказалась.

– Брата это подкосило куда сильнее, чем меня, – продолжил он рассказ. – Мы оба были близки с папой, но Алекс был первенцем и яблочком от яблони. На моих глазах он утонул в депрессии все глубже и глубже. В юности у него диагностировали биполярное расстройство, и он перестал принимать прописанные лекарства и начал закладывать за воротник. Стал неуравновешенным, мрачным и озлобленным, начал срываться по пустякам. Несколько раз его арестовывали за драки и в конце концов уперли за решетку на несколько месяцев. После освобождения он исчез. Мы не могли его разыскать; его не было на квартире, он не отвечал ни на звонки, ни на текстовые сообщения. А когда и полиция не смогла его отыскать, мы начали опасаться худшего. Но потом он объявился так же внезапно, как и исчез.

Помимо воли Либби ощутила, что рассказ Ноа ее захватил.

– Где же он был? – спросила она.

– Он не говорил, но что-то в нем изменилось. Не только то, что он стал трезвее и вернулся к приему лекарств, – он будто обрел некий стержень, которого я давно в нем не замечал. В конце концов брат признался, что провел это время в группе «единомышленников». Смахивало на то, что он вступил в какой-то культ или типа того, но это было сообщество хакеров, таившееся в Темной паутине, которое он разыскал. Алекс вступил в организацию, поставившую своей целью подрыв британской индустрии беспилотных авто. Он узнал, что не одну нашу компанию правительство развело с помощью более дешевых иностранных тендеров. Как минимум у дюжины предприятий, сыгравших важную роль на начальных этапах Дорожной революции, тоже украли их продукты прямо из-под носа благодаря махинациям с патентами и воровству. Алекса призывали вступить в их ряды и потрудиться вместе, чтобы отыскать способ поставить индустрию на колени и предать гласности, что учинили с отечественными предприятиями. А он умолял подключить меня.

– И ты ответил согласием.

– Нет, не сразу. Как и Алекса, меня возмущало то, как разделились с папиным бизнесом, но я не мог себе позволить все бросить и выступить в крестовый поход. У нас со Стеф уже появилась Грейси, и они стояли для меня на первом месте.

– И что же заставило тебя передумать?

– День, когда беспилотное авто Пятого уровня сгубило всю мою семью. Нам не сказали, почему погибли мои девочки, – лишь то, что следственное жюри возложило вину на них. Оно даже не дало рекомендации проверить программное обеспечение.

– И Алекс предложил увоз в качестве возмездия?

Ноа позволил вопросу на время повиснуть в воздухе, прежде чем ответить:

– Нет, Либби. Идея целиком моя.

Глава 66

Либби застыла. Ее гнев на Ноа поднялся с новой силой. На кратчайший миг она прониклась пониманием его негодования на правительство за то, что оно учинило с его семейным бизнесом, и его отчаяния, когда вину за происшествие, погубившее их, возложили на его жену и мать. Но едва он признался, что увоз был его идеей, сочувствия как не бывало.

Должно быть, ощутив разделивший их леденящий мороз, Ноа почувствовал себя неловко, потер ладонями лицо и покачал головой:

– Позволь мне объяснить. Первоначально планировалось вывести машины из строя. Все автомобили, независимо от марки и модели, имеют кое-какой общий софт, позволяющий им связываться между собой – скажем, чтобы предупредить о пробках или дорожных работах впереди. Поскольку мы приложили руку к программированию, мы знали, как в него внедриться, добравшись прямоком до этих датчиков. Алекс с остальными должны были внедрить инородный фрагмент кода в верификационный софт. Это давало нам возможность получить доступ к исходным кодам любой модели любого авто Пятого уровня и заразить его вирусом, чтобы оно подчинялось нашим командам. Тормознуть одно авто с фиктивной проблемой – и пошло-поехало, дальше и дальше, заставив тысячу за тысячей сделать то же самое. К моменту, когда хак будет выявлен и устранен, ущерб уже будет причинен. Ненадолго, но вполне достаточно, чтобы застопорить всю Британию напрочь, выставив отрасль на посмешище.

– И что же переменялось? – осведомилась Либби. – Как это переросло в массовое убийство?

– Когда Алекс влез в софт, то обнаружил, что машины считывают наши национальные идентификационные карты и все фенечки, которые мы носим. Вот тогда-то мы и узнали, что произошло с моими девочками на самом деле. Ими пожертвовали, потому что Пассажир, машина которого врезалась в них, был пилотом Королевских ВВС и ИИ его защищал. А раз он служит стране, значит, его жизнь дороже, чем всей моей семьи.

Ноа подождал реакции Либби, но она продолжала взирать на него с прежней настороженностью.

– Меня сжигала ненависть ко всем и вся, имевшему отношение к этим машинам. Их воздействие зашло чересчур далеко. Даже потом – ведь моя малышка умерла, потому что не получила печени, в которой нуждалась, потому что чем меньше катастроф в более безопасных машинах, тем меньше донорских органов.

– Нельзя же наказывать людей за то, что они не гибнут! – перебила Либби. – Это безумие.

– Понимаю, но это демонстрирует, что тогда творилось у меня с мозгами. Например, уверенность, что поломка машин не окажет достаточного влияния. Я решил, что наш хак *должен* пережить трехдневный новостной цикл. Нужно, чтобы он стал событием, запомнившимся всем очевидцам до самой смерти. Увоз. Я сказал Алексу, что мы должны перехватить полный контроль над горсткой машин и держать их ради выкупа, угрожая убить Пассажиров, если правительство не сознается в своих деяниях. И мы заставили бы следственное жюри сделать то же, что делает ИИ, – выбрать, кого оставить в живых, исходя только из тенденциозной информации, которую впарим ему мы. Но пострадать ни в коем случае не должен был никто. – На это Либби недоверчиво склонила голову к плечу. – Клянусь тебе, я думал, мы только подыдем бучу против этих «невзламываемых» машин. А потом все переменялось в вечер моей встречи с тобой...

– Со мной?

– Я пересматривал материалы того дня, когда погибли мои девочки, раз сто, пока не выучил их наизусть. Я подсчитал, сколько шагов тебе потребовалось, чтобы перейти от одной к другой, сколько времени ты провела с моей мамой и Стеф и как ты пыталась утешить их. Видя

твою доброту и как тебя потрясла смерть незнакомых тебе людей, я сразу понял, что ты нужна в жюри. Но потом, когда мы встретились в Манчестере, я – уж не помню, за какое время, – впервые поговорил с человеком, не варящимся в той же ядовитой похлебке, что и я. В нашем с тобой поцелуе я ощутил неразрывную связь с тобой, как и ты. Ты пробудила меня, напомнила мне, кто я на самом деле, и заставила понять, что я могу добиться всего желаемого, больше никому не угрожая. Но переубедить Алекса и остальных нечего было и пытаться. Как объяснил тебе тот другой присяжный, Мэттью, из-за стадного чувства в компании люди делаются храбрее, чем по отдельности.

– Надо было постараться, – пренебрежительно отозвалась Либби.

– Я старался.

– Ты должен был дать им понять, что это неправильно.

– Я пытался.

– Тогда почему они не слушали?

– Потому что к тому времени мы потратили на планирование увоза восемнадцать месяцев, и никто не хотел идти на попятный! И я боялся, что, если воздержусь от участия, все может совсем выйти из-под контроля. Я думал, что если останусь в деле, то хотя бы смогу держать их в узде, если потребуется.

– И удалось? – припечатала Либби.

Ноа потупил взор.

– Я даже не воображал, до каких крайностей они дойдут.

– Где ты-то был в тот день? Потому что в машине, за которой мы следили, тебя не было.

– В реальном времени меня снимали в неподвижной машине в амбаре в западной Ирландии под хромакей²⁴. Фоном служила прямая трансляция окружающих ландшафтов с камер другой машины, как будто я ехал по тем дорогам. Моей реакцией на гибель Виктора был сто-процентно искренний ужас; я даже попытался выбраться из машины, в которой меня заперли. Мне вырубил звук и закольцевали предыдущие съемки, чтобы вы не слышали, как я умоляю их остановиться и угрожаю признаться зрителям во всем. Меня предупредили, что, если я не подыграю, они прикончат всех Пассажиров – и тебя заодно. Позволить им сделать это я не мог. И, конечно, не представлял, что они собираются устроить сшибить машины лоб в лоб по всей стране.

– Где вы скрывались?

– В разных странах. Лично я встречался лишь с полудюжиной из причастных. Они устроили конспиративные квартиры в странах, у которых нет договоров с Великобританией об экстрадиции. Пока я не стану высываться, не стану привлекать к себе внимания и чинить их притеснениям неприятности, меня будут скрывать. Но страховки у меня никакой. Меня могут бросить волкам на съедение, как только вздумается.

– А твой брат?

– Без понятия. Я не мог связаться с ним с самого дня увоза.

Либби крепко зажмурилась, пытаясь усвоить версию событий в изложении Ноа. Нельзя отрицать, что он представил убедительные доводы, а язык его тела свидетельствовал о мучительных угрызениях совести.

– Почему теперь? – спросила она. – Зачем ты явился и разыскал меня?

– Мне плевать, что обо мне думает остальной мир, но мне не все равно, что думаешь ты. Я хочу, чтобы ты знала: в тот вечер в Манчестере и в роли Пассажира я был настоящим собой, а не тем, в ком ты сомневалась последние полгода.

²⁴ Х р о м а к е й (букв. «цветовой ключ») – технология совмещения двух и более изображений или кадров в одной композиции.

– *Сомневалась?* – переспросила Либби, приподняв бровь. – Чертовски колоссальное уменьшение. Ты манипулировал мной, воспользовавшись для этого смертью моего брата. Ты взял кошмарнейший момент моей жизни и употребил Никки, чтобы заставить меня купиться на твою ложь. Разве не этот ты настоящий?

– Вовсе нет, клянусь. Позволь доказать. Уезжай со мной.

Либби подумала, что ослышалась:

– Что?

– У меня есть контакты, которые могут устроить нас в любом уголке мира, где только нам захочется. И тогда, вдали от этого всего, мы сможем узнать друг друга по-настоящему. Сможем начать снова.

Собственный смех застал врасплох саму Либби, так же как и Ноа.

– Ты серьезно?! С какой стати?

– Потому что ты не хуже меня знаешь, что, вопреки всему, между нами до сих пор что-то есть. Это нечто я прежде ощущал лишь раз в жизни, со своей женой. И я должен увидеть, куда это заведет. Ты не можешь отрицать, что тебя по-прежнему тянет ко мне. Несмотря на твою браваду и на все то, что ты якобы знаешь обо мне, ты все-таки пришла сюда, потому что в твоей душе есть уголок, желающий верить, что человек, к которому ты питаешь чувства, вовсе не негодяй.

– Чушь полнейшая, – Либби энергично затрясла головой. – У меня есть своя жизнь, есть новая цель в жизни, дела идут отлично, я заставляю мир меняться к лучшему. С какой радости мне бросать все это ради типа, чьи друзья сгубили больше тысячи человек? Ты рехнулся.

– Либби, Богом клянусь, я не хотел, чтобы это случилось. И потрачу остаток жизни на исправление содеянного, если ты мне позволишь. Ты можешь помочь мне искупить чудовищные последствия моей затеи.

Поднявшись на ноги, Либби принялась выхаживать по залу.

– Как я могу? – спросила она наконец. – Даже если ты говоришь правду, катализатором-то все равно послужил ты. Если ты действительно раскаиваешься в случившемся, так почему не сдать полицию? Объяснишь им все, что рассказал мне сегодня вечером. Докажи не только словами, что ты действительно такой, каким я тебя считала поначалу.

Ноа провел ладонями по волосам, а потом сцепил руки, будто в молитве.

– Не могу, Либби, – взмолился он. – На меня повесят все, чем располагают, и малость сверх того. Я могу назвать им лишь пару имен – и никаких сведений о том, где найти кого бы то ни было, никаких доказательств, что не я дирижировал всем от начала до конца. На свободе я могу сделать больше добра, чем за решеткой. Да, я знаю, что кое-кто посчитает, что правосудие свершилось, если меня посадят, но с твоей помощью я могу дать куда больше, будучи свободным человеком.

Ноа второй раз двинулся к ней, и Либби снова попятилась.

– Как насчет того, чтобы я записал свое признание и предал его гласности, как только мы доберемся туда, куда отправимся? – предложил он. – Это поможет тебе передумать?

– Джуд... – начала она, но тут же поправилась: – Ноа, ты сам-то себя слышишь? Нам придется постоянно оглядываться, нам не будет ни минуты покоя. Я не могу, не хочу всю жизнь прожить вот так. Я хочу того же, чего хотят нормальные люди, а все это... *во всем этом*... нет ничего нормального.

– Мы можем получить все, что пожелаем, даже в ненормальных обстоятельствах. И ты можешь продолжить свою кампанию, опираясь на достойное финансирование и расширенный глобальный размах. Ты даже можешь организовать благотворительный фонд имени брата в помощь людям с психическими отклонениями, если пожелаешь: у меня есть доступ к деньгам, которые помогут это осуществить. Я предлагаю тебе мир, Либби, и в обмен предлагаю себя. Настоящего себя. Умоляю, пожалуйста, подумай об этом.

Глаза Либби переполняли слезы, и она утерла их рукавом.

– Знаешь, отчего больнее всего? Что ты одурачил меня... что я дала слабинку и ты заставил меня поверить, что ты не тот, кто есть. Смогу ли я вообще привыкнуть к ложью и манипуляциям? Ты на моем месте смог бы?

– Я рискнул очень многим, чтобы прийти сюда; это тебе ни о чем не говорит?

Этого Либби отрицать не могла. Застыв на месте, она очень внимательно разглядывала Ноа. В его взгляде по-прежнему светились надежда и отчаяние. Будь перед ней человек, которого Либби повстречала в Манчестере, она бы ему поверила. Но это Ноа, и она знает его не лучше, чем любого другого чужака. Но как ни старалась, не могла отрицать, что испытывает какую-то тягу к нему, невидимый магнит, заставляющий поверить ему вопреки доводам разума.

– Да как же я хоть когда-нибудь смогу простить тебе случившееся? – спросила она. – Против нас всё – то есть абсолютно всё.

– Мы сумеем с этим справиться; я знаю, что сумеем. Просто скажи, что дашь мне шанс. Я вдруг являюсь ниоткуда, делаю тебе это предложение... Понимаю, что то, о чем я прошу, – полнейшее безумие; я сознаю это на все сто процентов. Но я готов был пожертвовать своей свободой, чтобы прийти сюда, потому что уверен: между нами что-то есть.

По затылку Либби за шиворот сбежала струйка пота. Она не позволяла себе отвести взгляд от Ноа, пока не будет готова ответить ему.

Потом, почти незаметно для глаз, кивнула. В ответ глаза Ноа широко распахнулись, и лицо его засияло.

– Правда? – спросил он. – Ты уверена?

– Да, – тихонько проронила она. – Но мы должны уйти сейчас же, пока я не очнулась.

На сей раз Либби не отпрянула, когда Ноа к ней приблизился. Позволила ему обнять себя и привлечь к груди. А когда он наклонился, чтобы поцеловать ее, Либби закрыла глаза и забыла обо всем, что было прежде. На минутку она перенеслась на год назад, обратно в садик паба, окруженный маслянистым сиянием фонариков, свисающих с деревьев. Губы чужака сомкнулись с ее губами, и она вдыхала аромат его одеколона и его теплой кожи. Тогда это было началом новой главы, подумала она; внутри нее нечто пробудилось. Воспоминание было мимолетным, и когда оно миновало, Либби отстранилась от Ноа.

– Куда отправимся сначала? – спросила.

– Я знаю людей, которые могут вывезти нас из страны сегодня ночью.

– Но мне нужен мой паспорт; и потом, как же работа, дом, семья, друзья... как я им объясню?

– Сориентируемся по ходу, обещаю. – Ноа расплылся в улыбке и, сплетя свои пальцы с ее, двинулся к выходу.

– Не забудь свой телефон. – Либби указала на столик, где лежал аппарат.

– Вот видишь, как ты на меня действуешь! – заметил Ноа, направляясь к столику.

– Можно задать еще вопрос? – внезапно сказала Либби.

– Какой угодно.

– Что на самом деле стряслось с Ноа Харрисом после гибели его семьи?

Либби увидела, что этот человек вдруг застыл как вкопанный, к ней спиной.

– Не понял! – сказал он, хотя тон его выдавал обратное.

– Я была на похоронах его семьи. Не могла отвести глаз от Ноа, стоявшего у алтаря, и друзьям приходилось поддерживать его в самом буквальном смысле, потому что он был убит горем. Я видела, как он положил по белой розе на каждый гроб, а потом проводил владельцев похоронного бюро до машин, прежде чем удалиться в крематорий на частную панихиду. На секунду наши взгляды встретились. Образ этого несчастного, отчаявшегося человека никогда не изгладится из моей памяти. А ты совершенно определенно не Ноа Харрис. Правда?

Глава 67

Единственным звуком, пульсировавшим в пространстве между Либби и человеком, в которого она когда-то была влюблена до безумия, было ее учащающееся сердцебиение.

– Ты – брат Ноа, Алекс, не так ли?

Его молчание послужило самым красноречивым ответом.

Лучшего момента для бегства и не придумаешь, и прежняя Либби ринулась бы из дверей за помощью очертя голову. Но Алекс еще не встречался с послезахватной версией Либби Диксон – решительной, непоколебимой женщиной, вознамерившейся выстоять в этом противостоянии вплоть до окончательного исхода. И теперь, когда козыри оказались на руках у нее, сдавать позиции она не собиралась.

– Ноа мертв, не так ли? – продолжала Либби. – Это твой брат передумал и не хотел доводить до конца план с захватом Пассажиров. Это ты вывел план на новый уровень и убил этих людей.

Алекс минутку помолчал, прежде чем ответить:

– Думай, что говоришь, Либби. Следующие слова, сорвавшиеся с твоих губ, могут поставить все с ног на голову.

Но Либби откровенно пропустила эту тонко завуалированную угрозу мимо ушей.

– Если б я не видела Ноа на похоронах, то поверила бы, что ты – это он. Особенно по тому, как ты смотрел на Стефени и Грейси на этих фото и видео. Потому что ты любил их, правда? Пусть Ноа и был твоим братом, но сердце твое принадлежало Стефени. И на ее дочь ты смотрел не как заботливый дядюшка, а как гордый отец. – Либби углядела, как Алекс едва заметно кивнул. – Когда они погибли, именно твое горе толкнуло тебя на такие крайние меры ради мести, а вовсе не Ноа.

– Ноа был слабаком, – ответил Алекс. – У него кишка была тонка сделать то, что необходимо, или довести дело до конца. Он не любил Стеф так, как она заслуживала; не проявлял к ней должного уважения, но она все-таки не ставила на нем крест. Даже когда узнала, насколько часто он ходил на сторону. Это я утирал ее слезы; я говорил ей, что она заслуживает большего; и это я заставил ее снова почувствовать себя любимой. Она даже призналась мне, что выбрала не того брата. Но когда забеременела нашей доченькой, то предпочла Ноа мне. А я, как круглый идиот, пообещал уйти в тень и дать им шанс, поскольку был уверен, что в один прекрасный день она предпочтет меня ему. Но этот день так и не настал.

– Я что-то не помню, чтобы видела тебя на похоронах вместе с остальными членами семьи.

– Я не ходил. Случившееся слишком подкосило меня, в отличие от брата. Он не горевал по ним так, как я. Не прошло и трех месяцев, как он уже начал выкладывать свои фотки в приложения для поиска переписки.

Либби видела, как воспоминание омрачило его лицо. Пальцы задержались, выдавая растущее волнение.

– Ноа хотя бы поддерживал твой план на самом деле?

– Поначалу. Правду говоря, замашки у него были куда амбициознее: чтобы после того, как Пассажиры тормознут, столкнулось еще больше автомобилей. Потом, в своем репертуаре, он тут же пошел на попятный – вечно нагородит с три короба, а потом спохватится. Но тогда уже было замешано слишком много народу по всему миру, чтобы трубить отбой. Целая армия целеустремленных мужчин и женщин, группировки и ячейки, рискнувшие всем, чтобы достичь нашей цели. После полутора лет подготовительных работ никто из нас не хотел отыгрывать назад из-за одного-единственного человека. Будучи его братом, я пытался вразумить его, но он и слушать не хотел. Словно жизни Стеф, Грейси и нашей мамы для него ничего

не стоили. Мы поспорили, он пригрозил вывести наш план на чистую воду, так что у меня не осталось иного выхода, как защитить программу.

Алекс наконец-то обернулся к Либби с пылким, искренним выражением лица.

– Все, что я говорил о нас с тобой, чистая правда, и я хочу, чтобы у нас все наладилось. Я могу создать для нас будущее; тебе лишь нужно безоговорочно мне поверить. Даже сейчас, после всего, что узнала, ты не можешь закрыть глаза на то, что чувствуешь ко мне. Мы – Пара, и, по-моему, в глубине души ты это знаешь. Пойдем со мной.

Тело Либби прошила дрожь, и она затрясла головой при мысли, что им суждено быть вместе.

– Я не верю, что мы – Пара. – Она криво усмехнулась. – Это твоя очередная ложь. Ты лгал мне в роли Джуда, ты лгал мне в роли Ноа. С какой такой радости тебе втемяшилось, что я поверю тебе теперь? И потом, тебе самому не мешало бы последовать собственному совету.

– О чем?

– Раньше ты сказал мне, что я и не усомнилась в том, что вижу, когда предположила, что ты стоишь в баре с теми мужиками. Что ж, ты тоже не усомнился, когда вообразил, что у меня в кармане только нож. Я нажала на тревожную кнопку и включила трекер, установленный полицией в мой телефон и транслировавший туда все, что мы говорили. – Прищуренные глаза Алекса превратились в узкие щелочки, а Либби продолжала: – Единственное, чему я поверила из всего, что ты наговорил, – то, что ты чувствуешь связь между нами. Я тоже ее чувствовала. Вот только чувство это было ложным, потому что этот человек не существует. И это лишь одна из миллиона прочих причин, почему я не выйду с тобой за порог этого зала. Лучше я кончу, как твой брат, чем буду с тобой.

Алекс молнией устремился к ней, но Либби оказалась чересчур проворной для него. Развернувшись, она бросилась к двери, выхватив из кармана нож и сжав его в ладони, когда потянулась к ручке двери. Повернула ее и дернула, но дверь не поддавалась.

Либби в панике поспешно обернулась, замахав оружием перед собой. Свет лампы, отразившись от клинка, мелькнул бликом на лице подступающего Алекса. И блеснул на ключевом брелоке у него в руке.

– В двери автоматический замок, открывающийся только этим, – прорычал он. – Никуда ты не уйдешь!

Либби хотелось кричать и звать на помощь, но она стойко держалась, рассекая воздух ножом снова и снова, слева направо, вперед и назад. Алекс отскакивал и уклонялся, как боксер на ринге.

– Можем заниматься этим всю ночь, если хочешь, – бросил он. – Но выйдет отсюда только один из нас.

– Полиция все равно уже наверняка ждет снаружи, – в отчаянии проговорила Либби. – Ты вполне можешь сдать, Алекс, все кончено.

– Что бы со мной ни произошло, обещаю тебе одно: если выживешь, свободы тебе уже вовек не видать. Нас много, и мы всегда будем следить за тобой в готовности завалить, если придется, и тебя, и всех, кого ты любишь. Только подумай, какие мы сделаем заголовки, прикончив тебя.

Внезапно нож дотянулся до руки Алекса, полоснув по тыльной стороне ладони. Скривившись, тот сделал шаг назад, пытаясь разглядеть при свете лампы, насколько серьезно ранен.

– Ты только что приняла худшее решение в жизни, – произнес он наконец, сжимая кулаки.

Набрав в легкие побольше воздуха, Либби собрала все силы и сделала еще выпад, выставив нож перед собой. И промахнулась. Алексу удалось перехватить ее запястье и так сильно сдавить пальцы, что нож выпал из ее руки в его подставленную ладонь.

Они стояли лицом к лицу, и Алекс в последний раз усмехнулся, поджав губы в ниточку.

– Сожалею, что дошло до этого, искренне сожалею, – пробормотал он.

Но как только двинулся на нее, Либби увидела крохотную алую точку, вспыхнувшую у него на шее. И как только Алекс занес руку с ножом, чтобы вонзить в нее его лезвие, пуля, пробившая стекло двери, угодила ему прямо в горло.

Часть IV

Два года спустя

Глава 68

UKToday.co.uk

+ПРЯМАЯ ТРАНСЛЯЦИЯ/ПРАВИТЕЛЬСТВО ПОДДЕРЖИВАЕТ ПОВТОРНОЕ ВВЕДЕНИЕ БЕСПИЛОТНЫХ АВТОМОБИЛЕЙ

Спорным автономным автомобилям будет позволено вернуться на британские дороги в ближайшие три года.

Позже сегодня премьер-министр Николас МакДермотт выступит с заявлением, заверяющим общественность, что беспилотные автомобили теперь «безопасны», и приняты меры предосторожности, гарантирующие, что «возможность взлома в будущем исключена».

Также упразднен десятилетний мораторий на полный переход к автономным автомобилям на дорогах Великобритании.

«Нам необходимо завоевать доверие общественности вновь, – упреждая заявление, сообщил правительственный источник. – И это будет процессом постепенным».

Ждите публикации полной версии...

Либби спускалась по лестнице медленно и осторожно, чтобы не наступить на подол собственного платья.

Внимательно рассмотрела напоследок свое отражение в зеркале в полный рост в прихожей. Благодаря хитроумной конструкции из шпилек и спрея сверхсильной фиксации прическа даже не шелохнулась с тех пор, как Либби покинула стилистку сегодня утром. Исполнив обязанности визажистки, Ния помогла Либби влезть в платье и покинула дом, чтобы поздравить ее позже, уже на месте.

– Ты идешь? – крикнула Либби в направлении лестницы.

– Минуточку, – слабо донесся мужской голос. – Ищу вторую запонку.

– Это я должна опаздывать в день свадьбы, а не ты.

– Ты же сказала, что не фанатка традиционной ерунды, иначе с какой стати нам сегодня с утра быть вместе?

– Передумать – прерогатива невесты.

– Нашел!

Когда Мэттью Нельсон появился на верхней площадке лестницы, Либби вернулась в гостиную, и они впервые увидели друг друга в свадебных нарядах. Оба расплылись в улыбках.

– Видок отпадный, мисс Диксон, – просиял Мэттью. Спустившись в гостиную, он взял ее за руку.

– Да и вы недурно выглядите, доктор Нельсон... Ты все взял?

Он похлопал по карману своего светло-голубого пиджака.

– Кольца здесь, лицензия и удостоверение личности здесь. – Сжав ее щеки ладонями, Мэттью поцеловал Либби в губы.

– Не размажь помаду, – поддела она его. – На это у нас еще будет целая жизнь впереди, как только ты сделаешь меня честной женщиной.

– Можешь ты поверить, что мы и вправду до этого дошли?

– С трудом, – Либби тряхнула головой, – учитывая обстоятельства, при которых познакомились.

– Я влюбился в тебя, едва ты переступила порог следственной комнаты.

– Теперь знаю. Но тогда ты очень-очень хорошо это скрывал.

– Ну, нельзя же было приглашать тебя на чашечку кофе во время отправления долга присяжного, а? Собирался дожидаться конца недели, прежде чем подкатить к тебе.

– Я бы категорически отказала, – подначила она. – Я считала тебя пафосным хреном.

– О чем регулярно мне напоминаешь. А теперь?

– А теперь считаю тебя обаятельным пафосным хреном.

Смарт-часы Мэттью зажужжали, и он бросил взгляд на изображения на экранчике.

– Машина у дома. Ну что, пойдём доведем дело до конца? Это наверняка только приступ боли, а не схватки?

– Наверняка, – ответила Либби, потирая свой округлый живот.

Мэттью наклонился, чтобы поцеловать ее живот и поговорить с нерожденным ребенком.

– Хоть нам и не терпится поскорее с тобой познакомиться, тебе надо побыть там еще пару-тройку недель. До той поры мы не хотим тебя видеть, а уж тем более сегодня.

– Да, папочка, – ответила Либби от имени ребенка.

Покупая себе платье-футляр без бретелек цвета слоновой кости после согласия на предложение Мэттью, Либби еще не знала, что беременна. Теперь же, за пять недель до назначенного срока, она то и дело возвращалась в салон свадебных платьев, чтобы его расставили.

Мэттью взял будущую жену под руку.

– Готова?

Либби кивнула.

– Тогда пошли.

Выйдя из дома, купленного совместно в этом году, они увидели на подъездной дорожке застывший в ожидании винтажный лощеный черный «Мерседес-Бенц». Либби порадовалась, что модель та самая, которую она заказывала, – старомодный автомобиль Первого уровня. Прокатная компания не поленилась привязать ленточки слоновой кости, протянувшиеся от боковых зеркал до решетки радиатора. Появившийся шофер в элегантном сером костюме распахнул для нее дверцу. Либби осторожно, чтобы не помять платье, забралась внутрь. Когда Мэттью присоединился к ней, Либби устроилась на сиденье поудобней, и машина тронулась в поездку от их дома в Хоуе до брайтонского бюро записи актов гражданского состояния.

Многие подруги Либби признавались, что были накануне свадьбы комками нервов, но она их страхи не разделяла, инстинктивно чувствуя, что они с Мэттью созданы друг для друга даже после утверждений Алекса Харриса, будто она – его ДНК-пара. Снимая с нее показания после смерти Алекса, капитан Райли не утаил, что во время судебной цифровой экспертизы телефона убитого электронная почта подтвердила, что Алекс получил результаты анализа, и осведомился, хочет ли она знать результаты.

Либби отрицательно покачала головой. При всем ее истовом правдолюбии здесь не тот случай, когда правда послужит чему-то полезному в жизни. И теперь, в день свадьбы, она была как никогда уверена, что приняла правильное решение. Порой неведение – благословение. Хоть с анализами, хоть без, Мэттью – мистер Тот Самый.

Это осознание обрушилось на нее неожиданно-негаданно. Когда история ее конфронтации с Алексом докатилась до информгентств, гибель человека, заправлявшего коллективом хакеров, попала в заголовки международных новостей. А через несколько дней Мэттью оказался единственным членом того жюри, справившимся, все ли у нее благополучно.

Обмен электронными письмами сменился обменом эсэмэсками, эсэмэски – видеозвонками, и, глазом не успев моргнуть, Либби сообразила, что он совсем не похож на человека, отбывавшего повинность в постыдном жюри. Позже, когда Мэттью участвовал в медицинской конференции в Бирмингеме, Либби приняла его приглашение на обед и тогда же сообразила, что их объединяет кое-что посильнее дружбы. И лишь когда они сидели тет-а-тет за закусками, ей припомнилось, что в день захвата Мэттью выказал куда больше внимания к ней, чем она тогда сознавала. Он заступился за нее перед Джеком Ларссоном и утешал ее после взрыва машины Билкис.

Последовали еще два свидания, прежде чем Мэттью поцеловал ее. Через пять месяцев она пустила осторожность по ветру, сдала свой дом в Бирмингеме внаем и перебралась южнее, на побережье, где они купили свой первый общий дом. Достаточно далеко от Лондона, чтобы обеспечить им уединение, но на вполне удобном удалении для ее медийных занятий.

После смерти Алекса и предания полицией гласности результатов расследования по махинациям с программным обеспечением работы у Либби поубавилось. Теперь, когда Джек Ларссон оказался в самой гуще весьма публичного судебного разбирательства, программное обеспечение Пятого уровня предоставлено для кропотливого изучения уполномоченными властями и независимыми организациями, Либби наконец начала возвращаться к столь вожденной нормальной жизни. Как только ребенок появится на свет, она уйдет в отставку с поста представителя по связям с общественностью и приступит к новой работе в роли матери. А там, глядишь, удастся вернуться и к работе медсестры.

Несмотря на любовь и безопасность, обеспеченные ей новой жизнью, порой Либби все-таки тосковала о прошлом. Лицо Алекса вставало перед ней в самые непредсказуемые моменты. Однажды она увидела его в лице чужака в приемной стоматолога, в другие разы – когда закрывала глаза и погружалась в глубокую ванну. Изредка он являлся к ней в снах, особенно последние моменты их яростного противостояния. Ее облегчение при виде той крохотной алой точки, засиявшей у него на кадыке; взвизг пули полицейского снайпера, пробившей стекло и впившейся ему в горло, хлопок ладони по зияющей ране, словно она могла остановить хлынувшую кровь. Потом, виделось ей, когда полицейские выломали дверь кафе у нее за спиной и увлекли ее прочь от опасности, она все не могла отвести широко распахнутых глаз от медиков «Скорой», пытавшихся его откачать. И сумела перевести дыхание, лишь когда они знаками показали, что ему того же самого уже не сделать.

Обстоятельства кончины настоящего Ноа Харриса, вероятно, так и останутся неизвестны, но следователи подтвердили, что его разложившийся труп нашли в лесу неподалеку от амбара в Западной Ирландии. Коронер постановил, что Ноа, по-видимому, скончался от удушения примерно в то же время, когда произошел увоз, а не месяцами раньше, как заявлял Алекс. В амбаре обнаружили автомобиль, служивший для съемки салона машины «Джуда» во время захвата.

В разных местах по всему миру медленно, но верно совершали аресты и предъявляли обвинения по мере того, как международное расследование мало-помалу проникало в коллектив хакеров. Порой слова Алекса возвращались, навязчиво преследуя ее, – особенно угроза, что ей вовек свободы не видать и Хакерский коллектив всегда будет следить за ней, поджидая своего часа, в готовности нанести удар, когда она меньше всего будет этого ожидать. Но притом Либби понимала, что не сможет жить под мрачной сенью неизвестности, потому что никакая это не жизнь.

Однако сегодня не тот день, чтобы горевать о прошлом или задаваться вопросами, получить ответы на которые ей не светит. Либби встрепенулась, возвращаясь к настоящему, и растопырила пальцы, подставив их под лучи солнца, льющиеся сквозь пассажирское окошко. Поймала лучик бриллиантовым обручальным кольцом, поворачивая его так и этак, не в силах дожидаться, когда Мэттью наденет колечко ей на безымянный палец.

Ее внимание перехватил пейзаж за окном, увлекая через широко раскинувшийся пляж к ритмическому биению пульса моря. Под взором зимнего солнца оно преобразилось из обычного темно-синего в белое с серебряными вкраплениями. Проведя изрядную часть жизни в Мидленде, Либби никогда не сможет воспринимать свою близость к побережью как нечто само собой разумеющееся.

Прикрыв глаза, она вообразила, каково было бы, если бы брат Никки поджидал ее у бюро загса вместе с родителями, чтобы полюбоваться, как его младшая сестренка выходит замуж. Теперь при мысли о нем она уже не чувствовала боли и не пролиwała слез, а просто улыбнулась, испытывая благодарность за время, проведенное вместе и выбросив из головы годы порознь.

Ощутив, как Мэттью сплел свои пальцы с ее, Либби открыла глаза.

– Ты в порядке? – поинтересовался он. – Я на минутку забыл о тебе.

– Все хорошо, – ответила она и пожала ему руку в ответ, зная, что он о ней не забудет никогда.

Тут их внимание привлек звонок часов Мэттью.

– Ничего важного, просто поступили новости, – сказал он. – Обождут.

Однако вслед за ними быстро последовал звук прибытия эсэмэски, а за ним – много-много еще.

– В чем дело? – спросила Либби, когда Мэттью принялся читать информацию на экране.

Лицо его изменилось; он тряхнул головой:

– Ты просто не поверишь.

– Не поверю во что? – удивилась Либби, и он поднес часы к ней.

Пробегаая сообщения взглядом, она в изумлении распахивала глаза все шире и шире и наконец воззрилась на Мэттью:

– Какого черта это спустили ему с рук?

Глава 69

DailyCitizenOnline.co.uk

НЕВИНОВЕН: С ДЖЕКА ЛАРССОНА СНЯТЫ ВСЕ ОБВИНЕНИЯ

- Пятимесячное судебное разбирательство над высокопоставленным правительственным чиновником в Олд-Бейли подходит к концу.
- Присяжные сняли с бывшего парламентария четыре обвинения, включая злоупотребление правительственными материалами, злонамеренное использование гостайны, злоупотребление должностным положением и поведение, несовместимое с пребыванием на государственном посту.
- Если бы мистера Ларссона признали виновным, ему пришлось бы провести за решеткой 18 лет.
- «Нам надо отвоевать доверие общественности, – заявил правительственный источник накануне объявления вердикта. – И этот процесс будет постепенным».

Ждите публикации полной версии...

Джек Ларссон застыл на верху лестницы в горделивой позе, скрестив руки на груди. В глазах его сверкала негибкая решимость, а приподнятые уголки рта остановились, самую малость не дойдя до самодовольной ухмылки.

Его обступали с полдюжины здоровенных телохранителей – трое мужчин и три женщины в одинаковых угольно-черных костюмах. На каждом были смарт-очки с гарнитурами. Глаза их непрерывно обегали лица в толпе перед ними, выявляя потенциальные угрозы для бывшего министра правительства страны, ставшего самой пресловутой притчей во языцех даже за ее пределами.

Позади них высились каменные арки, обрамляющие двери, через которые они покинули лондонский Олд-Бейли – 130-летний центральный уголовный суд Англии и Уэльса. Пять долгих месяцев Джек проводил в этом здании каждый будний день, внимательно слушая, как прокуратура пытается погубить его репутацию, а команда защитников громит ее поползновения. Порой от нечего делать он ловил себя на том, что со своей скамьи подсудимых разглядывает жюри присяжных, якобы равных ему, общей численностью двенадцать человек – семеро мужчин и пять женщин. Он их ни в грош не ставил. Они ему такая же ровня, как он – первый человек на Марсе. Он куда лучше их всех вместе взятых.

Слева и справа от него и за черной чугунной оградой, отделяющей лестницу от тротуара, теснились протестующие, сдерживаемые полицейским оцеплением. Еще больше демонстрантов толпились через дорогу, в загоне из переносных металлических заграждений. Они забрасывали его оскорблениями, но Джек не мог разобрать, что именно они скандируют. Он обратил внимание, что они не размахивают плакатами, которые приносили с собой по утрам большинство дней. Лозунги вроде «Член палачмента» и изображения его лица на теле Адольфа Гитлера мелькали сплошь и рядом, тихонько забавляя его креативностью. Но сегодня они оказались не готовы к вердикту «невиновен». Готов к нему был один-единственный человек – Джек.

Фотографы лихорадочно щелками затворами, а десятки журналистов тянули к нему свои диктофоны и микрофоны, выстреливая вопросами один за другим. Но Джек, не размыкая губ,

разглядывал отребье, пытавшееся распять его судом СМИ. В глазах закона он невиновен, и с этого дня впредь им лучше помнить, что он не преминет прибегнуть к законным действиям.

Барристер Джека – Барнаби Скьюз – выступил вперед, прежде чем кивнуть ему. Джек ответил тем же, сигнализируя, что готов. Барнаби был облачен в классический костюм индивидуального пошива, а не в черную мантию и белый парик из конского волоса, в котором Джек привык видеть его в зале суда. Скьюз отвел со лба седую челку и поднял в обеих руках лист формата А4. Над печатным текстом красовался фамильный герб Джека – щит с драконом, мечом и сжатым кулаком. Одному Джеку было ведомо, что подобного герба и в помине не было, пока он сам его не состряпал.

Откашлявшись, Барнаби заговорил глубоким, зычным голосом.

– У меня имеется заявление, каковое я оглашу от имени моего клиента, мистера Джека Ларссона, – возгласил он. – Сегодня правосудие свершилось. Жюри присяжных заключило, что нет никаких доказательств в пользу того, что инкриминируемые ему «социальные чистки» когда-либо имели место или что мистер Ларссон был замешан в какой-либо противозаконной деятельности. Все доказательства обратного, представленные стороной обвинения, были основаны на коррумпированном или сфабрикованном программном обеспечении, разработанным организацией, известной как Хакерский коллектив. Хотя мистер Ларссон признал, что дискуссии по поводу расстановки приоритетов в отношении определенных профессий в случае потенциальных дорожно-транспортных происшествий имели место, он не верит, что подобное программное обеспечение было активировано или что его разработку санкционировал кто бы то ни было из членов прошлого или настоящего правительства. Его рассуждения перед камерами, услышанные зрителями, носили сугубо абстрактно-теоретический и гипотетический характер. Мистер Ларссон хотел бы поблагодарить присяжных за то, что им хватило здравого смысла поддержать его. Теперь ему потребуется некоторое время, чтобы обдумать, как поступить дальше, но он с нетерпением ждет возможности вернуться в центральное правительство как ни в чем не повинный человек. Никаких дальнейших комментариев он давать не будет. Спасибо.

Пока мистер Скьюз складывал и прятал бумагу в карман пиджака, Джек улучил момент, чтобы посмаковать вкус победы и внимание объективов. Его вот-вот накроет лавина журнальных, составляющих за возможность раздобыть хоть реплику из уст самого экс-парламента. Но Джек, вовсе не намеревавшийся добавлять к своему краткому заявлению хоть один звук, наконец позволил себе расплыться в давно сдерживаемой улыбке до ушей, зная, что его триумф наверняка транслируется в прямом эфире на каждом новостном канале и веб-сайте. А завтра о его победе будут вещать заголовки всех ежедневных газет.

Подождав, когда отряд его телохранителей расчистит дорогу среди журналистов, как только три «Лендровера» с тонированными стеклами подкатили к бордюру с армейской точностью, Джек забрался на заднее сиденье центрального автомобиля вместе с одним телохранителем, севшим рядом с водителем. Остальные сотрудники службы безопасности заняли места в авто впереди и позади, и все три машины выехали на дорогу, набирая скорость и оставив хаос позади.

В машине Джек хранил молчание, дожидаясь, когда выброс адреналина сойдет на нет. Поглядел за окно, проезжая вдоль набережной мимо Вестминстерского дворца, где провел изрядную часть своей трудовой биографии, и мысленно перенесся к первому дню там в роли члена парламента, всего на нервах и преисполненного наилучших намерений. Тогда им двигало лишь стремление представлять электорат, избравший его своим представителем.

Но где-то по пути потребность творить добро вытеснили алчность и амбиции. Стремление к такому же богатству, как у окружавших его правящих классов, заставило его выбросить из головы все остальное. Вместо того чтобы противоборствовать с ними, он сам стал одним из них. За годы докучный голос где-то в глубине сознания не раз и не два вопрошал его, а стоило ли ради того попирать собственные принципы. И всякий раз ответ звучал: да, стоило.

Автомобиль уже проехал через Ричмонд и Твикенхэм, прежде чем Джек углядел первый дорожный указатель аэропорта Хитроу. По условиям его временного освобождения под обязательство явки покидать страну последние два года ему запрещалось, и теперь он нетерпеливо предвкушал уединение частного кабинета в зале ожидания «Бритиш эйруэйз» первого класса перед четырнадцатичасовым перелетом. Рейс Джека в Китай вылетает поздно вечером, так что предстоит убить еще уйму времени. Он успел записаться на массаж, маникюр и стрижку задолго до того, как присяжные вынесли свой вердикт. Проведя недельку на Дальнем Востоке, он вылетит на эксклюзивный курорт на Мальдивах, потом – на Сейшелы, так что времени на обдумывание следующего шага будет невпроворот.

Из раздумий его вырвала вибрация телефона в кармане. Он сунул наушник гарнитуры в ухо.

– Мистер Ларссон, будьте любезны назвать свой код линии засекреченной связи, – уверенно произнес женский голос.

– Непременно, – отозвался Джек, наизусть отбарабанив затверженный список цифр и букв.

– Спасибо. С вами хочет поговорить заместитель премьер-министра. Не кладите трубку.

В ожидании Джек нажал на кнопку на своей дверце, и стеклянная перегородка поднялась, обеспечив полную звукоизоляцию заднего отсека автомобиля. Потом хлебнул виски из плоской фляжки, упрятанной в подлокотник. И вдруг послышался голос Дианы Клайн.

– Ну-ну-ну, – начала она, – у кого-то водятся дружки в высших инстанциях...

– Я не сомневался, что в конечном итоге правосудие восторжествует, – Джек фальшиво рассмеялся.

– Пожалуй, тут вы в меньшинстве. Тем не менее я хотела вас поздравить.

– Как я понимаю, сие означает, что вы хотели бы знать, чем я планирую заняться дальше. – Джек еще раз глотнул из фляжки.

– Ну, я бы покривила душой, сказав, что подобная мысль не приходила мне в голову. Премьер слышал ваше упоминание о непременном возвращении в политику.

– Слово «непременное» я не употреблял, но да, думаю, я достаточно долго просидел на обочине, а вы?

– А мы не слишком торопимся?

– Мы или я?

– Вы. Для вашего же блага в конечном итоге было бы осмотрительнее выждать некоторое время, чтобы недавние события выветрились из памяти.

– У масс память короткая.

– Не водите себя за нос, Джек. Не в отношении столь серьезных материй. Они до сих пор требуют пинту вашей крови. И будут чувствовать себя обманутыми, если не получат ее.

– Я уверен, мои избиратели будут на моей стороне, – тряхнул головой Джек.

– Вот только они больше не ваши избиратели, так ведь? Нам пришлось заменить вас и объявить перевыборы.

– И с этим вы не тянули, если мне не изменяет память...

– Вы не оставили нам выбора.

Джек почувствовал, что его терпение на исходе.

– Я не оставил вам выбора?

– Я имела в виду, что ситуация не оставила нам выбора.

– Ваша болезненная реакция означает, что вы проиграли мое кресло оппозиции.

– Оно было запятнано. Сама мать Тереза не смогла бы отстоять это окровавленное кресло у оппозиции.

– Надо ли мне напоминать вам, Диана, о дискуссии, состоявшейся у нас некоторое время назад, в ходе которой мне было сказано, что, как только меня обелят, мне в ускоренном порядке

вернут место за столом? И я имею в виду вовсе не где-то в глубине комнаты или сбоку, а за *настоящим* столом. Если для этого надо убрать кого-то еще и заставить меня баллотироваться на какое-нибудь никудышное обеспеченное местечко в парламенте, я готов пойти на эти жертвы ради блага партии. Мне это причитается по праву.

– Это вовсе не нерушимое обязательство. Вам никогда ничего не обещали. Я лишь предлагаю до поры до времени не будить лихо, пока оно тихо. Далеко не лучший момент объявлять о вашем возвращении в политику так скоро после суда над вами.

– Который очистил меня от всех обвинений.

– Да, но какой ценой? В этом процессе огласке предали уйму конфиденциальной информации, которую мы предпочли бы поддержать под спудом. Нравится вам это или нет, ваша защита причинила партии непоправимый ущерб, ликвидировать последствия которого может и не удастся.

Сжав кулаки, Джек подавил желание заорать.

– Да неужто вы рассчитывали, что в этом деле я буду вашим мальчиком для битья? Проведу за решеткой следующие восемнадцать лет своей жизни за то, что санкционировали вы, наш нынешний премьер и прочие особо приближенные? Если да, то вы меня совсем не знаете. Вы согласились на мое возвращение лишь в уповании, что меня признают виновным, не так ли? Что ж, жаль огорчать вас, но Джек Ларссон не пойдет на дно, не барахтаясь. И уж наверняка прихватит с собой остальных.

– Джек, может, нам лучше переговорить в другой раз, когда вы будете чуточку менее... эмоциональны?

– А может, когда вы перестанете быть такой лицемерной сучкой?

Он тут же пожалел, что брякнул такое, не подумавши, но она сама его довела. Воцарилась неловкая патовая ситуация.

– У меня есть документы, – взяв себя в руки, рассудительно заявил Джек.

– Пожалуй, вам следует последить за своим языком, – сурово отозвалась Диана, – пока не наговорили чего-нибудь такого, о чем пожалеете.

Но Джек понимал, что уже поздно. Он уже показал свои козыри, и терять больше нечего.

– У меня есть имена, Диана. Есть видеоматериалы, спутниковые снимки, коды программного обеспечения, даты, места, свидетели. В моем распоряжении есть все, чтобы поставить это правительство на колени.

– На вашем месте я бы тщательно обдумала, что делать дальше.

– Как и я на вашем, – отрезал Джек, вынимая наушник и давая отбой.

Осушив фляжку с виски, швырнул ее на пол. «Да как смеет она разговаривать со мной подобным тоном? Партия не имеет права поворачиваться ко мне спиной после всего, чем я пожертвовал ради нее». Если его не примут обратно в ее лоно, то горько пожалеют.

Джек вождедел не только положения, но и сопутствующей ему возможности набивать карманы. Несмотря на усердные старания Хакера вычерпать его счета досуха, он был готов к чему-то подобному заранее. То, что Хакер раздал на потребу черни, составляло не более пятой части его совокупных богатств. Остальные 70 миллионов фунтов его состояния были припрятаны компаниями по управлению активами и венчурными капиталистами в надежных кубышках, включавших офшорные фискальные оазисы для укрывающихся от собственных правил хедж-фонды, трасты, зонтичные компании и непрозрачные холдинги. Он так и остался субъектом, владеющими сверхвысокими чистыми активами.

Изрядную часть состояния Джек сколотил в начале Дорожной революции, инвестируя в автопром и сопутствующие отрасли. Если этот противозаконный конфликт интересов всплывет на свет или будет разоблачен каким-либо иным образом, результатом станет пожизненное изгнание Джека из политики и приговор к весьма продолжительному сроку лишения свободы. Его уникальная позиция в продвижении билля в парламенте и убеждении общественности,

что автономные автомобили – беспроигрышная ставка, позволили ему выбирать компании для инвестиций на свой вкус. Производство асфальта, электронных дорожных знаков, изготовление графена, формовка управляемого глушеного стекла, программное обеспечение сонаров и лидаров – он был в каждой бочке затычка.

Но рентабельность производств не бесконечна, и в какой-то момент в будущем его дивиденды должны были пойти на спад. Джеку нужно было найти новые источники дохода, способные подкрепить его уже и без того значительное состояние. Идею ему подали Ноа Харрис со своим братцем Алексом.

Они работали в семейной фирме средней руки в Мидленде, на которую одна из зонтичных компаний Джека делала большую ставку. Его департамент должен был вот-вот заключить с ней многомиллионный контракт на разработку программного обеспечения и камер для автомобилей экстренных служб. Но когда до сведения Джека довели, что черный ход, служивший его сотрудникам для манипуляций с ИИ, обнаружен братьями Харрис, он мигом углядел свой шанс. И чуть ли не гордился выказанной ими дотошностью.

О назначении лазейки они не догадывались, знали лишь о ее существовании и возможности использовать для взлома. «А если ее не запечатать раз и навсегда, а оставить и после ее обнаружит кто-нибудь еще?» – рассуждал Джек. Как как повлияет на Дорожную революцию после того, как он рассыпался мелким бисером о невозможности проникновения в ИИ? Доверие масс будет подорвано. Однако им все равно потребуется автотранспорт, так что резонно предположить, что они вернутся к хорошо знакомым и проверенным автомобилям Первого, Второго и Третьего уровней. Спрос подскочит до небес.

Это совершенно новый потенциальный приток доходов. Цена акций бизнесов, поставляющих компоненты, стоящие на грани морального устаревания, уже падает по мере того, как эти автомобили мало-помалу выводят из эксплуатации, так что Джек решил ковать железо, пока не остыло, делая свои инвестиции. На черный ход поставили косметическую заплатку; а чтобы наказать братьев Харрис за их открытие, он тем временем продал свои акции их компании и принял меры, чтобы их контракт упорхнул за рубеж в Индию, что со временем привело к ее ликвидации.

А потом, устроившись поудобнее, стал ожидать неизбежного.

Сам день и тяжкая дань смертей и разрушений, взысканная Хакерами, застали его врасплох. Как и открытие, что стояли за этим как раз братья Харрис.

Джек принял всю ответственность на себя, позволив правительству считать себя козлом отпущения ради обеления властей в глазах общественности, но при этом прекрасно сознавал, что, когда дойдет до суда, надежные люди проплатят присяжным достаточно, чтобы гарантировать ему свободу. Репутации рушат и поднимают из руин сплошь и рядом, твердил он себе, и его собственная не исключение.

Джек пообещал себе не позволить неблагодарности заместительницы премьер-министра испортить ему день, открывающий новую главу его жизни.

– Музыка, – сказал он вслух. – Что-нибудь из Нины.

И пролистывал списки развлекательного центра, пока не нашел песню, отражающую его настроение лучше всего. Мгновение спустя переливчатый тембр Нины Симон поведал о новом рассвете, новом дне и новой жизни. Настроение самое что ни на есть подходящее, подумал он. Глаза на миг наполнились слезами, и Джек смахнул их, не дав пролиться.

Он заметил, что его автомобиль доехал до М4, лишь когда водитель знаками показал, что они съезжают на обочину дороги к Хитроу. Телохранитель перехватил взгляд Джека, когда тот постучал пальцем по уху, и, кивнув, перекинулся несколькими словами с водителем. Приглушив музыку, Джек включил интерком:

– Какие-то проблемы, Марлон?

Прежде чем тот успел ответить, Джек заметил, как машина впереди с двумя другими членами его команды безопасности съезжает на обочину. Автомобиль Джека последовал за ней.

– Марлон! – повторил он, но ответа не дождался. Должно быть, система связи неисправна, подумал Джек. Нажал на кнопку, чтобы опустить перегородку, но ничего не произошло. Постучал костяшками по стеклу, прежде чем сообразил, что оно полностью звуконепроницаемо. Обернувшись, увидел, как третий автомобиль, шедший следом, тоже останавливается.

Брови у Джека полезли на лоб, когда водитель и телохранитель выбрались из машины и направились к своим коллегам из обоих автомобилей сопровождения, покинув его в авто в одиночестве. Потом, даже не обернувшись, чтобы поглядеть на Джека, все семеро зашагали через дорогу. Джек взялся за ручку двери, но та не поддавалась.

Нервы молнией прошила паника.

– Что происходит? – вслух спросил он. Заколотил кулаками в окно, но тщетно. Телефон тоже не мог поймать сигнал. Джек растерянно смотрел, как его команда забирается в припаркованный белый фургон и уезжает. Затем, когда все три авто, теперь совершенно беспилотные, тронулись сами по себе, Джек почувствовал себя предельно беспомощным.

Он сидел посередине заднего сиденья, уставившись на автомобиль впереди. Сбылись худшие опасения. Он больше не рулит своей судьбой. Потом, без всякого предупреждения, передний автомобиль взорвался, обратившись в огненный шар. Джек едва мог поверить собственным глазам.

– Нет! – выдохнул. Его авто, включив правый поворотник, медленно пошло на обгон пылающего автомобиля – небрежно, словно объезжая велосипедиста. Прижав лицо к стеклу, Джек беспомощно смотрел, как красно-черные языки пламени вырываются из окон, лижут крышу и капот плавно останавливающейся машины. Стремительно обернулся к заднему стеклу, провожая ее взглядом, пока она не скрылась вдали.

– День добрый, Джек.

Голос, раздавшийся из динамиков, напугал его до полусмерти. Джек мигом его узнал. Хакер.

– Вероятно, ты обратил внимание, что твой автомобиль больше не находится под твоим управлением. Отныне и впредь твое место назначения определяю я.

Слова застряли в горле у Джека, и он не сразу сумел выдать ответ.

– Кто... кто вы?

– Я думал, это достаточно очевидно. Мы – те, кого твой барристер именовал на протяжении твоего судебного процесса Хакерским коллективом.

– Чего вам от меня надо?

– В данный момент это роли не играет. В текущее время тебе необходимо знать лишь одно: через два часа тридцать минут ты с большой вероятностью будешь мертв.

Под горло подкатил кислый вкус рвоты. Кровь прихлынула к коже Джека, вызвав ощущение жара, но прошибла его холодной испариной.

Мало-помалу музыка вернулась; громкость нарастала все больше и больше вопреки отчаянным попыткам Джека выключить развлекательный центр и прояснить голову, чтобы сформулировать план. Он врезал по экрану кулаком, однако ничего не произошло, и выбранная им песня снова зазвучала с самого начала.

Но на сей раз, когда Нина Симон запела о том, как ей хорошо, Джек ее чувств больше не разделял.

Глава 70

**болто -
лог!**

Популярные сообщения: 001.

Что творится с этой тачкой?

Опубликовано 1 минуту назад

ЛучСвета: Кто-нить зырит «Инстаграм ТВ»? Богом клянись, там транслируют, как этот вонючий хрен парламента Ларссон психует в зад машины.

ВАМПФАТУМ: Вроде бы он, но этого быть не может, а?

ЛучСвета: ОХРЕНЕТЬ! МАШИНА ПЕРЕД НИМ ТОЛЬКО ЧТО ВЗОРВАЛАСЬ!!!!

ВАМПФАТУМ: Братан, это ж не по правде, да?

ЛучСвета: ЧЕЛ, ТЫ ЧЁ, НЕ ВИДАЛ, ЧТО БЫЛО ТОЛЬКО ЧТО? ЭТО ЗАВАРИЛОСЬ ПО НОВОЙ!!!! БУДЕТ ПРОСТО УЛЁТ!

Благодарности

Для этого романа потребовалось куда больше изысканий, чем для любой другой моей книги на сегодняшний день, и изрядную их часть взял на себя Джон Рассел. Так что прежде всего – спасибо, Джей-Эр, за все твои труды. Без твоей дотошности и внимания к деталям на это ушло бы куда больше времени. Спасибо и моей маме Пэм за ее неустанную поддержку, и моему псу Оскару, фигурирующему в каждой из моих книг на сегодняшний день. Приношу извинения за превращение на сей раз из бордер-терьера в померанца, Ос.

Мне также хочется принести огромную благодарность команде «Ибьюри». Моему редактору и Главному Пингвину²⁵ Джиллиан Грин за то, что поверила в повествование (хоть и поурезала «недолго и несчастливо»); и Малому Пингвину Стефени Ноллс за ее постоянную креативность и светлые идеи. Спасибо также всем, кто работал над этой книгой и «The One. Единственный», в том числе Тесс Хендерсон, Бетани Вуд, Кэти Симен, Ри Ширвингтон, Элис Лэтам и Донне Хилльер, а также всем остальным, слишком многочисленным, чтобы упомянуть, но не менее талантливым. И, конечно, спасибо бывшему Большому Пингвину – Эмили Яу – за идею и за то, что отправила меня в это безумное путешествие.

Я хотел бы выразить публичную благодарность моим коллегам-писателям Луизе Бич, Эне Шарплс²⁶ литературного мира, служившей мне референтным слушателем, и Даррену О'Салливану за всю переписку за последний год. Благодарю также Кару Хантер, Рэндили Кенди и Джо Эдвардса, К. Дж. Скъюз и вечно утомительную Клер Аллен за множество передышек от писанины, обеспеченных нашими твитами.

Ни одна моя книга не была бы столь удачной без персонажа по имени Трейси Фентон. Трейси и команда THE book Club в «Фейсбуке» поддерживали меня с самого начала моей писательской карьеры. Спасибо за прокладку курса этого изумительного путешествия. Также благодарю Венди Кларк и членов The Fiction Café; Би Джонс, Lost In A Good Book и UK Crime Book Club. И также выражаю благодарность бесчисленным блогерам, многие из которых хостили меня во время моих блог-турне. Спасибо вам, что так поддерживаете авторов. Вы делаете фантастическую работу, вкалывая за ничтожную – а чаще вообще без какой бы то ни было – плату, просто потому, что любите читать. Вы не всегда удостоиваетесь признания, которого заслуживаете.

Огромная признательность причитается моей королеве соцсетей Пиппе Акрам из @Social_Pip за ее бесценные разъяснения о намечающемся будущем социальных сетей; Дженни Нотт, а также автору Дэвиду Керригану. Его книга Life As A Passenger – идеальное дополнительное чтение для всякого, кого интересует будущее беспилотных автомобилей.

А также аплодисменты Мэнди Браун, Даниэль Граф, Джо Эдвардсу, Рейчел Коклин и Нив Лэниган Боннер.

Чтобы проверить себя и принимать этические решения о том, что должна сделать машина в случае столкновения, посетите веб-сайт moralmachine.mit.edu

И наконец, спасибо вам, всем и каждому из вас, за то, что взяли или загрузили эту книгу. Вы даже не представляете, как я благодарен вам за то, что позволяете мне продолжать эту карьеру.

²⁵ Здесь автор обыгрывает название издательства «Пингвин Рэндом хауз».

²⁶ Вымышленная героиня британской мыльной оперы ITV «Улица коронации» – упорная и бескомпромиссная хранительница нравственных ценностей.